This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

БИБЛІОТЕКА
ТОМСКАГО
ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ.
№

722.
Janzhul, I. I.
Я. 61.

И. и Е. ЯНЖУЛЪ.

ЧАСЫ ДОСУГА

ОЧЕРКИ и КАРТИНКИ

ПО

ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ, ОБЩЕСТВЕННЫМЪ и ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

8737/7-40

БИБЛІОТЕКА
ТОМСКАГО
ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ.
№

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. МАМОНТОВА
1896

H33
I2

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Константину Степановичу

ВЕСЕЛОВСКОМУ

въ знакъ глубокаго уваженія и искренной симпатіи

ОБОИХЪ АВТОРОВЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляетъ собою сборникъ очерковъ, принадлежащихъ какъ моему перу, такъ и моей жены и помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ, газетахъ и благотворительныхъ сборникахъ, а также и собраніе картинокъ или бѣглыхъ описаній американской жизни и Всемірной Выставки, напечатанныхъ, за исключеніемъ послѣдняго очерка (объ американской прессѣ), лѣтомъ 1893 года въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ [1]).

Цѣль изданія двоякая: прежде всего авторы считаютъ дѣломъ полезнымъ, въ интересахъ публики, сохранить отъ забвенія настоящіе очерки, разбросанные на пространствѣ двѣнадцати лѣтъ въ старыхъ журналахъ, а потому и мало доступные, хотя и далеко не потерявшіе своего значенія, или практическаго смысла еще и понынѣ.

---

[1]) Женѣ моей—Е. Н. Янжулъ принадлежитъ здѣсь всецѣло авторство трехъ слѣдующихъ очерковъ: № 9 (Части I.) «Вліяніе грамотности на производительность труда», №№ 3 и 6 (Части II) «Американскія женщины» и «Современное поклоненіе деревьямъ». Кромѣ того, всѣ остальныя «Письма изъ Америки», при совмѣстномъ путешествіи и наблюденіяхъ, писались нами большею частію сообща, а потому и авторство, по справедливости, должно считаться общимъ. Добавлю къ этому, что одинъ изъ указанныхъ очерковъ, принадлежащихъ ей, а именно «Вліяніе грамотности и пр.»—значительно расширенъ и увеличенъ.

Затѣмъ другая цѣль—вполнѣ личная: очерки или статьи, которые приходится писать въ *часы досуга* съ выборомъ и лишь какъ добавленіе къ своему главному дѣлу, всегда особенно дороги каждому автору по личнымъ воспоминаніямъ, которыя могутъ быть съ ними связаны: одинъ изъ предлагаемыхъ здѣсь очерковъ, напримѣръ, послужилъ косвеннымъ поводомъ для знакомства, которымъ весьма дорожимъ, съ однимъ изъ нашихъ выдающихся писателей; другой очеркъ напоминаетъ то сравнительно недавнее, но дорогое прошлое, когда мнѣ пришлось посвятить всю свою энергію и питать благія мечтанія о правильной постановкѣ у насъ фабричнаго труда.....; третій очеркъ приводитъ невольно на память поѣздку въ нашу окраину, ознакомленіе съ тамошнимъ своеобразнымъ бытомъ, языкомъ, литературой и пр.; вся вторая часть книги, наконецъ, возстановляетъ для насъ недавно видѣнныя живыя картины американскаго путешествія и великой Чикагской Выставки и т. д. и т. д. Десять очерковъ, помѣщенныхъ въ первой части книги, были напечатаны за разное время въ *семи* различныхъ изданіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже достать нынѣ трудно: если намъ пріятно собрать вокругъ себя старыхъ друзей, разбросанныхъ по разнымъ краямъ, то едва ли менѣе доставляетъ автору удовольствія—свои писанія, затерянныя долго въ дебряхъ старыхъ журналовъ и забытыхъ сборниковъ, и съ которыми неразрывно связаны многія дорогія воспоминанія прошедшей жизни,—видѣть наконецъ собранными во едино, въ видѣ книги.....

Иванъ Янжулъ.

Москва 1895 г.
15 Декабря.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Посвященіе III
Предисловіе V

Часть I. Очерки по разнымъ вопросамъ:

1. Искусство писательства. 3
2. Изъ психологіи народовъ 20
3. Вліяніе европейскихъ финансовыхъ учрежденій на экономическое положеніе первобытныхъ народовъ 57
4. Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности 80
5. Фабричный рабочій въ средней Россіи и Царствѣ Польскомъ. . . 94
6. Что дѣлаютъ англичане для своихъ переселенцевъ? 125
7. Музеи промышленныхъ образцовъ 155
8. Финляндскій фабричный законъ 1889 г. 173
9. Вліяніе грамотности на производительность труда 186
10. Нужна ли намъ литературная конвенція 200

Часть II. Американскіе очерки и картинки:

1. Письма изъ Америки: Переѣздъ черезъ океанъ 227
2. Письма изъ Америки: Первыя впечатлѣнія 240
3. Письма изъ Америки: Американскія женщины. 256
4. Письма изъ Америки: Американское министерство земледѣлія. (Посѣщеніе Вашингтона). 268
5. Письма изъ Америки: Чикаго и Всемірная Выставка 276
6. Письма изъ Америки: Современное поклоненіе деревьямъ. (Праздникъ деревьевъ въ Нью-Іоркѣ) 324
7. Американская ежедневная пресса, ея обычаи и нравы 331

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОЧЕРКИ ПО РАЗНЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

Искусство писательства.

Въ послѣднее время весьма распространился новый пріемъ изслѣдованія посредствомъ циркулярнаго обращенія съ вопросами по тѣмъ или инымъ пунктамъ къ разнымъ лицамъ и затѣмъ окончательная разработка или обсужденіе избранныхъ темъ происходитъ уже на основаніи полученныхъ такимъ образомъ корреспонденцій. Къ этому именно пріему обратился англійскій писатель Джоржъ Бентонъ, чтобы собрать свѣдѣнія въ интересахъ, какъ онъ говоритъ, „начинающихъ авторовъ“ по весьма любопытному и трудному предмету—объ „искусствѣ писательства“ и спеціально объ искусствѣ выработки стиля или хорошаго языка писателемъ *).

Работа эта тянулась не мало лѣтъ, какъ видно изъ приводимаго авторомъ матеріала, такъ-какъ часть корреспонденцій принадлежитъ уже умершимъ литераторамъ. Бентонъ обратился съ письмами къ нѣсколькимъ сотнямъ лицъ изъ ученаго и литературнаго міра Англіи, Америки и континента съ вопросами по данному предмету и сгруппировалъ вмѣстѣ отвѣты 176 литераторовъ и ученыхъ разныхъ спеціальностей и различной величины, начиная съ писателей и писательницъ дѣтскихъ или народныхъ книгъ и кончая крупными именами по исторіи, философіи и разнымъ отраслямъ естествознанія. Единственный общій признакъ, которымъ, повидимому, руководствовался Бен-

*) The Art of Authorship, Literary Reminiscences, Methods of Work, and Advice to Young Beginners, Personally Contributed by Leading Authors of the Day. By George Bainton. London. 1890.

тонъ, заключался въ извѣстности всѣхъ этихъ писателей своимъ хорошимъ языкомъ или стилемъ.

Къ сожалѣнію, Бентонъ не сообщаетъ въ своей книгѣ копіи своего циркулярнаго посланія, почему о содержаніи его писемъ можно судить только по отвѣтамъ. Преимущественно корреспондентами являются, конечно, англійскіе и также американскіе писатели, но встрѣчаются и нѣсколько французскихъ и нѣмецкихъ (Тэнъ, Ренанъ, Лавелэ, Геккель и др.). Отвѣты въ такой-же степени своеобразны, какъ и ихъ авторы. Нѣкоторые, и къ сожалѣнію, отъ весьма интересныхъ лицъ, чрезвычайно кратки и заключаются всего въ нѣсколькихъ строчкахъ; другіе-же, наоборотъ, черезчуръ подробны и содержатъ въ себѣ чуть не цѣлую біографію лица и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ авторъ сдѣлался литераторомъ. Чаще всего подробные отвѣты встрѣчаются, конечно, отъ писателей малоизвѣстныхъ, видимо польщенныхъ обращеніемъ къ нимъ.

Этимъ путемъ Бентонъ получилъ въ результатѣ весьма значительный и любопытный матеріалъ, но, къ сожалѣнію, не съумѣлъ съ нимъ справиться и его разработать, и съ свойственной англичанамъ, обратно съ нѣмцами, слабостью систематизаціи, онъ размѣстилъ сотни писемъ безъ всякаго порядка, по совершенно случайнымъ внѣшнимъ признакамъ. Онъ разбилъ книгу вполнѣ произвольно, ничѣмъ положительно не руководствуясь, на шесть главъ съ слѣдующими заглавіями, но безъ всякой нумераціи: „Хорошій языкъ является-ли природнымъ даромъ, или искусствомъ?“; „Методы выработки языка сознательны или несознательны?“; „Вліяніе чтенія на литературный стиль“; „Сила простоты“; „Протестъ противъ темноты и неясности“; „Вѣрность самому себѣ (оригинальность)“. Всѣ отвѣты Бентонъ раздѣлилъ по этимъ шести главамъ, смотря по тому, на который изъ шести пунктовъ корреспондентъ обращаетъ наибольшее вниманіе, или къ которому письмо больше подходитъ, вслѣдствіе чего, при отсутствіи единой программы, и трудно сдѣлать какіе-либо общіе выводы; поэтому, вѣроятно, авторъ отъ нихъ и отказался, ограничившись двумя-тремя неважными обобщеніями, брошенными мимоходомъ.

Но этотъ недостатокъ не лишаетъ тѣмъ не менѣе трудъ Бентона значительной цѣнности: многія изъ писемъ къ нему

отъ разныхъ европейскихъ знаменитостей, которымъ въ первый разъ, можетъ быть, пришлось отдавать себѣ отчетъ о свойствахъ своего стиля и его образованіи, являются уже сами по себѣ въ высшей степени любопытными. Нѣкоторыя лица притомъ, видимо, смѣшиваютъ въ отвѣтахъ самое „искусство писательства“, въ смыслѣ „сочинительства“, со способностью хорошо и плавно излагать свои мысли стихами или прозой, изустно или письменно, а потому и толкуютъ въ своихъ отвѣтахъ больше объ условіяхъ или воздѣйствіяхъ, вызвавшихъ появленіе на свѣтъ у нихъ этихъ талантовъ, нежели объ ихъ внѣшнемъ выраженіи—хорошемъ стилѣ или языкѣ.

На вопросъ, исключительно разбираемый въ первой главѣ, получилось отъ всѣхъ корреспондентовъ почти единогласное рѣшеніе: что хорошій языкъ, какъ и самый талантъ писательства, составляетъ прирожденный даръ человѣка, который, по мнѣнію большинства, можно развить, напримѣръ, упражненіемъ, а также чтеніемъ, но отнюдь не вызвать у того человѣка, который этого дара лишенъ отъ природы. Другіе-же корреспонденты такъ тѣсно связываютъ, сливаютъ этотъ даръ со всей личностью и развитіемъ человѣка, что не считаютъ возможнымъ и желательнымъ думать или заботиться спеціально о данной сторонѣ писательской дѣятельности. Изъ множества лицъ, мнѣнія которыхъ приводятся по трактуемому вопросу, весьма характерны отвѣты знаменитыхъ натуралистовъ Гексли, Тиндаля и Геккеля.

Профессоръ Гексли въ такихъ рѣшительныхъ словахъ выражаетъ свой взглядъ на этотъ предметъ: „Я никогда, отвѣчаетъ онъ Бентону, не имѣлъ счастія или несчастія получать какое либо руководительство или обученіе въ искусствѣ писательства или сочинительства на англійскомъ языкѣ; весьма возможно, что по этой причинѣ я всегда оставался глухъ къ избитому совѣту: „изучайте хорошіе образцы“, „отдавайте ваши дни и ночи на изученіе Аддисона и т. п.“ Бюффонъ сказалъ: „Le style c'est l'homme“, и по моему мнѣнію, это совершенно вѣрно: у каждаго человѣка долженъ быть свой собственный стиль. Долгъ молодого писателя не обезьянничать Аддисона или Дэфо, Гоббса или Гиббона, но создать свой собственный стиль, какъ и эти писатели его создали. Они сдѣлались вели-

кими писателями, во-первыхъ, потому, что путемъ ученія и мышленія пріобрѣли ясное и отчетливое понятіе о тѣхъ или иныхъ предметахъ; во-вторыхъ, потому, что они вложили большую заботу для тщательнаго выраженія этихъ понятій языкомъ, наиболѣе точно передающимъ ихъ уму другихъ людей; въ третьихъ, потому, что они владѣли чисто-артистическимъ чувствомъ прекраснаго и чувствомъ мѣры, что дало имъ возможность прибавить грацію къ силѣ, и оставаясь вѣрными истинѣ, подчинить точность красотѣ"... „Если мой языкъ, пишетъ далѣе Гексли, представляетъ какія-либо достоинства, то это слѣдуетъ приписать лишь тому факту, что я постепенно пришелъ къ убѣжденію въ необходимости трехъ условій хорошаго писанія, указанныхъ выше. Я учился не щадить труда на процессъ пріобрѣтенія ясныхъ идей и не жалѣлъ переписывать страницу по четыре или по пяти разъ, чтобы выразить словами совершенно точно, что̀ я думаю и ничего болѣе того, и привыкъ смотрѣть на всякія риторическія прикрасы, какъ на самый важный и постыдный изъ всѣхъ литературныхъ грѣховъ. Поэтому всякій, кто владѣетъ достаточно ясной головой и ясно сознаетъ предметъ писательства, тотъ при маломъ трудѣ выполнитъ первыя два условія хорошаго стиля. Что-же касается третьяго условія, то оно зависитъ не отъ труда и не отъ добросовѣстности, а отъ прирожденнаго, такъ сказать, артистическаго чутья и никоимъ образомъ не можетъ быть пріобрѣтено тѣмъ лицомъ, у котораго этотъ даръ не является природнымъ".

Знаменитый физикъ Джонъ Тиндаль такъ отвѣчаетъ Бентону на его запросы: „Эмерсонъ замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что существуютъ пріемы (методы) въ математикѣ, которые не передаваемы, и точно также было бы крайне труднымъ, если не невозможнымъ дѣломъ объяснить вамъ, какъ я достигъ того совершенства стиля, о которомъ вы выражаетесь такъ лестно въ своемъ письмѣ. Думать ясно — является первымъ условіемъ въ данномъ случаѣ, и хотя по этому поводу мои друзья и утверждаютъ противное, я въ дѣйствительности обдумываю все очень медленно. Моей ближайшей задачей является въ этомъ случаѣ изложить письменно съ ясностью все, что я думаю; но ясность сама по себѣ еще недостаточна, чтобъ

создать хорошій стиль, и здѣсь мы приходимъ именно къ такой части предмета, которая совершенно непередаваема. Хорошее ухо, здравое сужденіе и знаніе въ совершенствѣ англійской грамматики — все это вмѣстѣ способствуетъ данной цѣли. Но въ то же время, однако, оборотъ предложенія или даже самое построеніе предложеній иногда такъ внезапно озаритъ умъ, что даже невозможно описать способъ, какъ это произошло". Далѣе Тиндаль приходитъ къ заключенію, что онъ всегда имѣлъ природное дарованіе къ хорошему стилю, понимая подъ этимъ способность наслаждаться и оцѣнивать его, когда приходилось встрѣчать подобные образцы. Кромѣ того, обратно съ Гёкели, онъ добавляетъ, что изучалъ въ школѣ риторику и нашелъ ее весьма для себя полезной.

Извѣстный нѣмецкій эволюціонистъ Геккель отвѣтилъ на вопросы Бентона весьма сжато и немногословно. Онъ рѣшительно выражаетъ мнѣніе, что дѣло заключается главнымъ образомъ въ природномъ талантѣ, добавляя, впрочемъ, что онъ лично съ ранней юности старался излагать свои мысли въ наиболѣе ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ. „Я не получилъ, пишетъ онъ, спеціальнаго литературнаго образованія и никогда не заботился объ изящномъ языкѣ въ своихъ произведеніяхъ, и даже никогда не читалъ много, большею частію Гёте, Лессинга, Гумбольдта, Шлейдена, Гёкели и Дарвина". „Я всегда, заключаетъ онъ,—наклоненъ признавать природу, какъ первую и лучшую во всемъ наставницу".

Огромное число ученыхъ и литературныхъ корреспондентовъ Бентона на всѣ лады продолжаютъ развивать ту же мысль, что хорошій стиль является по преимуществу результатомъ прирожденнаго таланта и находится въ тѣсной связи съ общей даровитостью писателя, хотя могутъ быть и исключенія, гдѣ писатели замѣчательнаго таланта отличаются дурнымъ языкомъ, и обратно. Поэтому извѣстный авторъ многочисленныхъ произведеній для юношества и народа Самуилъ Смайльсъ рѣшительно нападаетъ на преувеличенное будто-бы значеніе стиля или языка для достоинства писателя: „Стиль Канта, Бентама и Карлейля ужасенъ (отвратителенъ) и однако, произведенія этихъ людей долго переживутъ сочиненія Тэппера и Диксона, авторы которыхъ гордятся своимъ стилемъ. Великій писатель

будетъ жить содержаніемъ своего творенія, а не формой. Сидней Смитъ совершенно вѣрно замѣтилъ, говоритъ Смайльсъ,— что всякій стиль хорошъ, кромѣ скучнаго (?). Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что стиль писателя составляетъ вѣрное изображеніе его души. Если онъ желаетъ обладать яснымъ стилемъ, онъ долженъ и мыслить ясно".

Американскій эссеистъ Гиггинсонъ не только признаетъ, какъ и всѣ, литературный талантъ даромъ природы, но настаиваетъ на своемъ личномъ примѣрѣ и другихъ наблюденіяхъ, что этотъ даръ, какъ и многіе другіе, подлежитъ законамъ наслѣдственности, и во многихъ семействахъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, принадлежавшихъ къ литературѣ, способность къ писательству сказывается едва ли не съ ранняго дѣтства.

Ту же самую наслѣдственность считаютъ источникомъ литературныхъ талантовъ на многихъ примѣрахъ—англійскій писатель Джоржъ Армстронгъ и норвежскій поэтъ Бойзенъ, длинное письмо котораго приводится въ книгѣ Бентона.

Наконецъ, многіе писатели если не самый свой талантъ, то развитіе его и стиль приписываютъ въ значительной степени благотворному вліянію въ дѣтскомъ возрастѣ—матери. Это говорятъ, напримѣръ, о себѣ американскій писатель Эдмундъ Стэдманъ, Августъ Гэръ, извѣстный романистъ Маріонъ Кроуфордъ, Шортгаузъ и др. „Легкостью, отвѣчаетъ, напримѣръ, Бентону Кроуфордъ,—съ которой я пишу по-англійски, я обязанъ всецѣло моей матери, которая пишетъ превосходно, хотя никогда ничего не напечатала. Ея письма, еще съ тѣхъ поръ, какъ я былъ на школьной скамьѣ, производили на меня всегда сильнѣйшее впечатлѣніе и служили образцомъ для подражанія въ смыслѣ стиля".

Вторая глава въ книгѣ Бентона содержитъ продолженіе писемъ отъ разныхъ лицъ, толкующихъ, между прочимъ, о сознательности или несознательности въ подготовкѣ автора къ его писательской профессіи. Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, получается довольно единодушное большинство. Значительная часть литераторовъ вовсе и не думала вырабатывать у себя хорошій стиль и ни къ какимъ спеціальнымъ для того средствамъ не прибѣгали. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ отвѣтахъ можно подмѣтить одно: лишь многіе годы серьезнаго и упорнаго труда

создаютъ человѣку писательское положеніе и прочную извѣстность. Во всѣхъ приводимыхъ біографическихъ сообщеніяхъ почти одинаково заявляется о сильной съ дѣтства любви къ чтенію и о значеніи въ этомъ случаѣ удобнаго доступа къ той или иной библіотекѣ. Американскіе писатели: Уоллесъ, авторъ громкаго романа „Ben-Hur“ (переведеннаго на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Во время оно“), всѣмъ извѣстный Брэтъ Гартъ, остроумный юмористъ Маркъ Туэнъ одинаково отрицаютъ всякую сознательность въ выработкѣ своего стиля.

Брэтъ Гартъ, котораго дѣтство прошло въ борьбѣ съ нуждой, а писательская дѣятельность началась съ работы наборщика, утверждаетъ, что въ дни своей юности ему пришлось быть даже наборщикомъ и издателемъ собственной газеты въ одно и то же время и что онъ выработалъ себѣ сжатый слогъ, благодаря этому рѣдкому и странному обстоятельству. Желаніе сберечь руки отъ лишней работы заставляло его поневолѣ обращать вниманіе на лаконизмъ языка.

Г-жа Олифантъ, извѣстная романистка, разсказываетъ о себѣ, что она начала писать въ весьма раннемъ возрастѣ, безъ всякаго приготовленія и даже сознанія, что изъ этого писанія выйдетъ какой-либо прокъ, къ немалой забавѣ всего семейства, въ которомъ она выросла. Единственно, что м-ссъ Олифантъ сочла нужнымъ прибавить къ такому отвѣту о началѣ своей литературной дѣятельности, заключалось въ признаніи ея непреодолимой страсти съ столь же ранняго возраста къ чтенію: она прочитывала съ жадностью все, что попадалось ей въ руки.

Маркъ Туэнъ отказывается опредѣлить пріемы, съ помощью которыхъ онъ выработалъ свой слогъ, и ограничивается лишь выраженіемъ мнѣнія, что подготовка въ данномъ случаѣ исключительно несознательная, путемъ опыта, и заключается въ медленномъ и постепенномъ, безъ всякаго для себя отчета, развитіи вкуса, который выбираетъ или отбрасываетъ изъ рѣчи подходящія для того слова.

Но если въ огромномъ большинствѣ случаевъ и не имѣетъ мѣста сознательная и предварительная выработка языка, то отсюда отнюдь нельзя заключить, что изящное и привлекательное изложеніе дается людямъ даромъ. Крупный романистъ Уилки Коллинзъ, недавно умершій, въ письмѣ своемъ къ Бен-

тону описалъ весьма обстоятельно, съ какимъ трудомъ и усиліемъ достается ему тотъ простой, сильный и изящный языкъ, которымъ написаны его повѣсти и романы. „Процессъ, съ помощью котораго, пишетъ онъ, вырабатывается мой стиль, есть слѣдующій: трудъ дня, съ поправками, которыя въ немъ произойдутъ, пересматривается, во-первыхъ, обязательно на слѣдующій день и послѣ новыхъ исправленій отдается писцу; бѣловая рукопись, поступившая отъ переписчика, во второй разъ пересматривается, исправляется и уже затѣмъ только отсылается въ типографію. Корректурные листы пересматриваются и исправляются въ третій разъ и возвращаются въ типографію съ тѣми или иными передѣлками. Лишь послѣ четвертаго пересмотра и исправленія, я подписываю корректуру къ печати. Послѣ появленія въ журналѣ, мои повѣсти печатаются отдѣльными книгами и въ такомъ случаѣ пересматриваются и подвергаются измѣненіямъ въ пятый и послѣдній разъ“.

Одинаково съ Коллинзомъ длинный рядъ писателей точно также заявляетъ о той нелегкой предварительной работѣ, съ которой имъ достается хорошій слогъ. Франсисъ Гальтонъ, авторъ изслѣдованій о наслѣдственности, извѣстный также разскащикъ Грантъ Алленъ, довольно талантливая романистка м-съ Ритчи, дочь знаменитаго Теккерея, американскій новелистъ Юліанъ Готорнъ — всѣ одинаково распространяются о томъ „выглаживаніи“ (filing) слога и внѣшней отдѣлкѣ путемъ многочисленныхъ передѣлокъ, поправокъ и измѣненій, поглощающихъ много времени, которыми имъ приходится усердно заниматься, ради изящества изложенія въ своихъ произведеніяхъ. Гальтонъ, по его словамъ, переписываетъ каждую свою рукопись „много разъ“, исправляя по возможности больше. Грантъ Алленъ нетолько повѣсти, но даже свои газетныя статьи тщательно перечитываетъ и исправляетъ „по нѣскольку разъ“, прежде чѣмъ отдаетъ печатать. Готорнъ, по его словамъ, одну изъ своихъ повѣстей переписалъ семь разъ прежде печатанія. Г-жа Ритчи, начавшая писать довольно рано, еще при жизни своего знаменитаго отца Вилліама Теккерея, разсказываетъ, что отецъ ея всегда ей рекомендовалъ тщательно отдѣлывать языкъ, избѣгая, напримѣръ, насколько возможно, длинныхъ латинскихъ словъ, и показывалъ ей собственноручный

экземпляръ „Ньюкомовъ“, переписанный для этой цѣли, съ болѣе короткими и простыми словами, поставленными на мѣсто длинныхъ.

Совершенную противоположность въ данномъ случаѣ представляетъ англійская писательница, обладающая также весьма изящнымъ языкомъ, Луиза Мольсуортъ, которая никогда, напротивъ, не переписываетъ своихъ произведеній и даже настаиваетъ на цѣлесообразности такого авторскаго пріема. „Я пишу, говоритъ она, заразъ и прямо такъ, какъ я желаю, чтобы слова были расположены на бумагѣ. Образованіе предложеній является у меня трудомъ мозга, безъ всякой помощи и вида писанныхъ словъ. Я вѣрю, что это ведетъ къ большей точности мысли, и вѣрю также, что эта система придаетъ стилю свѣжесть и силу, не говоря уже объ уменьшеніи ручной работы. При писаніи съ намѣреніемъ переписывать работу, каждый наклоненъ разсуждать, что всякое неловкое предложеніе онъ исправитъ послѣ, въ результатѣ чего и получается неровное и негладкое изложеніе. Впрочемъ, сознается въ заключеніе г жа Мольсуортъ, я знаю многихъ писателей перваго ранга, которые несогласны со мной въ этой теоріи; такъ, укажу между прочимъ, автора „Джона Галифакса“ недавно умершую Дину Крэкъ. Я помню, она мнѣ говорила: „Чтобы отдѣлать главу въ совершенствѣ, я иногда переписывала ее болѣе четырнадцати разъ“. Тѣмъ не менѣе, заканчиваетъ г-жа Мольсуортъ, я настаиваю на высказанномъ мнѣніи, но рекомендую пріобрѣтать означенную привычку лишь въ молодости, при началѣ писательской дѣятельности“.

Многіе литераторы, наконецъ, приписываютъ хорошій стиль хорошему слуху и ставятъ въ зависимость отъ послѣдняго самый даръ изложенія. Такого мнѣнія держится, напримѣръ, Голль Кейнъ, который высказываетъ убѣжденіе, что „писатель долженъ имѣть природный слухъ въ отношеніи музыки словъ“. Извѣстный журналистъ Эдмундъ Іэтсъ пишетъ о себѣ, что онъ обладаетъ очень тонкимъ слухомъ ко всякому диссонансу, и откровенно сознается, что этотъ природный даръ весьма полезенъ ему при недостаточной школьной подготовкѣ въ правилахъ грамматики. Извѣстная путешественница, археологъ и египтологъ г-жа Амелія Эдвардсъ пишетъ Бентону по поводу

прекраснаго стиля своихъ произведеній, что она „вообще не имѣетъ много вѣры въ природные дары, но что, тѣмъ не менѣе, развитіемъ хорошаго слуха и черезъ то стиля считаетъ себя весьма обязанной основательному музыкальному образованію“. Исходя изъ такого значенія слуха для хорошаго языка, весьма многіе англійскіе авторы довольно единодушно рекомендуютъ юношеству и начинающимъ писателямъ чтеніе вслухъ образцовыхъ произведеній, какъ наилучшую подготовку и выработку стиля.

Послѣднее, т. е. совѣтъ возможно бо́льшаго чтенія образцовыхъ писателей, какъ изъ античныхъ классиковъ, такъ и позднѣйшаго времени, повторяется значительнымъ большинствомъ корреспондентовъ Бентона, составляя важнѣйшее содержаніе четырехъ главъ (начиная съ третьей) его книги Отсюда Бентонъ дѣлаетъ выводъ, что близкое знакомство съ наилучшими произведеніями можетъ разсматриваться какъ наиболѣе вѣрный способъ выработки хорошаго стиля. Власть надъ языкомъ и свободное управленіе имъ получаются лишь этимъ путемъ. На первомъ мѣстѣ Бентонъ приводитъ свидѣтельство по этому предмету извѣстнаго французскаго ученаго Эрнеста Ренана, дѣлая выдержки изъ его письма. „Лучшій отвѣтъ вамъ, пишетъ Ренанъ, можетъ быть самый короткій: чтобы писать хорошо, надо мыслить хорошо; не существуетъ искусства стилистики, отличной или отдѣльной отъ культуры ума и духа. Хорошій писатель подразумѣваетъ собой человѣка съ развитымъ умомъ, человѣка не только одареннаго здравымъ сужденіемъ, воображеніемъ и чувствомъ, но въ то же время и хорошо образованнаго. Внутреннія блестящія качества, напримѣръ, геніальность, даются природой; разнообразіе и богатство свѣдѣній, полнота знаній пріобрѣтаются обученіемъ. Такимъ образомъ, хорошее образованіе ума служитъ единственной школой и хорошаго стиля... Сдѣлайте, замѣчаетъ Ренанъ, вашихъ читателей сильными мыслителями, добросовѣстными учеными, и они сдѣлаются тогда хорошими писателями“... Другой извѣстный историкъ Тэнъ, прямо обращается къ постановкѣ средняго образованія у себя во Франціи и считаетъ наилучшей подготовкой для выработки стиля классическое образованіе. Подготовка, эта дополняется, по мнѣнію Тэна, прилежнымъ чтеніемъ, съ перомъ въ рукахъ,

великихъ писателей различныхъ странъ и можетъ научить юношество, какъ писать и говорить передъ публикой. Изъ образцовыхъ для того писателей онъ указываетъ, между прочимъ, у англичанъ — Маколея и Свифта, у французовъ — Паскаля и Поля Луи Курье.

Извѣстный англійскій поэтъ и ученый сэръ Эдвинъ Арнольдъ точно также рекомендуетъ классическую литературу, какъ средство выработки хорошаго языка, и выражаетъ мнѣніе, что „абсолютно никто не можетъ сдѣлаться образцомъ стиля безъ хорошаго знанія классиковъ". Кромѣ того, онъ полагаетъ, что для послѣдней цѣли необходимо имѣть хорошо развитую память и помнить наизусть лучшія произведенія, достойныя подражанія. „Я всегда имѣю при себѣ въ головѣ моихъ любимыхъ классиковъ, восточныхъ писателей, Шекспира и т. д." Такимъ же горячимъ приверженцемъ классиковъ является и англійскій драматургъ Германъ Мериваль, который прямо говоритъ, что своимъ прекраснымъ англійскимъ языкомъ онъ будто-бы обязанъ прежде всего близкому знакомству съ Гомеромъ и Геродотомъ, Софокломъ и Аристофаномъ, Горацiемъ и Ювеналомъ. Упомянутый уже нами романистъ Кроуфордъ точно также восхваляетъ пользу въ данномъ отношеніи классическихъ писателей, и заявляетъ, что послѣ объясненнаго уже вліянія своей матери, онъ признаетъ себя наиболѣе обязаннымъ хорошему знакомству въ самомъ раннемъ дѣтствѣ съ латинскимъ языкомъ, и что онъ считаетъ день потеряннымъ, если не прочтетъ нѣсколько страницъ любимыхъ классиковъ.

Другіе писатели, *составляющіе притомъ большинство*, не касаясь античныхъ классиковъ, рекомендуютъ ради достиженія той же цѣли изученіе новыхъ языковъ, переводы съ нихъ и чтеніе образцовыхъ писателей уже позднѣйшаго времени и современныхъ, иногда указывая спеціально тѣхъ или иныхъ любимыхъ ими авторовъ. Извѣстный натуралистъ сэръ Джонъ Лёббокъ пишетъ, напримѣръ, что нѣтъ лучшаго пути для образованія хорошаго стиля, какъ изученіе величайшихъ англійскихъ писателей. Бельгійскій экономистъ Эмиль Лавелэ такъ выражается по данному предмету: „Первое качество стиля, по моему мнѣнію, заключается въ ясной и точной передачѣ того, въ чемъ желаешь убѣдить или что передать читателямъ. Второе каче-

ство состоитъ въ употребленіи наиболѣе энергическихъ и хорошо подобранныхъ, выразительныхъ для каждаго понятія словъ, которыя наилучшимъ образомъ дѣйствовали бы на воображеніе, пробуждали вниманіе и запечатлѣвали мысль въ памяти". Эта цѣль, по словамъ Лавелэ, достигается чтеніемъ великихъ авторовъ и притомъ чтеніемъ съ перомъ въ рукахъ, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, и никакая литература, по его мнѣнію, не владѣетъ столькими образцами для такихъ упражненій, какъ именно англійская. Франція, впрочемъ, добавляетъ онъ, также имѣетъ прекрасныхъ для данной цѣли писателей, особенно XVII вѣка; нѣмцамъ, по его мнѣнію, недостаетъ ясности и движенія, а итальянскіе писатели слишкомъ расплывчаты. Историкъ Джоржъ Роулинсонъ прямо перечисляетъ лучшихъ, по его мнѣнію, авторовъ, которыхъ можно рекомендовать лицамъ, желающимъ выработать себѣ хорошій стиль, это именно Бэконъ, Локкъ, Юмъ, Беркли, Іеремія Тэйлоръ, Вальтеръ Скоттъ, Бульверъ, Теккерей, Рёскинъ, Фраудъ, причемъ совѣтуетъ имѣть постоянную практику въ писаніи, разумѣется, съ хорошей подготовкой въ грамматикѣ родного языка и болѣе всего избѣгать при писаніи длинныхъ предложеній. Другой извѣстный историкъ, Лекки, пишетъ, что онъ всегда очень заботился объ улучшеніи своего стиля и старался это сдѣлать посредствомъ возможно большаго чтенія наилучшихъ англійскихъ и французскихъ писателей, именъ которыхъ, впрочемъ, онъ не указываетъ. „Въ писаніи, говоритъ онъ, кромѣ того, какъ и въ музыкѣ, много зависитъ въ совершенствѣ стиля также и отъ совершенства слуха, а еще больше отъ идеала, который въ этомъ отношеніи себѣ поставитъ писатель. Онъ долженъ, думаю я, имѣть своею цѣлью достичь, во-первыхъ возможно большей простоты и въ то же время точности выраженія; во-вторыхъ, живости и силы; въ-третьихъ, сжатости языка. Послѣднія два качества большею частью смѣшиваются, потому что сжатость, ежели только она не приносится въ жертву ясности, является величайшей тайной силы выраженія"... „Авторъ долженъ, говоритъ Лекки далѣе, не писать ни одной фразы, которая не представляла бы его уму вполнѣ яснаго и опредѣленнаго значенія; долженъ стараться выбирать слова, точно, насколько возможно, выражающія его мысль, и долженъ вести непрестанную войну противъ

словоизліяній, плеоназмовъ, вульгарныхъ словъ и выраженій и условныхъ, ничего не значащихъ фразъ".

Эдинбургскій профессоръ Джонъ Стюартъ Блекки такимъ образомъ резюмируетъ свои мнѣнія по поводу образованія стиля: „Стиль зависитъ отъ трехъ вещей: 1) отъ свойствъ и силы ума; 2) отъ большаго или меньшаго знакомства съ лучшими авторами и 3) отъ ловкости употребленія словъ, пріобрѣтаемой лишь постоянной практикой, такъ точно, какъ мы выучиваемся говорить—говоря, ходить—ходя и танцовать—танцуя. Главная вещь въ писаніи—это составить себѣ ясныя и опредѣленныя идеи и затѣмъ выразить ихъ просто и безъ аффектаціи; это образуетъ то, что мы можемъ назвать основаніемъ хорошаго стиля. Затѣмъ нужно выучиться сообщать колоритность и образность выраженіямъ путемъ внутренней теплоты и не только обдуманныхъ, но и прочувствованныхъ идей. Музыка словъ и размѣръ предложеній является уже вопросомъ, который зависитъ отъ уха. Болѣе всего надо помнить, что слѣдуетъ тщательно избѣгать монотонности въ формѣ предложеній. Разнообразіе ихъ означаетъ богатство и всегда нравится читателю. Точно также нужно стараться пріобрѣсти и сжатость языка, возможно избѣгая длинныхъ, распущенныхъ, дурно склеенныхъ предложеній, безцѣльно уснащающихъ рѣчь. Но трудно дать, кончаетъ онъ, совѣтъ въ этомъ дѣлѣ. Каждый человѣкъ долженъ имѣть свой собственный стиль, какъ онъ имѣетъ свое собственное лицо и свои черты".

Хорошо извѣстный нашей публикѣ по многочисленнымъ переводамъ даровитый англійскій романистъ Уилліамъ Блэкъ выражается по поводу послѣдняго пункта еще рѣшительнѣй, чѣмъ эдинбургскій ученый. „Въ подобномъ дѣлѣ, говоритъ онъ, я не воображаю, чтобъ чей-нибудь опытъ могъ быть полезенъ другому лицу. Если молодые люди желаютъ пріобрѣсти искусство писать по-англійски просто и естественно, имъ навѣрняка можно рекомендовать образцовыхъ мастеровъ нашего языка—Тениссона и Теккерея, и затѣмъ непрестанную практику... Но если они имѣютъ честолюбивое желаніе войти въ переполненные ряды литературной профессіи, то будетъ истинно добрымъ дѣломъ посовѣтовать имъ остаться такъ, какъ они есть, не двигаясь дальше".

Ограничимся приведенными выдержками изъ книги Бентона. Изъ многочисленныхъ писемъ мы выбрали, конечно, лишь весьма немногія, или отъ лицъ хорошо извѣстныхъ русской публикѣ, а потому для нея интересныхъ, или же изъ писемъ своехарактерныхъ и любопытныхъ по своему собственному содержанію. Трудно сдѣлать какіе-нибудь выводы относительно предмета обсужденія изъ всѣхъ этихъ корреспонденцій; да и самъ Бентонъ, какъ мы говорили, отказался отъ этой попытки. Разнообразіе мнѣній, часто большая неточность выраженій, несмотря на безпрестанныя повторенія о необходимости точнаго языка для литератора,—все это лишаетъ возможности подвести какіе-либо опредѣленные итоги этому изслѣдованію. Но если не гнаться за большою точностью и признать мнѣніе большинства за наиболѣе близкое къ истинѣ, то изъ книги Бентона можно сдѣлать слѣдующія заключенія, поучительныя для молодыхъ, начинающихъ авторовъ.

1) Хорошій стиль составляетъ прежде всего природный даръ, и если лицо совершенно лишено этого таланта, а по роду литературы стиль является существенно необходимымъ для успѣха, то такому начинающему можно лишь посовѣтовать покинуть литературное поприще. Исключительно лишь крупные научные или литературные таланты (вродѣ Бентама и Карлейля у англичанъ, проф. Мендѣлѣева *) у насъ) и при такомъ недостаткѣ могутъ, пренебрегая языкомъ, расчитывать на успѣхъ.

2) Огромное большинство писателей, какъ видно изъ книги Бентона, не расчитывая однако, на одно природное дарованіе, вырабатываетъ свой талантъ и стиль упорнымъ и непрестаннымъ трудомъ прежде и послѣ начала своей литературной дѣятельности: изученіемъ иностранныхъ языковъ древнихъ и новыхъ, долголѣтнимъ внимательнымъ чтеніемъ образцовыхъ и классическихъ произведеній, и, наконецъ (какъ опять-таки видно изъ многихъ корреспонденцій у Бентона), большинство стремится къ той же цѣли непрестанной практикой писанія, не въ профессіональныхъ лишь видахъ, но именно въ интересахъ само-

*) Здѣсь разумѣются, конечно, литературныя статьи знаменитаго химика, преимущественно по тарифному вопросу.

образованія и усовершенствованія. Короче, выражаясь фигурально, современная Минерва, обратно съ древней, выходитъ изъ головы Юпитера отнюдь не въ полномъ убранствѣ, а нагая и зарабатываетъ свое одѣяніе и оружіе лишь упорнымъ трудомъ долголѣтняго изученія дѣла.

3) Изъ всѣхъ сотенъ писемъ у Бентона бросается въ глаза замѣчательный фактъ, что всего лишь однажды (у американскаго писателя Эдварда Геля) указывается на то прямое вліяніе, которое можетъ имѣть отецъ на образованіе литературнаго таланта своихъ дѣтей. Между тѣмъ непосредственное воздѣйствіе въ этомъ отношеніи образованныхъ матерей, хотя бы вовсе не писательницъ по своему занятію (какъ мы видѣли относительно м-ссъ Кроуфордъ), указывается нѣсколько разъ и подчеркивается притомъ съ особой настойчивостью весьма не малымъ количествомъ авторовъ разнаго рода. Такимъ образомъ, мать является тѣмъ лицомъ, которое можетъ не только научить писать, но и заронить Божью искру въ юную душу будущаго писателя или ученаго и положить основаніе всей его будущей дѣятельности этого рода. Серьезная постановка, слѣдовательно, женскаго образованія является тѣмъ могучимъ рычагомъ, который можетъ поднять для грядущихъ поколѣній науку и литературу. Расширьте, укрѣпите, поставьте на болѣе солидную ногу женское образованіе, и тогда ждите плодотворныхъ результатовъ уже отъ ближайшаго затѣмъ поколѣнія.

4) Наконецъ, если по поводу данныхъ, собранныхъ Бентономъ относительно „писательскаго искусства“ на западѣ, обратиться къ вопросу о „стилѣ“ нашихъ русскихъ литераторовъ и ученыхъ, то нельзя не придти къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ. Богатство, сила, выразительность и гибкость русскаго языка признается единогласно всѣми, и между тѣмъ не только изящный, но даже просто хорошій стиль является въ русской литературѣ въ настоящее время, обратно съ 40-ми и 50-ми годами, лишь сравнительно рѣдкимъ гостемъ. Вмѣсто того, мы видимъ, что неуклюжій, водянистый, неточный, испещренный безъ нужды иностранными словами и выраженіями языкъ господствуетъ нынѣ повсюду, — одинаково въ русскихъ газетахъ, какъ и журналахъ, не говоря уже о нашихъ ученыхъ произведеніяхъ. Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ—эти

артисты русской рѣчи, повидимому, не только не находятъ себѣ продолжателей и подражателей, но скорѣе, напротивъ, у насъ замѣчается почти умышленное небреженіе и даже чуть не презрительное отношеніе къ ясному, точному и плавному изложенію мыслей. Мало того, встрѣчаются періодическія изданія, въ которыхъ ведется чуть не постоянная война не только противъ духа, но даже противъ законовъ и правилъ грамматики русскаго языка.

Мы не будемъ разбирать причинъ этого упадка уваженія у насъ къ родному слову: можетъ быть, онѣ заключаются въ общихъ условіяхъ времени, какъ утверждаютъ одни; можетъ быть, причины кроются лишь въ наплывѣ въ нашу прессу чуждыхъ ей и малообразованныхъ лицъ, какъ говорятъ другіе. Несомнѣнно лишь одно, что какія бы причины ни были виной, такой порядокъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать одинаково ненормальнымъ и нежелательнымъ въ интересахъ прежде всего самой литературы. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „стиль“, какъ не способъ, „манера“, (manner of writing or speaking), какъ говорятъ англичане, „выражать свои мысли на письмѣ и въ устной рѣчи“; слѣдовательно, чѣмъ хуже стиль, т. е. чѣмъ шероховатѣй, труднѣе и затруднительнѣе чтеніе какого-либо произведенія, тѣмъ менѣе оно доставитъ удовлетворенія читателю и достигнетъ своей цѣли, т. е. широкаго распространенія въ публикѣ. Произведеніе, языкъ котораго напоминаетъ ѣзду по московскимъ мостовымъ, нѣтъ сомнѣнія, не можетъ расчитывать на большой успѣхъ и популярность, какъ бы ни были даже велики его внутреннія достоинства. „Всякій стиль хорошъ“, какъ выразился (мы приводили раньше) Сидней Смитъ, „кромѣ скучнаго“ и, добавимъ отъ себя, „кромѣ непріятнаго“.

Въ этомъ именно отношеніи, мнѣ кажется, и можетъ быть поучителенъ для нашей пишущей братіи примѣръ англійскихъ и американскихъ писателей, приводимыхъ у Бентона. Несмотря на ихъ почти единодушное мнѣніе о „стилѣ“, какъ прирожденномъ человѣку дарѣ, они не жалѣютъ, какъ видно изъ ихъ объясненій, трудовъ для дальнѣйшей выработки и усовершенствованія этого таланта. Если у насъ уже не находится писателей, желающихъ слѣдовать извѣстнымъ совѣтамъ Гоголя относительно способа писанія своихъ твореній, то оказывается,

что въ Англіи и Америкѣ еще по сей день встрѣчается много такихъ чудаковъ даже изъ профессіональныхъ литераторовъ (какъ Дина Крэкъ), которые находятъ возможнымъ по 5 и болѣе разъ (даже по 14 разъ!) переписывать или исправлять свои произведенія, прежде чѣмъ рѣшаются пускать ихъ въ публику. Не подлежитъ спору поэтому, что развитіе въ представителяхъ нашей печати и литературы подобной добросовѣстности и строгости къ себѣ, хотя бы и доходящей до щепетильности, не мало бы прибавило цѣны продуктамъ ихъ дѣятельности и спасло бы хоть отчасти нашъ прекрасный языкъ отъ тѣхъ насилій, которыя надъ нимъ каждодневно совершаются въ печати.

Изъ психологіи народовъ.

Экономическое значеніе «времени» и «пространства».

— Sein und Werden in Raum und Zeit. Wirthschaftliche Studien von Emanuel Hermann. 1889.

Обсужденіе вопросовъ, относящихся къ значенію „времени“ и „пространства“, донынѣ находилось исключительно въ области философіи, или той ея вѣтви, которая со времени Канта получила названіе „трансцендентальной эстетики“, а теперь слыветъ иногда подъ именемъ „физіологической психологіи“ [1]). Эта тема—весьма старая, слѣдовательно, въ философіи,—является, однако, новою въ наукѣ народнаго хозяйства. Человѣкъ не можетъ ничего сознавать внѣ „времени“ и „пространства“,—учитъ насъ философія; но точно также онъ не можетъ, конечно, совершать какихъ-либо хозяйственныхъ дѣйствій иначе, какъ при томъ же самомъ условіи. „Время“ и „пространство“ являются такими моментами, съ которыми связана и находитъ въ нихъ свое выраженіе вся экономическая жизнь человѣка. Различіе между ними въ томъ и другомъ направленіи, создаваемое степенью культуры и хозяйственнаго развитія, а иногда, можетъ быть, и этнографическими особенностями,—кладетъ рѣзкую грань между людьми, какъ между различными народностями, такъ и у одного и того же народа, но за разные періоды его существованія. Когда, напримѣръ, предки современнаго англичанина или француза, были звѣроловами и только лишь осѣли и пріучались къ земледѣлію, то, разумѣется, они совершенно иначе въ ихъ хозяйственныхъ требованіяхъ отно-

1) См. по этому вопросу статью д-ра Kanner'a въ журналѣ „Das Handels-Museum, Wien, 31 October, 1889, № 44.

сились къ „времени“ и „пространству“, нежели ихъ настоящіе потомки. Въ то время, какъ для успѣха звѣроловнаго промысла требовались многія мили пустынныхъ тогда пространствъ земли, населенныхъ лишь дичью и звѣрями,—въ наши дни достаточно, говорятъ, одного акра, и даже меньше, огородной земли въ окрестностяхъ Лондона или Парижа, чтобы пропитать цѣлую семью работника, и, вѣроятно, лучше и вѣрнѣе, нежели многія мили той же земли доставляли продовольствія его отдаленному предку. Разница въ отношеніи ко „времени“ въ различные періоды исторіи еще понятнѣе и поразительнѣе и не требуетъ объясненія. Даже образованный человѣкъ какихъ-нибудь сто лѣтъ назадъ едва-ли могъ понять и повѣрить быстротѣ людскихъ сообщеній конца XIX вѣка, съ ихъ молніеносными поѣздами, электрическимъ телеграфомъ и переговорами на пространствѣ многихъ верстъ посредствомъ телефона.

Первобытный человѣкъ, какъ онъ уцѣлѣлъ лишь на нѣкоторыхъ островахъ Австраліи, во внутренней Африкѣ и немногихъ другихъ частяхъ земного шара, является въ отношеніи ко „времени“ въ истинномъ смыслѣ „*человѣкомъ минуты или момента*“. На самыхъ раннихъ ступеняхъ такого состоянія человѣкъ добываетъ себѣ пропитаніе только такими способами, которые не требуютъ предварительныхъ заботъ и труда, а доставляются немедленно передъ потребленіемъ, ловлей или собираніемъ; поэтому онъ питается преимущественно дикими плодами, рыбой, мелкой дичью, раковинами, червями и проч. Удалась такая охота—онъ пожираетъ огромное количество пищи, какъ бы про запасъ на будущую голодовку; нѣтъ—онъ голодаетъ или обращается къ канибализму, хотя послѣдній можетъ процвѣтать, впрочемъ, и при полномъ обиліи пищи; о запасахъ для будущаго „человѣкъ минуты“ обыкновенно не заботится; какъ правило, для него не существуетъ ни прошедшаго, ни будущаго, а лишь одно настоящее, поэтому, промышляя себѣ пищу, дикарь прежде всего и думаетъ только объ удотлетвореніи тотчасъ же своего аппетита. Новозеландскій рыбакъ часть своей лодки покрываетъ глиной, разводитъ огонь и немедленно поѣдаетъ полусырую рыбу, только-что имъ пойманную, ничего часто не привозя къ себѣ домой; сильный голодъ и сильное обжорство, такимъ образомъ, чередуются. „Ѣда, напримѣръ,

для американцевъ-дикарей то же,—пишетъ одинъ миссіонеръ,—что напитки для пьяницъ Европы. Эти всегда жаждущія души умерли бы въ чащѣ мальвазіи, а дикари—въ кострюлѣ съ мясомъ; тѣ только и говорятъ, что о питьѣ, эти—только о ѣдѣ“ [1]). Жадность до обжорства, когда у нихъ есть чѣмъ удовлетворить голодъ, и вынужденная умѣренность въ случаѣ отсутствія пищи, не показывая и вида желанія, составляютъ также общую черту многихъ дикарей. Въ своей чувственной сторонѣ примитивный человѣкъ одинаково не знаетъ никакого удержу и регулятора, а живетъ лишь влеченіемъ минуты, и потому, большею частью, безпорядочное половое сожитіе или, по крайней мѣрѣ, многоженство является естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ. Этотъ дикарь не прочь съѣсть своего врага и похитить его женъ, но о продовольствіи ихъ рѣдко заботится,—онѣ сами должны промышлять себѣ пропитаніе. Вообще, забота о другихъ, какъ и предусмотрительность о будущемъ, ему чужды и для него совершенно не существуютъ, даже на болѣе сравнительно высокой степени развитія, на которой, напримѣръ, находятся краснокожіе индѣйцы въ Америкѣ; они часто поражаютъ наблюдателя своимъ равнодушіемъ къ собственной участи въ будущемъ. Послѣ удачной охоты, убивши огромную массу животныхъ (напримѣръ, бизоновъ), мяса которыхъ, можетъ быть, хватило бы для ихъ пропитанія цѣлый годъ, они вырѣзываютъ лишь лучшіе, болѣе лакомые куски убитыхъ животныхъ, часто бросая все остальное на добычу собакамъ и дикимъ животнымъ и страшно голодая впослѣдствіи отъ своей непредусмотрительности [2]).

---

[1]) *Н. И. Зиберъ.* Очерки первобытной культуры. Москва, 1883, стр. 16.

[2]) „Въ 1831 году близъ факторіи Іорка на сѣверѣ Америки,—описываетъ Симпсонъ,—произошло расточительное избіеніе оленей. Туземцы взяли нѣсколько мяса для немедленнаго потребленія, но тысячи тѣлъ были пущены по теченію, заражали гніеніемъ берега или плавали по Гудсонъ-Баю, гдѣ питали морскихъ птицъ и полярнаго медвѣдя. Точно въ видѣ отмести за эту варварскую бойню, въ которой принимали участіе даже женщины и дѣти, олени послѣ того ни разу больше не посѣтили этой страны въ подобномъ количествѣ. Такому собственному неблагоразумію туземцевъ,—заключаетъ онъ,—слѣдуетъ приписать послѣдовавшіе случаи смерти отъ голода и покиданіе престарѣлыхъ и немощныхъ“. T. Simpson: Narrative of the Discoveries of the North Coath of America. London. 1843.

„Человѣкъ минуты“ не знаетъ постояннаго жилища, построеннаго на всю жизнь или на продолжительное время, а лишь заботится объ удовлетвореніи насущной потребности на данное *короткое* время, на случай непогоды, бури или пріисканія ночлега: дупло, пещера, а чаще всего шалашъ, наскоро сдѣланный, удовлетворяютъ этой потребности. Поэтому у многихъ западно-экваторіальныхъ племенъ—приводитъ, напримѣръ, дю-Шайллю — самая деревня является только какъ бы мѣстомъ *краткаго* отдохновенія племени, и при первомъ смертномъ случаѣ въ деревнѣ она цѣликомъ переселяется на новое мѣсто [1]). Одѣяніе первобытнаго человѣка соотвѣтствуетъ жилищу, т. е. употребляется лишь на *короткій* срокъ и заключается въ какихъ-нибудь листьяхъ и циновкахъ, которыми „человѣкъ минуты“ прикрываетъ части своего тѣла, или даже во втираніи въ тѣло какого-нибудь масла или растительныхъ соковъ и раскрашиваніи минеральными красками. Подъ тропиками, гдѣ растенія часто цвѣтутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ плоды, а животныя не знаютъ зимняго сна, подобная жизнь человѣка можетъ продолжаться цѣлыя тысячелѣтія, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ племенъ.

„Человѣкъ минуты“ не работаетъ; онъ или забавляется, стараясь переложить всѣ заботы—если въ немъ уже проснулось такое чувство—на своихъ женъ или рабовъ, если онъ ихъ имѣетъ, или иногда, впрочемъ, онъ принимаетъ на себя по капризу то или иное занятіе, но безъ плана и, бо̀льшею частью, безъ строго опредѣленной цѣли. Общими чертами нравовъ всякихъ дикарей можно считать, по выраженію одного французскаго путешественника, „вражду къ труду, занятіе только настоящимъ, отсутствіе всякаго безпокойства о будущемъ, неспособность къ предусмотрительности и размышленію“. Свидѣтельства тысячи путешественниковъ одинаково подтверждаютъ существованіе чрезвычайной лѣни (иногда, впрочемъ, чередуемой и сильнымъ напряженіемъ) и нерасположенія къ труду, какъ отличительной и характерной особенности всѣхъ почти дикарей все-

[1]) Du-Chaillu: Explorations and adventures in equatorial Africa; London, 1861, стр. 445, а также Africanische Jurisprudenz, ethnologisch-juristische Beiträge zur Kenntniss der einheimischen Rechte Africas, von dr. Albert Hermann Post. Oldenburg und Leipzig, 1887, часть II, стр. 167.

возможныхъ расъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти черты представляютъ самые существенные недостатки экономической организаціи первобытныхъ народовъ, которые, однако, непосредственно вытекаютъ изъ самыхъ условій, въ какія они поставлены. Основною причиной является невозможность регулировать производство и потребленіе сравнительно незначительнаго числа людей, добывающихъ свои средства существованія съ опредѣленнаго, хотя и обширнаго, пространства земли. Поэтому племя охотниковъ или звѣролововъ легче подвергнется вымиранію отъ голода въ случаѣ недостаточности пищи, чѣмъ перейдетъ въ высшее состояніе культуры. Одной изъ важныхъ причинъ этой медленности развитія можетъ считаться трудность и рѣдкость сношеній между людьми, вслѣдствіе, во-первыхъ, недостатка путей сообщенія и, во-вторыхъ, враждебности большинства дикарей другъ съ другомъ [1]).

Все ихъ существованіе, благодаря описаннымъ причинамъ, вообще лишено прочности и является въ значительной степени игрою случая, почему у примитивныхъ людей человѣческая жизнь не цѣнится какъ драгоцѣнное благо, охраняемое закономъ и общимъ сознаніемъ ея святости и неприкосновенности. У дикихъ народовъ люди убиваются и увѣчатся по самымъ незначительнымъ, ничтожнымъ поводамъ. Старики, достигшіе преклонныхъ лѣтъ, какъ извѣстно, у многихъ племенъ, по обычаю, умерщвляются часто ихъ собственными дѣтьми, а новорожденныя дѣти иногда—ихъ собственными родителями. Главной заботой и мотивомъ является здѣсь, по большей части, удовлетвореніе лишь насущной потребности въ продовольствіи. Законы, въ смыслѣ правовыхъ нормъ, которые издавались бы властью или диктовались обычаемъ, у такихъ народовъ, разумѣется, встрѣчаются мало и рѣдко; между дикарями Африки, наприм., по словамъ извѣстнаго ученаго Альберта Поста, такіе законы, большею частью, имѣютъ источникомъ или исламъ, или христіанско-европейскія вліянія. Уголовное правосудіе, гдѣ даже оно начинаетъ развиваться, при начаткахъ культуры, долго еще остается безсильнымъ проявить чѣмъ-нибудь свое дѣйствіе.

---

[1]) См. у *Зибера* «Очерки первобытной культуры», Москва, 1883, стр. 165—167.

Попытки издать въ этомъ отношеніи какія-либо правила, устанавливающія взаимныя отношенія между людьми, и наказанія или кары за ихъ нарушенія, по словамъ Поста, большею частью, въ этомъ случаѣ примѣняются лишь противъ болѣе слабыхъ членовъ общества, въ отношеніи же остальныхъ, т. е. болѣе сильныхъ, остаются безъ примѣненія [1]). Само собою разумѣется, что на этой ступени развитія у примитивныхъ людей никакой собственности, въ нашемъ смыслѣ, не существуетъ, первоначально даже на движимое имущество; долѣе же всего она не примѣняется къ землѣ. Племена, которыя не занимаются земледѣліемъ или скотоводствомъ, какъ правило, говоритъ Постъ, не знаютъ поземельной собственности въ частно-правовомъ смыслѣ; но даже и позднѣе довольно долго земля признается лишь территоріей, принадлежащей цѣлому племени, каждый членъ котораго имѣетъ право занимать обработываемую землю и пользоваться ея плодами лишь до тѣхъ поръ, пока ее обработываетъ [2]).

„Человѣкъ минуты“ еще не знаетъ „времени“ и, разумѣется, поэтому дорожить имъ не можетъ; его занятія—охота, рыболовство — краткотечны; онъ живетъ только моментомъ и для момента [3]). Въ то же самое время онъ можетъ существовать лишь при отсутствіи густого населенія въ данной мѣстности; иначе его занятія окажутся не въ состояніи его прокормить. Въ сѣверной части Канады (округъ Athapaska Mackenzie), напримѣръ, населеніе, состоящее изъ эскимосовъ, индѣйцевъ, бѣлыхъ и метисовъ, такъ скудно, что приходится одинъ человѣкъ на 260 квадратныхъ миль, и тѣмъ не менѣе въ подобныхъ странахъ слышатся постоянныя жалобы на недостатокъ земли. Какъ ни обширно, повидимому, это пространство, оно представляется тѣснымъ и малымъ для жителей — рыболововъ и звѣролововъ. Но даже когда они занимаются земледѣліемъ,

---

[1]) См. Dr. Albert Hermann Post: Afrikanische Jurisprudenz, ect. Oldenburg und Leipzig, 1887, стр. 2.

[2]) Idem. Zweiter Band. стр. 162—167.

[3]) На языкѣ нѣкоторыхъ низшихъ племенъ Бразиліи не существуетъ названія чиселъ выше 3; всякое большее число они выражаютъ словомъ „много“; у австралійцевъ 4 является наивысшимъ числомъ, доступнымъ еще пониманію. См. Э. Тэйлоръ: «Первобытная культура», т. I, стр. 223.

жители сѣвера—что составляетъ характеристичную ихъ черту—вообще нуждаются для своего хозяйства въ просторѣ; образцами можетъ служить такъ называемое подсѣчное и залежное хозяйство въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, для веденія котораго требуется большое пространство земли. Русскій путешественникъ по Амуру и Уссури, г. Алябьевъ, въ шестидесятыхъ годахъ, разсказываетъ, что крестьяне-переселенцы въ приморской области, до настоящаго времени почти безлюдной (1 человѣкъ приходится на 10 квадратныхъ верстъ), уже тогда жаловались ему на тѣсноту.

Такимъ образомъ, нѣкоторыя черты и особенности примитивнаго человѣка или „человѣка минуты“ держатся очень долго, переживая многія столѣтія, несмотря даже на перемѣны хозяйственныхъ формъ, хотя каждая такая перемѣна и приноситъ съ собой новое отношеніе человѣка и новую оцѣнку времени, если не пространства. Такъ, переходъ примитивнаго человѣка—постепенно съ ходомъ культурнаго развитія, съ увеличеніемъ населенія и, главное, сношеній между людьми—къ занятію скотоводствомъ даетъ толчокъ къ иному распредѣленію и отношенію времени. Пастушескій народъ проводитъ уже многіе дни на одномъ и томъ же пастбищѣ, разбивая свои шатры не менѣе какъ на одну *недѣлю* и уже сознавая важность запаса и бережливости для будущаго; пастушескій народъ кваситъ и запасаетъ молоко для будущаго, дѣлаетъ масло, сыръ, а все это вызываетъ необходимость сознавать и цѣнить уже время. Несомнѣнно, что именно этому кочевому, пастушескому періоду человѣческой жизни мы обязаны дѣленіемъ времени на „*недѣли*“ (отъ 7 до 10 дней) и первымъ установленіемъ для недѣльнаго отдыха.

Описанный экономическій строй земледѣльческаго быта, столь отличный отъ условій существованія „человѣка минуты“ въ первобытныя времена и въ настоящее время лишь у немногихъ дикарей, можетъ быть названъ *періодомъ продолжительнаго времени*, а въ отличіе отъ дикаго звѣролова земледѣлецъ можетъ считаться „*человѣкомъ экстенсивной экономіи времени*“. Во всѣхъ существенныхъ чертахъ этотъ періодъ „экстенсивной экономіи“ отличается отъ предшествовавшей эпохи первобытнаго человѣчества. Человѣкъ здѣсь уже хорошо по-

нимаетъ, въ отличіе отъ дикаря, хозяйственное значеніе времени и цѣнитъ его, какъ мы видѣли, во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ свои хозяйственныя операціи онъ ведетъ въ разсчетѣ на продолжительное время, на длинный періодъ. Этотъ строй господствуетъ нынѣ, уже съ давнихъ временъ, у всѣхъ народовъ, которые отличаются мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, какъ главной формой производства. На востокѣ къ этому типу относятся: Китай, Индія, Персія, Азіатская Россія, государства Балканскаго полуострова, Малая Азія и Сирія, часть Аравіи, Египетъ и Абиссинія; но и въ Европѣ почти *три четверти населенія* принадлежатъ къ этой же хозяйственной системѣ, т.-е., не говоря уже о крестьянствѣ, цѣликомъ принадлежащемъ къ „экстенсивной экономіи времени“, сюда можно отнести также ремесленниковъ, кустарные или домашніе промыслы съ ихъ работниками и вообще часть мелкой буржуазіи.

Востокъ является, нѣтъ сомнѣнія, наиболѣе классическимъ типомъ этого періода, но и Европа съ своимъ, значительной частью, отсталымъ земледѣліемъ (особенно крестьянскимъ), сравнительно малымъ примѣненіемъ машинъ и раздѣленія труда въ немъ, представляетъ аналогію съ востокомъ во многихъ отношеніяхъ, особенно въ постройкѣ зданій, способахъ искусственнаго освѣщенія и, наконецъ, въ питаніи. Земледѣлецъ въ Европѣ, подобно индусу, живетъ преимущественно на растительной пищѣ; въ католическихъ странахъ постъ и постные дни представляютъ собой обычное время воздержанія отъ мяса; еще строже посты соблюдаются тамъ, гдѣ господствуетъ восточно-каѳолическая церковь, напримѣръ, въ Россіи, Румыніи и проч., гдѣ питаніе большинства народа еще болѣе напоминаетъ востокъ своимъ господствомъ вегетеріанства. Между тѣмъ питаніе мясомъ, по мнѣнію Германа, составляетъ главное основаніе рабочей силы интенсивнаго труда [1]); понятно отсюда, почему европейскій

[1]) Для лучшей характеристики этого вопроса приведемъ по Мюльгалю данныя (уже нѣсколько устарѣлыя) о количествѣ потребленія мяса въ различныхъ странахъ на одного человѣка: *Россія* потребляетъ въ годъ 48 англ. фунт. на 1 чел., *Австрія*—64 ф., *Германія*—69 ф., *Франція*—74 ф., *Великобританія* — 105 ф. Вся Европа въ среднемъ потребляетъ 57 ф. на человѣка въ годъ. Между тѣмъ Канада — 93 ф., Соединенные Штаты —

крестьянинъ, не говоря уже о восточномъ земледѣльцѣ, не отличаясь по роду пищи существенно отъ того вола, съ помощью котораго обработываетъ землю, онъ и трудится съ полнѣйшей флегмой жвачнаго... Питаніе крестьянскаго населенія объясняетъ намъ характеръ его мышленія и самый медленный, нескорый темпъ его работы. Кто по „восточному“ питается, тотъ не можетъ думать и работать по „западному“; кто набиваетъ свой желудокъ растительными бѣлками и крахмалистыми веществами, тотъ и не можетъ размышлять и соображать быстро, ясно и рѣшительно; само собой разумѣется, такой человѣкъ скорѣе способенъ слѣдовать лишь исконнымъ и наличнымъ шаблонамъ мышленія, старымъ формамъ понятій, общепринятымъ вѣрованіямъ и слѣпо подражать чужому примѣру; въ своихъ дѣйствіяхъ такой субъектъ способенъ лишь безусловно подчиняться авторитету другого лица и иначе поступать не можетъ. Такова психологическая характеристика этого второго періода развитія воззрѣній людей продолжительнаго времени или „людей экстенсивной экономіи времени“.

Вслѣдъ за измѣненіемъ въ отношеніяхъ ко времени, люди мѣняются и въ своихъ отношеніяхъ и къ пространству, хотя эти періоды и не совпадаютъ и могутъ относиться къ разнымъ историческимъ эпохамъ. Самое большее пространство, какъ мы говорили уже, требуетъ для своего существованія человѣкъ въ качествѣ звѣролова и рыболова, меньшее — въ качествѣ пастуха, кочевника, еще меньшее—въ качествѣ бродячаго земледѣльца, и, наконецъ, самымъ малымъ пространствомъ довольствуется человѣкъ, когда онъ сдѣлается осѣдлымъ земледѣльцемъ, причемъ чѣмъ совершеннѣе способъ земледѣлія, тѣмъ большее населеніе страна или мѣстность можетъ пропитать. Наконецъ, крупная промышленность, сосредоточивающая массу людей на одномъ ограниченномъ мѣстѣ, съ сложными, дорого стоющими машинами, строго раздѣленіемъ, а отчасти и соединеніемъ труда и всѣми тѣми усовершенствованіями, которыя составляютъ послѣднее слово новѣйшей техники, можетъ, разумѣется, въ кратчайшее время и занимая наименьшую по-

120 ф. Другими словами, англичане ѣдятъ слишкомъ вдвое больше мяса, нежели русскіе, а американцы – почти въ два съ половиною раза. См. Mulhall's Dictionary of Statistics. London, 1884, стр. 309.

верхность, создать наибольшее количество продуктовъ. Возможная утилизація „времени“ и возможная утилизація „пространства“ составляютъ, слѣдовательно, цѣль высшаго развитія производства, и чѣмъ болѣе общій экономическій строй измѣняется въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе люди приближаются къ наивысшему типу въ своей хозяйственной дѣятельности—къ періоду *интенсивной экономіи времени*.

Первоначально человѣкъ нуждался для своей дѣятельности въ огромномъ пространствѣ, но, пользуясь имъ односторонне, въ немногихъ и несовершенныхъ промыслахъ или формахъ хозяйства, человѣкъ вѣчно нуждался именно въ томъ, чѣмъ пользовался такъ широко, т. е. въ пространствѣ земли, нужномъ для его пропитанія. Весьма долго жилища человѣка, напримѣръ, какъ правило, были одноэтажныя или, какъ выражается Германъ, „занимали одинъ горизонтъ“; въ средніе вѣка, при развитіи „экстенсивной экономіи“, нужда въ пространствѣ начала чувствоваться скорѣе, чѣмъ во времени; послѣднее цѣнилось сравнительно мало. Всякій строй экстенсивнаго хозяйства, разбросаннаго на значительномъ пространствѣ земли, представляетъ разительный тому образецъ; но такъ какъ военное исскусство того времени въ состояніи было защищать съ успѣхомъ лишь ограниченную мѣстность, обнесенную стѣнами и рвами, то городская жизнь измѣняетъ прежде всего систему построекъ: онѣ уже занимаютъ нѣсколько горизонтовъ, ростутъ въ высоту, уменьшаясь въ то же время въ ширину, строятся въ нѣсколько этажей, съ узкими, маленькими комнатами, еще болѣе того узкими корридорами и лѣстницами; узкія улицы и проходы, высокіе дома съ маленькими окнами и часто низкими потолками, какъ бы придавленные городскими стѣнами, составляютъ, какъ извѣстно, характеристику всѣхъ средневѣковыхъ и донынѣ восточныхъ городовъ. Обратно съ той системой хозяйства, которая ведется за стѣнами средневѣкового города, каждый аршинъ земли въ такомъ городѣ-крѣпости дорого цѣнится и утилизируется; поэтому пустыхъ мѣстъ, кромѣ небольшихъ площадей для рынка, какъ правило, тамъ не существуетъ. Недостатокъ свѣта, воздуха, чистой воды дѣлаетъ подобныя поселенія центрами разныхъ заразныхъ болѣзней, но вопросы гигіены и здоровья были мало доступны пониманію средневѣ-

кового человѣка, да пользуются далеко не достаточнымъ вниманіемъ и донынѣ.

Успѣхи огнестрѣльнаго оружія, вмѣстѣ съ измѣненіемъ самихъ способовъ веденія войны, техническія изобрѣтенія и усовершенствованія XVIII вѣка, созданіе крупной промышленности и такъ называемаго капиталистическаго производства, перевернувшаго вверхъ дномъ весь стародавній консервативный строй крестьянскаго, земледѣльческаго и городского ремесленнаго быта многихъ мѣстностей Европы, все это вмѣстѣ, конечно, постепенно измѣнило и передѣлало систему постройки городовъ и вообще отношеніе людей къ пространству. Современные города Европы и особенно Сѣверной Америки, обратно съ средневѣковыми, строятся просторно, широко, но за то слѣдуютъ новѣйшей утилизаціи пространства во всѣхъ направленіяхъ и многихъ горизонтахъ, и при томъ принимается во вниманіе интересъ не только настоящаго времени, но и будущаго: напримѣръ, продолжительность жизни населенія и созданіе для того благопріятныхъ гигіеническихъ условій можетъ положить предѣлъ даже росту домовъ кверху созданіемъ законодательныхъ для того ограниченій числа этажей, какъ это имѣетъ мѣсто въ Англіи, и, наконецъ, большія пространства земли въ городахъ могутъ оставаться свободными подъ парками и площадями для различнаго пользованія ими въ интересахъ народнаго здравія. Какъ извѣстно, въ послѣднемъ смыслѣ, напримѣръ, Лондонъ и многіе другіе города Англіи почти усѣяны парками или общественными садами въ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ акровъ пространствомъ. Одинъ Hyde Park въ Лондонѣ, лежащій въ центрѣ города, тянется полторы мили въ длину и около трехъ четвертей мили въ ширину. Эти обширныя мѣстности служатъ, по выраженію одного современнаго писателя, не только „легкими“ для городовъ, доставляя запасъ свѣжаго воздуха для всего городского населенія, но и мѣстомъ прогулокъ и игръ для всего молодого поколѣнія, столь одобряемыхъ нынѣ педагогіей въ союзѣ съ гигіеной.

Еще сильнѣе стремленіе въ томъ же направленіи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ законъ установилъ въ нѣкоторыхъ штатахъ такъ называемое Park Tax—„налогъ для парковъ“, т. е. сборъ, спеціально предназначенный для

пріобрѣтенія городскимъ управленіемъ пространствъ въ городѣ, свободныхъ отъ домовъ или для снесенія прочь послѣднихъ для устройства парковъ; не ограничиваясь такимъ источникомъ дохода для данной цѣли, въ Нью-Іоркѣ только что прошелъ законодательный актъ, дающій право мѣстному управленію, ради улучшенія, расширенія и установленія новыхъ парковъ, экспропріировать дома, для чего предназначена огромная спеціальная сумма въ два милліона долларовъ. Благодаря этому, городъ Нью-Іоркъ въ самое короткое время, въ добавленіе ко многимъ прежде существовавшимъ паркамъ, увеличилъ ихъ пространство вновь на 4 тысячи акровъ въ различныхъ частяхъ города (т. е. около 1,300 дес.). Другой американскій городъ Чикаго имѣетъ, кромѣ 260 акровъ бульваровъ, *болѣе трехъ тысячъ акровъ* общественныхъ садовъ и парковъ [1]).

Но самый классическій, впрочемъ, примѣръ жертвованія пространствомъ ради стремленія къ выигрышу времени, въ смыслѣ увеличенія продолжительности жизни, составляетъ городъ Филадельфія въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ является по пространству сравнительно однимъ изъ самыхъ большихъ городовъ въ свѣтѣ, такъ какъ при 900,000 жителей занимаетъ поверхность въ 330 километровъ. Почти каждая семья въ Филадельфіи имѣетъ свой собственный домъ, почему число зданій тамъ (160.000) почти вдвое больше, нежели въ Парижѣ, хотя въ послѣднемъ считаютъ болѣе двухъ милліоновъ жителей [2]). Филадельфія владѣетъ величайшимъ паркомъ въ мірѣ, который равняется 1.100 гектарамъ пространствомъ и обошелся городу около десяти милліоновъ русскихъ рублей. Благодаря разбросанности своихъ построекъ, главная улица Филадельфіи, Бродъ Стритъ (Broad Street), которая пересѣкаетъ городъ съ

---

[1]) См. въ журналѣ The New Review, 1890 года, статью «Lungs for our Great Cities», by the Earl of Meath, стр. 432.

[2]) Въ Москвѣ, согласно даннымъ послѣдней переписи, находится около 15,000 застроенныхъ владѣній при 753 тыс. жителей, т. е. на одинъ домъ приходится круглымъ числомъ 50 человѣкъ жильцовъ. Въ С.-Петербургѣ по переписи 1881 г. въ среднемъ на каждый приходилось еще больше—91 человѣкъ, въ Парижѣ—35 чел., Берлинѣ—61 чел. Между тѣмъ *въ Лондонѣ всего лишь 8 человѣкъ и въ приводимой Филадельфіи менѣе шести* (6) *человѣкъ*... См. А. И. *Чупрова:* «Характеристика Москвы по переписи 1882 года». Москва. 1884, стр. 8.

сѣвера на югъ, тянется на 35 километровъ (километръ немного болѣе версты). Всевозможныя приспособленія для сокращенія пространства, начиная съ желѣзныхъ дорогъ, омнибусовъ, до телеграфа и телефона включительно, стремятся наверстать на скорости сообщенія то, что утрачивается, благодаря этой системѣ постройки города, признаваемой во многихъ отношеніяхъ идеальной.

Но періодъ *интенсивной экономіи времени* характеризуется, разумѣется, больше всего сбереженіемъ времени и труда, во первыхъ, на производствѣ, а во вторыхъ на передвиженіи. Что касается до перваго, то, за исключеніемъ уже указаннаго случая постройкъ городовъ, гдѣ, ради увеличенія продолжительности жизни настоящихъ и будущихъ поколѣній, жертвуютъ пространствомъ, *господствующей нынѣ тенденціей* въ экономіи народнаго труда является стремленіе *одинаково сберегать* то и другое, т. е. *время и пространство*. Достаточно для того указать на характеръ многочисленныхъ техническихъ изобрѣтеній за послѣднія сто лѣтъ. Бѣленіе тканей, напримѣръ, на воздухѣ на травѣ, какъ оно нынѣ еще производится крестьянками относительно самодѣльныхъ полотенъ, послѣ изобрѣтенія въ Англіи прядильныхъ машинъ механическаго ткацкаго станка, сразу удесятерившаго производство, требовало еще въ началѣ нынѣшняго вѣка огромныхъ пространствъ земли, которыми и должна была владѣть каждая такая фабрика. Изобрѣтеніе химическаго бѣленія сразу избавило фабрики отъ послѣдней обязанности, т. е. сберегло пространство и во много разъ увеличило быстроту бѣленія. Однородный процессъ, сберегающій время и мѣсто, примѣненъ къ обработкѣ льна и къ быстрой выдѣлкѣ кожъ. Крашеніе и апретура производятся нынѣ съ такими приспособленіями, которыя дозволяютъ опять-таки огромное количество матеріала значительной длины высушивать искусственно весьма быстро и съ наименьшей затратой пространства. Сушильные валы подобнаго же рода и на томъ же принципѣ функціонируютъ и при фабрикаціи „безконечной бумаги“, которая безъ помощи этого аппарата едва ли могла бы выдѣлываться. Нѣкоторыя усовершенствованія въ печатныхъ машинахъ, не исключая ихъ самихъ, а также въ фотографіи одинаково достигаютъ обѣихъ важныхъ цѣлей экономіи. Французскій экономистъ Жидъ (Gide) приводитъ въ своей

„Политической экономіи“ (1-е изд., стр. 138) слѣдующій краснорѣчивый разсчетъ и сопоставленіе скоропечатнаго дѣла сравнительно съ старой перепиской. Одинъ нумеръ газеты „Figaro“, изданный въ форматѣ книги in 8⁰, даетъ 240 страницъ текста; печатая же эти газеты въ количествѣ 100 тысячъ экземпляровъ, слѣдовательно въ теченіе каждой ночи (6 часовой періодъ), ея типографіи приходится напечатать 24 милліона страницъ, или отъ 40 до 50 тысячъ томовъ, по 600 страницъ каждый. Если бы пришлось,—разсуждаетъ онъ,—переписать такую массу книгъ въ тотъ же срокъ, то понадобилось бы редакціи ежедневно *полмилліона переписчиковъ* (500.000), которые, разумѣется, потребовали бы помѣщенія, равнаго размѣрами цѣлому большому городу. Между тѣмъ вся эта сложная работа выполняется нынѣ скоропечатными машинами, при которыхъ состоитъ всего лишь сто (100) человѣкъ рабочихъ. Итакъ, отношеніе затраты труда настоящаго времени къ средневѣковой эпохѣ переписчиковъ—какъ 1:5000, т. е. достигнута экономизація въ цѣлыхъ *пять тысячъ разъ!*..

Множество другихъ изобрѣтеній менѣе ясно, но въ одинаковой степени удовлетворяютъ требованію того же принципа двоякой экономіи, какъ, напримѣръ, огниво, зажигательныя спички, огнестрѣльныя оружія; нѣтъ сомнѣнія,—если сравнить ихъ съ предшествовавшими имъ орудіями для тѣхъ же цѣлей, то, конечно, они отвѣчаютъ обоимъ условіямъ. Насколько крупной прибылью для человѣчества является каждое изъ этихъ приведенныхъ изобрѣтеній экономически—можно судить хотя бы по одному образцу и при томъ касательно наименѣе важнаго открытія. Извѣстный д-ръ Лайонъ Плейферъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на конгрессѣ „Британской ассоціаціи для споспѣшествованія соціальнымъ наукамъ“, въ своей рѣчи, тамъ сказанной, привелъ слѣдующій разсчетъ выигрыша, полученнаго одной лишь Англіей отъ изобрѣтенія зажигательныхъ спичекъ. До 1833 года зажигательныя спички не были извѣстны, и для добыванія огня примѣнялись кремень и огниво. Если взять,—говоритъ онъ,—теперешнее потребленіе по 8 спичекъ въ день на человѣка, то это при прежнихъ орудіяхъ добыванія огня потребовало бы четверть часа, нынѣ же, при употребленіи спичекъ, расходуется времени лишь по 15 секундъ на

одинъ разъ, или двѣ минуты въ день на все зажиганіе. Такимъ образомъ, до 1833 года человѣкъ тратилъ 90 часовъ въ годъ на добываніе огня, нынѣ же—лишь 12 часовъ, т.-е. имѣетъ экономію 78 часовъ, или почти 10 обыкновенныхъ въ Англіи рабочихъ дней; считая этотъ же трудъ по одному шиллингу шести пенсовъ въ день, получится лишь для населенія одной Великобританіи и за одинъ годъ сбереженіе 26 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Если таковъ результатъ сбереженія въ столь ничтожномъ производствѣ, то отсюда можно заключить, какъ велики благодѣянія экономіи времени, доставляемыя всему человѣчеству такими крупными факторами этой экономіи, какъ паровой двигатель, электричество и проч. Несомнѣнно,—заключаетъ Плейферъ,—ихъ благо, какъ и стоимость, выше всякаго исчисленія!...

Какъ велика разница между нашей современностью, напримѣръ, и античнымъ міромъ въ способахъ и скорости передвиженія—достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Самое быстрое путешествіе, которое древняя исторія, какъ особое событіе, упоминаетъ,—это былъ походъ Юлія Цезаря изъ Рима на берега Роны, совершенный въ срокъ около восьми дней, и затѣмъ курьерская поѣздка Ицелюса (Icelus) изъ Рима въ Клюнію (Clunia) въ Испаніи, въ 68 году по Р. Х., чтобы извѣстить Гальбу о смерти Нерона, совершенная почти въ 7 дней. Въ настоящее время такой конецъ можно свободно сдѣлать съ молніеноснымъ поѣздомъ въ 29 часовъ и даже скорѣе. Хотя, можетъ быть, менѣе, но также страшно усилилась быстрота сообщеній и на морскихъ путяхъ. Діодоръ Сицилійскій разсчитывалъ поперечную длину съ сѣвера на югъ тогдашней Римской имперіи, отъ Меотійскаго или Азовскаго моря до Эѳіопіи, равною 24 днямъ пути, именно: отъ Меотійскаго моря при благопріятномъ вѣтрѣ въ 10 дней до Родоса, откуда 4 дня въ Александрію, „и отсюда,—говоритъ онъ,—вверхъ по Нилу многіе въ 10 дней достигаютъ Эѳіопіи“. Въ настоящее время на обыкновенномъ пассажирскомъ пароходѣ отъ Керчи въ Константинополь можно проѣхать въ два дня, оттуда въ Смирну—въ 27 часовъ, изъ Смирны въ Александрію—2 дня пути; итого, слѣдовательно, изъ обозначенныхъ Діодоромъ 14 дней до Александріи, разстояніе понижается на 5 дней и 3 часа. Плаваніе

вверхъ по Нилу сокращаетъ время сравнительно меньше, но все-таки совершается нынѣ вдвое скорѣе.

Гораздо поразительнѣе окажется успѣхъ человѣка въ этой борьбѣ съ пространствомъ, если привести еще нѣсколько примѣровъ исключительной быстроты сообщенія въ наше время. Весьма хорошей ѣздой на лошадяхъ при *продолжительномъ* путешествіи, съ необходимымъ для здоровья отдыхомъ и, разумѣется, съ перемѣнными лошадьми, считается не болѣе 90 километровъ въ сутки на кругъ. Между тѣмъ, по даннымъ, опубликованнымъ союзомъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ, *скорые поѣзда* по слѣдующимъ линіямъ имѣютъ въ настоящее время такую быстроту: Парижъ—Дижонъ—57 километровъ въ часъ; Нью-Іоркъ—Чикаго—65 кил. въ часъ; курьерскій поѣздъ (Jagd Zug) Кельнъ—Берлинъ—67 километровъ; Лондонъ—Манчестеръ—77 килом.; Балтимора—Вашингтонъ—86 килом. въ часъ, и нѣсколько разъ, по словамъ Германа, австрійскій императоръ ѣздилъ по Венгріи съ экстреннымъ поѣздомъ со скоростью 90 километровъ въ часъ. Точно также, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ проф. Тёрстеномъ, среднею *обычною* скоростью въ Соединенныхъ Штатахъ уже нужно считать, будто бы, 50 англійскихъ миль въ часъ (т. е. около 75 верстъ), а какъ исключительная быстрота на нѣкоторыхъ поѣздахъ—60 миль въ часъ (т. е. около 90 верстъ), т. е. еще быстрѣе, нежели въ показанныхъ выше данныхъ [1]). Наконецъ, по газетнымъ извѣстіямъ, въ той же Америкѣ, будто бы, только-что выстроенъ локомотивъ, который въ состояніи дѣлать въ часъ пробѣга 130 километровъ [2])!! Англійскій ученый Ольпортъ (Allport), желая перевести экономическій выигрышъ отъ подобной быстроты и также сравнительной дешевизны желѣзныхъ дорогъ на деньги, оцѣниваетъ его для одной лишь Англіи, сравнительно съ прежними путями, болѣе 100 милліоновъ фунт. стерл. въ годъ. Но „time is money“, говоритъ онъ: въ Англіи ежегодно передвигается по желѣзнымъ дорогамъ 600 милліоновъ человѣкъ пассажировъ, которые сберегаютъ на новыхъ путяхъ 300 милліоновъ часовъ, а это вновь составитъ (считая

[1]) „Speed in Railway Travel“, Prof. Thurston, въ журналѣ американскомъ: „The Forum“, edited by L. S. Metcalf, 1890 года, декабрь, стр. 469.

[2]) См. E. Hermann: „Sein und Werden“, стр. 169.

одинъ разъ, или двѣ минуты въ день на все зажиганіе. Такимъ образомъ, до 1833 года человѣкъ тратилъ 90 часовъ въ годъ на добываніе огня, нынѣ же—лишь 12 часовъ, т.-е. имѣетъ экономію 78 часовъ, или почти 10 обыкновенныхъ въ Англіи рабочихъ дней; считая этотъ же трудъ по одному шиллингу шести пенсовъ въ день, получится лишь для населенія одной Великобританіи и за одинъ годъ сбереженіе 26 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Если таковъ результатъ сбереженія въ столь ничтожномъ производствѣ, то отсюда можно заключить, какъ велики благодѣянія экономіи времени, доставляемыя всему человѣчеству такими крупными факторами этой экономіи, какъ паровой двигатель, электричество и проч. Несомнѣнно,—заключаетъ Плейферъ,—ихъ благо, какъ и стоимость, выше всякаго исчисленія!...

Какъ велика разница между нашей современностью, напримѣръ, и античнымъ міромъ въ способахъ и скорости передвиженія—достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Самое быстрое путешествіе, которое древняя исторія, какъ особое событіе, упоминаетъ,—это былъ походъ Юлія Цезаря изъ Рима на берега Роны, совершенный въ срокъ около восьми дней, и затѣмъ курьерская поѣздка Ицелюса (Icelus) изъ Рима въ Клюнію (Cluniа) въ Испаніи, въ 68 году по Р. Х., чтобы извѣстить Гальбу о смерти Нерона, совершенная почти въ 7 дней. Въ настоящее время такой конецъ можно свободно сдѣлать съ молніеноснымъ поѣздомъ въ 29 часовъ и даже скорѣе. Хотя, можетъ быть, менѣе, но также страшно усилилась быстрота сообщеній и на морскихъ путяхъ. Діодоръ Сицилійскій разсчитывалъ поперечную длину съ сѣвера на югъ тогдашней Римской имперіи, отъ Меотійскаго или Азовскаго моря до Эѳіопіи, равною 24 днямъ пути, именно: отъ Меотійскаго моря при благопріятномъ вѣтрѣ въ 10 дней до Родоса, откуда 4 дня въ Александрію, „и отсюда,—говоритъ онъ,—вверхъ по Нилу многіе въ 10 дней достигаютъ Эѳіопіи“. Въ настоящее время на обыкновенномъ пассажирскомъ пароходѣ отъ Керчи въ Константинополь можно проѣхать въ два дня, оттуда въ Смирну—въ 27 часовъ, изъ Смирны въ Александрію—2 дня пути; итого, слѣдовательно, изъ обозначенныхъ Діодоромъ 14 дней до Александріи, разстояніе понижается на 5 дней и 3 часа. Плаваніе

вверхъ по Нилу сокращаетъ время сравнительно меньше, но все-таки совершается нынѣ вдвое скорѣе.

Гораздо поразительнѣе окажется успѣхъ человѣка въ этой борьбѣ съ пространствомъ, если привести еще нѣсколько примѣровъ исключительной быстроты сообщенія въ наше время. Весьма хорошей ѣздой на лошадяхъ при *продолжительномъ* путешествіи, съ необходимымъ для здоровья отдыхомъ и, разумѣется, съ перемѣнными лошадьми, считается не болѣе 90 километровъ въ сутки на кругъ. Между тѣмъ, по даннымъ, опубликованнымъ союзомъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ, *скорые поѣзда* по слѣдующимъ линіямъ имѣютъ въ настоящее время такую быстроту: Парижъ—Дижонъ—57 километровъ въ часъ; Нью-Іоркъ—Чикаго—65 кил. въ часъ; курьерскій поѣздъ (Jagd Zug) Кельнъ—Берлинъ—67 километровъ; Лондонъ—Манчестеръ—77 килом.; Балтимора—Вашингтонъ—86 килом. въ часъ, и нѣсколько разъ, по словамъ Германа, австрійскій императоръ ѣздилъ по Венгріи съ экстреннымъ поѣздомъ со скоростью 90 километровъ въ часъ. Точно также, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ проф. Тёрстеномъ, среднею *обычною* скоростью въ Соединенныхъ Штатахъ уже нужно считать, будто бы, 50 англійскихъ миль въ часъ (т. е. около 75 верстъ), а какъ исключительная быстрота на нѣкоторыхъ поѣздахъ—60 миль въ часъ (т. е. около 90 верстъ), т. е. еще быстрѣе, нежели въ показанныхъ выше данныхъ [1]). Наконецъ, по газетнымъ извѣстіямъ, въ той же Америкѣ, будто бы, только-что выстроенъ локомотивъ, который въ состояніи дѣлать въ часъ пробѣга 130 километровъ [2])!! Англійскій ученый Ольпортъ (Allport), желая перевести экономическій выигрышъ отъ подобной быстроты и также сравнительной дешевизны желѣзныхъ дорогъ на деньги, оцѣниваетъ его для одной лишь Англіи, сравнительно съ прежними путями, болѣе 100 милліоновъ фунт. стерл. въ годъ. Но „time is money“, говоритъ онъ: въ Англіи ежегодно передвигается по желѣзнымъ дорогамъ 600 милліоновъ человѣкъ пассажировъ, которые сберегаютъ на новыхъ путяхъ 300 милліоновъ часовъ, а это вновь составитъ (считая

[1]) „Speed in Railway Travel“, Prof. Thurston, въ журналѣ американскомъ: „The Forum“, edited by L. S. Metcalf. 1890 года, декабрь, стр. 469.

[2]) См. E. Hermann: „Sein und Werden“, стр. 169.

по 8 часовъ работы, кромѣ воскресеній) огромную хозяйственную цѣнность, равную ежегодно 125,000 годовъ работы, что опять таки дастъ въ результатѣ многіе милліоны фунтовъ стерлинговъ!!.., Такимъ образомъ, быстрота сообщенія и, слѣдовательно, выигрышъ во времени посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, увеличилась въ 20 и болѣе разъ, сравнительно съ той, какою могли пользоваться, при обыкновенномъ экипажномъ сообщеніи, наши предки, даже при условіи наилучше устроенныхъ грунтовыхъ дорогъ.

Само собою разумѣется, что культурное различіе разныхъ эпохъ въ отношеніи ко времени находится въ тѣснѣйшей зависимости и отъ занятій, которымъ себя посвящаетъ народъ. Поэтому многія отличія разныхъ народностей, по мнѣнію Германа, проистекаютъ не отъ какихъ-либо національныхъ особенностей, но отъ ихъ культурныхъ свойствъ или ступени. Успѣхи экономіи „времени“ являются успѣхами въ то же время и культуры; всякій видъ трудовой дѣятельности человѣка имѣетъ свою особую экономію, съ весьма при томъ различными ступенями, и отсюда—если исторія культуры въ дѣйствительности можетъ считаться исторіей человѣческаго труда, то она является одинаково и исторіей человѣческой экономіи времени. Всѣ тѣ промыслы, напримѣръ, которые имѣютъ дѣло съ дарами природы и ихъ добываніемъ, какъ поиски и копанье минераловъ и металловъ, а также всѣ тѣ, которыя зависятъ отъ періодическихъ измѣненій въ природѣ, каковы: земледѣліе, садоводство и другія подобныя отрасли хозяйства, отличаются своимъ медленнымъ темпомъ труда, за исключеніемъ немногихъ видовъ работы, которые и здѣсь производятся машинами. Быстрѣе нѣсколько совершается трудъ человѣка въ охотѣ и морскомъ рыболовствѣ, при которыхъ необходимо требуется передвиженіе. Въ трудѣ ремесленника и въ кустарной промышленности темпъ еще повышается, но не переходитъ всетаки извѣстныхъ, довольно тѣсныхъ, границъ. Промежуточную ступень въ данномъ отношеніи, съ быстрыми переходами, притомъ отъ полнаго покоя къ самой оживленной дѣятельности, образуетъ военное искусство, которое пріучаетъ къ обращенію съ машинами, снабжаетъ человѣка механическими и химическими силами, превышающими человѣческую силу въ сотни и тысячи разъ; военное дѣло,

наконецъ, содѣйствуетъ ускоренію передвиженія, транспортировки, заставляетъ обращать серьезное вниманіе на пути сообщенія, утилизируетъ почту, телеграфъ, телефонъ, велосипеды, воздушные шары, голубиную почту, вообще поощряетъ развитіе всѣхъ способовъ скораго сообщенія въ своихъ спеціальныхъ цѣляхъ; самый языкъ, употребляемый въ военномъ дѣлѣ, ускоряется и сокращается. Огромная масса людей, составляющихъ войско, производитъ движенія съ точностью машинъ, и во всѣхъ военныхъ учрежденіяхъ стараются ввести порядокъ, точность и краткость, почему человѣческая личность во многихъ случаяхъ почти превращается въ автомата.

Но наиболѣе всего быстрымъ темпомъ и рѣшительнымъ стремленіемъ къ сокращенію времени отличаются позднѣе возникшіе виды и способы промышленности и торговли, которые ведутся со старательнымъ раздѣленіемъ труда и съ помощью дорогихъ и сложныхъ машинъ фабричнымъ образомъ. Имъ помогаетъ повсюду улучшеніе передвиженій, какъ по суху, такъ и по морю, и вообще разнообразное примѣненіе пара, электричества, какъ двигателей, а разныхъ металлическихъ и химическихъ усовершенствованныхъ процессовъ—какъ ихъ необходимыхъ принадлежностей. *Скорость, быстрота,* — составляютъ отличительную черту этого интенсивнаго развитія промышленности нашего времени. Во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ эти свойства составляютъ главную и ближайшую цѣль современной промышленности и человѣка: скоропечатни, скоропись или стенографія, скорострѣльныя оружія, скоробѣлильни, скорые, молніеносные поѣзда, скорая (пневматическая) почта, скорое выполненіе всякихъ промышленныхъ и торговыхъ заказовъ, вообще цѣнность быстроты, какъ въ хозяйственной дѣятельности, такъ въ рѣшительности и способахъ самаго мышленія человѣка, возрастаютъ вмѣстѣ съ ходомъ культуры; весь складъ распредѣляется у такихъ націй или классовъ по часамъ и приноравливается къ этому быстрому біенію пульса жизни. Точность, правильность и однообразность желѣзныхъ дорогъ, а постепенно вслѣдъ за ними и иныхъ способовъ передвиженія, появленіе газетъ по нѣсколько разъ въ день съ добавочными телеграммами и извѣстіями, приливъ и отливъ массъ людей въ извѣстныя учрежденія города лишь за извѣстные часы дня и ночи, ожив-

леніе, напримѣръ, биржи нѣсколько разъ въ день на опредѣленное время, въ опредѣленные часы,—все это такія явленія, которыя напоминаютъ лишь быстрый темпъ хорошо развитого животнаго организма.

Таковъ въ общихъ чертахъ складъ жизни въ періодъ *интенсивной экономіи времени*, встрѣчаемый, но далеко не господствующій между людьми въ концѣ XIX вѣка: онъ находится въ прямой, непосрелственной зависимости отъ занятій и культуры жителей каждой страны; у однихъ народовъ занятія скораго темпа, т. е. интенсивнаго характера, преобладаютъ, ускоряя пульсъ народной жизни, у другихъ—а таковыхъ большинство Европы—преобладаютъ перечисленныя медлительныя занятія и самый складъ жизни получаетъ знакомую намъ окраску „экстенсивной экономіи времени“ или продолжительнаго времени. Городская крупно-индустріальная организація живетъ скорѣе всего; земледѣльческій, крестьянскій народъ совершаетъ всѣ жизненныя операціи наиболѣе медленнымъ образомъ и отстоитъ всего дальше отъ интенсивнаго образца. Но существуютъ страны, въ которыхъ городскія формы экономическаго производства, съ употребленіемъ сложныхъ машинъ, имѣютъ широкое примѣненіе и въ деревнѣ къ сельской работѣ (напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, частью въ Англіи и Бельгіи), и, наоборотъ, существуютъ такія государства, въ которыхъ города представляютъ собой въ сущности лишь большія деревни (напримѣръ, въ Россіи).

Но чтобы яснѣе постичь разницу послѣднихъ двухъ видовъ экономіи „времени“, необходимо провести параллель между типами обоихъ періодовъ; образцомъ интенсивной экономіи времени могутъ, по справедливости, болѣе всего считаться Соединенные Штаты Сѣверной Америки; примѣромъ стародавняго періода экстенсивной экономіи можетъ лучше всего служить востокъ—Азія. Этими образцами мы и ограничимся въ нашей сравнительной параллели; остальные народы представляютъ большее или меньшее приближеніе къ тому или другому типу.

Сѣверная Америка, какъ государство огромныхъ размѣровъ, не можетъ, натурально, не отличаться и большими контрастами въ отношеніи жителей и ихъ представленій о значеніи времени: житель тихой Уты—мормонъ или потомокъ недавно освобож-

денныхъ негровъ—во многомъ по складу своей жизни, по вкусамъ и привычкамъ, отчасти даже по особенностямъ семейной жизни напоминаетъ, пожалуй, востокъ. Самый американскій характеръ также не чуждъ контрастовъ, выдающихся въ быстрыхъ, часто, переходахъ отъ кипучей дѣятельности къ полнѣйшему, хотя и краткому far niente... Тѣмъ не менѣе, однако, главная масса американскаго народа, истинный представитѣль его—„янки"—кладетъ одинаковый отпечатокъ дѣловитости, скорости и быстроты на весь обыденный строй американской жизни. Начнемъ съ внѣшности: прежде всего, на улицахъ американскихъ городовъ поражаетъ общая скорость движенія и масса ѣдущихъ и идущихъ, несмотря притомъ на то, что надъ улицами нѣкоторыхъ городовъ, какъ Нью-Іоркъ, существуютъ на высокихъ столбахъ воздушныя желѣзныя дороги, не говоря о нѣсколькихъ парахъ рельсъ конножелѣзныхъ дорогъ, проложенныхъ по самой улицѣ. Быстрый темпъ движеній пѣшеходовъ на переходахъ улицъ и особенно на перекресткахъ превращается въ настоящее бѣганье и прыганье; фланеровъ передъ окнами магазиновъ, столь привычныхъ въ европейскихъ городахъ, въ Америкѣ почти не существуетъ—ихъ затолкали бы на улицѣ. Точно такъ же мало американцевъ посвящаетъ времени на ѣду, какъ на передвиженіе: завтракаетъ онъ, напримѣръ, въ гостиницѣ въ нѣсколько минутъ; по звонку колокола всѣ гости бросаются стремглавъ въ залъ, выбираютъ тѣ или иные горячіе напитки, берутъ сами изъ буфета уже приготовленныя и разложенныя на тарелкахъ кушанья, горячія или холодныя, и быстро ихъ уничтожаютъ, чтобы за нѣсколько минутъ передъ дѣломъ забѣжать въ читальный залъ для просмотра утреннихъ газетъ. Во всемъ житейскомъ обиходѣ всѣ учрежденія приноровлены къ той же экономіи времени. Желѣзныя дороги, напримѣръ, какъ извѣстно, строятся въ Америкѣ весьма быстро, но и ѣздятъ по нимъ, какъ мы видѣли, также быстро; при этомъ, какъ правило, на всѣхъ большихъ разстояніяхъ поѣзда снабжены ресторанами и спальными вагонами, такъ чтобы путь можно было совершать безъ всякихъ перерывовъ и потери времени хотя бы въ теченіе многихъ дней. Отели и гостинницы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, лежатъ около самыхъ вокзаловъ, и въ большей части даже только-что возникающихъ городовъ они

устраиваются съ полнымъ комфортомъ одними изъ первыхъ зданій; такимъ образомъ, прибывши на мѣсто, путешественнику нѣтъ надобности терять время, разыскивая себѣ жилище и ночлегъ. Въ свою очередь, гостинницы устраиваются такъ, чтобы возможно больше обходиться безъ прислуги и безполезной траты времени своего и чужого. Всѣ, напримѣръ, необходимыя для путешественниковъ справки и указанія, въ видѣ нужныхъ для того книгъ и изданій, находятся тутъ же у входа и незачѣмъ искать прислугу, чтобы ими воспользоваться.

Американцы съ дѣтства пріучаются къ этой дѣловитости, энергіи и быстротѣ, ихъ отличающей. Въ тамошней школѣ почетное мѣсто занимаетъ такъ называемая drill, т. е. „муштровка“ или совмѣстное обученіе дѣтей по командѣ, чтобы пріучить ихъ къ большей отчетливости и быстротѣ выполненія задачъ разнаго рода, предлагаемыхъ наставникомъ. Нѣмецкій путешественникъ Фридрихъ Ратцель, посѣщавшій народныя школы въ Нью-Іоркѣ, былъ пораженъ скорописью дѣтей отъ 12 до 14 лѣтъ и той чрезвычайной быстротой, съ которой они рѣшаютъ умственныя ариѳметическія задачи; на нихъ слѣдовали часто отвѣты—буквально едва учитель закрывалъ ротъ. Этотъ спѣхъ—чисто лихорадочный, съ которымъ американцы, такимъ образомъ, какъ малолѣтніе, такъ и взрослые, исполняютъ свое дѣло. Тотъ же Ратцель, какъ и другой германскій путешественникъ и поэтъ, Боденштедтъ, приписываютъ это отчасти вліянію самого американскаго климата, или точнѣе, воздуха, дѣйствующаго возбудительно на нервы, чѣмъ также Ратцель объясняетъ и малое, сравнительно, въ Америкѣ употребленіе хмѣльныхъ напитковъ. Американецъ умѣетъ пользоваться моментомъ: всякое дѣйствіе, всякая работа производится имъ безъ долгихъ приготовленій, безъ скучныхъ разглагольствованій и торговли, рѣшительнымъ и быстрымъ образомъ. Поэтому никакая иная страна не представляетъ такой удобной почвы для всякой новинки въ смыслѣ техническаго изобрѣтенія или усовершенствованія, какъ Америка. Въ то время, какъ старая Европа, напримѣръ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ лишь приступала къ устройству телефоновъ и электрическаго отвѣщенія, улицы американскихъ городовъ были покрыты уже, какъ паутиной, множествомъ проволокъ для этихъ двухъ цѣлей и далеко опе-

редили всѣ прочія страны; другой примѣръ: когда въ 1872 году сгорѣла богато обстроенная лучшая часть Бостона въ одну ночь на цѣлыхъ 40 акровъ поверхности, то уже черезъ годъ городъ такъ вновь обстроился, что нельзя было замѣтить слѣдовъ несчастія. Еще развалины пожарища дымились и до нихъ нельзя было дотронуться руками—до такой степени они были горячи, какъ начался подвозъ матеріала и новая постройка. При другомъ, еще болѣе крупномъ пожарѣ, который въ 1871 году въ три дня превратилъ 17.450 домовъ въ городѣ Чикаго въ развалины (между ними 41 церковь, 32 отеля и 16 театровъ), возстановленіе города производилось такъ быстро, что черезъ три года онъ сдѣлался больше и величественнѣе, нежели былъ до пожара. Постройки шли по такому разсчету, что въ теченіе времени отъ 15-го апрѣля по 15 декабря 1872 года, въ продолженіе 200 рабочихъ дней съ 8 часами ежедневно, за исключеніемъ воскресеній, каждый часъ воздвигался одинъ новый домъ, отъ четырехъ до шести этажей величиною.

Весьма характерной чертой у американцевъ является при этомъ заботливость объ отдаленномъ будущемъ, нерѣдко даже насчетъ экономіи времени живущихъ. Города часто закладываются въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что много времени теряется, чтобы пройти будущую часть города, которая имѣетъ готовыми лишь улицы; дома же стоятъ на бумагѣ, на городскомъ планѣ. Съ другой стороны, сѣверный американецъ невольно поражаетъ своимъ равнодушіемъ къ прошедшему; старость также не пользуется особеннымъ уваженіемъ, къ чему бы это ни относилось,—будь это достопамятное зданіе или другая замѣчательность. У нихъ часто недостаетъ историческаго смысла и эстетическаго вкуса, что̀ рѣзко выражается, во-первыхъ, въ несоотвѣтствіи построекъ своему назначенію и часто древними, совершенно неумѣстными съ европейской точки зрѣнія, прозвищами новыхъ поселеній. Около Нью-Іорка, напримѣръ, находится сельскій домъ, представляющій точную копію развалинъ крѣпости, а таможня выстроена въ стилѣ греческаго храма. Троя, Итака, Римъ, Сиракузы, какъ названія городовъ, встрѣчаются въ Соединенныхъ Штатахъ во множественномъ числѣ, не имѣя, очевидно, ни почвы, ни повода, ни причинъ для такихъ пышныхъ именъ. Церкви, которыя мы привыкли видѣть въ

Европѣ воздвигнутыми болѣе или менѣе монументальнымъ образомъ, очень часто въ Америкѣ по наружности ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ домовъ и, наоборотъ, постройки для самыхъ ординарныхъ, будничныхъ цѣлей иногда воздвигаются въ Америкѣ монументальнѣйшимъ образомъ. Сплошь и рядомъ маленькій городокъ, состоящій изъ одного лишь отеля и станціоннаго дома, получаетъ имя, ни съ того, ни съ сего, Парижа, Лондона, Москвы или другого крупнаго центра европейской жизни. Одинаково, впрочемъ, въ Америкѣ старость мало цѣнится и въ частной жизни: уже мальчикъ съ 14 лѣтъ нерѣдко выступаетъ тамъ, какъ извѣстно, на житейское поприще со всѣми его заботами, трудами, лишеніями и удовольствіями; молодые люди отъ 22—24 лѣтъ занимаютъ часто уже выдающійся постъ; женятся опять-таки сравнительно раньше, нежели въ Европѣ. Самыя занятія и профессіи опредѣляются не по заведенному у насъ нормальному порядку, а мѣняются и чередуются случайнымъ, для европейца несообразнымъ образомъ: часто генералы дѣлаются адвокатами, полковники—священниками; бывшаго нѣмецкаго референдарія или ассесора можно встрѣтить въ Америкѣ на козлахъ извозчика; намъ извѣстенъ случай русскаго литератора, превратившагося въ Америкѣ—въ банщика!!.. Наконецъ, начиная свою дѣятельность рано, американцы и не прекращаютъ ея поздно, до самой глубокой старости часто посвящая себя общественнымъ и частнымъ занятіямъ; но при этомъ въ первомъ случаѣ они опять-таки рѣзко отличаются отъ европейцевъ въ томъ смыслѣ, что имъ совершенно неизвѣстно слово „пенсіонъ“, столь привычное и желанное въ другихъ странахъ для каждаго чиновника.

Въ заключеніе, какъ извѣстно, трудъ въ Америкѣ вознаграждается выше, чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ, т. е. размѣръ рыночной платы, получаемой американскимъ рабочимъ, соотвѣтственно больше, чѣмъ въ Европѣ, при сравнительно кратчайшемъ рабочемъ днѣ (въ 8 часовъ); но въ то же самое время этотъ трудъ американца является, нѣтъ сомнѣнія, и наиболѣе *интенсивнымъ*, т. е. въ одну и ту же единицу времени, при свойственной ему энергіи, быстротѣ и ретивости, рабочій въ Америкѣ точно также и произведетъ большее количество продуктовъ, нежели рабочій другой національности, и весьма вѣ-

роятно, что для своего хозяина въ конечномъ результатѣ американскій дорого вознаграждаемый работникъ окажется выгоднѣе дешеваго, но менѣе энергичнаго европейца.

Совершенно противоположную картину представляетъ собой складъ жизни человѣка въ Азіи на востокѣ; въ то время, какъ американецъ, напримѣръ, кажется, для того только и живетъ, чтобы работать, человѣкъ востока работаетъ только для того, чтобы жить, и работаетъ по возможности меньше, лишь въ видахъ крайней необходимости. Онъ слѣпо вѣритъ въ фатумъ, въ судьбу, и предоставляетъ ей заботу о будущемъ. довольствуясь настоящимъ, если оно сколько-нибудь сносно. Ничто не можетъ вывести его изъ того равнодушія и апатіи, въ которую онъ погруженъ. Онъ никогда не торопится, потому что торопливость вызываетъ волненіе, а всякое волненіе причиняетъ страданіе. Его девизъ слѣдующій: „не дѣлай ничего сегодня, что̀ можешь сдѣлать завтра“.

Все, что̀ дѣлаетъ восточный человѣкъ, онъ производитъ съ спокойнымъ обдумываньемъ и съ извѣстными установленными формальностями. Вообще, въ обращеніи къ людямъ онъ любитъ говорить обиняками и съ длинными церемоніями; достаточно припомнить тѣ околичности, съ которыми производится на востокѣ торговля, и ту массу безполезнаго времени и усилій, которыя тратятся тамъ часто для совершенія несложной торговой сдѣлки. Опять-таки, обратно съ американцемъ, востокъ является рѣшительнымъ противникомъ всякихъ новинокъ и реформъ, особенно когда онѣ исходятъ отъ людей не изъ его среды. Но за то, разъ онъ рѣшился на перемѣну, то твердо стоитъ на своемъ, не отступая отъ задуманнаго, образцомъ чего могутъ служить современные японцы.

Семья на востокѣ пользуется гораздо бо̀льшею властью, нежели то можно было бы думать при господствѣ полигаміи. Въ Китаѣ, напримѣръ, семья даже сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ само государство; послѣднее представляетъ собой почти только іерархію семействъ. Отсюда естественно должны вытекать два послѣдствія: во-первыхъ, старость на востокѣ, обратно съ Америкой, вообще весьма уважается и почитается, начиная со старыхъ людей и кончая старыми традиціями. Какъ извѣстно, характеристику Китая составляетъ „культъ предковъ“, чѣмъ Китай

сближается съ древнимъ Египтомъ и Римомъ; во-вторыхъ, браки на востокѣ отличаются большою плодовитостью; при помощи часто полигаміи человѣкъ создаетъ тамъ раннее и многочисленное потомство. Но такъ какъ запросы лица на жизнь весьма тамъ скромны, то оно не заботится о будущемъ черезъ накопленіе сокровищъ, но желаетъ себя увѣковѣчить черезъ посредство многочисленнаго потомства. Имѣть много дѣтей считается на всемъ востокѣ, отъ Китая до Іудеи, не только желаннымъ дѣломъ, но и величайшей честью, обратно съ западомъ или Европой, гдѣ родилось на свѣтъ ученіе Мальтуса и выработался принципъ, что потомство лишь увеличиваетъ тяжесть конкурренціи, или другими словами, что молодыя поколѣнія являются врагами старыхъ, почему плодить первыхъ равносильно—ухудшать собственное экономическое положеніе. Востокъ лучше всего можно сравнить съ вѣчнымъ юношескимъ періодомъ народовъ въ смыслѣ наклонности къ поэтической сторонѣ жизни и отсутствію заботъ о будущемъ; западъ же, и особенно ту же Америку—съ возмужалымъ, зрѣлымъ возрастомъ человѣчества, можетъ быть, уже приближающимся къ старости. Тотъ главный факторъ и мотивъ къ производительной дѣятельности, который заключается въ стремленіи къ пріобрѣтенію, имѣетъ своимъ корнемъ на западѣ вовсе не любовь къ своимъ дѣтямъ, но исключительно себялюбіе: мы потребляемъ богатство съ такой же быстротой, какъ и пріобрѣтаемъ его. Между тѣмъ восточный человѣкъ смотритъ на себя какъ на представителя своихъ предковъ, какъ на лицо, которое лишь временно пользуется имуществомъ своихъ дѣтей.

Извѣстный ученый Бэджготъ утверждаетъ, что для каждаго народа существуютъ двѣ фазы развитія: одна фаза—состояніе застоя, покоя, и другая—успѣха или движенія. Наблюдая жизнь востока, легко придти къ заключенію, относительно по крайней мѣрѣ большинства тамошнихъ народовъ, что они или никогда не выходили изъ первой фазы, или, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, покоятся крѣпкимъ сномъ. Нашъ поэтъ (Лермонтовъ) прекрасно охарактеризовалъ эту картину востока въ своихъ звучныхъ стихахъ:

...„Не боюся я Востока,
Отвѣчалъ Казбекъ:

Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ;
. . . . . .
. . . . . .
Все, что *тамъ* доступно оку,
Спитъ. покой цѣня"...

Рѣшительная разница двухъ различныхъ культурныхъ ступеней человѣчества въ складѣ семейной и общественной жизни еще рѣзче выражается на общемъ экономическомъ строѣ, на характерѣ промышленной дѣятельности человѣка востока и запада и на той скорости или частости, съ которой бьется пульсъ той же самой экономической жизни на противоположныхъ частяхъ свѣта. Обратно съ описаннымъ словами поэта сонливымъ покоемъ востока, наша эпоха на западѣ по справедливости носитъ названіе *нервнаго вѣка* за ту именно лихорадочную быстроту, съ которой совершается весь круговоротъ теперешней жизни. „Какъ вокругъ электрической машины,— говоритъ Мантегацца,—ощущается особый запахъ озона, а въ комнатѣ лихорадочно больного лихорадочный воздухъ, такъ точно среди конвульсивнаго и истерическаго общества, которое насъ окружаетъ, господствуетъ нервозный воздухъ, въ которомъ, нѣтъ-нѣтъ, посыплются искры, не то промелькнетъ и свѣтлая молнія" [1])... Напряженнѣе всего это нервное состояніе замѣчается вовсе не на югѣ, а въ туманахъ сѣвера, въ Америкѣ и Англіи, которыя за послѣднія двѣсти лѣтъ дали міру болѣе всего стимуловъ и толчковъ своими великими техническими изобрѣтеніями къ оживленію и перевороту всей экономической жизни цѣлаго человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, весьма характерной чертой современной культурной эпохи является то обстоятельство, что почти всѣ сберегающія время изобрѣтенія и открытія, слѣдовательно, ускоряющія общій темпъ всей народной жизни, обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно, если только не исключительно, англо-саксонской расѣ въ ея цѣломъ, и даже если идея нѣкоторыхъ изобрѣтеній вышла изъ головы человѣка другой національности, то во всякомъ случаѣ практическое примѣненіе, утилизація изобрѣтенія произведены или американцами, или англичанами, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ—нѣмцами.

[1]) Mantegazza. «Das nervöse Jahrhundert», стр. 65.

Укажемъ лишь нѣкоторыя: всѣ главнѣйшіе успѣхи по пряденію и ткачеству, ускоряющіе въ огромное число разъ обороты человѣческаго труда, принадлежатъ почти исключительно англичанамъ: такъ называемая Spinning Jenny (1760) Джемса Харгрэвса (James Hargreaves), ватерная прядильная машина (1769) Ричарда Аркрайта (Arkwright), комбинація этихъ обѣихъ машинъ Самуила Кромптона (Crompton), механическій ткацкій станокъ Эдмунда Картрайта (Cartwright) 1786 года; затѣмъ (1769) паровая машина (Jamma), локомотивъ и желѣзная дорога (двухъ Стефенсоновъ) и пароходы (англо-американца Роберта Фультона). Въ свою очередь, электрическій телеграфъ (Морзе), телефонъ, фонографъ (Эдисонъ), микрофонъ и проч. всецѣло или отчасти являются продуктомъ американскаго генія. Многія изобрѣтенія собственно другихъ народностей, какъ швейная машина (изобрѣтена нѣмцемъ Madersspergeг), вязальная машина (нѣмцемъ Heilmann), электрическое освѣщеніе (русскими Ладыгинымъ и Яблочковымъ)—пущены главнымъ образомъ въ ходъ и наиболѣе распространены, благодаря тѣмъ же самымъ энергичнымъ американцамъ, и т. д.

Такимъ образомъ, Америка и Англія являются странами наиболѣе *интенсивной* экономіи времени; онѣ дали міру наибо́льшее количество изобрѣтеній, ускоряющихъ пользованіе временемъ и сберегающихъ его, и въ то же самое время тѣ же двѣ родственныя націи, слѣдовательно, и наиболѣе воспользовались плодами своихъ изобрѣтеній. Никакія другія страны не утилизируютъ въ такихъ размѣрахъ машинъ и всякаго рода механическихъ приспособленій, и вся физическая и духовная жизнь этихъ родственныхъ націй въ большей или меньшей мѣрѣ отличается тѣмъ ускореннымъ, такъ сказать, „машиннымъ темпомъ“, который и составляетъ главнѣйшее отличіе всей промышленной жизни запада отъ востока.

На востокѣ еще царятъ (гдѣ не уничтожены европейской конкурренціей) домашніе промыслы, которые покоятся лишь на работѣ искусныхъ рукъ, а не на машинахъ и иныхъ механическихъ изобрѣтеніяхъ, свойственныхъ западу. Сюда принадлежатъ прежде всего пряденіе, ткачество, плетеніе, вязаніе, составляющія по преимуществу предметъ женскаго труда, часто полнаго красоты и вкуса, но поглощающаго на свое производ-

ство массу времени, какой бы отрасли производства ни коснуться; всѣ восточные продукты, начиная съ чая и шолковыхъ тканей и кончая вышивками и лакированными вещами, поражаютъ кропотливымъ терпѣніемъ своихъ производителей и, слѣдовательно, полнымъ пренебреженіемъ къ экономіи „времени“,— обратно съ западомъ, старающимся повсюду замѣнить руки человѣка машинами. Востоку человѣчество также обязано многими изобрѣтеніями, начиная съ компаса и кончая порохомъ и спиртомъ, но большинство восточныхъ изобрѣтеній или остались совершенно втунѣ на востокѣ, и ихъ пришлось повторять вновь на западѣ, или же востокъ не съумѣлъ совершенно ихъ утилизировать надлежащимъ образомъ; порохъ, употребляемый, напримѣръ, почти исключительно какъ матеріалъ для фейерверковъ, былъ извѣстенъ китайцамъ задолго до Бернарда Шварца, а спиртъ, какъ матеріалъ для нѣкоторыхъ техническихъ подѣлокъ, употреблялся ими задолго до существованія на свѣтѣ Арнольда Виллянова и Раймунда Люллія, жившихъ всего лишь въ XIV вѣкѣ и впервые описавшихъ выгонку спирта. Лакъ, бумага, тушъ, фарфоръ и множество другихъ болѣе мелкихъ восточныхъ изобрѣтеній, какъ извѣстно, до сближенія съ тѣми же европейцами, не имѣли серьезнаго значенія во всемірномъ торговомъ оборотѣ и утилизировались скорѣе въ отношеніи къ предметамъ прихоти, нежели необходимости. Нынѣ западъ покупаетъ у востока время, щедро употребляемое съ неутомимымъ прилежаніемъ на производство его издѣлій, переживающихъ, по своей прочности, чуть не вѣчность, тогда какъ онъ самъ, т. е. культура „интенсивной“ экономіи, наоборотъ, обнаруживаетъ тенденцію производить все скоро и споро, на краткій срокъ и по дешевой цѣнѣ, начиная съ шестиэтажныхъ великановъ-домовъ и скоротечныхъ обоевъ, которыми оклеены ихъ стѣны, а также разныхъ конторъ, банковъ и иныхъ промышленныхъ учрежденій, въ нихъ помѣщающихся и не менѣе скоротечныхъ, и кончая, наконецъ. тѣми тканями и костюмами, которые всѣ носятъ, мѣняя ихъ чаще въ годъ, нежели на востокѣ изнашивали въ теченіе, можетъ быть, нѣсколькихъ поколѣній...

Но нѣтъ правила безъ исключеній; существуетъ народъ, который не только вышелъ съ востока, но частью даже про-

живаетъ тамъ и который, тѣмъ не менѣе, оставаясь по происхожденію и по степени культуры восточнымъ, т. е. представителемъ продолжительной или „*экстенсивной*“ экономіи времени, по своимъ природнымъ свойствамъ и особенностямъ исторіи принадлежитъ къ періоду интенсивному, или, какъ выражается мѣтко Германъ, народъ этотъ мыслитъ по западному, скорѣе даже, чѣмъ самъ западъ въ своихъ низшихъ слояхъ населенія; это семитическая раса, исъ которой въ настоящее время наиважнѣйшую роль играютъ евреи. Евреи, какъ извѣстно, основали новую религію, нынѣ господствующую въ большей части міра; религія эта, имѣя на себѣ восточный отпечатокъ, какъ бы перенесла востокъ на западъ и быстро распространилась по всей землѣ. Но евреи, эти „западники востока“, выступили противниками христіанства, у нихъ же получившаго свое начало, и съ тѣхъ поръ по настоящее время второе тысячелѣтіе тянется борьба между христіанами и іудеями, которая, по терминологіи Германа, является въ дѣйствительности борьбой „восточниковъ запада“ съ „западниками востока“. „До тѣхъ поръ, пока евреи лишь содѣйствовали хозяйственному развитію черезъ свою ловкость, прилежаніе и осмотрительность, до тѣхъ поръ противъ нихъ голосовъ почти не слышалось; но когда, въ трудныя времена упадка, ихъ конкурренція выступила и выказалась свойственнымъ имъ рѣзкимъ образомъ, а ихъ стремленіе дать выдающееся мѣсто торговлѣ передъ всѣми другими отраслями хозяйства, которыя, въ свою очередь, они стараются передѣлать на торговый образецъ, коснулось интересовъ землевладѣльцевъ и мелкихъ горожанъ, и безъ того экономически слабыхъ, тогда-то началось новое антисемитическое движеніе. Это послѣднее смѣшиваетъ причину съ послѣдствіемъ и приписываетъ евреямъ то, что составляетъ лишь естественную эволюцію народнаго хозяйства, и появилось бы и безъ ихъ участія, но лишь болѣе медленно, т. е. прекращеніе *экстенсивныхъ* формъ предпріятій и постановка на ихъ мѣсто *интенсивнаго* производства въ разныхъ видахъ“, Приведенной причиной, нѣтъ сомнѣнія, объясняется также и то явленіе, что наиболѣе всего евреи получили силу и вызвали противъ себя народное неудовольствіе въ тѣхъ именно странахъ, населеніе которыхъ твердо держится старыхъ хозяйственныхъ

формъ. т. е. преимущественно является выразителемъ уже отживающихъ культурныхъ ступеней „экстенсивной экономіи времени“ [1]).

Теперешняя Европа по отношенію своего населенія ко „времени“ или „пространству“, а иначе по степени культуры вообще представляетъ собою смѣсь первобытности съ интенсивными формами; въ однихъ слояхъ народа, въ однѣхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности населенія преобладаютъ старыя исконныя формы не только „экстенсивнаго“ періода человѣчества, но могутъ встрѣчаться и встрѣчаются, и притомъ, какъ увидимъ дальше, въ немаломъ количествѣ „люди минуты“, т. е. лица культурнаго государства, но которыя сохранили весь обликъ, привычки и пріемы въ отношеніяхъ ко времени, свойственные дикарю. Одни государства приближаются болѣе къ высшему *интенсивному* типу, какъ это было упомянуто, напримѣръ, объ Англіи; другія, какъ, напримѣръ, Россія, по роду и характеру занятія большинства жителей и ихъ степени экономическаго развитія во многихъ случаяхъ складомъ своего быта и особенно оцѣнкой экономическаго значенія „времени“ еще напоминаютъ востокъ. Временемъ у насъ дорожатъ еще мало, а потерю его ставятъ ни во что; точныхъ представленій о пространствѣ не существуетъ; энергія, въ смыслѣ быстроты дѣйствій, встрѣчается народомъ отнюдь не одобрительно, приравнивается къ суетливости и торопливости, и народная мудрость, выражаемая пословицами, беретъ подъ свою защиту лишнюю трату „времени“ [2]), слегка осмѣивая лишь существующую неточность въ измѣреніяхъ пространства.

---

[1]) См. Sein und Werden in Raum und Zeit, von E. Hermann. стр. 318—329.

[2]) Приведемъ нѣсколько характерныхъ пословицъ и поговорокъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, касающихся воззрѣній нашего народа на время и пространство: «Тише ѣдешь—дальше будешь»; «Поспѣшишь—людей насмѣшишь»; «Не спѣши въ Лепеши, а ночуй въ Сандыряхъ»; «Русскій часъ дологъ,—тридцать со днемъ» (записано въ Чебоксаровскомъ уѣздѣ). Московскій часъ, согласно Максимову, еще длиннѣе, ерокомъ ровно въ цѣлый годъ: «Подожди съ московскую годинку,—съ московскій часъ!» («Крылатыя Слова» 1890 г., стр. 118). «Дѣло не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ»; «Годинка — не кобылка,—не пристане» (бѣлорусск., сообщено г. Ляцкимъ). «Скорый поспѣхъ — людямъ на смѣхъ» (тоже). «Що скоро — то ледящо»

Но вообще и во всей Европѣ время еще далеко не цѣнится надлежащимъ образомъ; европейскій крестьянинъ живетъ еще вмѣстѣ съ природой, считая по временамъ года и не придавая значенія меньшему періоду времени, нежели сутки, изъ которыхъ притомъ ночь занимаетъ бо́льшую часть; часы для него не существуютъ, а еще менѣе минуты; даже въ образованныхъ классахъ не имѣютъ должнаго представленія о важности и значеніи въ жизни минутъ и секундъ, и на потерю ихъ не обращаютъ никакого вниманія. Между тѣмъ, если сложить всѣ минуты и секунды, которыя у насъ пропадаютъ въ обыденной жизни зря, то въ суммѣ, разумѣется, получатся цѣлые годы. Германъ приводитъ по этому поводу нѣсколько интересныхъ выкладокъ о потери времени на частыхъ остановкахъ конножелѣзныхъ дорогъ въ Вѣнѣ, которыми ему пришлось завѣдывать. Въ публикѣ,—разсказываетъ онъ,—представленія по данному предмету такъ неясны, что большинство полагало, что эти остановки берутъ отъ одной до трехъ минутъ каждая; по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ конножелѣзнаго общества, остановки вычислялись отъ 15 до 20 секундъ; наконецъ, по личному тщательному изслѣдованію Германа, онѣ въ дѣйствительности, какъ оказалось, составляли всего лишь отъ 7 до 10 секундъ, ему удалось лично понизить это время отъ 3 до 6 секундъ, чѣмъ онъ сберегъ для народонаселенія города, при 400.000 остановокъ въ конкѣ, при 10 человѣкахъ въ вагонѣ, по меньшей мѣрѣ, въ день 16.000.600 секундъ, или 266.666 минутъ, или 4.444 часа, или, кладя на рабочій день 12 часовъ, это составитъ 370 рабочихъ дней. Таково сбереженіе, которое получается, благодаря выигрышу лишь нѣсколькихъ секундъ; сбереженіе же *одной минуты*, при пользованіи конкой каждымъ ѣдущимъ ежедневно, по его разсчету, составило бы для всего городского населенія Вѣны ежегодно 150 лѣтъ. Если развивать эту тему далѣе, вычисляя все то значеніе мелкихъ, незамѣтныхъ потерь времени, которое производится безцѣльно и безполезно, то въ

(малорусск., сообщено г. Ляцкимъ). „Баба мѣрила клюкой, — да махнула рукой,—будь де такъ!“ „Мѣрилъ то ихъ Иванъ да Тарасъ, да у нихъ цѣпь порвалась; Иванъ говоритъ: „свяжемъ“, а Тарасъ: „ладно, и такъ скажемъ“ (сообщено Д. Н. Анучинымъ) и т. д. „Корельскій верстень—поѣзжай цѣлый день (Максимовъ).

сложности, конечно, получатся цѣлыя столѣтія, которыя, если бы были посвящены труду, дали бы, разумѣется, цѣлые милліоны потерянныхъ теперь рублей. Во всей Европѣ, примѣрно, считается 350 милліоновъ жителей; если изъ нихъ полагать, что лишь 100 милліоновъ непосредственно пользуются желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, и класть, что каждый изъ нихъ въ теченіе года потеряетъ на ожиданіяхъ на станціяхъ всего въ сложности 5 часовъ, то получится ежегодная потеря для Европы 41.666.660 рабочихъ дней (въ дѣйствительности, навѣрное, больше) или по двѣнадцати часовъ труда въ сутки—111.111 рабочихъ лѣтъ, что составитъ, ежели оцѣнивать въ среднемъ человѣческій годовой трудъ только въ 100 рублей, ежегодную потерю въ 11 милліоновъ слишкомъ отъ одного только безполезнаго сидѣнья на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно, что въ большинствѣ Европы время еще далеко не цѣнится, даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ, напримѣръ, въ Америкѣ.

Такимъ образомъ, экономія времени первобытнаго періода сталкивается въ Европѣ съ интенсивной экономіей времени, свойственной эпохѣ паровыхъ машинъ, электричества и желѣзныхъ дорогъ. Наиболѣе консервативнымъ въ этомъ случаѣ экономическимъ элементомъ, сильнѣе всего связаннымъ съ устарѣлыми формами хозяйства, является, какъ упоминалось, именно сельское населеніе. Въ то время, какъ сѣверо-американскій фермеръ обрабатываетъ свое поле и жатву послѣдними, усовершенствованными машинами, передаетъ свое зерно въ многочисленные элеваторы и склады, существующіе чуть не у воротъ его житницы, иногда даже — какъ знаменитый союзъ грэнджеровъ — вступаетъ въ коалицію съ другими такими же сельчанами, непохожими на своихъ европейскихъ собратій, конкуррируетъ съ желѣзными дорогами, заводитъ свои пароходы, отправляя прямо, минуя посредниковъ, свои продукты на отдаленные рынки, имѣетъ свою газету, сносится со всѣмъ міромъ посредствомъ почты, телеграфа, телефона, посѣщаетъ биржу и черпаетъ свои свѣдѣнія о ходѣ цѣнъ въ мірѣ изъ перваго источника, — въ то же самое время въ Европѣ представляется картина совершенно иная, какъ въ отношеніи техники сельско-хозяйственнаго производства, такъ и всего строя

жизни сельскаго населенія, распадающагося тутъ, въ отличіе отъ Америки, уже на два класса—крестьянъ и помѣщиковъ. Европейскій крестьянинъ прежде всего боится наиважнѣйшаго орудія въ экономіи времени и пространства — желѣзныхъ дорогъ; онъ боится потому, что желѣзныя дороги доставляютъ на тотъ маленькій рынокъ, на который крестьянинъ привыкъ поставлять свои продукты, тоже сырье, хлѣбъ, скотъ, птицу и проч. изъ отдаленныхъ мѣстностей и даже странъ, понижая цѣны и затрудняя крестьянину сбытъ. Зимой крестьянинъ привыкъ заниматься съ своимъ семействомъ пряденіемъ, ткачествомъ, приготовленіемъ разной домашней утвари и подѣлокъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ, а иногда и домашнимъ кустарнымъ промысломъ, который для многихъ даетъ важный побочный заработокъ. Въ настоящее время картина уже значительно мѣняется: въ европейскую деревню проникаютъ не только разносчики, но и торгаши, торговые агенты, скупщики, и доставляютъ крестьянину по сравнительно дешевой цѣнѣ продукты фабричнаго производства, менѣе прочные и долговѣчные, но по своей цѣнѣ вытѣсняющіе прочный домашній холстъ, крашенину, пестрядь, сукно и проч., скупая его продукты по произвольной цѣнѣ и злоупотребляя его невѣжествомъ, разрозненностью силъ и сравнительной бѣдностью. Съ другой стороны, помѣщикъ, крупный землевладѣлецъ готовъ пользоваться выгодами современной транспортировки и средствъ сообщенія, но въ то же самое время многія стороны современнаго экономическаго склада претятъ ему въ такой же степени, какъ и крестьянину; тѣ же сберегающія время учрежденія, которыми онъ пользуется, приносятъ ему конкурренцію всего хлѣбнаго міра и повелительно диктуютъ цѣны, не справляясь съ его желаніями; прежнія помѣщичьи прерогативы разнаго рода въ большинствѣ давно прекратились, а пріемы и распорядки помѣщичьяго хозяйства далеко не усовершенствовались и не идутъ вслѣдъ за временемъ. И вотъ, въ большинствѣ Европы со стороны земледѣльческаго класса начинается давленіе на правительство, въ смыслѣ разнороднаго покровительства земледѣльческимъ интересамъ — таможенными пошлинами на хлѣбъ, скотъ, запретомъ ввоза послѣдняго якобы въ санитарныхъ видахъ, вывозными преміями и „нормировкой“ производства, напримѣръ, сахару, доставленіемъ дешеваго казеннаго

кредита, устройствомъ синдикатовъ и возвратомъ пошлинъ на вывозъ тоже сахару, спирту, табаку и проч.

Но если въ своей культурной ступени и особенно въ экономіи „времени“ Европа значительно отстала отъ Америки, и ей еще много предстоитъ пережить прежде, нежели, слѣдуя законамъ эволюціи, она ее догонитъ, то, несмотря на это, въ темныхъ сторонахъ современной цивилизаціи, въ тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которымъ, какъ извѣстно, не чуждо и поступательное движеніе интенсивнаго хозяйства нашего времени и которыя называются пролетаріатомъ, Европа не только на этотъ разъ не отступаетъ, но даже выступаетъ впереди Америки. Спрашивается, что называется пролетаріемъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить съ разныхъ точекъ зрѣнія различно. Обыкновенно современнымъ пролетаріемъ называютъ такого человѣка, который не владѣетъ никакими средствами существованія, кромѣ собственной рабочей силы. Э. Германъ, съ точки зрѣнія значенія экономіи времени, называетъ пролетарія „человѣкомъ минуты“, который, такъ сказать, внѣдренъ въ современную цивилизацію и живетъ посреди общества и условій „интенсивнаго времени“, почему и представляетъ собою *соединеніе контрастовъ*. Въ самомъ дѣлѣ, европейскій пролетарій, который создаетъ всѣ цѣнности и богатства, или помогаетъ ихъ создавать, самъ лично не владѣетъ никакими: онъ копаетъ глубоко подъ землей каменный уголь, а самъ мерзнетъ отъ холода; жнетъ жатву превосходнаго хлѣба, а самъ питается жалкимъ картофелемъ; ткетъ блестящую шолковую ткань, а самъ ходитъ въ грязныхъ лохмотьяхъ. Тѣ же контрасты продолжаются и въ прочихъ сторонахъ его жизни: пролетарій преимущественно является фабричнымъ рабочимъ, т. е. орудіемъ въ трудовомъ процессѣ „интенсивной экономіи времени“ и, между тѣмъ, въ своей частной жизни—онъ „человѣкъ минуты“ такъ же, какъ первобытный человѣкъ съ острова Новой Гвинеи или Новой Зеландіи. Еще когда-то въ древности, кажется, Грагхъ сравнилъ пролетарія съ дикаремъ и звѣремъ первобытнаго лѣса, живущимъ въ пещерахъ и дуплахъ. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія экономіи времени, современный европейскій рабочій-пролетарій во многихъ отношеніяхъ оправдываетъ это сравненіе. Какъ дикарь, онъ не имѣетъ постояннаго и даже собственнаго жи-

лища, а лишь наемное, часто безъ мѣры переполненное, тѣсное и грязное; какъ дикарь, пролетарій вообще не отличается предусмотрительностью, мало думаетъ о будущемъ, и эти думы могутъ быть въ большинствѣ случаевъ лишь печальны, а для сбереженій онъ не имѣетъ, большею частью, необходимыхъ условій—избытка средствъ противъ проживаемаго; пропитаніе его находится въ такой же зависимости отъ случая, какъ у дикаря,—сегодня онъ сытъ, а завтра голоденъ. Ложась спать, онъ не знаетъ, будетъ ли онъ завтра обѣдать и будетъ ли имѣть ночлегъ. Вообще, все его хозяйственное существованіе отличается непостоянствомъ и неустойчивостью. Подобно „человѣку минуты“, онъ не можетъ похвалиться высокой нравственностью въ нашемъ смыслѣ; онъ не рѣшается часто жениться на женщинѣ, которую любитъ, и вступаетъ въ связь, не освященную закономъ. Въ результатѣ онъ является отцомъ незаконныхъ дѣтей, которыхъ существованіе, помимо его матеріальной несостоятельности, во многихъ странахъ никакъ не обезпечивается и не находится подъ защитой закона, лишь плодя и увеличивая порокъ и преступленія.

Таковъ современный пролетарій, какимъ можетъ считаться значительное число европейскихъ рабочихъ, созданныхъ той самой „интенсивной экономіей времени“, которой обязана своимъ существованіемъ и вся настоящая цивилизація. Картина, нѣтъ сомнѣнія, печальная, но вѣрная и представляетъ собой уже много лѣтъ тревожную задачу, не разрѣшенную и до настоящихъ дней; что дѣлать? какъ устранить эту важную заботу, много лѣтъ снѣдающую милліоны людей? That is the question!— вотъ вопросъ, достаточно важный, чтобы заставить многихъ людей усомниться, благодаря его существованію, въ самой плодотворности нашей культуры и чуть не мечтать, подобно Руссо, о возвращеніи человѣчества въ первобытное состояніе, или фантазировать, подобно Беллами, о прекрасномъ будущемъ для человѣчества черезъ сто лѣтъ... Здѣсь не мѣсто, конечно, вдаваться въ обсужденіе этого столь труднаго и сложнаго вопроса; — замѣтимъ только, что до настоящаго времени ключа къ разрѣшенію этой задачи еще не найдено; не нашелъ его и Германъ въ своей интересной книгѣ, съ которой мы только что познакомились. Мало того, рѣшеніе этой задачи, по нашему

убѣжденію, едва ли кто найдетъ и въ будущемъ, — но не потому, чтобы зло соціальнаго вопроса представляло непремѣнно собой что либо вѣчное, подобно самому человѣчеству, а потому, что всякія въ данномъ случаѣ предложенія и мѣры, въ чемъ бы они ни выражались и кѣмъ бы ни предлагались, могутъ, конечно, принести свою долю частнаго добра людямъ (какъ новѣйшая, напримѣръ, схема генерала Бутса), но не разрѣшатъ судьбы пролетаріата въ его цѣломъ, уже по своей односторонности и мизерности. Если человѣкъ переживаетъ каждый возрастъ своей жизни лишь однажды и, достигши возмужалости, не можетъ возвратиться къ юности или къ дѣтству съ его радостями и утѣхами, такъ и все человѣчество, вступая въ періодъ зрѣлаго возраста, въ эпоху „интенсивной экономіи времени“, въ нашъ вѣкъ, не можетъ, какъ бы ни хотѣлось, вернуться къ тихому, безмятежному, частью идиллическому существованію востока, этого типичнаго образца уже отживающей, хотя и наиболѣе распространенной „экстенсивной экономіи культуры“. Какъ бы ни велико было это зло нашей современности, но, увы, поворотъ назадъ въ Азію, къ тамошнему складу жизни, для человѣчества такъ же невозможенъ, какъ и переживаніе второй разъ того же самаго возраста. Въ настоящемъ случаѣ современный западный міръ можетъ лишь воскликнуть вслѣдъ за нашимъ поэтомъ:

„Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!“...

Остается, слѣдовательно, двигаться впередъ,—разъ, по законамъ развитія, возвращеніе назадъ немыслимо. Необходимо дать ходъ и просторъ дальнѣйшему поступательному шествію новыхъ культурныхъ формъ жизни. Всякое движеніе матеріальной природы должно довѣряться, какъ на этомъ настаиваетъ Германъ, по возможности, искусственнымъ силамъ и органамъ, т. е. трудъ человѣка долженъ всячески сберегаться,—другими словами, самое широкое примѣненіе машинъ, немедленное пользованіе всѣми выводами настоящихъ и будущихъ усовершенствованій техническихъ знаній, должно получить всеобщее распространеніе. Соединеніе, ассоціированіе силъ во всѣхъ видахъ производства и труда точно также должно всѣми мѣрами поощряться и расширяться.

Государственной власти въ данномъ случаѣ предстоитъ также двоякая задача: съ одной стороны, не задерживать безполезно перехода старыхъ формъ жизни въ новыя и не тратить тщетно для этой цѣли средствъ и усилій, и во-вторыхъ, помогать, путемъ законодательнаго воздѣйствія и активнаго вмѣшательства, наиболѣе легкому, удобному совершенію этого переходнаго и болѣзненнаго процесса, и притомъ по возможности безъ страданія для народа. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ дальнѣйшая выработка и широкое развитіе, вмѣстѣ съ практическимъ примѣненіемъ, правильныхъ нормъ какъ рабочаго и фабричнаго законодательства, такъ и другихъ видовъ государственнаго воздѣйствія на общее благо народа. Нѣтъ сомнѣнія, что многимъ такое разрѣшеніе соціальнаго вопроса покажется слишкомъ отдаленнымъ и медленнымъ. Зато этотъ путь, какъ отвѣчающій законамъ эволюціи, намъ кажется, можетъ считаться не только самымъ вѣроятнымъ, но и единственно прочнымъ и надежнымъ, благодаря именно своей постепенности и естественному ходу развитія.

Вліяніе европейскихъ финансовыхъ учрежденій на экономическое положеніе первобытныхъ народовъ *).

(Страница изъ исторіи острововъ Фиджи).

Въ одномъ изъ уголковъ Южнаго океана, въ Полинезіи, лежитъ красивая группа острововъ, извѣстная между географами подъ именемъ Viti (туземное названіе) или Фиджи (европейское). За ихъ живописность нѣмецкій ученый Рихардъ Оберлэндеръ называетъ эти острова райскими, а по плодородію группа Фиджи едва ли не превосходитъ острова цѣлаго міра. Рядомъ съ роскошной тропической растительностью на островахъ Фиджи произрастаютъ въ изобиліи, при самой небольшой затратѣ человѣческаго труда, и многіе злаки умѣренныхъ поясовъ. Кокосовые орѣхи, встрѣчаясь на всѣхъ островахъ въ огромномъ числѣ, составляютъ отчасти пищу жителей, и если бы существовалъ достаточный спросъ и лучшіе пути сообщенія на островахъ, то жители Фиджи могли бы снабжать кокосовымъ масломъ половину Европы. Самые высшіе сорта хлопка, т. н. Sea Island, воздѣлываются на о. Фиджи съ успѣхомъ и, по словамъ д-ра Брауера, американскаго консула на этихъ островахъ и плантатора, тамъ имѣются всѣ условія для самой совершенной культуры хлопка. Далѣе на Фиджи вырѣзываютъ самые тонкіе сорта виргинскаго табаку, а кофейныя плантаціи даютъ продукты далеко высшіе, чѣмъ кофе съ острова Ява.

*) Рефератъ, прочитанный 15 октября 1884 года въ годичномъ засѣданіи Общества Любителей Естествознанія, Этнографіи и Антропологіи и напечатанный въ сборникѣ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. „XXV лѣтъ“. С.-Петербургъ, 1884.

Сахарный тростникъ выростаетъ на о. Фиджи до 25 ф. роста и по содержанію сахара можетъ съ успѣхомъ конкуррировать съ любымъ сахарнымъ тростникомъ въ мірѣ. Индиго, чайное дерево, рисъ въ значительномъ количествѣ, пряности могутъ воздѣлываться на большинствѣ острововъ почти съ одинаковой легкостью и успѣхомъ. Прибавимъ къ этому необыкновенно здоровый климатъ, сообщающій жителямъ Фиджи долголѣтіе, и мы поймемъ тѣ восторженныя похвалы, съ которыми многіе англійскіе миссіонеры, жившіе тамъ подолгу, отзываются объ этихъ островахъ.

Вся группа состоитъ изъ полутораста мелкихъ острововъ, частью вулканическаго, частью коралловаго происхожденія, занимающихъ вмѣстѣ приблизительно 40,000 англійск. кв. миль, т. е. не менѣе какъ въ три раза большее пространство, чѣмъ Московская губернія. Лишь половина острововъ обитаема немногочисленнымъ населеніемъ, которое не превосходитъ 150,000 туземцевъ и 1,500 бѣлыхъ, хотя почва съ избыткомъ могла бы прокормить навѣрное десять милліоновъ населенія. Добавимъ къ этому, что туземные жители уже довольно давно вышли изъ дикаго состоянія, рѣшительно выдаются своими умственными способностями между другими туземцами Полинезіи и представляютъ собою народъ способный къ труду и развитію, что̀ и доказали, сдѣлавшись въ сравнительно короткое время хорошими земледѣльцами и весьма недурными скотоводами.

Такимъ образомъ, всѣ условія, повидимому, соединились къ тому, чтобы обезпечить жителямъ благосостояніе, а вновь возникшему и сложившемуся государству на этихъ островахъ, подъ эгидой счастливаго вождя-завоевателя, а затѣмъ короля Какабо или Такомбо, дальнѣйшее развитіе и достаточныя средства для удовлетворенія несложныхъ государственныхъ нуждъ. Но, увы! всѣ эти предположенія на практикѣ оказались бы невѣрными. Дѣйствительно, населеніе Фиджи матеріально живетъ недурно и, по свидѣтельству Гордона, нынѣ англійскаго губернатора этихъ острововъ, домашняя обстановка фиджіанцевъ гораздо лучше, чѣмъ имѣли когда-либо шотландскіе или ирландскіе крестьяне; но все это не помѣшало тому, что очень скоро въ 1859 году новое королевство очутилось въ крайне затруднительномъ финансовомъ положеніи, до сихъ поръ ему

невѣдомомъ, хотя и давно знакомомъ многимъ странамъ старой Европы. Народу Фиджи и его представителю Какабо крайне понадобились деньги, хотя сравнительно сумма и небольшая, какую бы напр. могъ безъ затрудненія достать любой англійскій купецъ въ лондонскомъ сити, всего лишь 45,000 долларовъ, или 90,000 рублей. Нужда была однако такъ настоятельна, такъ назойлива, что король Какабо готовъ былъ рѣшительно на все, чтобы получить эти деньги: онъ готовъ былъ отдать сначала сто, а потомъ двѣсти тысячъ акровъ лучшей земли на своихъ островахъ на выборъ за эти деньги, отказаться отъ своего права издавать въ странѣ собственные законы и постановленія, освободить на вѣчныя времена кредиторовъ отъ всякихъ сборовъ и налоговъ въ свою пользу и чуть не заложить женъ и дѣтей своихъ подданныхъ, чтобы получить столь желанные 45,000 долларовъ!!...

Спрашивается: какимъ образомъ на такихъ цвѣтущихъ по своимъ природнымъ условіямъ островахъ, въ новомъ королевствѣ, могла возникнуть такая сильная нужда въ сравнительно ничтожной суммѣ денегъ? Какія затѣмъ послѣдствія произошли для туземцевъ острововъ Фиджи отъ означеннаго финансоваго затрудненія?—Въ моемъ настоящемъ рефератѣ я именно и постараюсь выяснить и дать отвѣтъ на эти вопросы.

На первый вопросъ отвѣтить сравнительно не трудно. Деньги понадобились королевству Фиджи для уплаты контрибуціи или вознагражденія, требуемаго Американскими Соединенными Штатами за насилія, будто бы нанесенныя фиджіанцами нѣкоторымъ гражданамъ американской республики. Съ этой цѣлью американцы прислали эскадру, которая захватила внезапно нѣсколько лучшихъ острововъ, какъ залогъ, и угрожала даже бомбардированіемъ и разрушеніемъ поселеній, если контрибуція не будетъ въ извѣстный срокъ вручена представителямъ Америки. Слѣдуетъ замѣтить, что американцы были одни изъ первыхъ колонистовъ, которые вмѣстѣ съ миссіонерами появились на Фиджи. Выбирая или захватывая подъ тѣми или иными предлогами лучшіе куски земли на островахъ и устраивая тамъ хлопчатобумажныя и кофейныя плантаціи, янки отнюдь не церемонились съ мѣстными жителями. Нужда въ рабочихъ рукахъ заставляла ихъ нанимать цѣлыя толпы туземцевъ, какъ

съ острова Фиджи, такъ и съ другихъ острововъ Полинезіи, связывая ихъ незнакомыми для полу-дикарей контрактами или дѣйствуя черезъ особыхъ подрядчиковъ или поставщиковъ живого товара, какъ это имѣетъ мѣсто въ наши дни въ Америкѣ относительно китайскихъ кули. Столкновенія между такими хозяевами-плантаторами и туземцами, на которыхъ они смотрѣли почти какъ на рабовъ, были неминуемы, и вотъ нѣкоторыя то изъ нихъ послужили поводомъ къ американской контрибуціи и первому финансовому затрудненію королевства Какабо. Несмотря на свое сравнительное благосостояніе, на Фиджи почти до настоящаго времени уцѣлѣли еще формы т. н. натуральнаго хозяйства, имѣвшія мѣсто въ Европѣ лишь въ средніе вѣка: деньги между туземцами почти не обращались, и вся торговля имѣла исключительно мѣновой характеръ; товаръ мѣнялся на товаръ, а немногіе общественные и государственные сборы взимались прямо сельскими продуктами. Понятно отсюда критическое положеніе короля Какабо, когда американцы категорически потребовали 45,000 долларовъ, подъ угрозой самыхъ тяжелыхъ послѣдствій въ случаѣ ихъ невзноса. Для фиджіанцевъ самая эта цифра представляла нѣчто непостижимое, не говоря уже о деньгахъ, которыхъ они никогда не видали въ такихъ размѣрахъ.

Въ своемъ критическомъ положеніи Какабо, посовѣтовавшись съ другими вождями, рѣшился обратиться къ англійской королевѣ и сначала сталъ просить ее принять острова подъ свой протекторатъ, а позднѣе прямо подъ свое подданство, лишь съ условіемъ сохраненія своего королевскаго ранга и пенсіи. Но англичане отнеслись крайне осторожно къ этой просьбѣ и не спѣшили выручать полудикаго монарха изъ его затрудненія. Вмѣсто прямого отвѣта они послали въ 1860 г. спеціальную экспедицію съ цѣлью изслѣдованія о. Фиджи, чтобы рѣшить стоитъ ли ихъ присоединять къ британскимъ владѣніямъ и тратить деньги на удовлетвореніе американскихъ кредиторовъ. Между тѣмъ американское правительство продолжало настаивать на уплатѣ и удерживало въ качествѣ залога въ своемъ фактическомъ владѣніи нѣсколько лучшихъ пунктовъ, а прежніе 45,000, присмотрѣвшись къ природнымъ богатствамъ съ торгашеской безсовѣстностью повысили до 90,000 дол. и

угрожали еще повысить, если Какабо не уплатитъ ихъ скоро. Тогда тѣснимый со всѣхъ сторонъ бѣдный Какабо, незнакомый съ европейскими способами кредитныхъ сдѣлокъ, по совѣту европейскихъ колонистовъ началъ искать денегъ въ Мельбурнѣ у купцовъ во что бы то ни стало и на какихъ угодно условіяхъ, хотя бы пришлось уступить частнымъ лицамъ все королевство. И вотъ въ Мельбурнѣ на вызовъ Какабо составляется торговая компанія, принявшая названіе Полинезійскаго Общества (Polinesian Company), которая заключила съ владѣтелями Фиджи договоръ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Принявши на себя долгъ американскому правительству и обязавшись его уплатить взносомъ въ извѣстные сроки, Компанія получила за это по первому уговору сто, а затѣмъ двѣсти тысячъ акровъ лучшей земли, по своему выбору, свободу на вѣчныя времена отъ всякихъ налоговъ и пошлинъ для всѣхъ своихъ факторій, операцій и колоній [1]) и исключительное право на продолжительное время заводить въ Фиджи эмиссіонные банки съ привиллегіей неограниченнаго выпуска билетовъ. Со времени этого договора, заключеннаго окончательно въ 1868 г., у фиджіанъ, рядомъ съ ихъ мѣстнымъ правительствомъ съ Какабо во главѣ, очутилась другая власть—могущественная торговая факторія съ обширными земельными владѣніями по всѣмъ островамъ и рѣшительнымъ вліяніемъ въ управленіи. Дѣла черезъ это однако нисколько не улучшились: экономическое положеніе жителей, какъ мы увидимъ дальше, во многихъ случаяхъ ухудшилось, и они едва не превратились въ нѣсколько лѣтъ въ рабовъ колонистовъ, благодаря финансовымъ предпріятіямъ по европейскому образцу, за которыя взялся Какабо по совѣту своихъ новыхъ бѣлыхъ друзей, и о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить впереди. Пока-же мы должны, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ дальнѣйшее изложеніе предмета, прибѣгнуть къ нѣкоторому общему отступленію спеціально по вопросу о характерѣ означеннаго европейскаго вліянія на полудикіе или малокультурные народы, какимъ и является въ данномъ случаѣ населеніе острововъ Фиджи.

[1]) Первоначально П. К. выговорила для себя даже право издавать собственные законы и назначать таможенные сборы для всѣхъ острововъ Фиджи, но остальные бѣлые колонисты протестовали, и статья эта была выброшена изъ договора.

Весьма много написано по вопросу о столкновеніи европейскихъ культурныхъ расъ съ расами менѣе развитыми или совсѣмъ примитивными и тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя отсюда проистекаютъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ представляется этотъ вопросъ еще крайне мало выясненнымъ и заслуживающимъ всесторонняго вниманія со стороны не однихъ даже этнографовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ каждый знаетъ, обыкновеннымъ результатомъ поселенія европейца въ одной области съ дикарями является вымираніе послѣднихъ; прямой непосредственной причиной этого большею частью выставляютъ пьянство, болѣзни и пороки, которые всегда являются какъ бы предшественниками цивилизаторской миссіи европейцевъ. Къ этому иногда присоединяется экономическая эксплоатація всякаго рода, прямой обманъ и, наконецъ, стѣсненіе въ жизненныхъ средствахъ, напр., въ пользованіи землей, не говоря уже, конечно, о прямомъ истребленіи туземцевъ силой оружія. Но сейчасъ же на сцену является цѣлый рядъ вопросовъ: отчего же тѣ же самые недостатки и пороки, которые дикари заимствуютъ у европейцевъ, напр., хоть пьянство, на которое вездѣ слышна жалоба въ Европѣ, не уменьшаетъ численности самихъ европейцевъ, а лишь тѣхъ народовъ, которые у нихъ это заимствовали? Кромѣ того, уже теперь извѣстно, что многіе, по крайней мѣрѣ если не всѣ дикари, весьма далеко отстоятъ отъ человѣка природы (l'homme de la nature), опоэтизированнаго Жанъ Жакомъ Руссо, и имѣютъ свои собственные пороки и недостатки, еще большіе, чѣмъ у европейцевъ. Наконецъ, мы видимъ, что многія европейскія учрежденія, не только безвредныя сами по себѣ, но представляющія даже отчасти фундаментъ всей современной цивилизаціи, какъ, напр., институтъ частной земельной собственности, нѣкоторыя налоговыя формы, перенесенныя въ чуждую имъ среду полуцивилизованныхъ народовъ или совсѣмъ дикихъ, не только не способствуютъ всеобщему благу, но, напротивъ, являются лишь вопіющимъ зломъ, способствующимъ болѣе быстрому обнищанію и вымиранію некультурныхъ расъ. Очевидно, что эта сторона поставленнаго вопроса, одинаково интересная какъ для экономиста, такъ для юриста и не менѣе для этнографа, еще мало разработана и ждетъ въ будущемъ своихъ изслѣдователей.

Въ отношеніяхъ культурнаго человѣка къ дикарю можно подмѣтить, мнѣ кажется, политику троякаго рода.

Во-первыхъ, культурный человѣкъ считаетъ дозволительнымъ и даже полезнымъ полное подчиненіе себѣ дикаря, и, какъ необходимое послѣдствіе такого убѣжденія, является всевозможная эксплоатація въ интересахъ исключительно сильной стороны, при чемъ нарушеніе самыхъ священныхъ правъ побѣжденнаго туземца, его личности и собственности, его обычаевъ и нравовъ и вѣковыхъ привычекъ, ставится ни во что!... Таково было давнее и общее отношеніе рѣшительно всѣхъ европейскихъ народовъ въ ихъ колоніальной политикѣ, начиная съ главнаго въ этомъ случаѣ государства Великобританіи и кончая нашимъ отечествомъ—Россіей. До нашихъ дней слѣды этой системы попиранія всѣхъ правъ низшихъ расъ ради однихъ лишь выгодъ цивилизованныхъ завоевателей удержались въ болѣе чистомъ видѣ, мнѣ кажется, въ колоніальной политикѣ Нидерландовъ или Голландіи, особенно же въ знаменитой такъ наз. системѣ культуры (culture system) генерала Фанъ-деръ-Боша, введенной имъ на о. Явѣ въ 1832 году. Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ подробное описаніе этого любопытнаго способа извлеченія дохода отъ полудикихъ туземцевъ. Скажемъ только, что яванская „система культуры“ основана на слѣдующихъ принципахъ: во-первыхъ, голландское правительство, ложно ссылаясь на начала мусульманскаго права, объявило себя собственникомъ всей земли, а туземныхъ земледѣльцевъ лишь временными пользователями съ обязательной за то барщиной на государственныхъ плантаціяхъ кофе, сахарнаго тростника и т. п. Кромѣ того, культура, или производство этихъ послѣднихъ продуктовъ, у многихъ иныхъ объявлена правительственной монополіей въ пользу одной частной торговой компаніи; весь сахаръ и кофе, напримѣръ, обязательно должны продаваться этой компаніи или правительству, по назначенной имъ цѣнѣ, лишь съ малымъ вознагражденіемъ производителю за его трудъ и хлопоты. Самая строгая и сложная система контроля установлена при этомъ за туземцами, превращенными такимъ образомъ въ казенныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, говоря нашимъ языкомъ. Послѣдніе годы, именно по закону 1870 г., „система культуры“ на о. Явѣ была нѣсколько

смягчена, но въ существенныхъ чертахъ отношенія культурныхъ голландцевъ къ яванцамъ остаются тѣ же самыя: принудительныя работы по воздѣлыванію сахара должны кончиться, напримѣръ, по постановленію Нидерландскаго парламента, лишь въ 1890 году. Мало того, въ интересѣ собственныхъ сахарныхъ рафинёровъ въ Голландіи, обработка сахара на Явѣ запрещена до сихъ поръ, а въ интересахъ голландскихъ же торговцевъ французскимъ виномъ запрещено на Явѣ разведеніе винограда, который на нѣкоторыхъ возвышенностяхъ острова вызрѣваетъ отлично и бываетъ прекраснаго качества, какъ показывали опыты [1]). Такова первая система отношеній культурнаго человѣка къ низшимъ расамъ, въ прежнія времена общепринятая и, разумѣется, способствовавшая быстрому исчезновенію съ лица земли многихъ расъ и народовъ.

Вторая система этихъ отношеній составляетъ, въ смыслѣ гуманности, уже шагъ впередъ; культурный человѣкъ начинаетъ сознавать нѣкоторыя свои обязанности по отношенію къ дикарю или туземцу; онъ уже считаетъ строгую справедливость, по крайней мѣрѣ, въ формальномъ смыслѣ, необходимой основой своей колоніальной политики и отсюда старается обезпечить личныя права туземцевъ одинаково съ бѣдными колонистами. Въ то же время однако жъ культурный человѣкъ не желаетъ ни на волосъ поступиться въ своихъ отношеніяхъ къ этой низшей расѣ, какъ побѣжденному народу, а потому находитъ всѣ легальные способы наживы и обогащенія насчетъ послѣдняго вполнѣ дозволительными и нормальными, лишь бы формальная правда не была нарушена. Образцомъ подобныхъ отношеній можетъ служить еще въ настоящее время политика сѣверо-американцевъ по отношенію къ краснокожимъ индѣйцамъ и англичанъ къ туземцамъ многихъ американскихъ и азіатскихъ колоній. Многое, что дозволяется или, точнѣе, попускается закономъ или практикой, при существованіи такой системы, для бѣлыхъ пришельцевъ, воспрещается туземцамъ и даже встрѣчаетъ противодѣйствіе.

Наконецъ, третій способъ отношеній культурнаго человѣка

---

1) См. The Statesman's Yearbook for 1881, by *Frederick Mortin*, стр. 710, а также: Der Welthandel. Illustrirte Monatshefte für Handel u. Industrie etc. Zweiter Jahrgang. 1870, стр. 495.

къ дикарю заключается въ томъ, что интересы туземцевъ принимаются во вниманіе одинаково съ интересами и выгодами бѣлыхъ колонистовъ. Культурный человѣкъ здѣсь уже отказывается отъ стараго и привычнаго воззрѣнія на туземца исключительно какъ на объектъ своего легкаго обогащенія, находящійся почти внѣ дѣятельной защиты правительства и его органовъ. Европеецъ вступаетъ въ состязаніе съ туземцемъ, но уже исключительно на мирной аренѣ труда, какъ промышленникъ, какъ наниматель его рабочей силы.

Но и здѣсь, къ сожалѣнію, при такой системѣ колоніальной политики, получившей свое начало лишь самое послѣднее время, туземецъ выигрываетъ отъ своего общенія съ европейцемъ весьма немного: чаще всего благія начинанія этого новаго характера отношеній культурнаго человѣчества къ низшимъ расамъ встрѣчаются съ явными или скрытыми противодѣйствіями, которыя лежатъ въ самомъ корнѣ племенныхъ, интеллектуальныхъ и иныхъ различій между двумя расами. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ незнаніе или неуваженіе со стороны европейца къ непонятнымъ или несимпатичнымъ для него мѣстнымъ учрежденіямъ и обычаямъ низшей расы. Затѣмъ стоитъ рутина и, какъ послѣдствіе ея, нетерпимость къ вѣковымъ привычкамъ другого народа и мѣрка чуждыхъ явленій и отношеній на свой европейскій аршинъ... Что хорошо для меня, разсуждаетъ европеецъ, то хорошо и для всякаго другого ниже меня. И вотъ при самомъ, повидимому, доброжелательномъ отношеніи къ интересамъ мѣстнаго туземнаго населенія, европейскія мѣропріятія не приносятъ ему ничего, кромѣ вреда, и зачастую, къ удивленію носителей культуры, вмѣсто благодарности къ ея плодамъ, родятъ у туземцевъ лишь недовольство и вызываютъ открытыя волненія. Извѣстенъ всѣмъ примѣръ англичанъ, которые, привыкши къ собственнымъ формамъ землевладѣнія, тщетно искали въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи ландлордовъ и, наконецъ, превратили въ крупныхъ землевладѣльцевъ простыхъ сборщиковъ податей. Такую же пагубную ошибку, только съ умысломъ, совершаютъ французы, какъ это видно изъ книги проф. Ковалевскаго [1]), въ Алжирѣ, съ настойчивостью и послѣ-

[1]) *М. М. Ковалевскій*: Общинное землевладѣніе; причины, ходъ и послѣдствія его развитія, 1879.

довательно уничтожая родовое и общинное землевладѣніе, отчасти по политическимъ соображеніямъ, а главнымъ образомъ потому, что такая система землевладѣнія не принята во Франціи и не имѣетъ санкціи отъ европейской науки.

Послѣ приведенныхъ примѣровъ, можно, пожалуй, заключить, что европейскія учрежденія совсѣмъ не могутъ имѣть никакого приложенія между низшими расами съ соблюденіемъ интересовъ этихъ послѣднихъ. Но такой выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ, и если обратиться къ той же исторіи колоніальной политики, то нетрудно найти многіе примѣры обратнаго и встрѣтить такіе случаи, гдѣ многія формы европейскаго общежитія и самыя учрежденія легко воспринимаются и усвояются низшими расами лишь при необходимомъ условіи приноровленія ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Требуется лишь измѣненіе и приспособленіе новыхъ формъ согласно народному духу туземцевъ, ступени ихъ экономическаго развитія, ихъ привычкамъ и обычаямъ, которые культурный человѣкъ обязанъ изучить прежде, чѣмъ приступить къ исполненію принятой на себя цивилизаторской миссіи. Наилучшимъ аргументомъ въ данномъ случаѣ можетъ послужить новѣйшая исторія именно острововъ Фиджи: со временъ извѣстнаго намъ короля Какабо и затѣмъ послѣ присоединенія этихъ острововъ въ 1874 году къ Англіи и до настоящаго времени на нихъ произведенъ рядъ попытокъ установленія европейскихъ финансовыхъ формъ, однородныхъ по своему содержанію, но весьма различныхъ по результатамъ. Попытки эти являются въ одно и тоже время прекраснымъ примѣромъ всей условности финансовой науки и также поучительнымъ образцомъ, наглядно подтверждающимъ возможность и даже пользу разумнаго введенія европейскихъ формъ, но лишь съ необходимыми измѣненіями по мѣстнымъ условіямъ.

Прежде всего нѣсколько словъ о государственной организаціи фиджіанцевъ и ихъ соціальномъ бытѣ. Жителей Фиджи отнюдь нельзя назвать дикарями. Они ведутъ осѣдлый образъ жизни, поселяясь цѣлыми обществами въ весьма удобно устроенныхъ и приноровленныхъ къ житью постройкахъ; съ уваженіемъ они относятся къ земледѣлію, которымъ и занимаются. Ихъ общественная и политическая организація отличается, какъ мы сейчасъ увидимъ, значительной сложностью, что уже ука-

зываетъ на довольно высокую ступень развитія. Они накопляютъ богатства и имѣютъ законы о наслѣдствѣ (по женской линіи), хотя въ то же время, судя по описаніямъ, преимущественной формой землевладѣнія между ними является общинное, причемъ общины, что составляетъ ихъ особенность, кромѣ земли, владѣютъ и общинными нераздѣльными стадами, рядомъ съ которыми, впрочемъ, могутъ имѣть мѣсто и частныя. Большинство фиджіанцевъ умѣютъ читать, писать и знакомы съ цифрами; женщины между ними уважаются, занимаютъ высокое соціальное положеніе и избавлены поэтому отъ земледѣльческихъ работъ. Почти въ каждой деревнѣ имѣется школа, и всѣ фиджіанцы считаются христіанами, хотя нѣкоторые и номинально. Вообще, по свидѣтельству новѣйшихъ англійскихъ источниковъ, населеніе острововъ обнаруживаетъ постепенный и весьма быстрый прогрессъ относительно многихъ лучшихъ сторонъ европейской жизни.

Политической единицей у нихъ является деревня, во главѣ которой стоитъ мѣстный вождь или старшина, номинально назначаемые окружнымъ совѣтомъ, а на практикѣ очень часто наслѣдственные. Этотъ вождь состоитъ предсѣдателемъ деревенскаго совѣта, и рядомъ съ нимъ стоятъ нѣсколько иныхъ исполнительныхъ чиновъ, какъ-то: судья, часто родственникъ вождя, одинъ или нѣсколько полицейскихъ чиновъ, глашатай или герольдъ (наслѣдственная, весьма почетная должность въ поселеніи), надсмотрщикъ за садами и огородами. Нѣсколько такихъ деревень или поселеній составляютъ округъ, во главѣ котораго стоитъ начальникъ округа, на мѣстномъ языкѣ— обули“ (Buli), который однажды въ мѣсяцъ собираетъ вождей всѣхъ подвѣдомственныхъ селеній, составляя такимъ образомъ окружной совѣтъ (Bose ni Tikina) и трактуетъ съ ними дѣла округа, какъ-то: очистку и устройство деревень, способы наилучшаго завѣдыванія или распоряженія стадами, принадлежащими общинамъ, улучшеніе и содержаніе дорогъ и мостовъ и имѣетъ надзоръ за общественными купальнями. Окружной совѣтъ назначаетъ, также и смѣняетъ мѣстныхъ или сельскихъ вождей, контролируетъ уплату мѣстныхъ сборовъ и слѣдитъ за дѣятельностью полиціи. Слѣдующая ступень въ государственномъ устройствѣ, т. н. Провинціальный Совѣтъ, а во главѣ его

БИБЛІОТЕКА Т. О. С.

старшій вождь (Roko-Tui; всѣхъ ихъ число въ странѣ—двѣнадцать). Этотъ совѣтъ (Bose vaka yasana) составляется изъ Buli или окружныхъ начальниковъ и обязательно собирается два раза въ годъ, причемъ каждый Buli даетъ подробный отчетъ о своемъ округѣ, затѣмъ совѣщаются о мѣстныхъ дѣлахъ и распредѣляютъ мѣстные налоги. Наконецъ, высшимъ органомъ управленія, съ которымъ непосредственно совѣщался король, когда Фиджи составляло королевство, а нынѣ англійскій губернаторъ, является Великій Совѣтъ или Bose vaka Turgana, который собирается однажды въ годъ и составляется изъ Roko Tui или провинціальныхъ вождей, нѣсколькихъ судей и двухъ Buli или окружныхъ начальниковъ по выбору провинціальнаго совѣта. Здѣсь въ свою очередь каждый изъ провинціальныхъ вождей (Roco Tui) представляетъ полный отчетъ о состояніи своей провинціи за годъ и дѣлаетъ предложенія о тѣхъ законодательныхъ или административныхъ мѣрахъ, которыя по ихъ мнѣнію желательно видѣть принятыми правительствомъ.

Такова старая туземная организація управленія, и англичане мало ее измѣнили. На ежегодномъ собраніи Великаго Совѣта присутствуетъ нынѣ губернаторъ, и постановленія этого собранія по прежнему имѣютъ значеніе рекомендаціи, которую въ старое время принималъ или отвергалъ Какабо, а нынѣ представитель британскаго правительства. Вообще же, по словамъ нынѣшняго губернатора Артура Гордона, постановленія Совѣта отличаются такимъ здравымъ смысломъ и практичностью въ отношеніи къ разбираемымъ дѣламъ, что неоднократно заслуживали самаго горячаго одобренія будто бы британскаго правительства и обыкновенно доводятся имъ, т. е. губернаторомъ, до послѣдней инстанціи, или такъ называемаго „Законодательнаго Совѣта“, который состоитъ частью изъ европейцевъ, частью изъ туземцевъ и уже придаетъ постановленіямъ Высшаго Совѣта силу закона. Во всѣхъ этихъ органахъ мѣстнаго самоуправленія, утверждаетъ Гордонъ, онъ встрѣчаетъ постоянно дѣятельныхъ, способныхъ исполнителей какъ постановленій своихъ учрежденій, такъ и спеціальныхъ распоряженій англійской власти [1]).

[1]) См. Proceedings of the Royal Colonial Institute. Volume the Tenth 878—79. „Native Taxation in Fiji“. By the Hon. *Sir Arthur Gordon etc.*

Заручившись этими общими понятіями объ организаціи управленія на Фиджи, мы можемъ прямо перейти къ вопросу о налогахъ. Мы покинули Какабо въ тотъ моментъ, когда онъ заключилъ условіе съ Полинезійской Компаніей, столь невыгодное для его страны, чтобы только избавиться отъ притязанія американцевъ. До сихъ поръ правительство Какабо довольствовалось для своихъ потребностей тѣми матеріальными средствами, которыя заключались въ различныхъ натуральныхъ сборахъ и небольшой таможенной пошлинѣ съ привозныхъ товаровъ. Съ заключеніемъ договора и основаніемъ могущественной Полинезійской Компаніи его финансовыя обстоятельства измѣнились рѣшительно къ худшему. Значительная часть лучшихъ земель во владѣніяхъ отошла къ Компаніи, слѣдовательно сборы уменьшились; съ другой стороны Компанія, какъ мы знаемъ, выговорила себѣ безпошлинный, свободный привозъ и вывозъ всякихъ товаровъ, а черезъ это и доходъ отъ пошлинъ также упалъ. Туземцы, т. е. 0,99 всего населенія, всегда были плохими плательщиками таможенныхъ налоговъ, такъ какъ ничего почти не потребляютъ изъ европейскихъ продуктовъ, кромѣ немногихъ тканей и металлическихъ издѣлій; теперь же, черезъ освобожденіе вмѣстѣ съ Полинезійской Компаніей наиболѣе состоятельныхъ европейцевъ отъ таможеннаго налога, доходъ короля Какабо дѣлался окончательно ничтожнымъ, и онъ долженъ былъ позаботиться о его дополненіи. И вотъ Какабо начинаетъ совѣщаться съ своими бѣлыми друзьями о томъ, какимъ образомъ отвратить бѣду, и получаетъ отъ нихъ весьма коварный, какъ мы сейчасъ увидимъ, совѣтъ ввести первый прямой налогъ въ странѣ и, чтобы менѣе утруждать себя, вѣроятно, — въ формѣ денежнаго сбора, а не натуральныхъ поборовъ, какъ это имѣло мѣсто до того времени. Такимъ путемъ явился на свѣтѣ, на о. Фиджи, первый и, надо думать, послѣдній денежный налогъ въ царствованіе Какабо, такъ какъ вызвалъ собой сильныя неудовольствія туземцевъ и привелъ скоро къ англійскому владычеству. Налогъ былъ установленъ въ формѣ всеобщей поголовной или подушной подати въ размѣрѣ 1 ф. с. на всякаго мужчину и 4 шил. на всякую женщину по всѣмъ островамъ. Какъ мы уже говорили, даже до сихъ поръ на о. Фиджи существуетъ еще натуральное хозяйство

и мѣновая торговля. Очень немногіе туземцы владѣютъ деньгами. Ихъ богатство состоитъ исключительно изъ различныхъ сырыхъ продуктовъ и стадъ, а не въ деньгахъ. Между тѣмъ, новый налогъ требовалъ въ извѣстные періоды времени во что бы то ни стало денегъ, для семейнаго туземца весьма значительныхъ въ сложности. До сихъ поръ туземецъ не привыкъ ни къ какимъ индивидуальнымъ тягостямъ въ пользу правительства, кромѣ личныхъ повинностей. Всѣ сборы, какіе случались, уплачивались общиной или деревней, къ которой онъ принадлежалъ, и съ общихъ полей, съ которыхъ получаетъ онъ свой главный доходъ. Ему оставался одинъ исходъ искать денегъ у бѣлыхъ колонистовъ, т. е. обратиться или къ торговцу, или къ плантатору. Первому онъ долженъ былъ продать свой продуктъ по какой угодно цѣнѣ, такъ какъ сборщикъ податей требовалъ деньги къ извѣстному опредѣленному сроку, или даже занять денегъ подъ будущій продуктъ, чѣмъ конечно торговецъ пользовался, чтобы брать безбожные проценты; или же онъ долженъ былъ обратиться къ плантатору и продать ему свой трудъ т. е. поступить въ рабочіе. Но заработная плата на о. Фиджи оказалась, вслѣдствіе, вѣроятно, единовременнаго большого предложенія, очень низкой—не болѣе, согласно показанію настоящей администраціи, одного шиллинга въ недѣлю для взрослаго мужчины, или 2 ф. 12 шил. въ годъ и, слѣдовательно, лишь для того, чтобы получить деньги, необходимыя для уплаты только за самого себя, не говоря о семействѣ, фиджіанецъ долженъ бросить свой домъ, семью, собственныя земли и хозяйство и, переселившись часто далеко на другой островъ, закабалить себя плантатору по крайней мѣрѣ на полгода, чтобы выручить 1 фунтъ необходимый для уплаты новаго налога; для уплаты же налога за все семейство онъ долженъ былъ искать другихъ средствъ. Понятенъ результатъ такого порядка. Съ полутораста тысячъ подданныхъ Какабо собиралъ всего только 6000 ф. с.; и вотъ начинается усиленное вымогательство податей, дотолѣ незнакомое, и рядъ принудительныхъ мѣръ. Мѣстная администрація, прежде неподкупная, весьма скоро стакнулась съ бѣлыми плантаторами, которые начали вертѣть страною. За неплатежъ фиджіанцы притягиваются къ суду и приговариваются, кромѣ судебныхъ издержекъ,

къ заключенію въ тюрьму на сроки не менѣе какъ на полгода Роль этой тюрьмы играютъ плантаціи перваго бѣлаго, который пожелаетъ внести налогъ и судебныя издержки за приговореннаго. Такимъ образомъ бѣлые получаютъ въ изобиліи дешевый трудъ, въ какомъ угодно количествѣ. Первоначально дозволялась эта принудительная отдача на работы срокомъ на полгода, но затѣмъ подкупленные судьи находили возможнымъ назначать на работы даже на восемнадцать мѣсяцевъ, а потомъ свой приговоръ возобновлять вновь.

Весьма быстро, въ нѣсколько лѣтъ, картина экономическаго положенія жителей Фиджи совершенно измѣнилась. Цѣлые цвѣтущіе зажиточные округа на половину обезлюдѣли и крайне обѣднѣли. Все мужское населеніе, кромѣ стариковъ и слабосильныхъ, работало на сторонѣ у бѣлыхъ плантаторовъ, чтобы добыть деньги, нужныя для уплаты налога или по приговору суда. Женщины, какъ мы уже говорили, въ Фиджи почти не несутъ никакихъ земледѣльческихъ работъ; а потому въ отсутствіе мужчинъ хозяйства были запущены или совсѣмъ брошены. Въ нѣсколько лѣтъ половина населенія Фиджи превратилась въ рабовъ бѣлыхъ колонистовъ. Натурально возникло общее народное недовольство и благоденствовали лишь одни плантаторы. Взоры фиджіанцевъ невольно начали опять обращаться къ Англіи въ надеждѣ, что сильная британская власть можетъ положить конецъ этому ненормальному порядку вещей и произвольнымъ финансовымъ экспериментамъ Какабо и его бѣлыхъ совѣтниковъ. Появилось новое прошеніе, покрытое множествомъ подписей именитѣйшихъ лицъ и вождей, о принятіи ихъ въ англійское подданство и было вручено британскому консулу. Къ этому времени Англія, благодаря своимъ ученымъ экспедиціямъ, успѣла не только изучить, но даже измѣрить острова и должнымъ образомъ оцѣнить природныя богатства этого прекраснаго уголка земнаго шара. По всѣмъ этимъ причинамъ переговоры на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ 1874 г., къ большому неудовольствію американскихъ плантаторовъ, Англія оффиціально вступила во владѣніе островами Фиджи, присоединивши ихъ къ своимъ колоніямъ. Какабо умеръ, а его наслѣдникамъ назначена маленькая пенсія.

Въ первый годъ своего присоединенія къ Англіи Фиджи не

имѣло своего управленія, а находилось подъ вѣдѣніемъ сэръ Робинзона, губернатора Новаго Южнаго Валлиса, который назначилъ сюда администратора. Принимая въ свои руки острова, англійское правительство должно было разрѣшить трудную задачу удовлетворить разнообразнымъ ожиданіямъ, на него возлагаемымъ. Туземцы, конечно, разсчитывали прежде всего на уничтоженіе ненавистнаго для нихъ подушнаго налога, бѣлые же колонисты, частью (американцы) относились къ британскому владычеству съ недовѣріемъ, частью же (англійскаго происхожденія) расчитывали на всякія блага—признаніе наприм. своего верховенства надъ туземцами, освященіе своихъ правъ на земельные захваты и т. д. Англійское управленіе оказалось, однако, вполнѣ на высотѣ своей задачи, и первымъ его дѣйствіемъ было уничтоженіе навсегда подушнаго налога, создавшаго рабство туземцевъ для выгодъ немногихъ колонистовъ. Но тутъ сэру Робинзону представлялась тотчасъ же другая трудная диллема. По принятому правилу англійской колоніальной политики колоніи должны содержать себя сами, т. е. находить свои собственныя средства на удовлетвореніе расходовъ по управленію. Между тѣмъ, съ уничтоженіемъ подушнаго налога всѣ доходы на Фиджи (съ таможенныхъ пошлинъ) не превышали 6000 ф., тогда какъ расходы на управленіе требовали по меньшей мѣрѣ 70000 въ годъ. Очевидно необходимо было изобрѣсти новый финансовый источникъ, который бы покрылъ этотъ громадный дефицитъ, а также сократить по возможности расходы, замѣнивши, напр., гдѣ можно бѣлыхъ чиновниковъ туземцами. Послѣ нѣкотораго размышленія и совѣщанія съ послѣдними, сэръ Робинзонъ на мѣсто старой подушной подати установилъ, какъ онъ назвалъ, „налогъ на трудъ“ (labour tax) или точнѣе личную повинность натурой, выкупаемую, впрочемъ, деньгами, исключительно лишь для взрослыхъ туземцевъ мужскаго пола. Каждый новый британскій подданный обязанъ былъ отдать двадцать дней своего труда въ году для казенныхъ работъ по указанію управленія или могъ откупиться отъ нихъ, заплативши извѣстную сумму по таксѣ. Весьма скоро однако планъ сэра Робинзона оказался полнѣйшей неудачей. Первоначально еще нѣкоторые туземцы, опасаясь отдачи по старому на работу къ колонистамъ, откупались, доставая небольшія

суммы денегъ взаймы у торговцевъ; но затѣмъ огромное большинство нашло болѣе выгоднымъ—прямо предложить правительству свой трудъ и сэръ Робинзонъ очутился въ крайнемъ затрудненіи, на какія общественныя работы можно употребить такую массу рукъ? Такихъ мѣстъ, гдѣ требовалась работа (напримѣръ вродѣ исправленія дорогъ, постройки казенныхъ зданій), было сравнительно немного; между тѣмъ, населеніе разбросано по многочисленнымъ островамъ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Во многихъ округахъ колоніи не было совсѣмъ надобности въ общественныхъ работахъ, къ которымъ можно было бы примѣнить трудъ такихъ многочисленныхъ рукъ, и приходилось изобрѣтать такія работы, часто для колоніи совсѣмъ не нужныя, между тѣмъ, какъ денежныя затраты на управленіе попрежнему оставались не покрытыми. Черезъ годъ острова Фиджи были превращены въ самостоятельную британскую колонію и въ нихъ назначенъ губернаторомъ сэръ Артуръ Гордонъ, весьма извѣстный въ Англіи дѣятель и бывшій членъ Палаты Общинъ. Ему одному, такимъ образомъ, предстояло исправить сдѣланное и выпутать колонію Фиджи изъ затруднительнаго финансоваго положенія.

Сэръ Гордонъ видѣлъ, что не могло быть и рѣчи о возстановленіи прежняго подушнаго налога. Съ другой стороны, изобрѣтенный Робинзономъ налогъ на трудъ оказался на практикѣ никуда негоднымъ и не удовлетворялъ поставленнымъ цѣлямъ. Необходимо было найти что-нибудь новое, не столько по содержанію, сколько по формѣ и примѣненію. Для этого сэръ Гордонъ, какъ умный и ловкій администраторъ, прежде всего обратился къ изученію мѣстныхъ условій и пожелалъ опредѣлить, какими способами добываютъ туземцы средства необходимыя для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, т. е. какъ получаются земскіе сборы, употребляемые на содержаніе дорогъ, школъ и т. д. Оказалось во-первыхъ, что всѣ эти сборы, при существующей общинной системѣ землевладѣнія были всегда общинными, а не индивидуальными, т. е. уплачивались цѣлой общиной или деревней, а не каждымъ лицомъ отдѣльно. Во-вторыхъ оказалось, что сборы эти всегда были натуральные, т. е. дороги, напр., содержались и чинились самими жителями безъ особеннаго для того найма, учителя и разныя служебныя

лица точно также вмѣсто денегъ вознаграждались всегда сырыми продуктами или долей въ общинныхъ земельныхъ участкахъ и стадахъ. Въ третьихъ, изъ изслѣдованій Гордона оказалось, что вся эта система сборовъ велась общинами совершенно самостоятельно, независимо отъ центральнаго правительства, и въ то же время въ общемъ довольно успѣшно, т. е. всѣ мѣстныя нужды удовлетворялись своевременно и вполнѣ. Заручившись этими важными свѣдѣніями, сэръ Гордонъ уже могъ съ большею увѣренностью приступить къ преобразованію финансовой системы колоніи.

Такъ какъ все богатство туземцевъ Фиджи заключается въ землѣ и ея продуктахъ, разсуждалъ сэръ Гордонъ, то, конечно, новый налогъ, долженствующій замѣнить собою прежній, долженъ быть непремѣнно налогъ земельный, т. е. падать на жителей, соображаясь съ количествомъ и качествомъ земли въ ихъ владѣніи. Но туземцы не знали въ то же время индивидуальныхъ сборовъ, исключительно живя въ тѣсной общинной связи и уплачивая сборы только общинные. Поэтому естественно и новый налогъ долженъ былъ принять привычный для нихъ характеръ, т. е. падать на общину, а не на отдѣльнаго индивида и притомъ въ формѣ натуральнаго сбора продуктами, а не деньгами. На этихъ руководящихъ началахъ Гордонъ составилъ проектъ и предложилъ „Законодательному Совѣту“ Фиджи, который разработалъ его въ подробностяхъ и принялъ единогласно въ 1876 году.

Нельзя не отдать полной справедливости энергіи и замѣчательнымъ административнымъ способностямъ сэра Гордона въ проведеніи этой важной законодательной мѣры, не смотря на явное, а еще сильнѣе тайное, противодѣйствіе и даже упорное сопротивленіе, какъ въ колоніи, такъ и въ самой Англіи. Имѣя здѣсь въ виду исключительно интересы туземнаго населенія колоніи, ему ввѣренной, Гордонъ дѣйствовалъ рѣшительно наперекоръ выгодамъ кучки бѣлыхъ поселенцевъ, захватившихъ въ странѣ значительную власть, и лишилъ ихъ своей мѣрой изобильныхъ и дешевыхъ рабочихъ. Но мало того, ему еще необходимо было ради этой реформы отрѣшиться отъ многихъ личныхъ предразсудковъ, свойственныхъ европейцамъ въ ихъ отношеніяхъ къ низшимъ расамъ, даже при полномъ

уваженіи къ желаніямъ этихъ послѣднихъ; и, наконецъ, пришлось отказаться, принаравливаясь къ мѣстнымъ условіямъ и учреждая общины и натуральные сборы вмѣсто денежныхъ, отъ примѣненія самыхъ первичныхъ началъ европейской финансовой политики, единственно признаваемыхъ доселѣ правильными. Какъ извѣстно, вездѣ въ Европѣ натуральные сборы, какъ способы полученія государственнаго дохода, давно осуждены и перешли въ область преданія. Гордонъ же имѣлъ смѣлость, вопреки всему сказанному, примѣнить ихъ на обширномъ пространствѣ новой британской колоніи Фиджи съ наилучшими, какъ мы увидимъ сейчасъ, результатами.

Опишемъ вкратцѣ устройство этого оригинальнаго земельнаго налога. Ежегодно „Законодательный Совѣтъ“ колоніи по соглашенію съ губернаторомъ опредѣляетъ въ фунтахъ стерлингахъ денежный размѣръ налога, необходимый для полученія, и затѣмъ разноситъ эту сумму по двѣнадцати провинціямъ, составляющимъ колонію, причемъ расцѣнка оклада производится относительно каждой провинціи на основаніи соображеній о размѣрѣ земли тамъ обрабатываемой, ея плодородію и свойствѣ продуктовъ, а также смотря по численности населенія и степени его цивилизаціи, различной для разныхъ провинцій. Въ то же время законодательнымъ совѣтомъ составляется также и такса или расцѣнка продуктовъ, въ которыхъ налогъ можетъ уплачиваться. Наиболѣе употребительные продукты, въ формѣ которыхъ поступаетъ взносъ налога, суть слѣдующіе: кокосы, хлопокъ, плоды восковаго дерева, табакъ, маисъ и кофе; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ округахъ для уплаты налога допускается также такой странный продуктъ, какъ трипангъ или голотурія—морской червь, очень любимый китайцами. На обязанности слѣдующей инстанціи, о которой мы знаемъ,—„Провинціальнаго Совѣта“ (Bose voka yasana) лежитъ разнесеніе денежной суммы налога, приходящейся на провинцію, уже по отдѣльнымъ округамъ, и притомъ на этотъ разъ уже переводя, согласно годичной таксѣ, эту сумму на продукты извѣстнаго рода, которыми этотъ налогъ будетъ собираться въ данномъ округѣ. Окружной Совѣтъ, въ свою очередь, разноситъ приходящуюся на его долю сумму продуктовъ по отдѣльнымъ общинамъ, а въ этихъ послѣднихъ Buli и совѣтъ старшинъ разлагаютъ ихъ или часто лишь трудъ,

нужный для производства этихъ продуктовъ, между отдѣльными членами общинъ. Способъ этой раскладки, при этомъ, оставленъ вполнѣ на произволъ общинъ и до крайности разнообразенъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производятъ извѣстный употребляемый для уплаты налога продуктъ вмѣстѣ съ тѣмъ, который готовятъ для домашняго употребленія и продажи; въ другихъ же случаяхъ по нѣсколько деревень собираются вмѣстѣ и устраиваютъ одну общую большую плантацію, спеціально засаженную извѣстными растеніями для уплаты налога. Всѣ жители обработываютъ и ухаживаютъ вмѣстѣ за этой плантаціей, и весь продуктъ съ этихъ такъ называемыхъ правительственныхъ садовъ или огородовъ поступаетъ цѣликомъ въ руки казны.

Собранные продукты продаются колоніальнымъ правительствомъ европейскимъ торговцамъ съ аукціона за возможно высшую цѣну и передаются покупателямъ по полученіи уплаты. При этомъ, если бы цѣна продукта случайно поднялась противъ таксы, или самаго продукта отъ какой-нибудь общины поступило больше, чѣмъ отъ нея требовалось налога въ деньгахъ, то весь излишекъ цѣны возвращается плательщикамъ данной общины, при чемъ казна такъ выгодно устраиваетъ продажу, что въ 1878 г., напримѣръ, такого излишка возвращено было до 2000 ф. с. Мало того: такъ какъ правительство является заинтересованнымъ здѣсь въ качествѣ продуктовъ и ихъ хорошей доставкѣ, то ежегодно колоніальное управленіе раздаетъ общинамъ лучшіе сорта сѣмянъ различныхъ продуктовъ, болѣе усовершенствованныя орудія, мѣшки для сбереженія, сопровождая все это практическими совѣтами и указаніями относительно улучшенія земледѣльческой культуры, въ чемъ такимъ образомъ являются непосредственно заинтересованными одинаково обѣ стороны, и туземцы, и правительство. Результаты во всѣхъ отношеніяхъ были вполнѣ удовлетворительны; во-первыхъ, въ финансовомъ: въ 1875 году, при вступленіи въ должность, сэръ Гордонъ засталъ „трудовой налогъ“ съ доходомъ всего лишь въ 3,099 ф. с. Въ первый же годъ введенія новый „поземельный налогъ“ далъ 9,342 ф. с., въ 1877 г.— 15,149 ф., въ 1878 г. — уже 19,000 ф., при чемъ издержки, считая тутъ между прочимъ и трату на разныя улучшенія

культуры, не превосходили 2,000 ф. Въ таможенныхъ пошлинахъ и другихъ сборахъ, преимущественно падающихъ на бѣлыхъ, также были сдѣланы необходимыя измѣненія, а въ издержкахъ—сокращенія; такъ что въ то время, какъ въ 1875 году общій доходъ колоній не превышалъ 16,000 ф., а расходъ 70,000, черезъ три года, т. е. въ 1877 г., общая сумма доходовъ равнялась 60,000 ф. и балансировала съ расходами, которые также понизились до 60,000 ф.

Еще ощутительнѣе были результаты экономическіе. До введенія новаго натуральнаго сбора туземецъ долженъ былъ продавать продуктъ торговцу, чтобъ выручить необходимыя деньги, по цѣнѣ, произвольно назначаемой этимъ послѣднимъ. При своей непривычкѣ и незнакомствѣ съ деньгами, при господствѣ исключительно мѣновой торговли, фиджіанецъ не имѣлъ никакой точной мѣрки для оцѣнки взаимной стоимости извѣстнаго количества того или другого продукта и суммы денегъ, которыя торговецъ за него давалъ, тѣмъ болѣе, что это отношеніе постоянно колеблется по естественнымъ условіямъ рынка. Стремленіе къ наивозможно болѣе крупному барышу вело со стороны бѣлыхъ торговцевъ къ сильному обману несвѣдущаго туземца. Такъ въ 1876 г., во всѣхъ лавкахъ главнаго города Фиджи-Левука приняты были за правило двѣ цѣны каждаго товара, одна для европейцевъ и другая—вдвое больше „туземная цѣна“, для аборигеновъ Фиджи, точно также какъ въ недавнемъ прошломъ во всѣхъ наиболѣе оживленныхъ пунктахъ Германіи, куда приливала масса путешественниковъ, существовалъ рядомъ съ „echter Preis“ „Narrenpreis“ или „Russenpreis“. По общему правилу торговецъ предлагалъ туземцу за его продуктъ отнюдь не больше половины настоящей цѣны. Такъ, наприм., приводитъ Гордонъ, когда кокосы стоятъ 6 ф. 10 шил. за полтонны, торговецъ даетъ туземцу 3 ф. и притомъ не деньгами, а товаромъ: матеріалами, ножами, инструментами и т. п., при чемъ опять оцѣнивалъ свой товаръ по меньшей мѣрѣ вдвое. Въ результатѣ туземецъ получалъ за свои кокосы вмѣсто 6 ф. 10 шил. всего лишь цѣнность равную 1 ф. 10 шил., т. е. въ четыре, пять разъ меньше, чѣмъ слѣдовало. Хорошее дѣйствіе новаго налога выразилось уже въ томъ, что такой наглый обманъ сдѣлался теперь почти невозможнымъ, благодаря тому,

Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности.

Государственное вмѣшательство въ область промышленности можетъ выражаться, *во-первыхъ*, въ мѣрахъ къ споспѣшествованію и поощренію развитія промышленности; *во вторыхъ*, въ мѣрахъ, имѣющихъ своей задачей регулированіе наличныхъ условій промышленности въ интересахъ общаго блага, — этой высшей конечной цѣли существованія самого государства. Отсюда очевидно, что эти мѣры имѣютъ *положительный* характеръ, когда государство стремится тѣми или иными способами и проявленіемъ своей власти развить или поднять ту или иную отрасль промышленности или спеціальные интересы лицъ ею занимающихся; или же—характеръ *отрицательный*, когда государство путемъ запрещеній или дозволеній старается измѣнить настоящія условія промышленнаго труда въ томъ или иномъ направленіи.

Въ виду такой постановки для насъ является необходимымъ разрѣшить принципіальный вопросъ, во 1-хъ, по какому праву государство беретъ на себя рѣшеніе столь обширныхъ задачъ; во 2-хъ, будетъ ли соотвѣтствовать такой образъ дѣйствій общимъ интересамъ народа; и, наконецъ, въ 3-хъ, какія причины и какимъ путемъ привели государство къ созданію этой особой отрасли законодательства?...

Промышленная дѣятельность есть одинъ изъ видовъ труда, имѣющихъ своей задачей добываніе матеріальныхъ благъ; но если мы обратимся къ практической жизни, то сейчасъ же уви-

димъ, что по общему правилу наилучшимъ регуляторомъ всякой успѣшной дѣятельности является свобода дѣйствія и самоинтересъ. Прежде всего, въ выборѣ рода дѣятельности никто не можетъ быть лучшимъ судьей, какъ лицо, посвящающее себя тому или иному занятію: никто иной не можетъ лучше опредѣлить, конечно, его наклонности, вкусы и способности, а слѣдовательно и примѣнимость его труда къ данному дѣлу; никто иной не можетъ лучше заботиться объ его интересахъ и выгодахъ, какъ опять-таки онъ самъ. Всегда предполагается по общему правилу, что никто себѣ не врагъ и слѣдовательно не вступитъ въ такой договоръ съ другимъ лицомъ, который очевидно для него невыгоденъ, и не возьмется за трудъ, который наноситъ явный ущербъ его здоровью и его правамъ на сносное физическое и духовное существованіе. Таковы обычные выводы изъ наблюденій и рутины ежедневной жизни.

Но въ такомъ случаѣ, если эти наблюденія вѣрны и извѣстная свобода дѣйствій является необходимымъ условіемъ успѣшности человѣка въ промышленномъ трудѣ, то возникаетъ невольный вопросъ: почему же и для чего законодательство считаетъ должнымъ вмѣшиваться въ область промышленности съ своими правилами, запрещеніями и указаніями? не исказитъ ли оно свободное направленіе моего труда и тѣмъ парализуетъ мою предпріимчивость, и дастъ ей ложный и невыгодный для меня ходъ? Итакъ, при первыхъ же шагахъ въ обсужденіи задачъ промышленнаго законодательства мы приходимъ къ заключенію о необходимости предварительнаго посильнаго разрѣшенія вопроса—о правѣ государственнаго вмѣшательства съ одной стороны и о правѣ каждаго индивида на свободу своихъ дѣйствій—съ другой. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ области государственнаго права: исторія государственнаго вмѣшательства составляетъ лишь одинъ отдѣлъ роста и развитія государственной власти вообще, а экономическая свобода дѣятельности является тѣсно связанной съ исторіей политической свободы, и чтобы уразумѣть истинное значеніе этого вопроса, намъ необходимо бросить бѣглый взглядъ на общій историческій ходъ развитія власти.

Въ древнемъ мірѣ, у грековъ и у римлянъ, государство крайне разнится отъ настоящаго. У нихъ не было промышлен-

ности, столь могуче развитой въ настоящее время, и значительная часть сравнительно несложныхъ потребностей удовлетворялась трудомъ рабовъ. Война и политика—вотъ почти единственное занятіе древнихъ римлянъ. Средняго класса, въ рукахъ котораго нынѣ сосредоточена промышленная дѣятельность, тогда не существовало, и объ экономической свободѣ не могло быть рѣчи, да и вообще свобода въ древнемъ мірѣ была привилегіей, а вовсе не правомъ. Государство является всемогущимъ господиномъ всѣхъ гражданъ, и это особенно выразилось наглядно въ императорскій періодъ римской исторіи, когда въ рукахъ цезаря, какъ представителя демократіи и вѣчнаго трибуна плебса, очутилась вся власть, точнѣе — весь произволъ, принадлежавшій народу. Все сосредоточено было въ рукахъ императора — армія, финансы, религія, воспитаніе, правосудіе и т. д., включая собственность и жизнь каждаго изъ гражданъ. При жизни цезарь былъ Numen, божество покровительствующее; послѣ жизни становился Divus, одинъ изъ геніевъ охранителей имперіи. Единственнымъ источникомъ закона или права, какъ объясняли юристы въ III вѣкѣ, является воля императора: Quod Principi placuit, legis habet vigorem [1]).

Въ средніе вѣка, минуя первыя времена варварскихъ нашествій, когда сложилась феодальная система, вся почти Европа представляется раздѣленною на множество административныхъ единицъ, каждая съ своимъ барономъ или сеньеромъ во главѣ. Каждый баронъ является владѣльцемъ своей земли, вождемъ во время войны, судьей во время мира. Значительная часть народа превращена въ крѣпостныхъ; сравнительно немногочисленные городскіе жители замкнуты въ мѣстахъ своего поселенія въ цехи, гильдіи, корпораціи съ цѣлью защитить себя и охранить отъ произвола всесильныхъ бароновъ; о свободѣ личной для большинства и о свободѣ экономической дѣятельности, при строго замкнутыхъ цехахъ, не могло быть и рѣчи. Королевская власть, опираясь на симпатіи части народа, старается уничтожить могущество феодаловъ, и имъ въ этомъ случаѣ дѣятельно помогаютъ юристы, выдвигая на сцену принципы римскаго права. Ихъ естественнымъ идеаломъ является

---

[1]) См. Ed .Laboulaye: L'etat et ses limites. Paris. 1868.

римское государство съ единствомъ власти и съ равенствомъ всѣхъ подъ рукой одного монарха. Послѣ трехъ вѣковъ упорной борьбы, за исключеніемъ лишь Англіи, гдѣ исторія сложилась нѣсколько иначе (такъ какъ тамъ бароны въ борьбѣ съ королемъ вступили въ союзъ со всей землей), война противъ феодализма кончилась побѣдой королевской власти, и въ значительной части Европы къ XVII вѣку, напримѣръ, мы уже видимъ признаніе старой римской максимы: si veut le roi, si veut la loi. Наилучшимъ выраженіемъ этой абсолютной мощи является Людовикъ XIV и знаменитый его современникъ, представитель теоріи богословскаго абсолютизма, епископъ Боссюэтъ.

Но вотъ мало-по-малу начинается новая реакція: раззореніе и отягощеніе массы народа во многихъ странахъ, сильное и быстрое развитіе промышленности—какъ результатъ великихъ техническихъ изобрѣтеній въ XVIII в., невозможность для ея фабричныхъ формъ уложиться въ старыя узкія рамы ремесленнаго цеховаго строя, наконецъ ростъ и богатство окрѣпшаго повсюду средняго класса,—требуютъ новыхъ формъ политической и экономической жизни. Вмѣсто прежняго разнообразнаго мелочнаго вмѣшательства государства въ эпоху меркантильныхъ теорій XV, XVI и XVII вв. выдвигаются новыя ученія, наоборотъ — отрицающія всякое вмѣшательство. Естественно при этомъ, одна крайность родитъ другую и полная свобода экономической дѣятельности быстро признается единственной зиждительной силой всего человѣческаго прогресса. За государствомъ не оставляется больше никакой заботы о подданныхъ, кромѣ охраны ихъ правъ и личности, а крайности проявленій абсолютизма Людовика XIV переходятъ въ кровавые эксцессы французской революціи.

Главнѣйшимъ представителемъ и апостоломъ новыхъ идей въ XVIII в., наиболѣе всего притомъ сдѣлавшимъ для ихъ распространанія и популярности — былъ знаменитый Адамъ Смитъ. Принципы его системы свободной конкурренціи находятся въ тѣсной связи съ духомъ и настроеніемъ этого вѣка. Во всѣхъ образованныхъ странахъ тогдашней Европы среднее сословіе громко заявило требованіе на расширеніе своихъ политическихъ правъ; скептическое отношеніе къ существовавшимъ учрежденіямъ и стремленіе къ широкой индивидуальной

свободѣ составляютъ характерныя черты эпохи: братство, равенство, свобода служатъ лозунгомъ времени; господство разума, вѣротерпимость, свобода изслѣдованія, презрѣніе къ государственному произволу являются исходными точками всѣхъ господствующихъ стремленій. Сообразно имъ построены и воззрѣнія Смита: экономическая дѣятельность, свободная отъ всякихъ ограниченій; трудъ, свободный отъ всякой регламентаціи; промышленность и торговля, свободныя отъ всякой опеки и предоставленныя исключительно частной иниціативѣ. Какъ необходимое заключеніе изъ этихъ посылокъ выводится отрицаніе всякихъ монополій въ широкомъ смыслѣ, отрицаніе корпорацій, цеховъ, таксъ, уничтоженіе всякихъ торговыхъ запрещеній, какъ и поощреній, и вообще всякаго государственнаго вмѣшательства.

Описанныя воззрѣнія А. Смита являются естественнымъ логическимъ послѣдствіемъ изъ той исходной точки, которая стоитъ во главѣ его разсужденія,—отожествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общенародными. Государство въ глазахъ Смита есть не что иное, какъ простая связь индивидуальныхъ интересовъ; государственное богатство—не что иное, какъ простая совокупность частныхъ богатствъ. Но въ обыденной жизни существуетъ отожествленіе богатства съ счастіемъ, благополучіемъ человѣка и бѣдности—съ несчастіемъ. Между тѣмъ, какъ мы уже говорили, промышленная дѣятельность каждаго лица совершается тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ она свободнѣе, чѣмъ она менѣе искажается ограниченіями посторонняго вмѣшательства. Изъ этихъ двухъ посылокъ самъ по себѣ вытекаетъ выводъ, дѣлаемый Смитомъ и повторяемый всѣми его послѣдователями. Богатство страны или народа слагается изъ различныхъ богатствъ отдѣльныхъ индивидовъ, а слѣдовательно національное богатство—оно же и благополучіе или благосостояніе народа—должно расти по мѣрѣ того, какъ каждый индивидъ прибавляетъ нѣчто къ тому, чѣмъ онъ владѣетъ. При этомъ каждое ограниченіе составляетъ препятствіе къ пріобрѣтенію человѣкомъ богатства, и онъ всегда выиграетъ избѣгая его. Отсюда, всякое законодательное вмѣшательство дѣйствуетъ какъ помѣха народному благосостоянію и должно быть отвергнуто здравою политикой. Согласно этому воззрѣнію у Смита и всѣхъ позд-

нѣйшихъ экономистовъ его школы значѐніе государственной власти крайне умаляется и почти низводится до нуля. Ей оставляется только одна охранительная функція. По Смиту, на государствѣ лежатъ исключительно только три обязанности: 1) защищать государство отъ непріятельскаго нашествія; 2) производить правосудіе; 3) содержать такія учрежденія, которыя внѣ достиженія частнаго предпріятія [1]).

Воззрѣнія А. Смита на задачи государства относительно экономической дѣятельности до середины нынѣшняго столѣтія можно считать господствующими и общепризнанными. Всѣ важнѣйшіе экономисты и даже государственные люди держатся ихъ, за немногими лишь исключеніями: чѣмъ меньше государство вмѣшивается въ промышленность и торговлю, тѣмъ лучше, тѣмъ быстрѣй эти отрасли человѣческой дѣятельности развиваются, государство богатѣетъ, а съ этимъ увеличивается и народное благосостояніе. Laissez faire, laissez passer — вотъ магическая формула т. н. манчестерской партіи, могущество которой подорвано лишь за послѣднія тридцать лѣтъ. Обратимся же къ критикѣ этихъ воззрѣній и постараемся тѣмъ самымъ выяснить обязанности и цѣли современнаго государства по отношенію къ промышленности.

Исходный пунктъ А. Смита—отожествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общественными—представляетъ собою положеніе настолько слабое, что остается лишь удивляться, какимъ образомъ продолжительное время тѣхъ же воззрѣній могъ держаться длинный рядъ экономистовъ. На самомъ дѣлѣ, указанные интересы очень часто совпадаютъ, что и должно было способствовать заблужденію; но въ то же время это совпаденіе весьма нерѣдко со всѣмъ не имѣетъ мѣста, и интересы индивида и всего общества не только не тождественны, но даже бываютъ прямо враждебны. Классическимъ примѣромъ, всѣмъ извѣстнымъ и всѣми признаннымъ, служитъ рубка лѣсовъ ихъ владѣльцами. Въ очень многихъ случаяхъ сведеніе лѣсовъ можетъ быть очень выгодной операціей для ихъ владѣльцевъ и крайне пагубной для интересовъ всего народа и государства и будущихъ поколѣній, если, наприм., лѣсъ былъ расположенъ у истока рѣкъ

---

[1]) И. Янжулъ: Англійская свободная торговля, т. 1, стр. 154 и далѣе.

или въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вновь вырости не можетъ и т. п. Множество примѣровъ, подтверждающихъ то же положеніе, можно привести изъ наблюденій надъ фабричнымъ трудомъ. Длинные сроки работы, доходящіе на нѣкоторыхъ фабрикахъ до шестнадцати часовъ, или, наприм., ночной трудъ, могутъ безъ сомнѣнія, если требуется наибольшее количество выработки, а не качество продукта, оказаться весьма выгодными для предпринимателя и даже для кармана самого рабочаго; но нанося въ то же время безспорно значительный ущербъ физическому здоровью рабочихъ, истощая ихъ силы и изнашивая организмъ, длинная и особенно ночная работа являются для народа и государства положительнымъ убыткомъ. Еще примѣръ. Устройство усовершенствованной вентиляціи и нѣкоторыхъ огражденій машинъ для предупрежденія несчастій можетъ обходиться владѣльцу фабрики весьма дорого и чрезъ то избѣгаться; но едва ли кто будетъ спорить, что дурной воздухъ въ мастерской, сокращая жизнь рабочихъ, или неогражденные опасные механизмы, ежегодно уродующіе большое количество людей, могутъ обойтись для страны еще дороже и значительно перевѣсить ту затрату, какую бы стоило своевременное устраненіе всѣхъ означенныхъ бѣдствій.

По законамъ логики, чтобы отвергнуть положительное утвержденіе какого-либо наблюденія, достаточно привести даже одинъ фактъ отрицающій положеніе; а слѣдовательно, приведенные примѣры, число которыхъ притомъ легко можно бы увеличить, даютъ намъ право исходный пунктъ ученія о невмѣшательствѣ— тожество интересовъ — счесть ложнымъ и несостоятельнымъ. Очевидно, что политика выгодности полной свободы дѣйствія для интересовъ отдѣльнаго индивида можетъ совсѣмъ не примѣняться или даже вовсе противорѣчить интересамъ всего народа или государства. По той же причинѣ приходится отвергнуть и другое указанное положеніе Смита—отожествленіе богатства народа, какъ цѣли всей экономической политики съ его благосостояніемъ и благополучіемъ. Достаточно для этого привести одинъ примѣръ: интересамъ наибольшаго производства и слѣдовательно болѣе быстрому росту богатства страны, всего скорѣе отвѣчаютъ крупныя формы промышленности; между тѣмъ, въ интересахъ именно общаго блага, въ смыслѣ боль-

шаго благосостоянія массы народа, государство можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ предпочесть поощреніе и содѣйствіе мелкимъ формамъ ея,—кустарной и ремесленной, жертвуя такимъ образомъ быстрымъ ростомъ капитала болѣе равномѣрному распредѣленію его въ народѣ; и примѣръ такой политики мы встрѣчаемъ повсюду.

Но помимо невѣрности этого исходнаго положенія принциповъ свободной конкурренціи противъ начала невмѣшательства можно представить и другіе аргументы, не менѣе убѣдительные. Такъ, если обратиться къ аналогіи, то мы увидимъ, что въ настоящее время не существуетъ абсолютныхъ правъ и всякое право подвергается со стороны государства тѣмъ или инымъ ограниченіямъ, не вызывая между тѣмъ на себя никакихъ нареканій и являясь лишь результатомъ современнаго соціальнаго строя. Самый характерный примѣръ, это — налоги, которые, безъ сомнѣнія, составляютъ ограниченіе права всякой собственности, такъ какъ никакого прямого эквивалента плательщики налоговъ за свое пожертвованіе не получаютъ. Если затѣмъ взять отдѣльные виды собственности, то случаи ограниченія можно умножить до безконечности. Возьмемъ, наприм., хоть владѣніе недвижимой собственностью: никто не можетъ отказать въ продажѣ своей земли подъ желѣзную дорогу, если она имѣетъ концессію отъ правительства,—иначе желѣзная дорога пріобрѣтетъ ее путемъ экспропріаціи безъ согласія владѣльца; никто, наприм., не имѣетъ права въ городѣ сжечь свой собственный домъ, хотя бы даже и не произошло черезъ это пожара сосѣдямъ; никто не имѣетъ права построить жилище свое такимъ образомъ, чтобы заслонить сосѣднему дому свѣтъ или усилить для него опасность отъ пожара; никто не имѣетъ права въ собственномъ домѣ производить стукъ, дымъ или испаренія, которые бы нарушали покой и интересы его сосѣдей... Во всѣхъ этихъ частныхъ случаяхъ законъ вмѣшивается въ свободу дѣйствія и ограничиваетъ ее [1]).

Но возьмемъ для примѣра другое право, ненарушимость котораго еще болѣе повидимому безспорна, — право человѣка на свой личный трудъ. Но и тутъ опять таки существуетъ

1) См. Англ. своб. торговля, т. II, стр. 77.

масса исключеній: рекрутчина, дорожныя повинности и т. д., гдѣ государство въ силу своего верховнаго права, отнюдь не справляясь съ желаніемъ даннаго лица, даетъ его труду, часто на довольно значительное время, то или другое назначеніе по своему усмотрѣнію. Вездѣ въ этихъ случаяхъ мотивомъ многочисленныхъ ограниченій свободы дѣйствій или правъ является—общее благо. Но разъ допустивши вмѣшательство государства въ такія священныя права, какъ право собственности, право на личный трудъ, нѣтъ основаній ставить въ исключительное привилегированное положеніе и промышленность, какъ скоро является на сцену тотъ же мотивъ—общая польза, представителемъ и оцѣнщикомъ которой является вездѣ правительство. Приведемъ еще частный случай, представленный проф. Джевонсомъ. Положимъ, какое-нибудь лицо роетъ глубокую яму или шахту, отыскивая каменный уголь и, не найдя его, оставляетъ отверстіе брошенной шахты непокрытымъ и даже можетъ быть замаскированнымъ травою или вѣтвями; не будетъ ли небрежность этого человѣка равносильна тому, какъ если бы онъ разставилъ ловушки и капканы; не будутъ ли всѣ сосѣди находиться подъ постояннымъ страхомъ, что кто-нибудь изъ нихъ или ихъ дѣтей попадетъ въ эту волчью яму и приметъ медленную и мучительную смерть? Вполнѣ естественнымъ и цѣлесообразнымъ является въ этомъ случаѣ со стороны государства какъ то установляется еще старымъ англійскимъ обычнымъ закономъ, что всякій владѣлецъ такой брошенной шахты обязанъ засыпать ее или прочно оградить: интересъ владѣльца, разумѣется, вовсе не заключается въ томъ, чтобы заботиться о негодной брошеной ямѣ; между тѣмъ интересы *общаго блага* требуютъ отъ него этихъ расходовъ и навлекаютъ на него въ обратномъ случаѣ всѣ послѣдствія и отвѣтственность за могущія произойти несчастія. Тоже самое, наприм., примѣняется и относительно небрежности въ постановкѣ паровиковъ или недостаточности огражденія машинъ [2]).

Всякое положеніе дѣйствующаго закона имѣетъ въ основаніи, по общему правилу, цѣлый рядъ наблюденій надъ ходомъ

---

2) „The English Citizen". *W. Stanley Javons:* The State in Relation to Labour London, 1882, стр. 2.

обыденной жизни, и прямое дозволеніе закономъ чего-нибудь, или даже просто отсутствіе запрещенія выражаетъ собою обыкновенно *предположеніе*, что извѣстный порядокъ вещей влечетъ за собою большею частью извѣстныя послѣдствія. Лишь при оправданіи этого предположенія, означенное дозволеніе имѣетъ силу; при другихъ послѣдствіяхъ выдвигаются и другія нормы. Поясникъ примѣромъ. По всѣмъ дѣйствующимъ законодательствамъ родителямъ дается власть наказывать своихъ дѣтей и пріучать ихъ къ труду въ строгомъ убѣжденіи и *предположеніи*, что родительская любовь является лучшей гарантіей ихъ хорошаго обращенія съ дѣтьми и желанія имъ добра. Математически говоря, такое *предположеніе* имѣетъ, конечно, огромную степень вѣроятности и въ большинствѣ оправдывается. Но бываютъ случаи, какъ всякому извѣстно, когда это обращеніе принимаетъ жестокій характеръ—наказаніе переходитъ въ истязаніе; или, напр., жадность родителей поощряетъ ихъ отдавать дѣтей въ виду соблазна ихъ заработкомъ на непосильную для нихъ многочасовую, фабричную работу, гдѣ ихъ здоровье преждевременно надрывается и они не только не имѣютъ возможности получить какое-нибудь умственное или религіозное развитіе, но встрѣчаютъ даже, какъ это часто къ сожалѣнію имѣетъ мѣсто, прямое противодѣйствіе къ тому своихъ родителей. Очевидно, что *предположеніе*, лежащее въ основѣ признанныхъ закономъ родительскихъ правъ, въ данной случаѣ явно не оправдывается, а тѣмъ самымъ должно прекратиться и правительственное laissez faire; государство въ данномъ случаѣ вынуждено выступить во всеоружіи со своимъ вмѣшательствомъ—вразумить и покарать недостойныхъ и даже лишить ихъ, можетъ быть, самой власти вредить далѣе. Всѣ права и всякая свобода дѣйствія основываются на подобныхъ юридическихъ презумпціяхъ и имѣютъ силу лишь до тѣхъ поръ, пока оправдываются опытомъ. Разъ *предположеніе* оказалось ложнымъ, тѣмъ самымъ право свободы въ извѣстномъ отношеніи прекращается и выступаетъ государство со своимъ вмѣшательствомъ.

Итакъ ясно, что въ извѣстныхъ случаяхъ государство не только имѣетъ право, но даже обязанность вмѣшиваться и налагать свое veto на свободу индивидуальной дѣятельности,—

иначе государство нарушило бы свою охранительную и культурную функцію. Главная цѣль существованія государства и всего человѣческаго общежитія—высшее благо, *высшее счастіе наибольшаго числа людей;* и нѣтъ такого обычая, такого права, которое государство не должно бы было нарушить и уничтожить, если это вызывается требованіями общаго блага: Salus populi — suprema lex! — вотъ девизъ, которымъ государство должно исключительно руководиться въ своей политикѣ. Государство имѣетъ полное оправданіе, проводя въ жизнь всякій законъ, которымъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій прибавляетъ нѣчто къ суммѣ общаго счастія.

Государству постоянно приходится имѣть дѣло съ коллизіей интересовъ и нарушать чье-нибудь право для осуществленія права высшаго: оно всегда въ этомъ случаѣ обязано изъ двухъ золъ выбирать меньшее. Сдѣланное добро есть наилучшее оправданіе государственнаго акта, при отсутствіи доказательства, что за этимъ послѣдуетъ равное или еще большее зло. Такимъ образомъ, государству въ его отношеніяхъ къ промышленности слѣдуетъ держаться двухъ правилъ: во-первыхъ, вводя какое-нибудь ограниченіе въ область промышленной дѣятельности, тщательно взвѣшивать предварительно свой актъ, провѣряя вѣроятныя послѣдствія своего вмѣшательства и невмѣшательства съ помощью статистики и показаній компетентныхъ людей, и во-вторыхъ, прежде нежели рѣшиться на какую-либо мѣру въ этомъ направленіи, необходимо, слѣдуя мудрымъ совѣтамъ Бэкона, произвести въ данномъ случаѣ опытъ, экспериментъ, и только послѣ его оправданія новый видъ вмѣшательства сдѣлать постояннымъ. Приведемъ примѣръ. Замѣчено, что работа съ фосфоромъ наноситъ вредъ здоровью; и вотъ государство, въ виду этого наблюденія, обращается за совѣтомъ къ статистикѣ и гигіенѣ и получаетъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что обращеніе съ фосфоромъ ведетъ къ страшной болѣзни—омертвѣнію костей и ихъ разрушенію, но что несложные пріемы съ малой затратой денегъ (или замѣна обыкновеннаго фосфора аморфнымъ въ спичечномъ производствѣ) можетъ сдѣлать этотъ процессъ почти совершенно безвреднымъ. Очевиденъ путь, которому тутъ должно слѣдовать государство: оно вмѣшивается въ эту отрасль промышленности и налагаетъ на лицъ работа-

ющихъ съ фосфоромъ или на ихъ хозяевъ обязанность принять всѣ необходимыя предосторожности для обезвреживанія опаснаго процесса. Государству здѣсь придется имѣть дѣло и бороться, весьма возможно, съ рутиной и невѣжествомъ самихъ рабочихъ, ради пользы которыхъ мѣра предпринимается, въ гораздо большей степени, нежели съ упорствомъ или разсчетами ихъ хозяевъ. Но разъ опытъ доказалъ спасительность и цѣлесообразность такой мѣры, правительство въ интересахъ общаго баага имѣетъ полное право налагать свою руку на свободу дѣйствій, отнюдь не останавливаясь соображеніями о ея неприкосновенности. Въ самомъ дѣлѣ, свобода субъекта есть не что иное, какъ средство къ одной и той же цѣли—общему благу, а отнюдь *не самая цѣль*, и разъ это средство оказывается негоднымъ для достиженія желаемаго, государство смѣло отбрасываетъ его въ сторону. Запугиваніе человѣчества „грядущимъ рабствомъ“, къ которому прибѣгаетъ въ своей книгѣ извѣстный Гербертъ Спенсеръ, имѣло бы нѣкоторое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы ему удалось доказать, что грядущее зло отъ государственнаго вмѣшательства выше и серьезнѣе того, которое произойдетъ нынѣ въ случаѣ его бездѣятельности [1])... Но этого, надѣемся, никому не удастся доказать.

Помимо всѣхъ указанныхъ соображеній существуютъ историко-соціальныя условія, дѣлающія необходимымъ вмѣшательство государства во всѣ виды промышленности. Это—слабость современнаго человѣка въ его индивидуальныхъ усиліяхъ и условіяхъ существованія, сравнительно съ человѣкомъ первобытнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ его примитивномъ состояніи потребности человѣка были несложны и способы къ удовлетворенію ихъ были просты и большею частью достигались личнымъ трудомъ, не прибѣгая къ чужой помощи. Но чѣмъ болѣе человѣкъ развивался и увеличивались его потребности, тѣмъ болѣе онъ становился въ зависимость отъ другихъ людей. Сопоставьте, напр., образъ жизни большинства человѣчества въ средніе вѣка, не говоря о раннихъ періодахъ исторіи, и въ наши дни. Нѣкогда, а въ Россіи даже весьма недавно, каждая семья произ-

---

[1]) См. *Гербертъ Спенсеръ:* Грядущее рабство. Спб. 1884. А также *W. Stanley Jevons:* The State in relation to Labour. London. 1882, стр. 12 и 13.

иначе государство нарушило бы свою охранительную и культурную функцію. Главная цѣль существованія государства и всего человѣческаго общежитія—высшее благо, *высшее счастіе наибольшаго числа людей;* и нѣтъ такого обычая, такого права, которое государство не должно бы было нарушить и уничтожить, если это вызывается требованіями общаго блага: Salus populi — suprema lex! — вотъ девизъ, которымъ государство должно исключительно руководиться въ своей политикѣ. Государство имѣетъ полное оправданіе, проводя въ жизнь всякій законъ, которымъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій прибавляетъ нѣчто къ суммѣ общаго счастія.

Государству постоянно приходится имѣть дѣло съ коллизіей интересовъ и нарушать чье-нибудь право для осуществленія права высшаго: оно всегда въ этомъ случаѣ обязано изъ двухъ золъ выбирать меньшее. Сдѣланное добро есть наилучшее оправданіе государственнаго акта, при отсутствіи доказательства, что за этимъ послѣдуетъ равное или еще большее зло. Такимъ образомъ, государству въ его отношеніяхъ къ промышленности слѣдуетъ держаться двухъ правилъ: во-первыхъ, вводя какое-нибудь ограниченіе въ область промышленной дѣятельности, тщательно взвѣшивать предварительно свой актъ, провѣряя вѣроятныя послѣдствія своего вмѣшательства и невмѣшательства съ помощью статистики и показаній компетентныхъ людей, и во-вторыхъ, прежде нежели рѣшиться на какую-либо мѣру въ этомъ направленіи, необходимо, слѣдуя мудрымъ совѣтамъ Бэкона, произвести въ данномъ случаѣ опытъ, экспериментъ, и только послѣ его оправданія новый видъ вмѣшательства сдѣлать постояннымъ. Приведемъ примѣръ. Замѣчено, что работа съ фосфоромъ наноситъ вредъ здоровью; и вотъ государство, въ виду этого наблюденія, обращается за совѣтомъ къ статистикѣ и гигіенѣ и получаетъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что обращеніе съ фосфоромъ ведетъ къ страшной болѣзни—омертвѣнію костей и ихъ разрушенію, но что несложные пріемы съ малой затратой денегъ (или замѣна обыкновеннаго фосфора аморфнымъ въ спичечномъ производствѣ) можетъ сдѣлать этотъ процессъ почти совершенно безвреднымъ. Очевиденъ путь, которому тутъ должно слѣдовать государство: оно вмѣшивается въ эту отрасль промышленности и налагаетъ на лицъ работа-

ющихъ съ фосфоромъ или на ихъ хозяевъ обязанность принять всѣ необходимыя предосторожности для обезвреживанія опаснаго процесса. Государству здѣсь придется имѣть дѣло и бороться, весьма возможно, съ рутиной и невѣжествомъ самихъ рабочихъ, ради пользы которыхъ мѣра предпринимается, въ гораздо большей степени, нежели съ упорствомъ или разсчетами ихъ хозяевъ. Но разъ опытъ доказалъ спасительность и цѣлесообразность такой мѣры, правительство въ интересахъ общаго блага имѣетъ полное право налагать свою руку на свободу дѣйствій, отнюдь не останавливаясь соображеніями о ея неприкосновенности. Въ самомъ дѣлѣ, свобода субъекта есть не что иное, какъ средство къ одной и той же цѣли—общему благу, а отнюдь *не самая цѣль*, и разъ это средство оказывается негоднымъ для достиженія желаемаго, государство смѣло отбрасываетъ его въ сторону. Запугиваніе человѣчества „грядущимъ рабствомъ“, къ которому прибѣгаетъ въ своей книгѣ извѣстный Гербертъ Спенсеръ, имѣло бы нѣкоторое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы ему удалось доказать, что грядущее зло отъ государственнаго вмѣшательства выше и серьезнѣе того, которое произойдетъ нынѣ въ случаѣ его бездѣятельности [1])... Но этого, надѣемся, никому не удастся доказать.

Помимо всѣхъ указанныхъ соображеній существуютъ историко-соціальныя условія, дѣлающія необходимымъ вмѣшательство государства во всѣ виды промышленности. Это—слабость современнаго человѣка въ его индивидуальныхъ усиліяхъ и условіяхъ существованія, сравнительно съ человѣкомъ первобытнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ его примитивномъ состояніи потребности человѣка были несложны и способы къ удовлетворенію ихъ были просты и большею частью достигались личнымъ трудомъ, не прибѣгая къ чужой помощи. Но чѣмъ болѣе человѣкъ развивался и увеличивались его потребности, тѣмъ болѣе онъ становился въ зависимость отъ другихъ людей. Сопоставьте, напр., образъ жизни большинства человѣчества въ средніе вѣка, не говоря о раннихъ періодахъ исторіи, и въ наши дни. Нѣкогда, а въ Россіи даже весьма недавно, каждая семья произ-

[1]) См. *Гербертъ Спенсеръ:* Грядущее рабство. Спб. 1884. А также *W. Stanley Jevons:* The State in relation to Labour. London. 1882, стр. 12 и 13.

водила свою собственную пищу, дѣлала свое собственное платье, строила свой собственный домъ, а когда передвигалась, то употребляла для того опять-таки свои собственныя средства. Сравните съ этой независимостью крайне сложную взаимность всего существованія жителей современнаго европейскаго города; они снабжаютъ себя пищей съ большей точностью, большимъ разнообразіемъ и обиліемъ, можетъ быть, нежели первые, но совершаютъ это лишь путемъ содѣйствія тысячи людей лично имъ неизвѣстныхъ. Даже вода, которую они пьютъ и газъ, который употребляютъ для освѣщенія, они получаютъ часто довольно изъ-далека посредствомъ сложныхъ механизмовъ, требующихъ постояннаго труда и бдительности многихъ людей. Они передвигаются со скоростью, неизвѣстною первобытному человѣку, но зато отдаютъ свою безопасность и жизнь всецѣло въ руки другихъ людей: разломанные рельсы, пьяный машинистъ причиняютъ гибель сотни людей единовременно. Самая возможность приложенія труда къ удовлетворенію потребностей, при современной промышленности, находится внѣ контроля индивида: современный рабочій на фабрикѣ есть лишь часть огромной машины,—часть, дѣйствіе которой во всякое время можетъ быть парализовано по причинамъ, находящимся внѣ его власти и внѣ его предвидѣнія. Такимъ образомъ благосостояніе каждаго дѣлается все болѣе и болѣе зависимымъ отъ благосостоянія всѣхъ: индивидъ болѣе и болѣе подчиняется обществу и слѣдовательно отдѣльно становится слабѣе и опасности для его существованія растутъ вмѣстѣ съ ходомъ цивилизаціи. Раздѣленіе труда и спеціализація его, столь важные для успѣха промышленности, влекутъ за собой въ то же время новыя опасности для его существованія. На огромной современной фабрикѣ каждый рабочій совершаетъ только одну операцію—часто всю жизнь, и больше ничего не знаетъ. Такая спеціализація, выгодная для интересовъ производства, но вредная для самостоятельности рабочаго, проходитъ черезъ всѣ отрасли промышленности и даже черезъ земледѣліе въ передовыхъ странахъ Европы. „Многіе ли фермера нынѣ“, спрашиваетъ извѣстный Генри Джорджъ: „умѣютъ владѣть цѣпомъ; многія ли жены фермеровъ съумѣютъ сдѣлать платье изъ собственной шерсти? Многіе ли даже изъ нашихъ фермеровъ дѣлаютъ свое собствен-

ное масло или выращиваютъ свои собственные овощи?“ [1]). Вообще безпомощность человѣка съ его индивидуальными усиліями растетъ вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда, и опасности для жизни и здоровья цѣлой массы людей отъ лицъ имъ часто совсѣмъ неизвѣстныхъ составляютъ характерную черту нашего времени: какой нибудь ничтожный недосмотръ въ конструкціи паровика, напр., сработаннаго въ Англіи, можетъ повлечь за собой смерть нѣсколькихъ десятковъ русскихъ рабочихъ, а небрежность архитектора или даже ламповщика въ какомъ нибудь большомъ зданіи можетъ повести за собою смерть многихъ сотенъ людей. Такимъ образомъ, повторяю, съ ходомъ культуры, человѣкъ все болѣе и болѣе нуждается въ помощи другихъ людей, въ помощи общества, въ помощи, слѣд., и вмѣшательствѣ представителей общества — государственной власти для обезпеченія себѣ удовлетворительнаго существованія.

Таковъ новый аргументъ въ пользу государственнаго вмѣшательства. Совокупность всего сказаннаго достаточна, чтобы допустить его необходимость и тѣмъ оправдать широкое воздѣйствіе государства на промышленность, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ слова, т. е. одинаково допускаются законодательныя мѣры какъ поощряющія развитіе промышленности всей или отдѣльныхъ ея отраслей, такъ и сдерживающія вредныя проявленія этого развитія. Важнымъ и труднымъ вопросомъ при этомъ на практикѣ является установленіе должныхъ предѣловъ этого вмѣшательства; но данный вопросъ имѣетъ лишь условное разрѣшеніе, примѣнительное къ каждой отдѣльной странѣ сообразно степени ея промышленнаго развитія и характера всего строя. Важнымъ пособіемъ для этого является именно сравнительное изученіе промышленныхъ законодательствъ разныхъ странъ и ихъ исторіи.

---

[1]) *Henry George.* Social Problems, London. 1884, стр. 4.

Фабричный рабочій въ средней Россіи и Царствѣ Польскомъ.

По личнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ.

Какъ извѣстно, уже много лѣтъ между промышленностью середины Россіи и ея окраины—губерній царства польскаго—завязалась глухая, но упорная борьба изъ-за обладанія рынками. Достаточно немногихъ примѣровъ тому. Извѣстно, съ какою настойчивостью московское купечество добивалось когда-то уничтоженія закавказскаго транзита, желая найти тамъ болѣе широкое поле сбыта для собственныхъ продуктовъ, — и вотъ цѣль, повидимому, была достигнута: транзитъ уничтоженъ привозъ туда иностранныхъ товаровъ значительно уменьшился, но мѣсто ихъ... въ значительной степени заняли произведенія не московской, а польской фабрикаціи, и въ настоящее время нѣтъ самаго глухого городка или мѣстечка въ этомъ краѣ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить продукты лодзинскихъ мануфактуръ. То же самое можно сказать и относительно почти всей южной Россіи: Харьковъ всегда былъ излюбленнымъ мѣстомъ сбыта для московскихъ и владимірскихъ фабричныхъ фирмъ, но въ настоящее время сбытъ этотъ, особенно по шерстянымъ товарамъ, значительно вытѣсненъ конкурренціей привислянскихъ фабрикъ; Кіевъ и прежде былъ хорошимъ рынкомъ для сбыта польскихъ фабричныхъ произведеній, нынѣ же заваленъ ими настолько же, насколько сбытъ московскихъ—ограниченъ; наконецъ въ послѣдніе годы въ самой Москвѣ, въ центрѣ русской промышленности, появились многочисленные склады

польскихъ фирмъ, и многіе ихъ продукты успѣшно конкурриpуютъ съ мѣстными.

Такимъ образомъ, фактъ промышленной конкурренціи серединной Россіи съ ея окраинами не подлежитъ сомнѣнію, и повсемѣстный торгово-промышленный кризисъ послѣдняго времени не только не ослабилъ этой борьбы, какъ можно было бы ожидать въ виду общей для страны невзгоды, но, напротивъ, усилилъ, обострилъ и перенесъ ее изъ сферы мирнаго промышленнаго состязанія въ литературу, какъ русскую, такъ и польскую, и въ заключеніе—въ правительственную дѣятельность. Когда московскіе публицисты, съ легкой руки г. Шарапова, забили тревогу о пагубной-де конкурренціи для московской промышленности, вниманіе правительства уже было обращено на ненормально-быстрый наплывъ и ростъ иностраннаго населенія на нашихъ окраинахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ назначило коммиссію для изслѣдованія по этому важному вопросу, а министерство финансовъ, почти единовременно, для изученія промышленности царства польскаго назначило также спеціальную коммиссію съ цѣлью провѣрки основательности жалобъ, приносимыхъ московскими фабрикантами на эту конкурренцію. Прошлымъ лѣтомъ, (1887 г.). наконецъ, мы были свидѣтелями петиціи „все россійскаго купечества“ по тому же вопросу, принесенной на нижегородской ярмаркѣ г. управляющему министерствомъ финансовъ, а въ прошломъ мѣсяцѣ въ газетахъ появилась контръ петиція лодзинскихъ фабрикантовъ въ отвѣтъ на нижегородское прошеніе, съ изложеніемъ взглядовъ мѣстныхъ польскихъ промышленниковъ на взаимные шансы конкурренціи.

Итакъ, важность изученія положенія промышленности въ Привислянскомъ краѣ, сравнительно съ центральной Россіей, признанная самимъ правительствомъ, является вообще однимъ изъ насущныхъ вопросовъ дня, знакомство съ которымъ для нашей публики должно быть весьма интересно. Съ цѣлью именно удовлетворить этому любопытству, и написанъ настоящій очеркъ, представляющій собою сравнительное описаніе главнѣйшихъ условій фабричнаго труда внутри Россіи и на ея окраинахъ—въ царствѣ польскомъ. Составляя плодъ личныхъ наблюденій, свѣдѣнія, здѣсь сообщаемыя, отнюдь, однако, не претендуютъ на безусловную новизну, и авторъ имѣетъ своей

Фабричный рабочій въ средней Россіи и Царствѣ Польскомъ.

По личнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ.

Какъ извѣстно, уже много лѣтъ между промышленностью середины Россіи и ея окраины—губерній царства польскаго—завязалась глухая, но упорная борьба изъ-за обладанія рынками. Достаточно немногихъ примѣровъ тому. Извѣстно, съ какою настойчивостью московское купечество добивалось когда-то уничтоженія закавказскаго транзита, желая найти тамъ болѣе широкое поле сбыта для собственныхъ продуктовъ, — и вотъ цѣль, повидимому, была достигнута: транзитъ уничтоженъ привозъ туда иностранныхъ товаровъ значительно уменьшился, но мѣсто ихъ... въ значительной степени заняли произведенія не московской, а польской фабрикаціи, и въ настоящее время нѣтъ самаго глухого городка или мѣстечка въ этомъ краѣ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить продукты лодзинскихъ мануфактуръ. То же самое можно сказать и относительно почти всей южной Россіи: Харьковъ всегда былъ излюбленнымъ мѣстомъ сбыта для московскихъ и владимірскихъ фабричныхъ фирмъ, но въ настоящее время сбытъ этотъ, особенно по шерстянымъ товарамъ, значительно вытѣсненъ конкурренціей привислянскихъ фабрикъ; Кіевъ и прежде былъ хорошимъ рынкомъ для сбыта польскихъ фабричныхъ произведеній, нынѣ же заваленъ ими настолько же, насколько сбытъ московскихъ—ограниченъ; наконецъ въ послѣдніе годы въ самой Москвѣ, въ центрѣ русской промышленности, появились многочисленные склады

польскихъ фирмъ, и многіе ихъ продукты успѣшно конкуррируютъ съ мѣстными.

Такимъ образомъ, фактъ промышленной конкурренціи серединной Россіи съ ея окраинами не подлежитъ сомнѣнію, и повсемѣстный торгово-промышленный кризисъ послѣдняго времени не только не ослабилъ этой борьбы, какъ можно было бы ожидать въ виду общей для страны невзгоды, но, напротивъ, усилилъ, обострилъ и перенесъ ее изъ сферы мирнаго промышленнаго состязанія въ литературу, какъ русскую, такъ и польскую, и въ заключеніе—въ правительственную дѣятельность. Когда московскіе публицисты, съ легкой руки г. Шарапова, забили тревогу о пагубной-де конкурренціи для московской промышленности, вниманіе правительства уже было обращено на ненормально-быстрый наплывъ и ростъ иностраннаго населенія на нашихъ окраинахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ назначило коммиссію для изслѣдованія по этому важному вопросу, а министерство финансовъ, почти единовременно, для изученія промышленности царства польскаго назначило также спеціальную коммиссію съ цѣлью провѣрки основательности жалобъ, приносимыхъ московскими фабрикантами на эту конкурренцію. Прошлымъ лѣтомъ, (1887 г.). наконецъ, мы были свидѣтелями петиціи „все россійскаго купечества“ по тому же вопросу, принесенной на нижегородской ярмаркѣ г. управляющему министерствомъ финансовъ, а въ прошломъ мѣсяцѣ въ газетахъ появилась контръ петиція лодзинскихъ фабрикантовъ въ отвѣтъ на нижегородское прошеніе, съ изложеніемъ взглядовъ мѣстныхъ польскихъ промышленниковъ на взаимные шансы конкурренціи.

Итакъ, важность изученія положенія промышленности въ Привислянскомъ краѣ, сравнительно съ центральной Россіей, признанная самимъ правительствомъ, является вообще однимъ изъ насущныхъ вопросовъ дня, знакомство съ которымъ для нашей публики должно быть весьма интересно. Съ цѣлью именно удовлетворить этому любопытству, и написанъ настоящій очеркъ, представляющій собою сравнительное описаніе главнѣйшихъ условій фабричнаго труда внутри Россіи и на ея окраинахъ—въ царствѣ польскомъ. Составляя плодъ личныхъ наблюденій, свѣдѣнія, здѣсь сообщаемыя, отнюдь, однако, не претендуютъ на безусловную новизну, и авторъ имѣетъ своей

водила свою собственную пищу, дѣлала свое собственное платье, строила свой собственный домъ, а когда передвигалась, то употребляла для того опять-таки свои собственныя средства. Сравните съ этой независимостью крайне сложную взаимность всего существованія жителей современнаго европейскаго города; они снабжаютъ себя пищей съ большей точностью, большимъ разнообразіемъ и обиліемъ, можетъ быть, нежели первые, но совершаютъ это лишь путемъ содѣйствія тысячи людей лично имъ неизвѣстныхъ. Даже вода, которую они пьютъ и газъ, который употребляютъ для освѣщенія, они получаютъ часто довольно изъ-далека посредствомъ сложныхъ механизмовъ, требующихъ постояннаго труда и бдительности многихъ людей. Они передвигаются со скоростью, неизвѣстною первобытному человѣку, но зато отдаютъ свою безопасность и жизнь всецѣло въ руки другихъ людей: разломанные рельсы, пьяный машинистъ причиняютъ гибель сотни людей единовременно. Самая возможность приложенія труда къ удовлетворенію потребностей, при современной промышленности, находится внѣ контроля индивида: современный рабочій на фабрикѣ есть лишь часть огромной машины,—часть, дѣйствіе которой во всякое время можетъ быть парализовано по причинамъ, находящимся внѣ его власти и внѣ его предвидѣнія. Такимъ образомъ благосостояніе каждаго дѣлается все болѣе и болѣе зависимымъ отъ благосостоянія всѣхъ: индивидъ болѣе и болѣе подчиняется обществу и слѣдовательно отдѣльно становится слабѣе и опасности для его существованія растутъ вмѣстѣ съ ходомъ цивилизаціи. Раздѣленіе труда и спеціализація его, столь важные для успѣха промышленности, влекутъ за собой въ то же время новыя опасности для его существованія. На огромной современной фабрикѣ каждый рабочій совершаетъ только одну операцію—часто всю жизнь, и больше ничего не знаетъ. Такая спеціализація, выгодная для интересовъ производства, но вредная для самостоятельности рабочаго, проходитъ черезъ всѣ отрасли промышленности и даже черезъ земледѣліе въ передовыхъ странахъ Европы. „Многіе ли фермера нынѣ“, спрашиваетъ извѣстный Генри Джорджъ: „умѣютъ владѣть цѣпомъ; многія ли жены фермеровъ съумѣютъ сдѣлать платье изъ собственной шерсти? многіе ли даже изъ нашихъ фермеровъ дѣлаютъ свое собствен-

ное масло или выращиваютъ свои собственные овощи?“ [1]). Вообще безпомощность человѣка съ его индивидуальными усиліями растетъ вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда, и опасности для жизни и здоровья цѣлой массы людей отъ лицъ имъ часто совсѣмъ неизвѣстныхъ составляютъ характерную черту нашего времени: какой нибудь ничтожный недосмотръ въ конструкціи паровика, напр., сработаннаго въ Англіи, можетъ повлечь за собой смерть нѣсколькихъ десятковъ русскихъ рабочихъ, а небрежность архитектора или даже ламповщика въ какомъ нибудь большомъ зданіи можетъ повести за собою смерть многихъ сотенъ людей. Такимъ образомъ, повторяю, съ ходомъ культуры, человѣкъ все болѣе и болѣе нуждается въ помощи другихъ людей, въ помощи общества, въ помощи, слѣд., и вмѣшательствѣ представителей общества — государственной власти для обезпеченія себѣ удовлетворительнаго существованія.

Таковъ новый аргументъ въ пользу государственнаго вмѣшательства. Совокупность всего сказаннаго достаточна, чтобы допустить его необходимость и тѣмъ оправдать широкое воздѣйствіе государства на промышленность, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ слова, т. е. одинаково допускаются законодательныя мѣры какъ поощряющія развитіе промышленности всей или отдѣльныхъ ея отраслей, такъ и сдерживающія вредныя проявленія этого развитія. Важнымъ и труднымъ вопросомъ при этомъ на практикѣ является установленіе должныхъ предѣловъ этого вмѣшательства; но данный вопросъ имѣетъ лишь условное разрѣшеніе, примѣнительное къ каждой отдѣльной странѣ сообразно степени ея промышленнаго развитія и характера всего строя. Важнымъ пособіемъ для этого является именно сравнительное изученіе промышленныхъ законодательствъ разныхъ странъ и ихъ исторіи.

---

[1]) *Henry George*. Social Problems, London. 1884, стр. 4.

цѣлью освѣтить одну лишь сторону важнаго въ практическомъ отношеніи и спорнаго вопроса объ условіяхъ промышленнаго труда въ различныхъ частяхъ россійской имперіи, представивъ для того съ полною объективностью необходимые факты [1]).

Несмотря на то, что царство польское почти уже три четверти вѣка составляетъ неразрывную часть русскаго государства, разница предшествовавшей исторіи, равно какъ географическое положеніе, мѣстныя юридическія, національныя и иныя особенности Привислянскаго края кладутъ особый отпечатокъ на весь тамошній фабричный бытъ, который во многомъ отличается отъ средней Россіи. Первая особенность, которая бросается въ глаза русскому изслѣдователю тамошнихъ экономическихъ отношеній, заключается въ частномъ различіи законодательныхъ нормъ и обязательныхъ административныхъ предписаній. Такъ, рядомъ съ мѣстными законами, столь, наприм., важными, какъ гражданскіе, дѣйствуютъ и обще русскіе — въ нѣкоторыхъ случаяхъ всецѣло, въ другихъ—лишь отчасти, что, разумѣется, на практикѣ создаетъ иногда или ведетъ за собой значительныя затрудненія. Изъ нашихъ законовъ, относящихся къ фабрикамъ и промышленнымъ заведеніямъ въ Привислянскомъ краѣ, дѣйствуютъ далеко не всѣ. Первое уже различіе заключается въ условіяхъ найма рабочихъ. Но для выясненія этого различія начнемъ съ внутренней Россіи и изложимъ существующіе по этому предмету у насъ законы и обычаи.

До выхода въ свѣтъ закона о наймѣ фабричныхъ рабочихъ 3-го іюня 1886 года всѣ условія фабричнаго быта отличались у насъ крайней неопредѣленностью и произволомъ, и нѣкоторыя предписанія закона и фабричные обычаи являлись нерѣдко остаткомъ бывшихъ крѣпостныхъ отношеній. Наемъ совершался на самые разные сроки и притомъ даже на одной фабрикѣ, но господствующимъ можно считать — наемъ на *срокъ паспорта*, какъ наиболѣе употребительный и распространенный. Тѣмъ не менѣе, въ силу прямого дозволенія закона (ст. 54 уст. о пром.

---

[1]) Сообщаемый очеркъ былъ прочитанъ въ извлеченіи, какъ рефератъ, въ статистическомъ отдѣленіи московскаго Юридическаго Общества 18-го ноября 1887 года.

фабр. и зав.), хозяинъ фабрики могъ всегда отпустить отъ себя рабочаго и до истеченія договорнаго срока за дурное поведеніе или невыполненіе его обязанностей, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ работника за двѣ недѣли до отпуска. Въ дѣйствительности послѣднее условіе настолько плохо соблюдалось, что было мало извѣстно не только рабочимъ, но и самимъ хозяевамъ. Такъ въ 1886 году, когда московскій генералъ-губернаторъ, съ цѣлью упорядоченія отношеній между хозяевами и рабочими, послѣ бывшихъ передъ тѣмъ волненій, издалъ обязательныя постановленія по этому предмету, напомнивъ въ нихъ предписанія означеннаго закона о двухнедѣльномъ предупрежденіи, то это обстоятельство вызвало нѣкоторое неудовольствіе фабрикантовъ и критическія замѣчанія въ „Руси“ покойнаго Аксакова.

При неопредѣленности условій найма время расплаты на нашихъ фабрикахъ закономъ не предусматривалось; оно предоставлялось, по теоріи, на волю сторонъ, заключающихъ договоръ найма, а въ дѣйствительности, у большинства промышленныхъ заведеній, кромѣ ремесленныхъ, плата заработанныхъ денегъ производилась, когда хозяинъ пожелаетъ и имѣетъ нужныя для того деньги. Очень нерѣдко даже правилами фабрики воспрещалось рабочимъ, какъ это ни странно можетъ показаться, требовать свои деньги ранѣе срока окончательнаго отхода съ фабрики, что обыкновенно совершалось къ Святой или къ 1-му октября.

Законъ 3-го іюня 1886 года сдѣлалъ важный переломъ въ жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ, установивъ точный порядокъ найма и расплаты тамъ, гдѣ его прежде не было. Этотъ важный законъ, составляющій эпоху въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ, опредѣлилъ, во-первыхъ, способы найма и установилъ точно обязательные термины расплаты—не менѣе раза въ мѣсяцъ, при срокѣ опредѣленномъ,—и двухъ разъ въ мѣсяцъ, при срокѣ неопредѣленномъ, нарушеніе чего навлекаетъ на хозяина отвѣтственность въ случаѣ иска рабочаго.

Во многомъ иначе та же часть промышленныхъ отношеній организована въ царствѣ польскомъ, для котораго, притомъ, законъ 3-го іюня 1886 г. былъ обязателенъ до послѣдняго времени лишь отчасти, такъ какъ въ цѣломъ составѣ этотъ законъ рас-

пространился сначала всего на три губерніи—московскую, владимірскую и цетербургскую. Какъ общее правило, издавна существовавшее въ царствѣ польскомъ, кромѣ спеціальныхъ письменныхъ договоровъ съ отдѣльными рабочими (большею частью мастерами), рабочіе нанимались и нанимаются безъ срока, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ за двѣ недѣли для обѣихъ сторонъ объ отходѣ или отпускѣ, и послѣднее условіе, совершенно непривычное въ остальной Россіи и лишь внесенное для подобнаго же найма закономъ 3-го іюня 1886 года, является тамъ повсемѣстно принятымъ обыкновеніемъ, гарантирующимъ интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ. Обратно съ остальной Россіей, расплата съ рабочими является на фабрикахъ Привислянскаго края также правильной и твердо опредѣленной — или еженедѣльной, или не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ. Фактъ неполученія рабочими по нѣскольку мѣсяцевъ или даже по году отъ своего хозяина наличныхъ денегъ и только лишь товаровъ, получаемыхъ изъ фабричной лавки, или денегъ для уплаты налоговъ рабочаго, непосредственно высылаемыхъ конторою въ волостныя правленія, не могъ и не можетъ имѣть совершенно мѣсто на польскихъ фабрикахъ, по крайней мѣрѣ въ центрахъ промышленности, во-первыхъ, вслѣдствіе указанной правильности расплаты, и во-вторыхъ, по отсутствію фабричныхъ лавокъ. Одни эти условія ставили положеніе работника на фабрикахъ Привислянскаго края въ гораздо болѣе завидное положеніе, чѣмъ его собрата на большинствѣ фабрикъ московскаго района. Но къ этому присоединяются въ большинствѣ края и нѣкоторыя другія благопріятныя условія. На первомъ планѣ стоитъ *заработная плата*.

Уже a priori можно предвидѣть, что въ Польшѣ заработная плата должна быть выше серединной Россіи, благодаря двумъ обстоятельствамъ: нѣкоторой сравнительно дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ и отсутствію при многихъ польскихъ фабрикахъ безплатныхъ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ, что естественно заставляетъ ихъ требовать большей платы для найма помѣщенія на сторонѣ. При этомъ является лишь вопросъ: какъ велика эта плата должна быть сравнительно съ московской и какъ различается по главнымъ промышленнымъ пунктамъ Привислянскаго края?

Если взять по этому предмету свѣдѣнія изъ многочисленныхъ цифровыхъ данныхъ, имѣющихся у меня подъ руками, по семи главнѣйшимъ волокнистымъ производствамъ для московской губерніи (которую можно принять за типъ въ отношеніи платы для всей средней Россіи) и всего царства польскаго, фабричное производство котораго примѣрно равняется таковому же производству данной губерніи, то окажется по всѣмъ производствамъ значительное превышеніе платы на сторонѣ польскихъ фабрикъ; лишь въ одномъ суконномъ производствѣ по причинамъ, которыя трудно объяснить, польская плата близко подходитъ къ русской, хотя все-таки выше; но затѣмъ почти во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, мнѣ извѣстныхъ, превосходитъ ее значительно, иногда на одну треть, на половину, вдвое, а въ одномъ производствѣ даже втрое въ среднемъ; мужская фабричная плата въ Польшѣ больше московской на одну треть (32,2%), женская—почти на три четверти (73,9%), и плата малолѣтнихъ или дѣтей въ Польшѣ выше, болѣе чѣмъ на половину, противъ московской (на 60%). Если къ этому принять во вниманіе, что цѣна жизненныхъ припасовъ въ Привислянскомъ краѣ выше лишь въ немногихъ случаяхъ (мясо и хлѣбъ, и то не всегда), а многіе продукты въ свою очередь дешевле (напр., зелень), квартирная же плата, по общему правилу, никогда не поглощаетъ болѣе одной шестой заработка, то слѣдуетъ признать, что вознагражденіе рабочихъ на польскихъ фабрикахъ, особенно женщинъ, значительно выше, нежели въ Россіи.

Но, превосходя въ среднемъ русскую плату, вознагражденіе польскихъ рабочихъ весьма различается по отдѣльнымъ мѣстностямъ: изъ трехъ главныхъ промышленныхъ пунктовъ края—Лодзи, Варшавы и Сосновицъ—она замѣтно ниже въ послѣднемъ, т. е. на всѣхъ пограничныхъ фабрикахъ Бендинскаго уѣзда (Домбровскаго) Петроковской губеніи; особенно низко сравнительно стоитъ вознагражденіе женщинъ, а именно въ Сосновицахъ женщины получаютъ слишкомъ на половину меньше, нежели, напр., въ Лодзи (на 62%). Эта странная аномалія объясняется главнымъ образомъ какъ характеромъ промышленности этой мѣстности, расположенной на границѣ двухъ государствъ, Австріи и Пруссіи, такъ и свободнымъ приливомъ изъ-за-гра-

ницы иностранныхъ рабочихъ. Извѣстно, что важнѣйшимъ промысломъ, какъ у насъ въ Сосновицахъ и ея окрестностяхъ, такъ и въ сосѣдней Силезіи, является горный, въ которомъ представителями труда преимущественно служатъ мужчины и лишь частью малолѣтніе; женская же часть семьи остается дома, большею частью безъ заработка, и представляетъ собою готовый и притомъ дешевый запасъ рабочей силы для тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ фабрикъ, которыя заняты другимъ производствомъ и быстро возникли здѣсь за послѣднія десять лѣтъ.

Но если абсолютная плата на промышленныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, и выше въ общемъ, то, собственно говоря, одинъ этотъ фактъ еще мало значитъ: успѣшность работы и ея достоинство въ одной и той же категоріи труда весьма различно, и очень часто рабочій при дорогой платѣ можетъ обойтись своему хозяину въ концѣ концовъ даже дешевле самаго дешеваго рабочаго. Это свойство труда, извѣстное подъ именемъ *„интенсивности“*, давно уже замѣчено многими изслѣдователями при сравненіи вознагражденія за одну и ту же работу въ разныхъ странахъ или даже въ одной и той же странѣ, но разныхъ частяхъ ея. Напримѣръ, извѣстный англійскій желѣзнодорожный дѣятель и экономистъ Томасъ Брассей разсказываетъ въ своей книгѣ [1]), что при постройкѣ его отцомъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Франціи онъ находилъ болѣе выгоднымъ, несмотря на двойную плату и многіе лишніе расходы, выписывать рабочихъ изъ Англіи, предпочитая ихъ мѣстнымъ французскимъ рабочимъ, къ дѣлу не привыкшимъ; и прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ отношенія въ этомъ случаѣ измѣнились и интенсивность французскаго труда приблизилась къ англійской. Такимъ образомъ, энергія труда и успѣшность его окупаютъ высокую плату, и чтобы отвѣтить съ увѣренностью на вопросы: какой рабочій выгоднѣе, польскій или русскій, для своего хозяина, потребовалось бы точно опредѣлить сравнительную интенсивность ихъ труда. Къ сожалѣнію, вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ по этому важному и трудному вопросу я не имѣю, почему долженъ ограничиться лишь тѣми приблизительными

[1]) *Thomas Brassey:* Work and Wages. 1876.

выводами, которые я могъ получить изъ своихъ наблюденій и разспросовъ. Большинство лицъ, завѣдующихъ польскими фабриками, или хозяева ихъ—нѣмцы, и они знакомы съ рабочими въ Германіи или Австріи, но не въ Россіи, а потому, конечно, могутъ сравнивать трудъ мѣстныхъ рабочихъ лишь съ извѣстнымъ имъ трудомъ ихъ земляковъ, а не русскихъ. Насколько мнѣ извѣстно, на этомъ основаніи трудъ мѣстныхъ рабочихъ, какъ польскихъ, такъ и нѣмецкаго происхожденія, нисколько не уступаетъ по своей спорости и качеству труду силезцевъ, т. е. большей части иностранцевъ, тамъ работающихъ, хотя вмѣстѣ съ силезцемъ уступающихъ, напр., въ металлическомъ производствѣ—вестфальцамъ, лучшимъ въ Германіи рабочимъ, или по стеклянному—чехамъ или вообще богемцамъ.

Чтобы сравнить интенсивность польскаго рабочаго на однородныхъ фабрикахъ съ русскимъ, я вычислилъ, во что обходится для нѣсколькихъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ расходъ въ платѣ на одинъ пудъ пряжи или ткани; оказалось, что въ то время, когда въ разныхъ мѣстностяхъ царства польскаго расходъ платы на одинъ пудъ пряжи составляетъ около 66 коп., и нигдѣ не выше 1 р. 20 к.,—на четырехъ русскихъ фабрикахъ, съ которыхъ лишь имѣлись подробныя данныя, такой же расходъ, но безъ администраціи, обратно съ Польшей, уже составлялъ отъ 80 к. до 1 р. 50 к., т.-е. въ общемъ гораздо выше; расходъ въ ткацкомъ производствѣ далъ данныя еще болѣе поразительныя, и въ то время, когда на нѣкоторыхъ польскихъ фабрикахъ на плату при выработкѣ пуда хлопчатобумажныхъ тканей выходитъ всего лишь 77 к. и никакъ не выше 1 р. 50 к., на русскихъ фабрикахъ—не менѣе 2 р., т.-е., повидимому, несмотря на болѣе низкіе размѣры русской платы, она обходится дороже.

Къ сожалѣнію, этихъ данныхъ еще недостаточно, чтобы твердо обосновать означенный выводъ о сравнительномъ качествѣ и интенсивности труда польскаго и русскаго, по многимъ причинамъ, требующихъ спеціальнаго изслѣдованія. Очевидно, нужно подойти къ вопросу съ другой стороны и поискать иной мѣрки интенсивности труда, чтобы косвеннымъ путемъ опредѣлить сравнительное качество фабричнаго рабочаго изъ средней Россіи и царства польскаго. Для развитія лучшихъ

качествъ въ рабочемъ и наибольшей успѣшности въ трудѣ, нѣтъ сомнѣнія, необходимы три условія: во-первыхъ, постоянство работы, единственно дающее навыкъ къ ней силою спеціализаціи; во-вторыхъ, умственная развитость рабочаго, дающая ему возможность наилучшимъ образомъ приноровиться къ работѣ и требованіямъ ея, и третье — лучшее питаніе, дающее бо́льшія физическія силы для исполненія работы. Что касается до перваго и третьяго условій, то, нѣтъ сомнѣнія, преимущество должно быть на сторонѣ польскаго рабочаго, и это не требуетъ большихъ доказательствъ: въ то время, когда огромная часть русскихъ фабричныхъ рабочихъ связана тѣсно съ землей, причемъ они нерѣдко даже съ регулярностью покидаютъ фабрику для лѣтнихъ сельскихъ работъ, мѣняя часто тонкую фабричную работу на соху,—значительная часть польскихъ рабочихъ представляетъ собой постоянный элементъ, получающій свой заработокъ лишь отъ фабрикъ, а потому могущій скорѣе довести свой трудъ до извѣстнаго совершенства. Кромѣ многочисленныхъ иностранныхъ промышленныхъ рабочихъ, всегда въ значительномъ количествѣ пребывающихъ въ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктахъ царства польскаго, имѣется уже большой и постоянный контингентъ собственныхъ представителей труда, особенно по ткацкому производству, въ видѣ довольно многочисленнаго уже нынѣ потомства нѣмецкихъ эмигрантовъ двадцатыхъ годовъ, вызванныхъ спеціально съ цѣлью создать въ краѣ фабричную промышленность. Наконецъ, польскіе рабочіе, какъ мы это видѣли выше, получаютъ въ среднемъ большую плату и, слѣдовательно, имѣютъ возможность питаться лучше, нежели Московскій рабочій; особенно это касается до женщинъ, которыя при низкой платѣ на русскихъ фабрикахъ (на $^3/_4$ ниже, чѣмъ въ Польшѣ) почти совсѣмъ не употребляютъ мясной пищи [1])!

Чтобы окончательно рѣшить вопросъ о сравнительной интенсивности труда, намъ остается разсмотрѣть второе условіе его успѣшности — умственное развитіе польскаго и русскаго рабочаго. Внѣшнимъ выраженіемъ такового можетъ служить прежде всего самодѣятельность рабочаго, направленная къ обез-

[1]) Проф. Эрисманъ: „Пища рабочихъ на фабрикахъ Московскаго уѣзда. Москва, 1882 г.“

печенію его нуждъ и потребностей. Съ этой стороной дѣла мы познакомимся въ достаточной степени далѣе, говоря о благотворительныхъ и иныхъ учрежденіяхъ на польскихъ и русскихъ фабрикахъ. Затѣмъ, лучшимъ выраженіемъ развитія рабочаго и, слѣдовательно, по нашей схемѣ, интенсивности его труда является грамотность рабочаго—вопросъ, на которомъ мы и остановимся долѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе развитой рабочій не только заботится лично о пріобрѣтеніи грамотности, если ея не имѣетъ, но и объ обученіи ей своихъ дѣтей, а потому если и могутъ быть частныя исключенія, то во всякомъ случаѣ, въ общемъ, значительная часть грамотныхъ рабочихъ представляетъ въ то же время и значительную часть лучшихъ исполнителей работы.

Если судить о грамотности на польскихъ фабрикахъ по общему числу грамотныхъ въ Привислянскомъ краѣ сравнительно съ средней Россіей или даже по числу фабричныхъ школъ, то получатся выводы обратно предшествовавшимъ, весьма неутѣшительнымъ для царства польскаго. Если число школъ при фабрикахъ—напр., московской губерніи—вообще незначительно, то на польскихъ фабрикахъ такихъ школъ еще меньше: изъ 87, напримѣръ, лучшихъ фабрикъ царства польскаго, мнѣ лично извѣстныхъ, школы находятся лишь при 14 фабрикахъ, несмотря на огромные размѣры многихъ фабрикъ и массу малолѣтнихъ. Съ другой стороны, общая грамотность въ Привислянскомъ краѣ, можетъ быть, благодаря отсутствію земства и земской заботливости о народномъ образованіи, вообще стоитъ ниже, нежели внутри имперіи. Такъ, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, объ исполненіи воинской повинности въ имперіи, за десятилѣтіе отъ 1874 по 1883 годъ, видно, что для всей европейской Россіи число грамотныхъ, принятыхъ на военную службу, равнялось 26 человѣкамъ на сто; между тѣмъ въ Привислянскомъ краѣ всего лишь 14,2%, т. е. гораздо ниже общей средней цифры, тогда какъ для отдѣльныхъ губерній внутренней Россіи число грамотныхъ рекрутовъ далеко превосходитъ эту послѣднюю (наприм., для московской губерніи 57%, а ярославской—даже 68%!). Итакъ, фактъ общаго сравнительно низкаго уровня грамотности въ царствѣ польскомъ, повидимому, является безспорнымъ.

Вслѣдъ за заработной платой и степенью развитія рабочаго, другимъ важнымъ вопросомъ въ бытѣ рабочихъ является *продолжительность ихъ суточнаго и годичнаго труда*. Самой ходячей жалобой у нашихъ фабрикантовъ на рабочихъ является, какъ извѣстно, сѣтованіе на многочисленные праздники и прогулъ. Хотя, нѣтъ сомнѣнія, число праздничныхъ дней у насъ въ Россіи вообще гораздо больше, сравнительно съ Европой, особенно съ протестантскими странами, но, какъ я уже показалъ въ другомъ мѣстѣ, общее количество годичнаго рабочаго времени на московскихъ фабрикахъ не только не короче, но гораздо длиннѣе, напр., даже англійскаго (см. „Фабричный бытъ московской губерніи“. Отчетъ фабричнаго инспектора московскаго округа за 1882—83 годъ). То же самое можно сказать и при сравненіи московскихъ фабрикъ съ польскими. Въ самомъ дѣлѣ, работа на московскихъ фабрикахъ, какъ я это подробно изложилъ въ упомянутой выше книгѣ, нерѣдко продолжается отъ 14 до 16 часовъ въ сутки, а въ одномъ производствѣ—рогожномъ, доходитъ даже до 18; среднее же время работы можно считать въ $12^1/_2$ часовъ, если не болѣе. Въ царствѣ польскомъ максимумъ продолжительности, мнѣ извѣстный — 14 часовъ въ сутки; затѣмъ, на значительномъ большинствѣ фабрикъ, работа продолжается отъ 10 до 12 часовъ, т. е. не свыше 11 часовъ среднимъ числомъ. Если же принять во вниманіе такъ называемую смѣнную работу, то получится даже меньшая цифра для обоихъ видовъ фабричной работы, а именно не болѣе 10 часовъ въ сутки. Переходимъ теперь къ болѣе сложной годовой продолжительности: я далъ въ указанномъ выше трудѣ среднее число праздниковъ — $27_{,6}$ или прибавляя сюда воскресенья и вычитая затѣмъ сумму изъ общаго числа дней въ году, получимъ рабочихъ дней $285_{,8}$. Въ царствѣ польскомъ фабричныхъ праздниковъ вообще гораздо меньше, и встрѣчаются даже уродливыя въ этомъ случаѣ исключенія, гдѣ, какъ на одномъ стекляннномъ заводѣ въ Сосновицахъ, работа тянется непрерывно круглый годъ каждый день, почти безъ праздниковъ. Но среднее число рабочихъ дней можно считать равнымъ 292

щественно въ Германію, въ различныя спеціальныя заведенія, особенно въ т.-н. Webschule и Polytechnikum.

суткамъ, т. е. больше, чѣмъ на московскихъ фабрикахъ, если считать продолжительность работы въ суткахъ. Совсѣмъ иное отношеніе получится, если перевести годовую работу на часы:

Въ московской губерніи $285_{,4} \times 12 = 3.429_6$ часовъ;
„ царствѣ польскомъ $292 \times 11 = 3.212$ „

то-есть, въ московской губерніи число годовыхъ часовъ больше, чѣмъ въ царствѣ польскомъ, на 217 часовъ или, переведя на сутки и считая по 12 часовъ день и за вычетомъ 7 лишнихъ праздниковъ, московскій рабочій трудится противъ польскаго на 11 сутокъ больше въ году. Замѣтимъ при этомъ, что мы брали для московской губерніи число рабочихъ часовъ на полчаса короче дѣйствительнаго средняго, а для Польши — наоборотъ — нѣсколько длиннѣе (11 часовъ вмѣсто $10_{,6}$); иначе разница къ невыгодѣ московскаго рабочаго получилась бы еще больше. При этомъ предполагалась исключительно дневная работа, между тѣмъ на многихъ московскихъ, владимірскихъ и ярославскихъ фабрикахъ по всѣмъ почти отраслямъ обработки волокнистыхъ веществъ, несмотря на запрещеніе закономъ 3 іюня 1885 года ночной работы для женщинъ и подростковъ, фабричный трудъ продолжается или 18 часовъ въ сутки двумя смѣнами, или даже круглыя сутки, съ замѣной ночью женщинъ и подростковъ взрослыми мужчинами. Вообще, слѣдовательно, на фабрикахъ средней Россіи годовая работа продолжительнѣе, несмотря на большее число праздниковъ, а трудъ болѣе напряженъ и тяжелъ, такъ какъ совершается отчасти ночью, между тѣмъ какъ въ царствѣ польскомъ ночную работу, за немногими исключеніями, гдѣ это требуется условіями и характеромъ производства (писчебумажное, стеклянное, металлическое и т. п. производства), можно считать почти несуществующей.

Чрезвычайно важное значеніе въ фабричномъ бытѣ имѣетъ *жилище*, и притомъ одинаково, какъ для благополучія рабочаго, такъ и для интересовъ самаго хозяина. Хорошее, удобное по его понятіямъ, жилище, будь оно при самой фабрикѣ или вблизи ея, нѣтъ сомнѣнія, косвенно привязываетъ рабочаго къ заведенію, заставляетъ имъ больше дорожить, рѣже мѣнять мѣсто занятія, что одинаково выгодно, какъ для него, такъ и для самой фабрики. Возможность вообще при его небольшомъ за-

работкѣ завести свой семейный очагъ или выписать семью, если она осталась въ деревнѣ, нѣтъ сомнѣнія, хорошо дѣйствуетъ на рабочаго въ нравственномъ отношеніи, отвлекаетъ его отъ пьянства и дурного времяпрепровожденія; но чтобы имѣть при себѣ семью, необходимо для того опять-таки удобное для нея помѣщеніе, а послѣднее для рабочаго не всегда возможно. По словамъ одного изъ наилучшихъ и крупныхъ, напримѣръ, московскихъ фабрикантовъ паровыхъ котловъ, англичанина, бывшаго нѣкогда рабочимъ, однимъ изъ важнѣйшихъ золъ его русскихъ рабочихъ, которыхъ онъ ставитъ, по качеству труда, не ниже своихъ соотечественниковъ, является именно отсутствіе для большинства семейной жизни, такъ какъ многіе изъ нихъ принуждены оставлять жену и дѣтей въ деревнѣ, работая бо́льшую часть года на фабрикахъ и заводахъ. Въ результатѣ являются, благодаря хорошему заработку въ этой категоріи производства, легкія связи, развратъ, а съ нимъ пьянство и часто, вслѣдствіе того, непригодность рабочаго. Важность хорошихъ и удобныхъ жилищъ для рабочихъ начинаетъ замѣтно сознаваться промышленниками, и они начинаютъ щедрѣе и щедрѣе затрачивать деньги на ихъ улучшеніе, чтобы привязать къ фабрикѣ рабочаго.

Въ отношеніи жилищъ для рабочихъ, вся исторія среднерусской и польской промышленности представляетъ, однако, еще больше различія, чѣмъ въ прежде описанныхъ отношеніяхъ. Огромное большинство фабрикъ внутри Россіи, во-первыхъ, старѣе польскихъ и, во-вторыхъ, держатся по преимуществу на древесномъ топливѣ, а потому ихъ хозяевамъ приходилось устраивать свои заведенія не тамъ, гдѣ есть, напримѣръ, на лицо селеніе или большой городъ съ значительнымъ количествомъ готовыхъ рабочихъ, а гдѣ есть дешевое топливо, т. е. дрова или торфъ, хотя бы для этого удобства пришлось жертвовать многими иными, не исключая даже иногда и усовершенствованныхъ путей сообщенія. Поэтому многія, напримѣръ, московскія фабрики возникли и существуютъ вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ селеній, иногда среди лѣса или около обширныхъ торфяныхъ болотъ, и имъ приходится не только пріискивать рабочихъ издалека, часто изъ другихъ губерній, но и устраивать ихъ при своей фабрикѣ, строить для нихъ жилища, часто не

менѣе обширныя, чѣмъ рабочія мастерскія. Цѣлыя производства, какъ, напримѣръ, кумачное, кирпичное, рогожное, основаны у насъ на пришлыхъ издалека рабочихъ; даже въ Москвѣ большинство фабрикъ имѣютъ или нанимаютъ большіе дома для рабочихъ; исключеніе составляютъ лишь нѣкоторыя новыя и хорошо оплачиваемыя производства, въ родѣ машиностроительнаго, гдѣ рабочіе живутъ въ помѣщеніяхъ, ими самими нанимаемыхъ.

Совершенно иначе возникла польская промышленность. Во-первыхъ, она держится исключительно на каменномъ углѣ, сравнительно дешевомъ; затѣмъ значительная часть польскихъ фабрикъ — новѣйшаго происхожденія, выросли вмѣстѣ съ ростомъ тарифа за послѣднія двадцать лѣтъ и проведеніемъ желѣзно-дорожныхъ путей; поэтому большинство ихъ устроилось у самыхъ желѣзныхъ дорогъ или вблизи, при регулярной и постоянной доставкѣ необходимаго количества угля и большею частью въ городахъ или селеніяхъ съ значительнымъ контингентомъ постоянныхъ рабочихъ; число послѣднихъ, благодаря еще старой нѣмецкой эмиграціи съ двадцатыхъ годовъ, и кромѣ того, разнымъ мѣстнымъ причинамъ, вообще несравненно значительнѣе, нежели во внутренней Россіи, и, будучи безземельными, они имѣютъ иногда, однако, собственныя жилища или, получая большую заработную плату, имѣютъ возможность легко устроиться, путемъ найма, въ частныхъ жилищахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, по общему правилу, на польскихъ фабрикахъ жилища для рабочихъ встрѣчаются гораздо рѣже: на половинѣ фабрикъ, можно сказать, таковыхъ и совсѣмъ нѣтъ, да гдѣ и существуютъ, то большею частью не для всѣхъ рабочихъ, а лишь для части ихъ; а потому эти постройки и не достигаютъ тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которыми отличаются внутри Россіи. Прежде всего жилища для рабочихъ у насъ и въ Польшѣ весьма различаются, такимъ образомъ, уже по наружности; въ то время, когда на русскихъ крупныхъ фабрикахъ это большею частью громадные многоэтажные дома, иногда для тысячи человѣкъ жителей и болѣе,— въ Польшѣ это—большею частью двухъ и трехъ-этажныя постройки для нѣсколькихъ десятковъ, рѣдко сотенъ человѣкъ, и встрѣчаются прямо домики для двухъ или даже одной семьи.

На русскихъ фабрикахъ эти жилища очень часто имѣютъ чисто казарменный характеръ: огромныя залы, иногда съ сотней и болѣе коекъ, на лучшихъ фабрикахъ съ раздѣленіемъ половъ, на худшихъ—безъ всякаго раздѣленія, причемъ спятъ рядомъ мужчины и женщины, взрослые и малолѣтніе, холостые и женатые... Чаще, впрочемъ, въ послѣднее время начали у насъ устраивать жилые рабочіе дома коморками; но, благодаря быстрому росту многихъ фабрикъ и увеличенію численности рабочихъ, очень часто въ одной комнатѣ тѣснятся четыре, пять семействъ, совершенно чуждыхъ людей, притомъ постоянно мѣняющихся и работающихъ даже въ разное время дня и ночи. Само собой понятно, какъ все это должно пагубно дѣйствовать на нравственность рабочихъ—и косвенно вынуждаетъ ихъ смотрѣть на фабрику лишь какъ на временной лагерь или стоянку. Подобныхъ „свальныхъ“, какъ выражаются о нихъ наши рабочіе, спаленъ на фабрикахъ Привислянскаго края не существуетъ: встрѣчаются по нѣскольку семействъ въ одной комнатѣ, но вообще рѣже, чѣмъ у насъ, и притомъ чаще между рабочими поляками, нежели нѣмцами, которые стремятся болѣе обособиться съ своей семьей и устроиться отдѣльно. Очень можетъ быть, что большому количеству нѣмецкихъ рабочихъ польскія фабрики обязаны и отсутствіемъ тамъ казарменныхъ спаленъ.

Вообще печать нѣмецкаго выгоднаго вліянія лежитъ на всей польской промышленности и фабричномъ бытѣ. Это вліяніе отражается, между прочимъ, и на организаціи *медицинской помощи*, дѣлая и въ этомъ отношеніи огромную разницу въ бытѣ рабочаго въ царствѣ и въ средней Россіи. Какъ извѣстно, забота о больныхъ рабочихъ въ послѣдней возложена на фабрикантовъ: циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 1866 года, повторенный весной 1887 года, установилъ у насъ медицинскую помощь на фабрикахъ, обязавши открывать при нихъ больницы съ разсчетомъ, примѣрно, одной койки на сто рабочихъ. Результаты, какъ я уже объяснялъ въ другомъ мѣстѣ [1]), не оправдали ожиданій благого распоряженія, и въ дѣйствительности настоящія больницы имѣются лишь на весьма не-

[1]) См. „Фабричный отчетъ за 1882—83 гг.“

большомъ числѣ нашихъ фабрикъ; въ большинствѣ же—медицинская помощь фиктивна и ограничивается отводомъ какой-нибудь пустой комнаты, яко-бы подъ больницу, и много если присутствіемъ или періодическимъ посѣщеніемъ фабрики фельдшеромъ, рѣдко—врачомъ. Повтореніе этого распоряженія правительства въ нынѣшнемъ году (1888 г.). подало мысль Московскому земству взять медицинскую помощь на фабрикахъ въ свои руки; но неизвѣстно еще, чѣмъ дѣло кончится... Какъ бы то ни было, участь больного рабочаго на фабрикѣ средней Россіи, въ большинствѣ случаевъ, ничѣмъ не обезпечена, и если нѣтъ своей больницы, то рабочій, смотря по роду болѣзни, или валяется нѣсколько дней въ общемъ помѣщеніи, часто заражая здоровыхъ, или помѣщается въ сосѣднюю городскую или земскую больницу, или, еще чаще, просто разсчитывается, удаляется съ фабрики и отправляется домой умирать или выздоравливать. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, если боленъ глава и кормилецъ семьи, то положеніе его семейства крайне безутѣшно: обыкновенно съ началомъ болѣзни, хотя бы она была результатомъ увѣчья или несчастнаго поврежденія отъ машинъ, заработокъ рабочаго прекращается, и семьѣ приходится жить или на собственную работу, если таковая имѣется у остальныхъ членовъ ея, или изъ милости въ домѣ фабриканта, что, разумѣется, закабаляетъ впослѣдствіи рабочаго, и онъ долженъ по выздоровленіи неопредѣленное время отработывать за все отпускаемое въ домъ изъ фабричной лавки на содержаніе семейства, или идти побираться Христовымъ именемъ.

Помянутый циркуляръ 1866 года, повидимому, совсѣмъ не распространялся на Царство Польское; по крайней мѣрѣ, примѣненіе его не выразилось ни въ чемъ внѣшнимъ образомъ. Фабричныя больницы въ Привислянскомъ краѣ встрѣчаются еще рѣже, нежели въ средней Россіи, и вся медицинская помощь тамъ держится исключительно на благотворительныхъ началахъ, частью на нѣкоторыхъ затратахъ со стороны фабрикантовъ—на приглашеніи врача или фельдшера, или безплатномъ отпускѣ лѣкарствъ изъ ближайшей аптеки и помѣщеніи рабочихъ въ ближайшія больницы, съ сохраненіемъ иногда для больныхъ рабочихъ части получаемаго ими содержанія (одна треть, а иногда половина желованья); чаще же дѣло кончается, какъ и внутри Россіи,

простымъ разсчитываніемъ рабочаго съ фабрики. Но если медицинская помощь и забота о больныхъ рабочихъ стоитъ для польскихъ фабрикантовъ въ среднемъ такъже мало денегъ, какъ, напр., для московскихъ, зато въ Польшѣ выступаетъ *самодѣятельность* рабочихъ—собственная забота о своихъ больныхъ сочленахъ, на нашихъ фабрикахъ немыслимая, и указывающая на сравнительно большее развитіе тамошнихъ рабочихъ. Еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, вмѣстѣ съ первыми нѣмецкими эмигрантами и ремесленниками, появились въ Польшѣ цеховыя вспомогательныя кассы для ремесленниковъ, членовъ цеха, въ родѣ кассы суконщиковъ въ Згержѣ, существующей тамъ до нынѣ. Позднѣе, вмѣстѣ съ наплывомъ рабочихъ изъ Берлина и развитіемъ польской промышленности, туда заносились разнаго рода сберегательныя и вспомогательныя общества, знакомыя имъ еще на родинѣ, и главное—такъ называемыя Krankenkasse, кассы для больныхъ, наиболѣе распространенныя изо всѣхъ подобныхъ обществъ и существующія, по крайней мѣрѣ, у половины польскихъ фабрикъ, и притомъ нерѣдко одна касса для нѣсколькихъ заведеній.

„*Кассы для больныхъ*“ представляютъ собою учрежденія добровольныя—и иначе быть не можетъ, такъ какъ онѣ законнымъ путемъ не разрѣшены; но тѣмъ не менѣе, какъ приходилось слышать, собственный интересъ заставляетъ иногда рабочихъ оказывать нѣкоторое давленіе на новичковъ; очень часто также хозяева, какъ мы увидимъ дальше, оказываютъ этимъ обществамъ самопомощи болѣе или менѣе значительныя пособія, и во всякомъ случаѣ не препятствуютъ ихъ основанію, хотя опасеніе отвѣтственности иногда и заставляетъ ихъ утаивать отъ русскихъ властей полезный фактъ ихъ существованія. Средства этихъ Krankenkasse составляются поэтому самымъ различнымъ образомъ: а) или исключительно изъ взносовъ рабочаго по извѣстному проценту съ заработка (отъ 1% до 3%), или изъ опредѣленнаго недѣльнаго взноса отъ 4 до 10 коп. съ человѣка; б) или изъ взносовъ рабочихъ, съ *приплатой* отъ фабрикантовъ отъ 30% до 50% общей суммы ихъ взносовъ; иногда же послѣдняя приплата совершенно неопредѣленна, и хозяинъ приплачиваетъ „чего не хватаетъ на нужды кассы“; наконецъ, часто сюда же поступаютъ штрафныя деньги и вычеты

за порчу издѣлій, собираемыя хозяиномъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ средства кассы исключительно составляются изъ однѣхъ штрафныхъ денегъ, безъ всякихъ особыхъ взносовъ. Назначеніе кассы состоитъ въ доставленіи члену безплатно всей медицинской помощи, большею частью на дому, т. е. касса платитъ по особому договору врачу, фельдшеру, за отпускаемые медикаменты и т. п., а иногда опасныхъ и заразныхъ больныхъ помѣщаетъ на свой счетъ и въ больницу. Притомъ кассы отнюдь не исключаютъ иногда и прямой помощи отъ хозяина, который въ то же время имѣетъ своего врача или аптеку, а одинъ разъ мнѣ встрѣтилась подобная касса на фабрикѣ, гдѣ даже существуетъ и благоустроенная больница (въ Пабіяницахъ); понятно, что въ такомъ случаѣ самая дѣятельность кассы должна нѣсколько измѣниться и вообще ихъ организація и правила, при описанныхъ общихъ чертахъ, отличаются по фабрикамъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ.

Но главный и общій всѣмъ кассамъ для больныхъ видъ помощи, не встрѣчаемый, къ сожалѣнію, на нашихъ русскихъ фабрикахъ, заключается въ томъ, что кассы эти гарантируютъ больному рабочему часть его заработка и не ставятъ его семейство или самого рабочаго по выздоровленіи въ безъисходное положеніе или кабалу, а именно: кассы выдаютъ больному, болѣе или менѣе продолжительное и условленное правилами время, суточную или недѣльную плату, размѣръ которой опредѣляется иногда извѣстною частью заработка ($^1/_3$ или $^1/_2$), иногда же опредѣленной цифрой денежной помощи. Такимъ образомъ, благодаря существованію этихъ прекрасныхъ обществъ, рабочій во время болѣзни не теряетъ всего, какъ у насъ, и не находится подъ вѣчнымъ страхомъ войти въ неоплатные долги хозяину, или очутиться даже на улицѣ. Нѣкоторыя кассы простираютъ свои благодѣтельныя дѣйствія даже послѣ смерти сочлена и выдаютъ семейству деньги для необходимыхъ похоронныхъ издержекъ. Нельзя не пожалѣть въ заключеніе, что эти столь полезныя для рабочихъ учрежденія до сихъ поръ не санкціонированы нашимъ законодательствомъ, что до крайности затрудняетъ иногда основаніе новыхъ кассъ, а особенно ведетъ, какъ были тому примѣры, къ безвозвратной потерѣ рабочими денегъ въ кассахъ, находившихся у хозяина, въ случаѣ его банкротства.

Кассы для больныхъ представляютъ лишь одинъ изъ разнообразныхъ видовъ самопомощи и благотворительности, столь же распространенныхъ на польскихъ фабрикахъ, сколько рѣдкихъ на нашихъ. Первое мѣсто между ними по своей важности, нѣтъ сомнѣнія, занимаютъ существующія при многихъ польскихъ фабрикахъ *потребительныя общества*, имѣющія своею цѣлью снабженіе рабочихъ пищею и другими предметами продовольствія. Какъ извѣстно, такія общества еще встрѣчаются на фабрикахъ Петербургской губерніи, но въ средней Россіи составляютъ большую рѣдкость; во всей Московской губерніи, напримѣръ, насколько мнѣ извѣстно, до нынѣшняго года существовало лишь одно потребительное общество при коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ Струве и лишь въ настоящемъ году недавно открыто еще два другихъ. Затѣмъ, какъ общее правило, рабочіе на нашихъ фабрикахъ снабжаются припасами или съ фабричныхъ лавокъ, или забираютъ на сторонѣ у вольныхъ торговцевъ, но обыкновенно съ поручительствомъ хозяевъ, причемъ, несмотря на запрещеніе закона, при расплатѣ съ поставщиками или маркитантами провизіи для рабочихъ, фабричныя конторы нерѣдко пользуются уступкой извѣстнаго процента въ пользу хозяина или иными douceur'ами, обнаружить которые для фабричной инспекціи, благодаря обоюдному соглашенію, крайне затруднительно (такіе случаи обыкновенно открываются лишь вслѣдствіе ссоры контрагентовъ). На лучшихъ фабрикахъ *харчевыя лавки* даютъ возможность рабочимъ пріобрѣтать нужные припасы по обыкновенной рыночной цѣнѣ, а иногда даже нѣсколько дешевле; въ большинствѣ же — не менѣе десяти, двадцати и даже до пятидесяти процентовъ дороже, и притомъ очень часто худого качества, такъ что потери рабочихъ, несмотря даже на распространенную артельную форму продовольствія, на переплатахъ въ провизіи должны быть весьма значительны и поглощаютъ напрасно часть ихъ заработка. Еще худшее вліяніе, впрочемъ, чѣмъ сама дороговизна припасовъ, оказываетъ отпускъ ихъ въ кредитъ—прежде, до выхода въ свѣтъ закона 3-го іюня 1886 года, можетъ быть и необходимый, но нынѣ, при регулярной (по крайней мѣрѣ—по закону) расплатѣ съ рабочими, не только излишній, но крайне вредный. Лавки крупныхъ фабрикъ представляютъ собой цѣлые обширные ма-

газины, заключающіе въ себѣ не только предметы необходимости, но и всѣ предметы прихоти и роскоши, доступные рабочему и даже выше того. Слабохарактерный и всегда имѣющій мало наличныхъ денегъ рабочій вѣчно соблазняется, при доступности кредита, набирать больше, чѣмъ ему нужно, и часто—предметовъ безполезныхъ, истощающихъ его и безъ того скудный бюджетъ; на нѣкоторыхъ фабрикахъ, какъ я показалъ въ своемъ мѣстѣ [1]), это забираніе въ кредитъ вводитъ его даже въ неоплатные долги хозяину. Еще въ 1886 году московскій генералъ-губернаторъ, съ цѣлью устранить замѣченныя злоупотребленія на московскихъ фабрикахъ, издалъ обязательныя постановленія, въ которыхъ поручилъ мѣстной полиціи контролировать расцѣнки или таксы фабричныхъ лавокъ. Затѣмъ, когда вступилъ въ силу, съ 1-го октября 1886 года, новый законъ о наймѣ фабричныхъ рабочихъ, то контроль этотъ перешелъ къ фабричной инспекціи и, какъ извѣстно, вызвалъ противъ себя сильное неудовольствіе фабрикантовъ и цѣлую бурю въ органахъ прессы, имъ принадлежащихъ. Нельзя не сознаться, что при всей безусловной важности такого контроля въ интересахъ рабочихъ онъ является, по многимъ причинамъ, крайне затруднительнымъ и рискуетъ обратиться со временемъ въ пустую формальность, если законодательство не уничтожитъ совсѣмъ фабрично-лавочный кредитъ, безполезный при условіи правильной расплаты, которую многіе наши фабриканты болѣе всего не любятъ. Другимъ исходомъ можетъ быть поощреніе на фабрикахъ потребительныхъ обществъ, что и начинаютъ сознавать, какъ я привелъ два примѣра, наиболѣе благоразумные изъ нашихъ предпринимателей (Струве, Гужонъ и Прохоровы); для большинства же русскихъ промышленниковъ доходъ отъ фабричной лавки является составною частью общаго дохода отъ предпріятія, за которую они держатся крайне цѣпко.

Иначе организовано снабженіе продовольствіемъ рабочихъ на фабрикахъ царства польскаго. Какъ правило, фабричныя лавки тамъ совершенно не существуютъ: посѣтивши всѣ наиболѣе видныя фабрики въ промышленныхъ центрахъ края, я лишь однажды встрѣтилъ исключеніе въ видѣ продовольствен-

[1]) См. „Фабричн. отчетъ за 1882—83 г.“.

наго магазина съ продажей немногихъ припасовъ при одномъ варшавскомъ заводѣ, но и этотъ магазинъ былъ устроенъ по просьбѣ самихъ рабочихъ и отпускалъ припасы лишь съ надбавкой 2% на оптовыя цѣны. Польскіе рабочіе, получая аккуратно деньги, или забираютъ припасы, гдѣ желаютъ, въ частныхъ лавкахъ, или устраиваютъ, съ цѣлью избавиться отъ эксплоатаціи лавочниковъ, потребительныя товарищества, которыя бываютъ двухъ видовъ: или совершенно самостоятельныя, т. е. возникаютъ по иниціативѣ самихъ рабочихъ на ихъ личную складчину, или съ помощью и по иниціативѣ хозяевъ. Большею частью встрѣчается второй типъ потребительныхъ обществъ: хозяева обыкновенно даютъ для лавки помѣщеніе или оказываютъ денежную помощь при закупкѣ припасовъ и обзаведеніи лавки, а служащіе, какъ болѣе интеллигентные люди, оказываютъ дѣятельное участіе личнымъ трудомъ или совѣтами, а иногда и денежными средствами. Вообще можно считать за правило, что хозяева въ Польшѣ не пользуются прибылью отъ продовольствія рабочихъ, не смѣшивая, такимъ образомъ, своихъ прибылей отъ промышленнаго предпріятія съ лавочными доходами отъ своихъ собственныхъ рабочихъ, и вообще расплата подъ тѣмъ или инымъ видомъ припасами или товарами (т. н. Truck-System), по крайней мѣрѣ на извѣстныхъ мнѣ фабрикахъ въ Привислянскомъ краѣ встрѣчается, обратно съ Москвой, очень рѣдко — рѣже даже, думаю, на основаніи фабрично-инспекторскихъ отчетовъ, нежели въ сосѣднихъ Германіи и Австріи, и можетъ быть именно благодаря болѣе высокой доходности промышленныхъ предпріятій подъ защитой охранительнаго тарифа.

Кромѣ кассъ для больныхъ и потребительныхъ обществъ, польскія фабрики имѣютъ многія другія учрежденія для удовлетворенія различныхъ нуждъ рабочихъ, частью основанныя на началахъ опять-таки самопомощи, при развитой самодѣятельности хозяевъ и особенностяхъ самого фабричнаго быта. Учрежденія эти вообще несравненно многочисленнѣе, нежели на фабрикахъ средней Россіи, а самые способы благотворительности — разнообразнѣе и разностороннѣе московскихъ. Чаще всего изъ нихъ встрѣчаются *сберегательныя кассы* разнаго устройства (болѣе, нежели у четвертой части всѣхъ извѣстныхъ мнѣ фабрикъ).

Нѣкоторыя изъ этихъ кассъ имѣютъ исключительно въ виду сбереженіе денегъ; другія же являются и вспомогательными учрежденіями, откуда служащіе или рабочіе могутъ позаимствоваться въ трудную минуту жизни на льготныхъ условіяхъ. Излишне распространяться о важномъ значеніи такихъ учрежденій, у насъ еще весьма рѣдкихъ, а между тѣмъ одинаково выгодныхъ какъ для рабочихъ, такъ и для хозяевъ. Сберегательныя кассы вызваны на свѣтъ на польскихъ фабрикахъ опять-таки общераспространенной тамъ регулярной расплатой съ рабочими, что на нашихъ фабрикахъ до новаго закона 1886 года было лишь исключеніемъ. Получая аккуратно деньги и не желая ихъ цѣликомъ растрачивать, польскій рабочій, весьма естественно, при малочисленности государственныхъ учрежденій въ этомъ родѣ, сходился интересами съ хозяиномъ, которому, въ свою очередь, выгодно, конечно, удержать часть заработанной платы для оборота; и вотъ, по взаимному соглашенію и при надлежащемъ, конечно, довѣріи, открывается касса, куда рабочій немедленно отдаетъ часть только-что полученныхъ имъ денегъ, а хозяинъ за умѣренный процентъ получаетъ иногда, при крупной численности рабочихъ, и значительныя суммы свободныхъ денегъ, привязывая въ то же время лучшихъ рабочихъ къ своему заведенію.

Послѣдней цѣли весьма способствуетъ также и устройство на нѣкоторыхъ польскихъ фабрикахъ (мнѣ извѣстно—на семи) уже самими хозяевами спеціальныхъ *пенсіонныхъ фондовъ*, изъ которыхъ выдаются рабочимъ пенсіи подъ старость или въ случаѣ увѣчья, или же, по желанію, такія лица помѣщаются въ богадѣльни. Эти прекрасныя учрежденія устроиваются на различныхъ началахъ, но вообще по иниціативѣ владѣльцевъ: иногда такіе фонды или богадѣльни содержатся на особый капиталъ, пожертвованный хозяиномъ, иногда — на пособія отъ хозяина, съ прибавкой сюда всѣхъ штрафныхъ денегъ съ рабочихъ; наконецъ, самый распространенный видъ—составленіе такого фонда ежегоднымъ отчисленіемъ извѣстнаго процента съ прибыли (отъ 2% до 5%).

Наконецъ, совершенно своеобразный видъ благотворительности, занесенный также изъ Германіи и у насъ до послѣдняго времени совсѣмъ не встрѣчаемый, составляетъ на польскихъ

фабрикахъ *страхованіе рабочихъ отъ увѣчья и несчастій* отъ машинъ; онъ встрѣчается преимущественно на фабрикахъ, содержимыхъ иностранцами [1]). Съ цѣлью обезпечить участь пострадавшихъ хозяева застраховываютъ ихъ на свой собственный счетъ, обыкновенно въ какомъ-нибудь заграничномъ страховомъ обществѣ (чаще всего въ Schweizer - Unfallversicherungs-Actien-Gesellschaft, агентъ котораго живетъ въ Лодзи), при чемъ уплата преміи во всѣхъ случаяхъ совершается, какъ я имѣлъ возможность удостовѣриться, безъ вычетовъ съ рабочихъ; при этомъ рабочему, получившему увѣчье перваго класса, выдается лично или семейству его тысячедневный заработокъ по послѣдней высотѣ его, второго—пятисотъ-дневный; то же самое касается большею частью и служащихъ.

Чтобы познакомить со всѣмъ разнообразіемъ встрѣчающихся на польскихъ фабрикахъ благотворительныхъ учрежденій, приведу лишь перечень таковыхъ на одной только фабрикѣ Шейблера — одной изъ крупнѣйшихъ во всей Россіи. Кромѣ больницы, аптеки, двухъ школъ, ресторана и пр., фабрика имѣетъ слѣдующія собственно благотворительныя учрежденія: 1) *потребительное общество;* фабрика даетъ для него безплатно зданіе, квартиру для служащихъ и капиталъ, нужный для оборота (268,349 р. за послѣдній отчетный годъ), и общество беретъ лишь 5% на продаваемые продукты, прибыли же присоединяетъ къ капиталу вспомоществованія; 2) *общество вспомоществованія для престарѣлыхъ и увѣчныхъ*, на что фабрика даетъ ежегодно 7,466 рублей; 3) *сберегательная и вспомогательная касса*

---

[1]) Въ 1887 году на одномъ химическомъ заводѣ въ московской губерніи, *принадлежащемъ также иностранцу,* въ первый разъ, насколько мнѣ извѣстно, рабочіе застрахованы отъ увѣчья и несчастія. Слышалъ о другой такой же попыткѣ, *также* на фабрикѣ, принадлежащей *иностранцу*, но не имѣлъ возможности удостовѣриться. Вообще въ данномъ случаѣ повторяется то же самое, что извѣстно по поводу вліянія англійскаго законодательства объ огражденіи опасныхъ механизмовъ: благодаря строгому контролю англійской инспекціи, тамошніе машиностроительные заводы не выпускаютъ машины иначе, какъ уже съ готовыми ограженіями, и русскіе рабочіе на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ машины выписываются изъ Англіи, пользуются такимъ образомъ благодѣяніями, предназначенными для рабочихъ англійскихъ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ то же самое является результатомъ германскаго законодательства.

для *служащихъ*, *получающихъ* менѣе двухъ съ половиною тысячъ въ годъ; капиталъ образуется вычетомъ 5% съ жалованья участниковъ и таковой же приплатой отъ фабрики; 4) *пенсіонный фондъ для рабочихъ*, который поддерживается отчисленіемъ 2% отъ валовой прибыли фабрики, что составляетъ въ годъ около 25,000 рублей; 5) *сберегательная касса для рабочихъ*— и нѣкоторыя другія учрежденія.

Замѣчу въ заключеніе, что всѣ описанныя благотворительныя учрежденія, въ числѣ многихъ десятковъ разныхъ видовъ, встрѣчаются на 87 мнѣ извѣстныхъ лично польскихъ фабрикахъ; между тѣмъ изъ описанныхъ мною московскихъ фабрикъ въ отчетѣ за 1882—83 г., на 158 фабрикъ приходилось всякаго рода благотворительныхъ учрежденій—всего лишь 10... Sapienti sat!!!

Мы сдѣлали въ нашемъ сравнительномъ очеркѣ обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни фабричнаго рабочаго средней Россіи и Привислянскаго края—и должны въ заключеніе придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Польскій рабочій не только абсолютно получаетъ плату бо̀льшую, нежели московскій (кромѣ Сосновицъ), но, по всей вѣроятности, трудъ его интенсивнѣе, производительнѣе, нежели московскаго рабочаго; послѣднее предположеніе, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что, несмотря на общую малограмотность населенія Привислянскаго края, тамошній фабричный рабочій грамотнѣе и, слѣдовательно, развитѣе московскаго; косвеннымъ удостовѣреніемъ того же положенія служитъ также болѣе развитая иниціатива и самодѣятельность польскихъ рабочихъ, которая находитъ себѣ выраженіе въ разнородныхъ учрежденіяхъ самопомощи, устроиваемыхъ рабочими на польскихъ фабрикахъ и почти не встрѣчаемыхъ у насъ, за исключеніемъ продовольственныхъ артелей.

2) Польскій рабочій имѣетъ менѣе праздниковъ въ году, но въ теченіе дня и года трудится меньшее число часовъ, т. е. его трудъ менѣе напряженъ и вреденъ для здоровья; польскій же промышленникъ отъ меньшаго количества праздниковъ сравнительно съ московскимъ, *количественно* во времени не выигры-

ваетъ, но *качественно*, благодаря болѣе правильному распредѣленію годичной работы, несомнѣнно получаетъ выгоду.

3) Отношенія польскаго рабочаго къ своему хозяину нормальнѣе и лучше, нежели московскаго, что̀ выражается во всѣхъ главныхъ фактахъ его жизни. По огромной практической важности этого пункта остановимся на немъ подольше и разберемъ подробнѣе.

Никто не будетъ, вѣроятно, оспаривать, что главныя начала благоустройства каждой фабрики заключаются во взаимномъ согласіи хозяевъ и рабочихъ, въ привязанности послѣднихъ къ дѣлу и нежеланіи часто мѣнять и бросать работу, какъ это нерѣдко, къ сожалѣнію, бываетъ съ нашими рабочими. Я не говорю уже о такъ называемыхъ безпорядкахъ или волненіяхъ на фабрикахъ, которые случаются гораздо чаще, нежели извѣстно нашей публикѣ, такъ какъ въ большинствѣ прекращаются домашними средствами. Подобныя происшествія одинаково прискорбны и невыгодны для обоюдныхъ интересовъ и, задерживая спокойный ходъ развитія промышленности, приносятъ важный матеріальный ущербъ всей странѣ. Спрашивается теперь: какія же необходимыя условія требуются для существованія добраго согласія между двумя сторонами? Безъ сомнѣнія, условій такихъ много; но на основаніи одинаковаго знакомства съ русской фабричной жизнью, какъ и съ опытомъ западной Европы, элементарными и въ то же время несомнѣнными условіями такого согласія слѣдуетъ считать устраненіе всѣхъ такихъ поводовъ, которые чаще всего ведутъ за собой къ неудовольствію между хозяевами и рабочими. Поэтому прежде всего необходимы:

а) Правильная регулярная расплата съ рабочими и строгое обоюдное соблюденіе договора о наймѣ. Разъ рабочій знаетъ, что его трудъ никоимъ образомъ не можетъ остаться неоплаченнымъ, что онъ получитъ свои деньги въ извѣстный срокъ, а не когда хозяину вздумается, то тѣмъ самымъ рабочій регулируетъ свои издержки, сводитъ концы съ концами, не входя въ долги, а, можетъ быть, даже сберегая, и вообще остается господиномъ своихъ матеріальныхъ средствъ, своего заработка. Точно также, если рабочій знаетъ, что хозяинъ не можетъ безнаказанно нарушить условіе договора, напр., расчитать его до

срока, то и въ свою очередь остережется его нарушить и будетъ уважать такой законъ.

б) Умѣренное штрафованіе, если того совсѣмъ нельзя избѣжать, и безусловное отсутствіе своекорыстнаго мотива въ такомъ штрафованіи. Нашъ рабочій слишкомъ привыкъ къ наказанію, чтобы не подчиниться ему, когда чувствуетъ себя виновнымъ, а наказаніе заслуженнымъ. Другое дѣло, если поводы къ штрафованію мелочны, придирчивы и часто повторяемы, и особенно когда такіе штрафы поступаютъ въ карманъ хозяина, и онъ, слѣдовательно, или его представители заинтересованы въ ихъ назначеніи.

в) Третье необходимое условіе взаимнаго согласія на фабрикахъ заключается въ правильной постановкѣ продовольствія рабочихъ, т. е. чтобы рабочій не видалъ стремленія со стороны хозяина наживаться на счетъ его издержекъ на необходимые предметы пропитанія; что если существуетъ при фабрикѣ лавка, то цѣны умѣрены, не дороже, чѣмъ у сосѣдей, а припасы хорошаго качества; чтобы онъ видѣлъ и убѣждался, что лавка устроена лишь для его удобства, а не какъ средство для поглощенія всего его заработка.

Вотъ важнѣйшія изъ условій, необходимыхъ для созданія добрыхъ отношеній и взаимнаго довѣрія между фабричнымъ предпринимателемъ и его наемниками. Безпристрастно сопоставляя все, до сихъ поръ сказанное, по сравненію фабрикъ на разныхъ концахъ нашего государства, нельзя не придти къ сознанію, что польскія фабрики выше и благоустроеннѣе московскихъ и другихъ губерній средней Россіи, мнѣ извѣстныхъ. Разберемъ эти отношенія детально, резюмируя все сказанное и имѣя въ виду русскія фабричныя отношенія до примѣненія закона 3-го іюня 1886 года. Не нужно забывать при этомъ, что пройдутъ годы прежде, чѣмъ начала новаго благодѣтельнаго закона войдутъ въ жизнь и прочно измѣнятъ существующіе обычаи.

Возьмемъ, во-первыхъ, *расплату*. Уже было сказано, что въ Польшѣ, какъ господствующее обыкновеніе, она совершается на всѣхъ фабрикахъ правильно, не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ, т.-е. самаго краткаго термина, установленнаго для московской губерніи новымъ закономъ 3-го іюня 1886 года. На-

противъ, на средне-русскихъ фабрикахъ, до вступленія закона въ силу, расплата не регулировалась ни закономъ, ни обычаемъ, и повсемѣстно была неправильна и неопредѣленна. Законъ измѣнилъ этотъ порядокъ и потребовалъ разсчета съ рабочими въ правильные сроки и въ извѣстныхъ случаяхъ предупрежденія рабочихъ за двѣ недѣли до отказа отъ занятія, что̀ такъ распространено, какъ мы видѣли, само по себѣ уже въ Польшѣ. Но одно дѣло—издать законъ, другое—добиться его исполненія: инспекція, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, до сихъ поръ завалена кучами жалобъ на неправильность расплаты и самовольные отпуски безъ предупрежденія. Послѣднее требованіе закона до сихъ поръ является въ глазахъ московскихъ фабрикантовъ нестерпимымъ нарушеніемъ хозяйскихъ правъ распоряженія своей фабрикой и вызываетъ ихъ неудовольствіе; такъ что пройдетъ, вѣроятно, не мало времени, пока этотъ порядокъ вещей на нашихъ фабрикахъ войдетъ въ такую же норму, въ какой онъ давно уже находится въ Польшѣ.

Организація *штрафовъ* также кладетъ важную разницу на отношенія хозяевъ и рабочихъ въ обоихъ сравниваемыхъ пунктахъ Россіи: за нѣкоторыми, весьма немногими, исключеніями штрафы на фабрикахъ Царства Польскаго умѣренны, взимаются по малому количеству поводовъ и на большинствѣ фабрикъ, какъ было въ своемъ мѣстѣ помянуто, идутъ на благотворительныя цѣли: кассы для больныхъ, пенсіонные фонды и т. п., т. е. такъ или иначе возвращаются, большею частію, самимъ же рабочимъ. Наоборотъ на фабрикахъ средней Россіи штрафы отличаются своими крупными размѣрами, крайнимъ разнообразіемъ поводовъ, доходящимъ до своего рода виртуозности, и, за немногими исключеніями, составляли доходную статью хозяина. Изъ нѣсколькихъ въ послѣдніе годы опубликованныхъ процессовъ извѣстно, до какихъ почтенныхъ цифръ достигаетъ иногда эта выгодная статья и къ какимъ серьезнымъ волненіямъ, одинаково вреднымъ для обѣихъ сторонъ, она приводитъ. Между тѣмъ привычка настолько сильна, что весь первый годъ послѣ вступленія закона 3-го іюня 1886 г. въ силу прошелъ въ борьбѣ фабрикантовъ съ инспекціей, главнымъ образомъ, изъ за присвоенія себѣ этихъ штрафовъ, съ которыми не хочется разстаться...

Третья важная сторона фабричнаго быта—*продовольствіе*—организована въ Польшѣ, вслѣдствіе отсутствія фабричныхъ лавокъ и распространенности потребительныхъ обществъ, такимъ образомъ, что уничтожаетъ въ корнѣ одинъ изъ частныхъ поводовъ къ мелкому ежедневному недовольству рабочаго на своего хозяина, имѣющему основаніе на большинствѣ русскихъ фабрикъ.

Таковы главнѣйшіе выводы изъ нашего сопоставленія, исключительно основаннаго на личныхъ наблюденіяхъ условій фабричнаго быта двухъ промышленныхъ районовъ русскаго государства. Невольно отсюда является вопросъ: что же слѣдуетъ сдѣлать къ улучшенію существующихъ на русскихъ фабрикахъ отношеній хозяевъ и рабочихъ, къ увеличенію взаимнаго согласія и довѣрія и упроченію желаемыхъ для мирнаго развитія промышленности порядка и спокойствія на фабрикахъ, безусловно важныхъ, нѣтъ сомнѣнія, даже въ интересахъ конкурренціи этихъ промышленныхъ районовъ нашей страны?

Весьма ясный и категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ самимъ правительствомъ, а именно—новымъ фабричнымъ закономъ, Высочайше утвержденнымъ 3-го іюня 1886 года. Этотъ важнѣйшій памятникъ нашего промышленнаго законодательства внесъ въ русскій фабричный бытъ новыя начала, въ значительной степени измѣняющія тѣ аномаліи, о которыхъ только что мы распространялись. Законъ этотъ изданъ именно съ цѣлью установить на нашихъ фабрикахъ *большее благоустройство* и *улучшить* взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, его существенныя положенія можно привести къ слѣдующему: 1) регулированіе расплаты и сроковъ найма; 2) регулированіе штрафовъ, и 3) регулированіе продовольствія (контроль за фабричными лавками) и поощреніе потребительныхъ товариществъ.

Вотъ что сдѣлало правительство для упорядоченія нашего фабричнаго быта; но, само собой разумѣется, что благія и гуманныя предначертанія закона окажутся безсильными измѣнить что-либо къ лучшему, если сами заинтересованныя лица, вмѣсто теперешней апатіи и даже непріязни, не пойдутъ на встрѣчу намѣреніямъ закона, не помогутъ его выполненію и не проникнутся убѣжденіемъ, что законъ этотъ имѣетъ именно въ виду

вывести нашу фабричную промышленность изъ того хаотическаю состоянія, въ которомъ находится ея внутренняя жизнь, и которое ставитъ ее въ неблагопріятное положеніе, даже по сравненію съ Привислянскимъ краемъ, не говоря уже о западной Европѣ. Пора сознать нашимъ промышленникамъ, что нельзя успокаиваться и ограничиваться однимъ „лишь повышеніемъ охранительныхъ пошлинъ“ и на нихъ возлагать всю надежду для поднятія промышленности; необходимо подумать о мѣрахъ къ улучшенію всего внутренняго фабричнаго быта и способовъ самаго производства.

Дальнѣйшая поддержка и проведеніе въ жизнь началъ гуманнаго закона, повторяемъ, являясь однимъ изъ существенныхъ условій улучшенія быта рабочихъ и ихъ состава на нашихъ фабрикахъ, послужитъ къ улучшенію самой промышленности, а слѣдовательно явится и новымъ орудіемъ успѣшной конкурренціи промышленности центральныхъ губерній съ губерніями Привислянскаго края.

Что дѣлаютъ англичане для своихъ переселенцевъ?

Одинъ умъ—хорошо, а два—еще лучше.
Русская поговорка.

Забота объ участи переселенцевъ принадлежитъ къ такимъ общественнымъ вопросамъ, которые выдвинуты у насъ на очередь сравнительно недавно, всего какихъ-нибудь десять, пятнадцать лѣтъ. Какъ извѣстно, первая серьезная попытка для юридическаго обоснованія этого вопроса была сдѣлана нашимъ правительствомъ путемъ изданія переселенческаго закона только пять съ половиной лѣтъ тому назадъ (отъ 13 іюля 1889 года). Наконецъ, первое широкое проявленіе *частной* филантропической дѣятельности въ пользу переселенцевъ, и притомъ общаго, а не мѣстнаго характера, положено было еще позднѣе, всего лишь 6 ноября 1890 года утвержденіемъ устава „Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ". Но что ново у насъ, то давно успѣло уже устарѣть въ западной Европѣ, опередившей насъ не однѣми свѣтлыми, но и тѣневыми сторонами культурной жизни. Густота населенія, крупное землевладѣніе, ростъ налоговъ, развитіе милитаризма за послѣдніе годы и многія другія причины заставляютъ повсюду въ западной Европѣ сотни тысячъ людей покидать родину и переплывать океанъ въ поискахъ новыхъ мѣстъ, дешевой земли и дорогого заработка. Въ одни лишь Соединенные Штаты Сѣверной Америки за послѣднія пятнадцать лѣтъ ушло изъ старой Европы около *шести* милліоновъ народа (5,852,000) [1]; всего же за 74 года теку-

[1]) См. Statistical Abstract of the United States. 1891. Fourteenth Num-

щаго столѣтія — съ 1815 — 1888 годъ переселилось изъ Европы въ другіе части свѣта болѣе *двадцати семи* милліоновъ (27,205,000) [1]) человѣкъ, и этотъ широкій потокъ переселенія, въ среднемъ, несмотря на всѣ попытки заинтересованныхъ сторонъ ограничить свободу переселенія, не только не уменьшается, но, повидимому, съ теченіемъ времени даже все болѣе и болѣе усиливается.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ переселеніи народовъ новѣйшаго времени занимаетъ, какъ извѣстно, Великобританія, которая усердно уже нѣсколько столѣтій переселяетъ тысячи своихъ сыновъ и дочерей во всѣ концы міра и особенно на континентъ Америки. Понятно, что этотъ старый опытъ въ переселенческомъ вопросѣ не могъ пройти безслѣдно, и не одна страна въ мірѣ не представляетъ такъ много поучительнаго матеріала въ данномъ отношеніи, какъ именно Англія. Ея эмиграціонная политика не только устанавливаетъ и должнымъ образомъ опредѣляетъ всю огромную важность переселенческаго вопроса для цѣлаго народнаго хозяйства, но и даетъ не мало полезныхъ уроковъ для новыхъ странъ, гдѣ, какъ въ нашемъ отечествѣ, на него недавно впервые обратили вниманіе и начинаютъ лишь теперь должнымъ образомъ оцѣнивать.

Намѣтимъ въ настоящемъ краткомъ очеркѣ наиболѣе любопытныя черты совокупной дѣятельности англійскаго правительства и общества на пользу своихъ переселенцевъ. „Es ist gut den Schnitt an fremdem Tuch zu lernen“, справедливо говоритъ нѣмецкая поговорка; и если примѣръ Англіи сообщитъ какую-нибудь доброю мысль, полезную для нашего отечества, то наша цѣль будетъ вполнѣ достигнута.

Въ первый разъ англійское правительство обратило серьезное вниманіе на переселенческій вопросъ съ точки зрѣнія охраны здоровья, жизни и другихъ интересовъ эмигрантовъ еще въ 1855 году, издавши съ этой цѣлью законъ, съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ видоизмѣненный и дополненный (особенно въ 1863 году). Актъ этотъ постановляетъ цѣлый рядъ весьма под-

---

ber. Washington: Governement Printing Office. 1892. Итогъ высчитанъ на основаніи данныхъ на стр. 219.

[1]) Dictionary of Statistics by *M. Mulhall.*, стр. 245.

робныхъ и обстоятельныхъ правилъ и положеній о перевозкѣ или транспортировкѣ эмигрантовъ и ихъ имущества. Онъ заботливо оберегаетъ интересы ихъ здоровья и удобства: такъ суда, предназначенныя для перевозки эмигрантовъ, должны быть вполнѣ пригодны и безопасны для плаванія (sea-worth) и снабжены достаточнымъ экипажемъ; такое судно, наконецъ, не можетъ принять для перевозки переселенцевъ, не будучи предварительно тщательно осмотрѣно двумя правительственными инспекторами и не получивши на то особаго разрѣшенія. Позднѣйшіе законы 1872—1876 года (Merchant Shipping Acts) дѣлаютъ обязательнымъ подробный осмотръ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ году. Законъ обращаетъ вниманіе до мелочей на всю обстановку и содержаніе переселенца во время его путешествія. Такъ, если на кораблѣ не менѣе *пятидесяти* человѣкъ переселенцевъ (обыкновенно ихъ гораздо больше), то на немъ необходимо долженъ быть врачъ со всѣми важнѣйшими медикаментами и приспособленіями, которыя закономъ подробно здѣсь перечисляются, и не одно судно не можетъ уйти съ эмигрантами изъ англійскаго порта прежде, нежели его не осмотритъ и не провѣритъ состоянія всей медицинской части особый врачъ, по назначенію переселенческой конторы. На этомъ же основаніи во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ Великобританіи имѣются особые правительственные чиновники, обязанные спеціально слѣдить за исполненіемъ означеннаго закона и всячески помогать переселенцамъ. Содержаніе переселенцевъ во время пути точно предусматривается и перечисляется закономъ, и затѣмъ это постановленіе повторено въ печатномъ видѣ на каждомъ билетѣ, выдаваемомъ переселенцу. Пища должна быть хорошаго качества и въ предусмотрѣнномъ закономъ количествѣ. При морскомъ переѣздѣ не менѣе 84 дней на парусномъ суднѣ, или 50 на пароходахъ, капитанъ обязательно долженъ имѣть на кораблѣ для еженедѣльнаго употребленія въ пищу переселенца слѣдующую провизію и въ такомъ размѣрѣ на каждаго человѣка: хлѣба или сухарей $3^1/_2$ фунта, пшеничной муки 1 ф., овсяной муки, рису и бобовъ—$1^1/_2$ фунта, картофелю—2 фунта, мяса—$1^1/_4$ фунта, свинины—1 фунтъ, чаю—2 унціи или вмѣсто него $3^1/_2$ унціи кофе или какао, сахару—1 фунтъ, соли—2 унціи, горчицы—$^1/_2$ унціи, перцу—$^1/_4$ унціи и уксусу—$^1/_4$ пинты; сверхъ

того, каждый пассажиръ имѣетъ право на полученіе свѣжей воды въ размѣрѣ 3 кварт ежедневно, а два раза въ недѣлю во время путешествія моется его бѣлье. Далѣе, законъ также подробно опредѣляетъ возможное (максимальное) число пассажировъ, пропорціонально размѣрамъ судна, длину и высоту коекъ, устройство вентиляціи и освѣщенія, предохранительныхъ отъ пожара и тумана снарядовъ и пр., и пр.

Всѣ предписанія закона относятся одинаково, какъ къ англійскимъ, такъ и плавающимъ подъ иностраннымъ флагомъ кораблямъ, но которые заходятъ въ Англію и принимаютъ тамъ пассажировъ.

Что касается до другого важнаго вопроса—средствъ, необходимыхъ для переселенія и уплаты за проѣздъ, то онъ въ Англіи разрѣшается двумя способами: одна часть переселенцевъ ѣдетъ, оплачивая свой путь, на свой собственный счетъ, другая же часть, и притомъ не малая, получаетъ пособіе или цѣликомъ перевозится на счетъ многоразличныхъ источниковъ, о которыхъ, напр., наши русскіе переселенцы въ большинствѣ и понятія не имѣютъ. Тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ помощь отъ приходовъ и союзовъ (Unions), на которые Англія раздѣлена въ административномъ отношеніи. Такъ называемое „бюро попечителей“ (Boards of Guardians), которое завѣдуетъ призрѣніемъ бѣдныхъ союза приходовъ или отдѣльнаго прихода, обязано заботиться о доставленіи своимъ бѣднымъ возможности для эмиграціи. Съ этою цѣлью они черпаютъ деньги изъ общаго фонда союза въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ, а именно, тратя не свыше 10 ф. с. (100 рублей) на каждаго переселенца. Если же готовыхъ средствъ не имѣется, то „бюро попечителей“ уполномочено даже заключать для этой цѣли заемъ, который затѣмъ покрывается соотвѣтственной раскладкой въ формѣ мѣстныхъ налоговъ для бѣдныхъ. Помимо взрослыхъ, поощряется также пособіями отъ приходовъ и союзовъ переселеніе сиротъ—дѣтей обоего пола, подъ особымъ надзоромъ и по особымъ правиламъ, предусмотрѣннымъ закономъ.

Другимъ источникомъ въ королевствѣ Англіи и Валлисѣ помощи переселенцамъ являются недавно учрежденныя (въ 1888 году) земскія административныя единицы, т. н. County Councils (совѣты графствъ): они также могутъ, что въ дѣйствительно-

сти и дѣлаютъ время отъ времени, отпускать суммы, необходимыя для эмиграціи или колонизаціи жителей ихъ графства, съ правомъ получить издержанныя деньги обратно отъ мѣстныхъ властей путемъ обыкновенныхъ налоговъ и въ теченіе срока, не превосходящаго тридцать лѣтъ.

Въ другихъ частяхъ Соединеннаго королевства, какъ Ирландія и Шотландія, помимо указанныхъ выше способовъ помощи переселенцамъ, общихъ для всего государства, имѣются и свои спеціальные источники. Особенно поощряется эмиграція изъ Ирландіи, не только на земскій, но и на казенный счетъ. Такъ, бюро попечителей тамъ еще по закону 1847 г., помимо общей своей обязанности помогать бѣднымъ своего союза, будутъ ли они въ рабочемъ домѣ или нѣтъ, должно также содѣйствовать переселенію и тѣхъ мелкихъ арендаторовъ, которымъ землевладѣльцы захотятъ оказать помощь при ихъ эмигрированіи. Такъ называемая *„земельная коммиссія“* (Land Commission), учрежденная въ Ирландіи въ 1881 году, по сношенію съ министерствомъ финансовъ, входитъ въ переговоры съ лицами, стремящимися въ Ирландіи къ переселенію, условливается, если возможно, съ правительствомъ той колоніи или государства, куда эти лица думаютъ переселиться, и снабжаетъ ихъ для того заимообразно необходимыми средствами. Особенно закономъ рекомендуется *поземельной коммиссіи* содѣйствовать переселенію цѣлыхъ семействъ изъ наиболѣе бѣдныхъ и густо населенныхъ частей Ирландіи. На слѣдующій 1882 годъ прошелъ законъ (Arrears of Rent (Ireland) Act. 1882), еще болѣе поощряющій эмиграцію бѣднѣйшаго населенія страны. Согласно ему, министерство финансовъ время отъ времени уполномочиваетъ коммиссіонеровъ общественныхъ работъ (Commissioners of Public Works) выдавать безвозвратныя ссуды бюро попечителей для переселенія тѣхъ или иныхъ лицъ, для которыхъ ими такая помощь будетъ признана желательной. Первоначально былъ назначенъ для этихъ даровыхъ выдачъ максимумъ въ *одинъ милліонъ рублей*, (100,000 ф. с.) [1]), но на слѣдующій же годъ онъ былъ увеличенъ до *двухъ милліоновъ рублей*. Въ результатѣ этихъ облегченій ирландской эмиграціи ея потокъ, разумѣется, сильно увеличился: къ

[1]) Одинъ фунтъ стерлинговъ вездѣ разсчитывается здѣсь въ 10 руб.

первому марту 1889 года безплатными ссудами, напр., воспользовались уже 24.329 человѣкъ, которые и получили пособій на цифру 1.314.000 руб. Сверхъ того, 44 союза воспользовались пособіемъ въ 821.720 рублей, переселивши 16.976 человѣкъ изъ своихъ бѣдняковъ, изъ которыхъ 11.000 отправились въ Соединенные Штаты, остальные—въ Канаду и Австралію. Когда же, наконецъ, состоялось послѣднее увеличеніе правительственнаго пособія до 2 милліоновъ (въ 1883 году), имъ немедленно воспользовались вновь 28 союзовъ, которые получили 367.300 рублей денегъ и отправили на нихъ, преимущественно въ Америку, 6.348 переселенцевъ.

Въ Шотландіи существуютъ нѣкоторые спеціальные виды помощи для переселенія. Такъ, по закону 1851 года въ горной Шотландіи, по иниціативѣ и ходатайству землевладѣльцевъ, правительство, по провѣркѣ требованія черезъ своихъ агентовъ, выдаетъ необходимыя для того средства, часть которыхъ обыкновенно вносится, впрочемъ, самими помѣщиками. Кромѣ того, въ апрѣлѣ 1888 года вслѣдствіе чрезвычайной нужды, имѣвшей мѣсто въ западной части горной Шотландіи и на Шотландскихъ островахъ между мелкими поземельными собственниками и т. н. *половниками* (crofters and cottiers), правительство приняло широкій планъ ихъ переселенія въ Канаду, для чего вошло въ сношеніе съ Канадскимъ правительствомъ о предоставленіи каждой переселенческой семьѣ безплатно 160 акровъ земли и ассигновало на передвиженіе необходимую сумму въ 100,000 рублей Переселеніе это уже началось и совершается благополучно въ два пункта провинціи Манитоба въ Канадѣ.

Указанные виды государственной и общественной помощи переселенцамъ, какъ они ни разнообразны, представляютъ въ дѣйствительности лишь небольшую часть той матеріальной и нравственной опоры, которую имѣетъ англичанинъ, задумавшій покинуть родину и переселиться. Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что каждый британскій подданный свободенъ отъ тѣхъ путъ и препятствій для эмиграціи, какими являются рекрутчина и паспортная система. Въ Англіи не существуетъ ни того, ни другого, и каждый желающій переселиться не нуждается ни въ какихъ на то разрѣшеніяхъ начальства и ни въ какихъ предварительныхъ затратахъ труда или хлопотахъ. Кромѣ

того, при легкости и свободѣ учрежденія тамъ всевозможныхъ вспомогательныхъ обществъ и кассъ почти каждый взрослый англичанинъ имѣетъ возможность уже состоять членомъ той или иной ассоціаціи, отъ которой можетъ надѣяться на помощь въ случаѣ такого важнаго шага, какъ переселеніе съ родины. Несомнѣнно, помощь, получаемая этимъ путемъ, весьма велика и практикуется часто, но вычислить ея размѣры въ дѣлѣ эмиграціи, по множеству существующихъ ассоціацій, свободно открывающихъ и прекращающихъ свою дѣятельность, совершенно невозможно. Приведемъ лишь немногія знакомыя намъ данныя, относящіяся исключительно къ т. н. „рабочимъ союзамъ“ (Trades unions). Общество, напр., столяровъ (Alliance Cabinet Makers'Society) за 19 лѣтъ своего существованія затратило на помощь для переселенія своимъ членамъ 2400 рублей, общество печатно-литографныхъ работъ (Lithographic Printers) за 10 лѣтъ— 3300 рублей, желѣзнодорожныхъ машинистовъ и кочегаровъ (Locomotive Engine-men and Fire-men) за одинъ 1887 годъ — 2610 руб.; извѣстный рабочій союзъ Нортумберландскихъ рудокоповъ издержалъ за 4 года на переселеніе 12,930 рублей, общество сигарочниковъ за 7 лѣтъ — 12,570 руб., бумагопрядильщиковъ за 10 лѣтъ — 20,340 рублей; чугунолитейщики (Iron-Founders) за 12 лѣтъ употребили на переселеніе крупную сумму 47,120 рублей; Лондонское общество наборщиковъ за 22 года своего существованія истратило на переселеніе цѣлыхъ 50,000 руб. и т. д. и т. д. Вообще, не существуетъ ни одного рабочаго или вспомогательнаго общества, а ихъ въ Англіи многія сотни, если не тысячи, которое бы не участвовало въ дѣлѣ переселенія путемъ дѣятельнаго содѣйствія своимъ эмигрирующимъ сочленамъ. Размѣры этой помощи колеблются, смотря, разумѣется, по средствамъ ассоціаціи, а также по длинѣ времени членства каждаго даннаго лица,—отъ 30 рублей для членовъ, состоящихъ въ обществѣ два или три года, до 80, 100 и больше рублей для тѣхъ лицъ, которыя платили свои членскіе взносы въ продолженіе 7 и болѣе лѣтъ.

До сихъ поръ мы перечисляли различные виды помощи переселенцамъ въ Великобританіи, получаемые ими такъ сказать *по праву* отъ общества и государства или тѣхъ союзовъ и кассъ, коихъ переселенцы были сочленами; но нашъ перечень былъ

бы слишкомъ неполонъ, если бы мы забыли упомянуть о помощи переселенцамъ *по человѣколюбію* или получаемой путемъ частной благотворительности, какъ извѣстно, также широко распространенной въ Англіи.

Въ Великобританіи насчитываются *многіе десятки* филантропическихъ обществъ, которыя въ той или другой мѣрѣ помогаютъ переселенцамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ благотворительныхъ учрежденій исполняютъ важную миссію лишь мимоходомъ, между многими иными задачами и заботами, какъ, напримѣръ, извѣстная «Армія спасенія», помогающая ежегодно десяткамъ лицъ изъ подонковъ лондонскихъ трущобъ переселяться заграницу для новой жизни и даже мечтающая создать со временемъ эмиграцію въ широкихъ размѣрахъ. Другія общества болѣе широко посвящаютъ свою дѣятельность дѣлу переселенія, но спеціализируютъ его какимъ-либо особымъ классомъ или положеніемъ переселенцевъ. Такъ, существуютъ спеціальныя общества для переселенія, напр., только женщинъ или только однихъ дѣтей (нѣтъ только обществъ для переселенія однихъ мужчинъ). Существуютъ даже такія спеціальныя общества, какъ, напр., помощи для переселенія *падшимъ* женщинамъ или общество помощи къ переселенію *порочныхъ* дѣтей, или бывшихъ подъ судомъ и, наоборотъ, многія общества помогаютъ переселенкамъ-женщинамъ, но только завѣдомо хорошаго поведенія, или дѣтямъ, не бывшимъ подъ судомъ, и т. д.

Согласно подобной спеціализаціи, благотворительныя общества, помогающія переселенцамъ, можно подраздѣлить на три главныя категоріи:

1) *Общества вспомоществованія переселенію дѣтей* (Children's Emigration Societies). Ихъ насчитываются 11 въ разныхъ пунктахъ Англіи, преимущественно, впрочемъ, въ Лондонѣ. Общая задача состоитъ въ томъ, чтобы давать кровъ безпріютнымъ дѣтямъ, будь они сироты или брошенныя родителями. Въ теченіе нѣкотораго времени ихъ обучаютъ, для чего при многихъ обществахъ имѣются ремесленныя школы, стараясь въ то же время отучить дѣтей отъ дурныхъ привычекъ, если онѣ пріобрѣтены долгою жизнью на улицахъ; затѣмъ переселяютъ заграницу, большей частью въ Канаду, размѣщая ихъ прямо въ крестьянскія семьи, желающія принять такихъ питомцевъ, или сначала

подготовляя ихъ земледѣльческое образованіе на особой учебной фермѣ, принадлежащей благотворительному обществу; это имѣетъ мѣсто, напр., въ извѣстномъ филантропическомъ заведеніи для уличныхъ дѣтей въ Лондонѣ д-ра Бернардо, который завелъ свою ферму въ провинціи Манитоба, куда и отправляетъ часть своихъ питомцевъ. Большинство дѣтскихъ переселенческихъ обществъ принимаютъ одинаково дѣтей обоего пола; нѣкоторыя же, наприм., The Boys' Home въ Лондонѣ—только однихъ мальчиковъ, или Miss Rye's Emigration Home for Destitute Little Girls тамъ же—только маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ за одинъ 1887 годъ оно отправило на Ніагару въ Канадѣ въ свое отдѣленіе 109 человѣкъ. Насколько притомъ серьезную роль въ переселеніи и спасеніи отъ нищеты малыхъ и сирыхъ играютъ эти дѣтскія общества, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Бирмингамское общество Children's Emigration Homes, основанное въ 1872 году съ цѣлью „спасать мальчиковъ и дѣвочекъ отъ соблазна преступленія", приняло до 1888 года 1852 ребятъ обоего пола, дало имъ нѣкоторое предварительное образованіе и 1731 изъ нихъ переселило въ Канаду, продолжая тамъ за ними слѣдить и объ нихъ заботиться. Сиротскій домъ въ Глэзго (Orphan Homes of Scotland and Destitute Children Emigration Homes) за 18 лѣтъ своего существованія переселилъ до 3000 дѣтей въ Канаду. Католическое общество покровительства дѣтямъ въ Ливерпулѣ (The Liverpool Catholic Childen's Protection Society) переселило въ Канаду 1100 человѣкъ дѣтей. Подобное же общество существуетъ въ Манчестерѣ (Manchester and Salford Boys' and Girls' Refuges and Homes...): какъ правило, это общество держитъ у себя дѣтей до 16 лѣтъ, обучая ихъ какому-нибудь ремеслу, и затѣмъ уже посылаетъ ихъ въ Канаду подъ надзоръ двухъ почтенныхъ мѣстныхъ жителей, м—ра и мистриссъ Уолласъ, которые распредѣляютъ ихъ между мѣстными семьями, слѣдятъ за ихъ жизнью и періодически сообщаютъ обществу объ ихъ судьбѣ. До настоящаго времени переселено и устроено этимъ обществомъ въ семьяхъ до 400 человѣкъ дѣтей обоего пола.

2) *Общество вспомоществованія переселенію женщинъ.* Такихъ обществъ насчитывается 7; изъ нихъ 5 въ Англіи, 1 въ Шотландіи и 1 въ Ирландіи. Всѣ они такъ или иначе удовлетво-

ряютъ своему назначенію доставить возможность лицамъ женскаго пола эмигрировать заграницу. Три изъ нихъ, одно въ Эбердинѣ, другое въ Салисбюри и третье въ Лондонѣ, дѣлаютъ это въ отношеніи дѣвушекъ, остальныя четыре общества безразлично помогаютъ какъ дѣвушкамъ, такъ и женщинамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ пріютъ, другія же ограничиваютъ свою дѣятельность выдачей на проѣздъ денегъ и рекомендаціей. Такъ, напр., Лондонское общество United British Women's Emigration Association задается слѣдущими задачами: 1) помогать къ переселенію только такихъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя могутъ доказать свое хорошее поведеніе и способность къ труду; 2) обезпечивать для нихъ должное покровительство во время путешествія и приличный пріемъ по прибытіи на мѣсто переселенія; 3) если возможно, не терять ихъ изъ вида въ теченіе года или двухъ послѣ эмиграціи. Ассоціація это имѣетъ квартиру для эмигрантокъ въ Ливерпулѣ, гдѣ онѣ могутъ получить безплатный ночлегъ до своего отплытія за океанъ; сверхъ того, 70 членовъ общества изъ дамъ средняго и высшаго классовъ проживаютъ въ разныхъ пунктахъ королевства, и къ нимъ переселенки могутъ обращаться за помощью; списокъ этихъ благотворительницъ всегда можно получить въ обществѣ. Въ серединѣ 1889 года подъ покровительствомъ этого общества состояло 153 женщинъ, изъ коихъ 46 отправлено въ Австралію и 68 въ Канаду. Другое женское общество въ Лондонѣ — Colonial Emigration Society не имѣетъ подобныхъ развѣтвленій своей дѣятельности: обращаться къ нему за помощью допускается только письменно, и оно снабжаетъ эмигрантокъ исключительно лишь деньгами въ формѣ займа на проѣздъ и иногда рекомендаціями. Однородной является дѣятельность и третьяго Лондонскаго общества, Women's Emigration Society, президентомъ котораго состоитъ принцесса Луиза, дочь королевы,—съ той существенной разницей, что оно помогаетъ лишь образованнымъ одинокимъ женщинамъ, ссужая ихъ деньгами на проѣздъ уже въ значительномъ размѣрѣ, до 20 ф. с. на человѣка,

3) *Общества вспомоществованія переселенію вообще* (т. е. помощь оказывается безъ различія пола и возраста). Такихъ обществъ въ Англіи не менѣе 20. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствуютъ для всей стороны, не различая своей благотворитель-

ности въ этомъ отношеніи, другія ограничиваются лишь близкимъ сосѣдствомъ къ мѣсту ихъ нахожденія. Наиболѣе любопытную черту этого рода ассоціацій на пользу всѣхъ переселенцевъ составляетъ особенность, что въ то время, когда въ женскихъ и дѣтскихъ переселенческихъ обществахъ, какъ правило, эмигрирующіе перевозятся цѣликомъ на средства ассоціацій, здѣсь обыкновенно оплачивается лишь часть стоимости переѣзда; очевидно, англичане разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: ребенку и женщинѣ извинительно не имѣть никакого заработка для оплаты расходовъ, связанныхъ съ путешествіемъ, но *мужчина*, наоборотъ, *обязанъ доказать свою способность къ труду, уплативши хоть нѣкоторую часть издержекъ путешествія изъ собственныхъ средствъ*. Отношеніе разныхъ обществъ въ этомъ случаѣ, впрочемъ, не одинаково: такъ, напр., Брайтонское Emigration Society требуетъ удостовѣренія въ хорошемъ поведеніи отъ переселенцевъ и взноса *одной трети* стоимости переѣзда; Ливерпульское Self-Help Emigration Society и Лондонское Tower Hamlets Mission Emigration and Colonisation Fund требуетъ отъ эмигрирующаго уплаты *половины* стоимости переѣзда, остальную же половину уплачиваютъ сами. Наконецъ, East-End Emigration Fund является совсѣмъ своеобразнымъ: лицо, желающее эмигрировать, вноситъ по мелочамъ въ сберегательную кассу общества $^1/_5$ часть издержекъ переѣзда, $^4/_5$ же добавляется обществомъ, и тогда это лицо эмигрируетъ; по этой системѣ, напр., въ 1888 году общество переселило 289 человѣкъ въ Канаду и 20 въ Австралію. Одно общество, т. н. National Association for Promoting State Colonisation, отличается тѣмъ, что имѣетъ, между прочимъ, своей задачей привлечь колоніальныя правительства къ участію въ эмиграціи и хотя съ большимъ выборомъ, но переселяетъ въ колоніи цѣлыя семейства исключительно земледѣльцевъ, снабжая ихъ въ долгъ средствами, необходимыми не только для переѣзда, но и для обзаведенія на новомъ мѣстѣ и съ обязательствомъ уплатить долгъ съ процентами. Два общества, въ Винчестерѣ и Веллингтонѣ, снабжаютъ переселенцевъ *цѣликомъ* нужными средствами и даже платьемъ и, наконецъ, одно Манчестерское общество (Manchester Youngmen's Emigration Advice Society) совсѣмъ не даетъ денегъ, снабжая лишь молодыхъ людей, задумавшихъ пере-

селиться, совѣтами, справками различнаго рода и рекомендаціями.

Размѣръ дѣятельности всѣхъ этихъ обществъ, разумѣется, весьма различенъ, начиная съ нѣсколькихъ десятковъ переселенцевъ въ однихъ обществахъ и кончая многими сотнями въ другихъ. Изъ наиболѣе крупныхъ укажемъ, напр., Charity Organisation Society въ Лондонѣ, которое переселило на свой счетъ, послѣ строгаго спеціальнаго изслѣдованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, 461 человѣка въ 1887 г. и 474—въ 1888 г. Еще значительнѣе дѣятельность другаго Лондонскаго общества, вышеупомянутаго Self-Help Emigration Society, которое за послѣдній годъ содѣйствовало переселенію въ колоніи 902 человѣкамъ. Весьма крупными размѣрами отличается также помощь спеціально еврейскихъ переселенческихъ обществъ: такъ, за 1888 годъ, напр., Jewish Board of Guardians въ Лондонѣ, оказало помощь переселенцамъ въ 701 случаяхъ, представляющихъ собою 1,254 души; изъ нихъ въ 518 случаяхъ помощь получили польскіе и русскіе евреи, какъ наиболѣе нуждавшіеся. Другое еврейское общество Jews'Emigration Society, президентомъ котораго состоитъ Леопольдъ Ротшильдъ, помогло за нѣсколько лѣтъ своего существованія переселенію, преимущественно въ Соединенные Штаты, 7,099 человѣкамъ. Мы не говоримъ уже о широкомъ планѣ переселенія евреевъ въ Аргентину барона Гирша, который не входитъ въ англійскія данныя о переселенцахъ, хотя огромныя суммы для этой цѣли текутъ изъ той же Англіи.

Несмотря на существенную роль, которую играютъ, конечно, деньги для переселенца, онѣ далеко, однако, не составляютъ всего. Переселенецъ можетъ обладать достаткомъ, даже относительнымъ богатствомъ и, тѣмъ не менѣе, очутиться въ безвыходномъ положеніи, благодаря прежде всего своему незнанію, иногда невѣжеству и всегда той узкости горизонта свѣдѣній и опыта, которою почти повсемѣстно въ Европѣ отличается земледѣльческое населеніе. Съ одной стороны, переселенецъ можетъ очутиться въ такой колоніи, которая по условіямъ климата или земледѣлія совсѣмъ не свойственна его привычному обиходу; съ другой,—онъ легко можетъ сдѣлаться жертвой злоупотребленія на новомъ мѣстѣ и при чуждой для него обстановкѣ, будетъ ли это простой обманъ или воровство,

или болѣе тонкій способъ хищенія уже на легальной подкладкѣ. Правительство, слѣдовательно, должно блюсти и въ этомъ отношеніи интересъ переселенца съ момента, какъ онъ началъ собираться покинуть родину, и до момента его полнаго водворенія въ новомъ отечествѣ. Эту задачу, какъ мы видѣли, и стремится удовлетворить до извѣстной степени англійское правительство. Путемъ, во-первыхъ, законодательства, обезпечивающаго личные интересы переселенца во время его переѣзда въ колонію и затѣмъ въ формѣ спеціальнаго контроля за соблюденіемъ этихъ законовъ въ лицѣ особыхъ чиновниковъ по переселенческому дѣлу, въ которыхъ переселенецъ находитъ также своихъ лучшихъ совѣтниковъ и заступниковъ. Мало того, когда переселенецъ прибудетъ въ колонію или даже въ чужое для него государство, какъ Соединенные Штаты, его и тамъ, на мѣстѣ, встрѣчаютъ подобные же правительственные чиновники уже отъ колоній или штатовъ, которые тщательно оберегаютъ его, особенно первые дни, отъ всякихъ искушеній и обмановъ и вообще заботятся до нѣкоторой степени объ устройствѣ его судьбы. Многочисленныя благотворительныя учрежденія, какъ мы уже упомянули, въ Англіи имѣютъ иногда также своихъ агентовъ и даже цѣлыя отдѣленія въ самыхъ колоніяхъ и въ Соединенныхъ Штатахъ: эти агенты встрѣчаютъ и принимаютъ, разумѣется, своихъ переселенцевъ и заботятся объ ихъ участи иногда даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (напр., относительно одинокихъ женщинъ и дѣтей). Но все это кажется недостаточнымъ для англичанъ въ ихъ заботахъ о переселенцахъ. Сознавая, какія важныя и горестныя послѣдствія можетъ на себя навлечь переселенецъ ошибочнымъ или необдуманнымъ выборомъ мѣста для своего переселенія, будь то по незнанію или подъ вліяніемъ ложныхъ извѣстій и свѣдѣній о данной колоніи и странѣ, англійское правительство считаетъ нужнымъ помочь своимъ переселенцамъ и въ этомъ отношеніи. Оно учредило спеціальное совѣщательное учрежденіе для эмигрантовъ въ октябрѣ 1886 года, подъ именемъ „*Справочной переселенческой конторы*“ (Emigrants'Information Office). Она состоитъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ колоніальнаго управленія въ Лондонѣ, съ цѣлью именно доставленія эмигрантамъ изустно и письменно всѣхъ необходимыхъ для нихъ достовѣрныхъ свѣ-

дѣній, касающихся вопроса о переселеніи. Для этой цѣли переселенческая справочная контора, во-первыхъ, доступна и открыта для всѣхъ посѣтителей каждый день отъ $10^1/_2$ до $6^1/_2$ часовъ вечера, имѣетъ свѣдущихъ лицъ, готовыхъ дать объясненіе по любому, интересному для переселенца вопросу и снабжена въ значительной степени всевозможными географическими картами и справочными книгами, съ помощью которыхъ легко и удобно отыскать большую часть необходимыхъ свѣдѣній.

Вторая обязанность переселенческой справочной конторы состоитъ въ цѣломъ рядѣ печатныхъ изданій, предпринимаемыхъ конторой съ помощью многочисленныхъ корреспондентовъ и оффиціальныхъ свѣдѣній отъ всѣхъ главнѣйшихъ колоній Великобританіи. Перечислимъ эти изданія:

1. Печатныя *объявленія*, четыре раза въ году, содержащія въ себѣ краткія свѣдѣнія объ обыкновенныхъ и удешевленныхъ проѣздахъ въ колоніи, о спросѣ тамъ на тотъ или иной видъ труда. Объявленія эти расклеиваются, и ихъ можно видѣть *во всѣхъ почтовыхъ конторахъ* Соединеннаго королевства.

2. Печатные *циркуляры*, издаваемые также четыре раза въ году съ того же характера свѣдѣніями, какъ и предыдущія объявленія, но только полнѣе и разнообразнѣе, сообщая попутно нѣкоторыя цифры, напр., о размѣрѣ заработной платы, цѣнѣ продовольствія, данныя о мѣстныхъ законахъ по землевладѣнію и проч. Всѣ эти циркуляры раздаются или разсылаются *безплатно* по первому требованію всякому, желающему ихъ получить, изъ переселенческой конторы.

3. *Десять отдѣльныхъ руководствъ*, ежегодно вновь переиздаваемыхъ и заключающихъ въ себѣ обстоятельное описаніе каждой изъ десяти важнѣйшихъ колоній Англіи. Всякое руководство содержитъ въ себѣ прекрасно исполненную карту той колоніи, которую описываетъ, и разнообразныя свѣдѣнія мѣстнаго характера, которыя могутъ только понадобиться или интересовать переселенца. Руководства эти трактуютъ слѣдующія страны: 1) Канада, 2) Новый Южный Валлисъ, 3) Викторія, 4) Южная Австралія, 5) Квинсландъ, 6) Западная Австралія, 7) Тасманія, 8) Новая Зеландія, 9) Капская колонія и земля Бичуановъ, 10) Наталъ. Всѣ эти руководства продаются по одному пенни (3 коп.) за экземпляръ съ пересылкой по почтѣ.

Одиннадцатое руководство, т. н. *профессіональное*, содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, нужныя спеціально лицамъ свободныхъ профессій, т. е. средняго класса, имѣющихъ въ виду переселеніе. Наконецъ, *двѣнадцатое* и послѣднее руководство заключаетъ въ себѣ собраніе законовъ о переселеніи и общія свѣдѣнія о переселеніяхъ, - часть которыхъ и вошла въ настоящій нашъ очеркъ, и оплачивается, какъ предыдущій № 11, уже по 3 пенса за экземпляръ, т. е. по 9 коп. Добавимъ къ этому, что по англійскому обычаю каждое изъ первыхъ десяти руководствъ, помимо географической карты мѣстности, снабжено прекраснымъ предметнымъ индексомъ всего содержанія, что дѣлаетъ всякую нужную справку легкой и удобной [1])

Итакъ, заплативши 3 коп., всякій грамотный переселенецъ въ Англіи можетъ основательно, какъ мы дальше увидимъ, познакомиться, по наиболѣе достовѣрнымъ и новѣйшимъ даннымъ съ той колоніей, куда онъ захочетъ переселиться, и даже намѣтить на картѣ ту провинцію ея, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его вкусамъ и ожиданіямъ, по цѣнамъ ли земли, по роду ли производства, по своимъ ли климатическимъ особенностямъ, или инымъ хозяйственнымъ условіямъ. Онъ не нуждается въ посылкѣ *ходоковъ* или въ распросахъ случайныхъ и бывалыхъ лицъ; ему не нужно гадать, какъ нашему переселенцу, дойдетъ ли онъ до Амура, или застрянетъ въ Барабинской степи, и что найдетъ по дорогѣ: онъ все знаетъ, что ему нужно знать, заплативши свои 3 коп. за руководство для данной колоніи, чего же въ книжкѣ нѣтъ, въ родѣ послѣдняго размѣра заработной платы или новаго спроса на тѣ или другія рабочія руки, объ этомъ англичанинъ узнаетъ даромъ изъ ближайшихъ почтовыхъ объявленій или изъ печатныхъ *циркуляровъ* конторы. Наконецъ, всякое дальнѣйшее сомнѣніе или недоразумѣніе переселенца, предварительно важнаго шага, имъ сдѣланнаго, въ видѣ выбора того или иного пункта земного шара для переселенія, разрѣшается легко и опять-таки *безплатно* въ справочно-переселенческой конторѣ свѣдущимъ и

---

[1]) Подлинное названіе всѣхъ этихъ руководствъ *въ одной книгѣ* таково: Emigrants Information Office Handbooks 1890. London. Eyre and Spottiswood. Price 2 sh.

опытнымъ чиновникомъ—во всеоружіи всевозможныхъ статистическихъ данныхъ и справочныхъ книгъ обо всѣхъ колоніяхъ.

Если же и чиновникъ переселенческой конторы неспособенъ удовлетворить любознательности пытливаго переселенца, тогда къ его услугамъ имѣются въ томъ же Лондонѣ и, какъ нарочно по близости отъ переселенческой конторы, оффиціальные представители каждой колоніи, или т. н. „генеральные агенты“, и какъ мѣстные жители, они способны разсѣять послѣднія сомнѣнія переселенца или доставить ему, хотя бы запросомъ по телеграфу, нужную для него справку.

Но остановимся дальше и познакомимся, хотя и бѣгло, съ этими любопытными трехкопѣечными руководствами для эмигрантовъ. Въ виду необходимости скупиться мѣстомъ, мы ограничимся изъ десяти руководствъ лишь однимъ первымъ, заключающимъ въ себѣ описаніе Канады, а изъ Канады выберемъ для спеціальнаго ознакомленія одну лишь провинцію Манитобу, нѣсколько разъ раньше упомянутую. Зная сущность и характеръ одного руководства, мы собственно познакомимся и со всѣми, ибо они составлены по одному плану и лишь различаются въ описательной части и статистическихъ свѣдѣніяхъ.

Руководство № 1, Канада, заключается прежде всего въ сообщеніи на 14 страницахъ мелкой печати общихъ свѣдѣній, относящихся ко всей странѣ, и затѣмъ на 30 послѣдующихъ страницахъ—описаніе отдѣльныхъ канадскихъ провинцій. Впереди всего—хорошая карта всей колоніи съ путями сообщенія и даже морскими путями съ родины, т. е. изъ Англіи, въ эту колонію, а въ концѣ руководства—обычный предметный указатель всего содержанія.

На первомъ планѣ стоитъ, конечно, географическій очеркъ Канады и раздѣленіе ея на провинціи съ ихъ названіями; сбоку, на оберткѣ, деньги и мѣры, употребляемыя въ Канадѣ. Затѣмъ слѣдуютъ новѣйшія данныя о народонаселеніи и довольно подробное описаніе климата.

Далѣе, идетъ описаніе организаціи и управленія для всей колоніи, для провинцій и отдѣльныхъ городовъ. Описаніе устройства школъ и народнаго образованія (обязательность и безплатность и, по американскому образцу, особые участки школьной земли). Распредѣленіе населенія по религіи. Пути въ Канаду

и разстоянія. Точная стоимость проѣзда. Содержаніе во время пути, и чего переселенецъ можетъ требовать отъ парохода. Указанія эмигрантамъ до подробности, что они должны брать съ собою изъ вещей и земледѣльческихъ орудій въ Канаду, и чего нѣтъ (Руководство входитъ въ этомъ отношеніи даже въ такія подробности, какой именно костюмъ долженъ для пути и для Канады имѣть эмигрантъ, его жена, дѣти, и какимъ именно бѣльемъ должны они запастись у себя дома).

Лучшее время для переселенія въ Канаду (съ разсчетомъ на большой спросъ труда, лучшее вознагражденіе и болѣе удобное устройство поселенія)—въ серединѣ апрѣля. Описаніе т. н. переселенческихъ „депо“ для временнаго размѣщенія прибывшихъ эмигрантовъ, обязанности переселенческихъ агентовъ канадскаго правительства: чего отъ нихъ эмигрантъ можетъ ожидать и чего требовать. Организація медицинской помощи для больныхъ эмигрантовъ и спеціальная забота объ одинокихъ женщинахъ. Карантинныя правила колоніи.

Для прибывшаго уже въ страну переселенца предстоятъ два главныхъ вопроса, необходимыхъ для разрѣшенія: полученіе или пріобрѣтеніе земли въ собственность и устройство хозяйства, наемъ земли или полученіе заработка, сообразно спеціальности переселенца, если особенно онъ ремесленникъ или мастеровой. На первый вопросъ, т. е. о землѣ, общая часть описанія Канады не содержитъ данныхъ, ибо эти условія слишкомъ различны по провинціямъ и помѣщены далѣе въ описаніи каждой мѣстности отдѣльно. Здѣсь же сообщаются послѣднія, т. е. новѣйшія свѣдѣнія о спросѣ на трудъ и заработной платѣ, полученныя *переселенческой конторой* отъ своихъ агентовъ со всѣхъ концовъ Канады. Сначала приводятся данныя о сельскохозяйственныхъ рабочихъ какъ холостыхъ, такъ и женатыхъ и размѣръ ихъ платы по отдѣльнымъ провинціямъ въ зимнее время, затѣмъ во время жатвы и на круглый годъ (плата вообще выше англійской — не ниже, повидимому, полутороста долларовъ въ годъ на полномъ содержаніи хозяина).

Вслѣдъ за сельскохозяйственными рабочими перечисляются самые различные роды труда, свойственнаго эмигрантамъ, съ указаніемъ тѣхъ шансовъ и условій, на которыхъ они могутъ устроиться въ новой странѣ: садовники, ремесленники всевоз-

можнаго рода, фабричные рабочіе, дровосѣки, рудокопы, желѣзнодорожные служащіе разныхъ спеціальностей (не рекомендуется переселяться) и, наконецъ, женщины и дѣти, ищущія труда. Наибольшій спросъ, повидимому, женскаго труда—для домашней прислуги съ весьма большими окладами жалованья, до 20 долларовъ въ мѣсяцъ на хозяйскомъ содержаніи. Затѣмъ прачки, бѣлошвейки, портнихи и фабричная работа; послѣдняя же отчасти и для дѣтей. Часы работы для разныхъ видовъ труда и списокъ такихъ занятій, представители которыхъ отнюдь не должны переселяться въ Канаду и не могутъ разсчитывать на заработокъ (какъ всѣ лица, не живущія ручнымъ трудомъ, напр., женщины выше по образованію обыкновенной служанки или ремесленницы, писцы. лавочники и т. п.).

Но при высокой сравнительно платѣ переселенецъ, по благоразумному совѣту Руководства, не долженъ ею слишкомъ прельщаться; за хорошую плату требуется соотвѣтственно и хорошій трудъ, еще болѣе искусный и энергичный, нежели тотъ, къ которому рабочій привыкъ у себя, въ Европѣ. Приложеніе машинъ ко всевозможнымъ видамъ труда гораздо больше распространено въ Канадѣ, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, и къ нимъ-то необходимо приспособиться рабочему: поэтому самому лучшему англійскому земледѣльцу, по переселеніи въ Канаду, скорѣе придется сдѣлаться, по словамъ Руководства, ученикомъ своего дѣла, нежели учителемъ, почему работа является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ Канадѣ гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ Англіи. Кромѣ того, Руководство указываетъ и на ту особенность колоніальной жизни, что, благодаря, напр., длинной зимѣ въ Канадѣ и вообще недостатку населенія, во многихъ случаяхъ нельзя ограничиваться однимъ видомъ труда, и надо быть готовымъ иногда мѣнять свою профессію или знать нѣсколько родовъ работы понемногу.

За заработкомъ и свѣдѣніями о немъ слѣдуетъ подробный списокъ цѣнъ на всѣ главнѣйшіе предметы потребленія въ разныхъ частяхъ Канады и вообще стоимость жизни въ колоніи. Какой капиталъ требуется для земледѣльца, желающаго тотчасъ же устроиться цѣлымъ хозяйствомъ, включая сюда постройку дома и расчистку лѣса подъ пашню. Гдѣ встрѣчается степное хозяйство и гдѣ потому тяжелый трудъ на корчеваніе

деревьевъ не требуется. Гдѣ переселенецъ можетъ поучиться новымъ пріемамъ американскаго хозяйства, поступивши ли, напр., сначала на выучку къ фермеру, даже за особую плату, или въ видѣ рабочаго но нѣкоторое время, или на одну изъ правительственныхъ опытныхъ фермъ, адресъ которыхъ при семъ сообщается, или же, наконецъ, молодой переселенецъ, не старше 28 лѣтъ, имѣетъ возможность усовершенствовать свои сельскохозяйственныя знанія въ сельскохозяйственномъ училищѣ въ Онтаріо

Въ заключеніе общяго очерка о Канадѣ сообщаются всевозможныя полезныя для переселенца указанія, съ мелкихъ и до весьма крупныхъ. Какая монета чеканится въ странѣ, какого достоинства и какъ называется, куда помѣщать сбереженныя деньги, объ устройствѣ почтъ и телеграфовъ, библіотекъ, читаленъ, разныхъ видовъ вспомогательныхъ обществъ, весьма изобильныхъ въ Канадѣ и, наконецъ, даже о такихъ сравнительно мелочахъ жизни, какъ перечисленіе различныхъ развлеченій въ Канадѣ лѣтомъ и особенно зимой (катаніе на конькахъ, съ горъ, на лыжахъ и т. п.) разныхъ видовъ охоты.

Описаніе отдѣльныхъ провинцій, какъ, напр., Манитобы, которую мы хотимъ привести для образца, представляетъ въ сущности лишь болѣе подробное развитіе уже перечисленныхъ нами свѣдѣній изъ общей части руководства, съ тѣми новыми дополненіями и измѣненіями, потребность въ которыхъ вызывается мѣстными условіями. Манитоба — одна изъ самыхъ большихъ, притомъ наиболѣе плодородныхъ и благопріятно расположенныхъ провинцій Канады (площадь поверхности въ 21 разъ больше, чѣмъ Великобританія и Ирландія), почему, можетъ быть, на нее въ руководствѣ и обращено нѣсколько большее вниманіе, сравнительно съ другими частями страны [1]).

Первоначально руководство говоритъ о путяхъ сообщенія въ Манитобу, съ востока на западъ, съ точнымъ разсчетомъ проѣзда; засимъ, слѣдуетъ подробное перечисленіе всѣхъ важ-

[1]) Русскій путешественникъ Орбинскій еще въ 1880 году упоминалъ объ ея баснословныхъ урожаяхъ и приводилъ уже встрѣчаемое въ его время мнѣніе, что Манитоба сдѣлается житницей Англіи и будетъ спасать ее въ случаѣ неурожая. См. о хлѣбной торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. *Р. Орбинскаго.* С.-Петербургъ. 1880. Стр. 88.

нѣйшихъ участковъ и поселеній Манитобы съ краткими ихъ характеристиками, между коими встрѣчается любопытное замѣчаніе о цвѣтущихъ поселеніяхъ нашихъ мененнитовъ около Эмерсона, которые перенесли съ собою изъ Россіи общинное землевладѣніе и съ успѣхомъ примѣняютъ его на новомъ мѣстѣ. Такъ какъ Манитоба по природнымъ условіямъ раздѣляется на лѣсную и степную, то въ руководствѣ указываются и соотвѣтственныя хозяйственныя условія каждой мѣстности, т. е. разсчетъ первичной обработки земли, корчеванія и распашки и, вообще, обзаведенія хозяйствомъ; а также урожаи за послѣдніе три года для важнѣйшихъ продуктовъ, съ указаніемъ причинъ, на нихъ вліявшихъ, какъ-то: засуха, сильные дожди и проч. Наоборотъ, для мѣстностей преимущественно луговыхъ съ развитымъ скотоводческимъ хозяйствомъ указываются точно также примѣрныя цѣны обзаведенія стадами и даются совѣты относительно веденія скотоводства.

Главная, впрочемъ, существенная прибавка въ описаніи Манитобы состоитъ въ подробномъ изложеніи тамошней земельной системы и способовъ и цѣнъ пріобрѣтенія земли. Система эта цѣликомъ заимствована въ 1870 году, съ нѣкоторыми варіаціями, у сосѣднихъ Соединенныхъ Штатовъ и заключается въ извѣстномъ Homestead Law, въ силу котораго каждый переселенецъ, свыше 18 лѣтъ возрастомъ, имѣетъ право получить, уплативши ничтожную пошлину, даровой надѣлъ въ 160 акровъ, съ соблюденіемъ лишь извѣстныхъ условій поселенія и обработки. Условія эти бываютъ троякаго рода: зажиточный переселенецъ или имѣющій нѣсколько рабочихъ рукъ въ семьѣ долженъ немедленно занять свой надѣлъ и жить на немъ, обрабатывая землю не менѣе шести мѣсяцевъ изъ двѣнадцати, и черезъ три года земля будетъ его собственная; второй способъ пріобрѣтенія земли, по закону Homestead Law, предназначенъ для менѣе имущихъ переселенцевъ, которые захотятъ, напр., получить этотъ надѣлъ вдвоемъ или на двѣ семьи и жить временно вмѣстѣ; третій способъ пріобрѣтенія приноровленъ для переселенца совсѣмъ безъ капитала, который выберетъ себѣ такой надѣлъ (homestead), но будетъ зарабатывать себѣ средства гдѣ-нибудь по сосѣдству, посвящая лишь часть своего времени на обработку извѣстнаго, указаннаго числа акровъ (15

акровъ за два года); съ исполненіемъ условій и по истеченіи всего 5 лѣтъ, земля дѣлается его собственностью, если же онъ захочетъ достигнуть этого раньше, минуя всѣ ограниченія закона, то платитъ правительству извѣстную таксу, по $2^1/_2$ доллара за каждый акръ, и земля переходитъ къ нему немедленно. Всѣми этими способами за послѣдній отчетный годъ (1888) переселенцы получили тамъ 2655 надѣловъ въ 420.000 акровъ.

Но помимо полученія земли въ силу Homestead Law, переселенцы въ Манитобѣ могутъ пріобрѣсть ее и покупкой, по разнообразнымъ, но, вообще, невысокимъ цѣнамъ (отъ $2^1/_2$ до 10 долларовъ за акръ невоздѣланной земли), у желѣзныхъ дорогъ, получающихъ землю по американскому обычаю вмѣсто концессіи, отъ Компаніи Гудзонской Бухты, также владѣющей большими участками земли, и, наконецъ, отъ частныхъ лицъ. Разумѣется, по желанію можно земли эти и арендовать на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ. Кромѣ того, на степныхъ мѣстностяхъ Манитобы, или на участкахъ, гдѣ нѣтъ лѣса, переселенецъ въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ имѣетъ право на полученіе необходимаго для хозяйства дерева изъ ближайшаго казеннаго лѣса, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ прямо купить участокъ земли въ казенномъ лѣсу по цѣнѣ не свыше 5 долларовъ за акръ. Всѣ эти процедуры, какъ найма, такъ и покупки, совершаются тамъ крайне быстро, просто и дешево, особенно съ тѣхъ поръ, какъ съ 1 января 1887 года введенъ въ Канадѣ законъ Торренса о передачѣ недвижимаго имущества изъ рукъ въ руки, что дѣлается теперь простой письменной отмѣткой, безъ сложныхъ формальностей, дороговизны и волокиты времени, принятыхъ въ Старомъ Свѣтѣ. Любопытно, однако, въ то же время, что согласно Канадскому закону, 160 акровъ земли, полученныхъ въ силу Homestead Law, а также домъ крестьянина, часть скота, орудія и утварь, цѣной до 500 долларовъ, остаются во всякомъ случаѣ свободными отъ притязанія кредитора и не могутъ поступить въ продажу на удовлетвореніе долговъ сельскаго хозяина (законы 1885 и 1886 годовъ).

Удовольствуемся до сихъ поръ приведенными данными для знакомства съ оригинальными руководствами для переселенцевъ: на основаніи ихъ можно судить, что, съ помощью такихъ свѣдѣній, всякій переселенецъ получаетъ возможность заранѣе об-

судить и взвѣсить каждый свой шагъ и совершить выборъ мѣста и времени переселенія вполнѣ сознательно, а не наобумъ и случайно, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлается у насъ. Все, что только можно предполагать, какъ полезное и желательное для переселенцевъ, онъ найдетъ въ этихъ руководствахъ, чего-же въ нихъ нѣтъ, то получитъ путемъ разспроса многочисленныхъ агентовъ по переселенію, какъ у себя на родинѣ, такъ и въ колоніи, гдѣ они его на первыхъ же порахъ встрѣтятъ.

Въ заключеніе нашего очерка, подводя итогъ ко всему въ немъ сообщенному относительно переселенческой политики Англіи, мы должны придти съ слѣдующему общему выводу. Вопросъ о помощи переселенію или эмиграціи въ Англіи разсматривается и трактуется, какъ *одна изъ задачъ первостепенной важности* для государственной власти и общества. Едва ли не всѣ органы управленія и всѣ факторы народно-хозяйственной жизни принимаютъ участіе въ заботахъ и попеченіи о переселенцахъ. Законодательство, какъ мы видѣли, прежде всего не только освобождаетъ переселенца отъ всякихъ помѣхъ и препятствій къ его шагу, но и старается съ участіемъ устранить всякую относительно него эксплоатацію и хищничество (предусматривая даже мелочи во время его путешествія) и заботится спеціальной охраной особыхъ чиновниковъ по переселенію оградить на каждомъ шагу интересы эмигранта. Приходы, союзы, совѣты графствъ, земское управленіе цѣлыхъ городовъ и провинцій, всѣ наперерывъ помогаютъ матеріальными и иными способами лицамъ, вынужденнымъ совершить столь важный и для многихъ горестный фактъ—покинуть родину и искать счастія въ далекихъ и лично неизвѣданныхъ странахъ... Цѣлые милліоны рублей, какъ мы видѣли, ассигнуются съ этой цѣлью однимъ лишь правительствомъ, и такія-же, вѣроятно, суммы, о точныхъ размѣрахъ которыхъ не существуетъ полныхъ данныхъ, другими органами управленія; а тѣмъ не менѣе, такая широкая и щедрая помощь считается въ Англіи все-таки недостаточной: многочисленныя рабочія общества, союзы и кассы выдаютъ своимъ товарищамъ ежегодно многія тысячи на то-же переселеніе. Къ нимъ присоединяется человѣколюбіе, которое въ лицѣ цѣлыхъ десятковъ благотворительныхъ обществъ помогаетъ тѣмъ-же переселенцамъ по мѣрѣ силъ и возможности деньгами, совѣтомъ, участіемъ.

Съ той же цѣлью возможнаго содѣйствія и улучшенія участи переселенцевъ учреждается лондонская „*Переселенческая справочная контора*“ со множествомъ корреспондентовъ и агентовъ во всѣхъ колоніяхъ, куда только можетъ направиться англійская эмиграція. Она заботливо слѣдитъ за всѣмъ, что можетъ оказать пользу переселенцу, выпускаетъ нѣсколько разъ въ годъ объявленія, циркуляры, издаетъ прекрасно составленное практическое руководство для каждой колоніи, продаваемое за ничтожную цѣну, и старательно его обновляетъ. Вообще, она стремится не только удовлетворить, но даже предупредить возможныя желанія и ожиданія переселенцевъ въ ихъ стремленіи къ ознакомленію съ страной, ихъ усыновляющей. Въ свою очередь колоніи и страны, куда направляются британскіе переселенцы, за немногими исключеніями послѣднихъ лѣтъ, заботятся о переселенцахъ, какъ о собственныхъ согражданахъ, разсматривая ихъ, какъ новый источникъ своего обогащенія и могущества и важнѣйшій двигатель экономическаго прогресса цѣлой страны. Правительственные чиновники этихъ колоній и странъ принимаютъ эмигрантовъ и продолжаютъ заботиться объ нихъ и помогать точно такъ же, какъ это было дома; желѣзныя дороги устраиваютъ для переселенцевъ удешевленные поѣзда, а правительства этихъ новыхъ странъ почти задаромъ раздаютъ имъ милліоны десятинъ самыхъ лучшихъ и плодороднѣйшихъ земель. По словамъ Мюльгалля, одно правительство Соединенныхъ Штатовъ раздало въ 1886 г., въ силу Homestead Law,—250 милліоновъ акровъ, а Австралійскія колоніи—101 милліоновъ акровъ, т. е. почти столько, сколько, согласно тому же Мюльгаллю, въ Россіи имѣется всей воздѣланной земли, или въ два съ половиною раза больше цѣлой Франціи или Германіи!..

Спрашивается, чѣмъ же вознаградили эмигранты всѣ эти многомилліонныя затраты, на нихъ сдѣланныя, и тѣ заботы, которыми, какъ мы видѣли, они окружены въ теченіе всего переселенія? Само собой разумѣется, что точныя перечисленія разнообразныхъ выгодъ, которыя принесены переселенцами въ малонаселенныя страны въ видѣ ихъ имущества и труда, въ данномъ вопросѣ невозможны, и приходится довольствоваться только приблизительнымъ расчетомъ послѣдняго,—несомнѣнно, ниже дѣйствительнаго результата и тѣмъ не менѣе дающимъ

весьма краснорѣчивыя цифры. Достаточно ограничиться немногими примѣрами изъ того же Мюльгалля. По его вычисленію, британскіе и ирландскіе переселенцы съ 1850 по 1887 годъ накопили богатствъ на 916 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, въ томъ числѣ переслали лишь своимъ родственникамъ и друзьямъ на старую родину болѣе 32 милліоновъ фунтовъ. Одна Канада, по расчету Мюльгалля, обязана эмигрантамъ съ 1861 по 1887 гг. увеличеніемъ своего богатства на 122 милліона фунтовъ стерлинговъ; въ Австраліи каждый эмигрантъ (безъ различія пола и возраста) по мѣстному разсчету увеличиваетъ народный доходъ ежегодно на 4 ф. с., въ Аргентинской республикѣ на 6 и т. д. и т. д. [1]).

Мы покончили наше изложеніе переселенческой политики Англіи, сообщивши въ сжатомъ очеркѣ все то, что англичане дѣлаютъ для своихъ эмигрантовъ. Въ нашу задачу вовсе не входитъ изображеніе того, что мы сами, русскіе, дѣлаемъ для своихъ переселенцевъ. Но всякая параллель въ данномъ отношеніи русскихъ условій съ англійскими, несомнѣнно, оказалась бы къ нашей невыгодѣ, какъ это подтверждаютъ всѣ новѣйшія данныя и особенно превосходный докладъ г. Ядринцева о движеніи переселенія въ Сибирь. Съ одной стороны, всѣ данныя косвенно свидѣтельствуютъ о чрезвычайной апатіи и равнодушіи нашего общества къ участи многихъ тысячъ своихъ соотечественниковъ въ трудное для нихъ время; съ другой—рисуютъ такую страшную картину человѣческихъ лишеній и бѣдствій, какой навѣрное ни одинъ англичанинъ не въ состояніи даже вообразить для своихъ переселенцевъ! Мы не будемъ передавать здѣсь это свѣдѣнія, какъ общеизвѣстныя и недавно только появившіяся въ печати: всѣ читатели, конечно, находятся еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ описанія тѣхъ по истинѣ ужасныхъ страданій, которыя испытывали, напр., наши переселенцы въ маѣ 1892 года въ Тюмени, ихъ передвиженія на пароходахъ, гдѣ ихъ перевозятъ „по пудамъ“, точно не людей, а человѣческое мясо, по выраженію г. Ядринцева, или еще

---

[1]) См. The Dictionary of Statistics by *Michael Mulhall*. London, 1892. Стр. 246 и далѣе.

хуже — людей, превратившихся въ лошадей и тысячи верстъ передвигающихъ свой жалкій скарбъ и дѣтей на ручныхъ телѣжкахъ... Вмѣсто того сопоставимъ лишь въ нѣкоторыхъ притомъ пунктахъ положеніе русскихъ переселенцевъ по даннымъ преимущественно извѣстнаго изслѣдованія г. Исаева съ тѣми свѣдѣніями, которыя только что нами сообщены по англійской переселенческой политикѣ.

Русское переселеніе въ настоящее время, по словамъ г. Ядринцева, достигаетъ уже огромной цифры 100,000 человѣкъ ежегодно и притомъ возрастаетъ чуть не въ геометрической прогрессіи; другими словами, размѣръ нашего переселенческаго движенія почти *вдвое больше*, нежели нынѣшняя эмиграція изъ Ирландіи (57 т. за 1890 годъ по Уитэкеру) и лишь нѣсколько ниже половины того, что переселяется во всей Великобританіи (218 тысячъ британскихъ эмигрантовъ за 1890 годъ). Спрашивается: соотвѣтствуютъ ли наша помощь и забота этой многолюдности нашихъ переселенцевъ, и дѣлаемъ ли мы для нихъ хоть столько же, сколько англичане дѣлаютъ для выселенія однихъ лишь ирландцевъ? Къ сожалѣнію, отвѣтъ можетъ быть лишь отрицательный. Мы не дѣлаемъ даже *десятой*, даже *двадцатой* доли того, что затрачивается въ одной Ирландіи. Тамъ, мы видѣли, правительство ассигнуетъ въ распоряженіе переселенія буквально милліоны рублей. У насъ же казна отпускаетъ на переселенческое дѣло крайне ничтожныя средства, вовсе не соотвѣтствующія громадной важности предмета. Въ Тюмени, напр., за 1889 годъ было израсходовано казной 6,739 рублей, а въ Томскѣ за 1887, 88, 89 гг. и до 1 сентября 1890—37,235 р. 8 к. [1]). Какъ сообщаетъ, наконецъ, „Новое Время“ отъ 8 декабря 1892 года, „Министерство Внутреннихъ Дѣлъ возбудило нынѣ ходатайство о томъ, чтобы на помощь переселенцамъ отпускалось изъ государственнаго казначейства по 95,000 ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1893 г.“. Вотъ все, что предполагается у насъ затрачивать на 100,000 переселенцевъ, т. е. менѣе рубля на человѣка [2]), но и изъ этой

---

[1]) См. «Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ» *А. А. Исаева*, С.-Петербургъ, 1891, стр. 68.

[2]) Сюда не входятъ, впрочемъ, въ счетъ средства, ассигнуемыя правительствомъ (болѣе 100 тыс. руб.) *спеціально* на переселеніе въ Пріуссурійскій край.

относительно ничтожной суммы на непосредственную помощь переселенцамъ предполагается тратить, какъ говоритъ газета, лишь всего 80,000 рублей въ годъ, а 15,000 пойдутъ „на усиленіе канцелярскихъ средствъ мѣстныхъ переселенческихъ чиновниковъ и земскаго отдѣла министерства“. Какъ извѣстно, на переселенческихъ чиновниковъ возложена у насъ обязанность т. н. регистраціи или собиранія статистическихъ свѣдѣній, и эта-то побочная обязанность, если вѣрить сообщенію газеты, фактически едва ли даже не превратилась въ главную. „Въ такихъ пунктахъ, какъ Тюмень и Томскъ“, пишетъ „Новое время“, „одна регистрація переселенцевъ по извѣстной статистической программѣ *занимаетъ почти все время переселенческаго чиновника*“...

Такимъ образомъ, въ наилучшемъ случаѣ русская казна затрачиваетъ на переселенцевъ (кромѣ Пріуссурійскаго края), почти при двойной ихъ численности, въ цѣлыхъ 25 разъ меньше, нежели британская казна на однихъ лишь ирландскихъ переселенцевъ (80.000:2.000.000). Не слѣдуетъ забывать притомъ, что помощь переселенцамъ въ Великобританіи далеко не ограничивается, какъ видѣли, одной казной, и что русскій мужикъ, совершая громадный переѣздъ во много тысячъ верстъ, частью на лошадяхъ или по образу пѣшаго хожденія, вмѣсто сравнительно спокойнаго сидѣнія на пароходѣ его собрата-ирландца или англичанина, не получаетъ вовсе, подобно послѣднему, помощи изъ такихъ многочисленныхъ источниковъ, какъ *приходы*, *земства*, *рабочіе союзы и ассоціаціи*, столь распространенные въ Великобританіи. Наконецъ, самая частная благотворительность въ Россіи по своимъ размѣрамъ крайне незначительна сравнительно съ британской: противъ нѣсколькихъ десятковъ тамошнихъ благотворительныхъ обществъ въ пользу переселенцевъ съ сотнями тысячъ, если не милліонами рублей капитала, разбросанныхъ по всей странѣ, мы можемъ противопоставить лишь единственное петербургское общество, какъ всеобщее для всей страны, да шесть мѣстныхъ благотворительныхъ комитетовъ, въ сущности представляющихъ собой одну каплю въ морѣ несчастія и нужды, порождаемыхъ нашей неустроенной и неупорядоченной системой переселенія...

Вообще, какую бы сторону переселенческаго вопроса мы

ни затронули, продолжая нашу параллель, всюду чувствуется преимущество не только народной энергіи и развитія, но и цѣлесообразности предпринимаемыхъ мѣръ и цѣлаго порядка на сторонѣ Англіи, у которой намъ и недурно поучиться. Нынѣ, вообще, признано въ Европѣ, что переселеніе составляетъ такое серьезное и въ то же время естественное явленіе народной жизни, котораго задержать или препятствовать отнюдь невозможно, да и нежелательно въ общихъ же интересахъ. Между тѣмъ что мы видимъ у насъ по этому поводу? Начать хоть съ того, что въ то время, какъ въ Великобританіи всякій желающій совершенно свободенъ къ переселенію, когда и куда онъ хочетъ, у насъ переселенецъ долженъ преодолѣть для испол ненія своего законнаго желанія цѣлый рядъ болѣе или менѣе сложныхъ мытарствъ и въ заключеніе, что весьма нерѣдко, получить еще отказъ! По словамъ г. Исаева, нашему переселенцу требуется отъ одного до трехъ лѣтъ, чтобы устранить лишь или хоть обойти нѣкоторыя подобныя затрудненія, совсѣмъ не существующія для англичанина!.. [1])

Точно то же слѣдуетъ сказать и о направленіи переселенія и выборѣ для него мѣста. Здѣсь обѣ стороны, очевидно,—переселенецъ и наше управленіе по переселенскимъ дѣламъ являются одинаково неподготовленными и безпомощными: крестьянинъ большею частью не знаетъ, куда ему переселяться, или, какъ выражается А. А. Исаевъ, „переселенцы далеко не во всѣхъ случаяхъ руководствуются правильнымъ расчетомъ, они не имѣютъ сколько нибудь точныхъ свѣдѣній, которыя дали бы имъ основаніе думать, что слѣдуетъ идти именно туда-то“ и т. д., и т. д.; съ другой стороны, земли, предназначенныя для переселенія не только не обслѣдованы и не изучены, какъ то требуется существомъ дѣла, но ихъ можно считать даже совсѣмъ неизвѣданными, почему указанія, которыя даютъ чиновники по переселенческимъ дѣламъ, страдаютъ полнѣйшей неопредѣленностью и имѣютъ характеръ общихъ мѣстъ, безъ всякаго практическаго значенія, хотя навѣрное приводятъ, поэтому, многихъ переселенцевъ къ разочарованію и крупнымъ несчастіямъ (см. у Исаева, стр. 67 и 84).

---

[1]) L. c., стр. 41.

Но всего хуже, какъ о томъ свидѣтельствуютъ новѣйшія данныя, производится самое передвиженіе переселенцевъ: цѣлыя тысячи верстъ пути, съ нищенскими средствами, они совершаютъ весьма нерѣдко наобумъ и наугадъ, безъ всякаго нужнаго контроля, медицинской и вообще какой бы то ни было правильной помощи. Всякое движеніе партіи переселенцевъ ознаменовывается страшной смертностью, особенно дѣтей, оставляя позади себя длинный рядъ могилъ. Пароходныя неустройства въ этомъ случаѣ достаточно изображены гг. Исаевымъ и Ядринцевымъ, чтобы ихъ здѣсь повторять, и въ то же время какъ по англійскому закону, мы видѣли, не только опредѣлены точно размѣры помѣщенія на пароходѣ для каждаго переселенца и длина его койки, и даже размѣры и качество продовольствія *), но и обязательность медицинской помощи при 50 пассажирахъ (докторъ и аптека); у насъ она совершенно отсутствуетъ, какъ и другія вышеприведенныя мѣры: переселенцевъ перевозятъ „съ пуда“, какъ товаръ, и на пароходахъ нѣтъ даже фельдшера, не говоря уже о врачахъ.

Sapienti sat! Уже этихъ печальныхъ данныхъ достаточно, чтобы придти къ рѣшительному заключенію о необходимости русскому государству и обществу обратить болѣе серьезное вниманіе на переселенческій вопросъ, принявши, насколько окажется возможнымъ, хотя бы приведенный англійскій образецъ. Но самое главное, впрочемъ, что требуется теперь, это увеличить матеріальныя средства и матеріальную помощь переселенцевъ. На послѣднее могутъ, конечно, возразить, что неурожай двухъ лѣтъ ухудшилъ наше финансовое положеніе, одинаково какъ государства, такъ и частныхъ лицъ, и что мы не имѣемъ-де свободныхъ денегъ, которыя могли бы употребить на помощь переселенцамъ. Но каждодневное наблюденіе, однако, и простое разсужденіе въ значительной степени ослабляютъ силу этого аргумента, доказывая *размѣрами нашихъ расходовъ*, что мы еще владѣемъ достаточными денежными средствами, но не умѣемъ,

---

1) По словамъ г. Исаева, у насъ возможны рейсы съ переселенцами такой продолжительности, какъ, напр., изъ Тюмени въ Томскъ, 22 дня, т. е. въ два раза длиннѣе, нежели переѣздъ корабля изъ Англіи въ Канаду: само собою разумѣется, обезпеченіе продовольствія пассажирамъ на такіе продолжительные рейсы являлось бы настоятельною необходимостью.

къ сожалѣнію, до сихъ поръ сообразовать наши траты *съ важностью того удовлетворенія, которое получаемъ цѣной сдѣланнаго расхода*. Мы отпускаемъ всего десятки тысячъ на многочисленныхъ переселенцевъ, а тратимъ цѣлые милліоны, напр., на одинъ вновь строющійся броненосецъ, который можетъ погибнуть въ полчаса, благодаря лишь несчастной случайности и унести на дно морское сумму, достаточную на изобильную помощь ста тысячамъ переселенцевъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ... Мы жертвуемъ, ссылаясь на безденежье, немногіе рубли на филантропическія цѣли и охотно тратимъ въ одинъ вечеръ цѣлыя сотни и тысячи на абонементы и подарки Мазини, Дузе, Сарѣ Бернаръ и tutti quanti... Не проходитъ почти дня, чтобы, взявши номеръ газеты, не встрѣтить въ немъ трогательныхъ заявленій признательности отъ благодарныхъ юбиляровъ за поздравленія, телеграммъ, изъявленія сочувствія имъ по всякому возможному и невозможному поводу: очевидно, одни только эти празднества со всѣми необходимыми расходами легко бы составили за годъ сумму, достаточную для спасенія многихъ сотъ нашихъ переселенцевъ отъ голоданія или даже преждевременной смерти...

Эта неумѣренная расточительность, рядомъ съ недостаткомъ средствъ для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей общества и государства, невольно наводитъ насъ на мысль объ извѣстномъ приключеніи знаменитаго Франклина изъ временъ его дѣтства. Однажды маленькому Франклину подарили цѣлую кучу мѣдныхъ денегъ съ дозволеніемъ ихъ тратить, какъ онъ хочетъ. Восхищенный заранѣе мыслью накупить на нихъ всевозможныхъ сладостей, ребенокъ немедленно побѣжалъ въ ближайшую лавку; нужно же было случиться, что дорогой встрѣтился ему сверстникъ, усердно дующій въ дудку. Соблазненный звуками свистульки, недолго колебаясь, маленькій Франклинъ предложилъ всѣ свои деньги въ обмѣнъ за этотъ восхитительный для него инструментъ: получивши свистульку, онъ немедленно воротился домой и началъ оглашать стѣны жилища раздирающимъ свистомъ своей игрушки. Первоначально радость его отъ новаго пріобрѣтенія была очень велика, но мало по малу игрушка надоѣла. Когда же старшіе братья и сестры растолковали ему, что онъ заплатилъ за свистульку, отдавши за нее всѣ деньги, ровно въ четыре раза противъ ея настоя-

щей стоимости, то Франклинъ очень огорчился. Мало по малу начавши соображать, сколько хорошихъ вещей онъ бы могъ купить на остальныя три четверти своихъ денегъ, мальчикъ совсѣмъ почувствовалъ себя нехорошо; когда-же старшіе начали подымать на смѣхъ его неудачную торговую сдѣлку, Франклинъ и вовсе расплакался... Съ тѣхъ поръ, сообщаетъ великій американецъ, всякій разъ, когда онъ собирался совершить какое-нибудь ненужное пріобрѣтеніе, ему приходила на умъ дорогая покупка свистульки, и онъ отъ пріобрѣтенія воздерживался. Мало того, сдѣлавшись взрослымъ, Франклинъ не покидалъ воспоминанія объ этомъ эпизодѣ своей дѣтской жизни, прилагая его соотвѣтственно къ окружающимъ людямъ и ихъ поведенію. Если онъ видѣлъ, напримѣръ, людей, тратящихъ свои деньги и энергію труда на сравнительные пустяки и тѣмъ лишающихъ себя возможности удовлетворять болѣе существеннымъ потребностямъ, Франклинъ переносился всегда мысленно къ описанному случаю своей дѣтской жизни: „You pay surely too much for your whistles“!...

Москва,
декабря 10-го, 1892 года.

Музеи промышленныхъ образцовъ (Muster-Lager) ихъ организація и значеніе [1]).

(Посвящается Ю. П. Шрейберъ).

По приглашенію лицъ, завѣдующихъ музеемъ, я намѣренъ подѣлиться съ почтеннымъ собраніемъ своими наблюденіями и мыслями послѣ посѣщенія двухъ германскихъ промышленныхъ музеевъ, старательно осмотрѣнныхъ лѣтомъ настоящаго года. Само собою разумѣется, что мысли эти составляютъ лишь выраженіе моего личнаго мнѣнія, и если я позволю себѣ нынѣ утруждать ваше вниманіе, то исключительно руководясь надеждой, что мои наблюденія могутъ оказаться не совсѣмъ безполезными для будущихъ задачъ и цѣлей нашего Музея прикладныхъ знаній.

Сегодня, мм. гг., 15-ти-лѣтняя годовщина основанія здѣшняго музея и его плодотворной дѣятельности. Не мнѣ, конечно, распространяться передъ вами по этому важному вопросу.... Польза его существованія крайне разнообразна и выразилась, какъ вы знаете, въ различныхъ направленіяхъ, какъ въ интересахъ науки, такъ и въ смыслѣ распространенія въ массѣ народа полезныхъ знаній и практическихъ свѣдѣній.

Но подводя итогъ важныхъ результатовъ за 15-ти-лѣтній періодъ дѣятельности музея прикладныхъ знаній, спросимъ

---

[1]) Докладъ 30 ноября 1887 года въ годичномъ засѣданіи комитета по устройству въ Москвѣ Музея Прикладныхъ Знаній.

себя, что сдѣлалъ музей за это время собственно для промышленности, для ея развитія и споспѣшествованія? А отъ Политехническаго музея, обнимающаго, какъ указываетъ на то и народное его прозваніе, всю область и всѣ стороны техники, мы въ правѣ ожидать подобнаго вопроса...

Конечно, если разумѣть косвенныя выгоды, извлекаемыя промышленностію отъ музея, то и здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, окажется польза не малая отъ его существованія: сотни тысячъ народа рабочаго и промышленнаго классовъ, посѣтившія его собранія, слушавшія объясненія его богатыхъ коллекцій, и воскресныя чтенія, ушли изъ музея, разумѣется, съ запасомъ новыхъ для себя знаній, съ расширившимся умственнымъ кругозоромъ, и это обстоятельство, навѣрное, оказывало вліяніе на качество ихъ труда, возвышало и улучшало самыя свойства ихъ занятій. Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ посѣщеніе музея, осмотръ его любопытныхъ собраній могло принести даже и непосредственную пользу для промышленности: ремесленникъ, рабочій, промышленникъ, видя въ музеѣ новое орудіе, инструментъ по своему родному производству, видя иногда наглядные результаты новыхъ пріемовъ его или усовершенствованій, получали сильный толчекъ, стимулъ къ измѣненію рутинныхъ способовъ работы, къ воспринятію болѣе остроумныхъ и практичныхъ инструментовъ и изобрѣтеній...

Все это, гг., могло быть и даже навѣрное бывало, но едва ли я ошибусь, если скажу, что такіе предположенные результаты были лишь дѣломъ случая, а не каждодневнымъ фактомъ, скорѣе исключеніемъ, нежели общимъ правиломъ. Итакъ, повторяю, если здѣсь разумѣть отъ существованія музея прямыя, непосредственныя выгоды для русской промышленности, то опредѣлить, отмѣтить эту пользу будетъ крайне затруднительно, и въ данномъ отношеніи музею предстоитъ еще много работы и много усилій впереди...

Причина этого явленія, мм. гг., вполнѣ понятна, если обратиться ко времени возникновенія музея прикладныхъ знаній и характеру тѣхъ задачъ, которыя ему ставились. *Музей нашъ*, утверждаю я, *при своемъ основаніи, послѣднюю цѣль, нами указанную*, т. е. прямое непосредственное поощреніе и содѣйствіе промышленности, *отнюдь не ставилъ до сихъ поръ на первый*

планъ своего существованія, а выдвигалъ ее лишь какъ pium desiderium, какъ желанный плодъ будущихъ заботъ и усилій вашего комитета.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться ко времени возникновенія первой мысли объ утвержденіи музея, къ матеріаламъ его исторіи, напр., къ трудамъ коммиссіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія отъ 12 іюня 1870 года, то сдѣлается ясною цѣль и назначеніе будущаго музея. Въ замѣчательныхъ письменныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ учредителями по вопросу о музеѣ, онъ прямо озаглавленъ „Общеобразовательнымъ Политехническимъ музеемъ", и цѣлью ему ставится знакомить публику наглядно съ результатами, добытыми наукой по разнымъ отраслямъ прикладного знанія, приноровливаться къ обученію массъ, „распространять въ народѣ интересъ къ научнымъ стремленіямъ", „возвышать его умственный уровень" и вообще *популяризировать науку* [1]). Вотъ главная, если не единственная цѣль учрежденія музея, какъ она понималась его основателями, и этой высокой цѣли—содѣйствія народному образованію всѣми зависящими отъ него способами — музей остается вѣрнымъ и до настоящаго времени.

Съ тѣхъ поръ, однако, какъ основанъ Музей, человѣческій опытъ, относительно этихъ полезнѣйшихъ учрежденій значительно расширился, и въ западной Европѣ мы видимъ повсюду, что, рядомъ съ поддержаніемъ и дальнѣйшимъ созданіемъ разнообразныхъ музеевъ прикладныхъ знаній, на пользу науки и общаго народнаго образованія возникаютъ и быстро растутъ, особенно съ 70-хъ годовъ, многіе музеи новыхъ разнообразныхъ типовъ, такъ-называемыхъ: Muster-Lager, Handel-Museum, Export-Muster-Lager или какъ самостоятельныя учрежденія, или какъ дополненія къ существующимъ собраніямъ. Обратно съ прежними, музеи этого новаго типа ставятъ себѣ задачей не общее народное образованіе, а спеціальное назначеніе, которое заключается *во всестороннемъ содѣйствіи и усовершенствованіи мануфактурной промышленности и торговли* и притомъ первой—какъ фабричной, такъ одинаково кустарной и ремесленной.

[1]) См. „Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія. Томъ XV. Матеріалы, касающіеся устройства музея. Москва 1874. Мнѣнія А. П. Богданова и В. К. Делавоса.

Образцами такихъ спеціальныхъ промышленныхъ учрежденій могутъ послужить два германскихъ музея—одинъ въ Штутгартѣ въ Вюртембергскомъ королевствѣ, и другой—въ Нюренбергѣ, въ Баваріи, съ которыми я и имѣлъ случай недавно познакомиться какъ лично, такъ и съ помощью такъ же печатныхъ пособій.

Первый музей—Штутгартскій—названный при своемъ основаніи *Muster-Lager* или „Музей или складъ промышленныхъ образцовъ", есть старѣйшее учрежденіе въ этомъ родѣ; онъ основанъ еще въ 1849 году, но получилъ свою громкую извѣстность и оцѣненъ по достоинству главнымъ образомъ лишь въ 70-хъ годахъ и съ тѣхъ поръ послужилъ прототипомъ многихъ германскихъ музеевъ подобнаго рода, давши на опытѣ многочисленныя доказательства своей практичности и цѣлесообразности. Въ концѣ сороковыхъ годовъ Вюртембергское королевство находилось въ весьма неудовлетворительномъ экономическомъ состояніи: мануфактурная промышленность была еще мало развита и вообще отличалась большимъ застоемъ; профессіональная подготовка и образованіе промышленныхъ классовъ находились еще на низкой степени развитія; вывозная торговля была ничтожна, источники народнаго дохода мало изслѣдованы, и вообще весь народно-хозяйственный бытъ требовалъ значительныхъ измѣненій. На встрѣчу этой потребности Вюртембергское правительство и откликнулось учрежденіемъ особеннаго экономическаго органа подъ названіемъ Central Stelle für Handel и Gewerbe (Центральное управленіе по торговлѣ и промышленности) съ весьма смѣшаннымъ составомъ, частію изъ фабрикантовъ, торговцевъ и ремесленниковъ, частію изъ профессоровъ, чиновниковъ и учителей. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опыта и небольшихъ измѣненій, уже въ 50-хъ годахъ, Центральное Управленіе было окончательно сформировано и на него возложена самая широкая забота и обязанность собирать свѣдѣнія, принимать всевозможныя мѣры для развитія и процвѣтанія промышленности и торговли и вообще содѣйствовать экономическому поднятію страны и торговли; при этомъ однимъ изъ важныхъ средствъ для достиженія поставленной цѣли *было прямо указано основаніе и развитіе означеннаго музея промышленныхъ образцовъ* (Muster-Lager).

Ближайшія задачи Музея и главные способы ихъ осуществленія точно выражены въ ст. 10, 11 и 12 органическаго статута Главнаго Управленія для торговли и промышленности и содержатся, между прочимъ, въ слѣдующемъ: „Распространеніе технико-промышленныхъ и торговыхъ свѣдѣній путемъ обученія и изданія полезныхъ сочиненій, *выставка и собраніе образцовыхъ фабрикатовъ изъ чужихъ странъ*, отправленіе и поддержка промышленниковъ и рабочихъ, посылаемыхъ за границу для ихъ образованія (ст. 10); усовершенствованіе промышленнаго производства, посредствомъ доставленія возможности производителямъ совѣщаться съ техниками; посылка слѣдущихъ лицъ на промышленныя выставки; *пріобрѣтеніе образцовыхъ орудій для производства*, *распространеніе новыхъ машинъ и инструментовъ и т. п.* (ст. 11); наконецъ, поощреніе сбыта предметовъ внутренняго производства черезъ устройство выставокъ, собраніе и выставленіе особенно выдающихся и пригодныхъ для торговли продуктовъ туземнаго производства, и т. д.“ (12).

Само собою разумѣется, что такія обширныя задачи могли осуществиться лишь въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, и необходимыя собранія образцовъ составиться лишь, благодаря значительнымъ пріобрѣтеніямъ на нѣсколькихъ иностранныхъ и международныхъ выставкахъ. Первое начало было положено большими закупками на промышленной выставкѣ въ Парижѣ въ 1849, затѣмъ въ Лондонѣ въ 1862 и Парижѣ въ 1867 и потомъ не проходило ни одной значительныхъ размѣровъ не только всемірной, но и мѣстной выставки за границей, которая бы не приносила Штутгартскому музею новыя богатства, наиболѣе образцовыхъ промышленныхъ произведеній, пріобрѣтаемыхъ частію на отпускаемыя правительствомъ деньги, частію на пожертвованія. Дипломатическимъ агентамъ вюртембергскаго правительства, особенно консуламъ, было поручено въ этомъ случаѣ всѣми силами содѣйствовать задачамъ музея, а собственные торговые корреспонденты музея за-границей пополняли его собранія всѣми выдающимися въ промышленномъ и техническомъ отношеніяхъ, новинками, и такимъ образомъ Штутгартскій музей создалъ къ настоящему времени свои обширныя коллекціи, по свойству самаго дѣла, чрезвычайно подвижныя и постоянно обновляемыя. Можно сказать утвердительно, что все,

наиболѣе выдающееся, особенно въ смыслѣ совершенства техники или новизны исполненія, изъ предметовъ, побывавшихъ на какихъ-либо иностранныхъ выставкахъ, непремѣнно появлялось и въ стѣнахъ Штутгартскаго музея. если не въ оригиналахъ, то въ моделяхъ или, по крайней мѣрѣ, рисункахъ [1]).

Вюртембергскій „музей промышленныхъ образцовъ“ въ Штутгартѣ или „національный промышленный Музей“, Landes-Gewerde Museum, какъ онъ чаще нынѣ называется, состоитъ изъ 10 слѣдующихъ отдѣленій:

I. Собственно, или въ тѣсномъ смыслѣ „музей образцовъ“, содержащій въ себѣ постоянную выставку наилучшихъ образцовъ промышленнаго сырья и наиболѣе поучительныхъ образцовъ промышленнаго производства новѣйшаго времени, и слѣдующихъ видовъ:

а) Новѣйшіе продукты ткачества и иной переработки пряжи и тканей, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими этой задачѣ спеціальными журналами, образцами и иллюстраціями.

б) Матеріалы и продукты другихъ родовъ художественной промышленности и производства предметовъ роскоши.

в) Матеріалы и продукты строительнаго искусства, какъ фабричнаго, такъ и ремесленнаго.

г) Математическіе практическіе инструменты и модели, особоважные для цѣлей промышленности.

д) Химическіе продукты, жизненные припасы, краски, лаки, олифы и т. п.

е) Ремесленные инструменты и домашняя утварь.

ж) Всякаго рода двигатели, рабочія машины и аппараты.

з) Нормальныя мѣры и вѣсы всякаге рода.

II. Библіотека и выставка графическихъ искусствъ всевозможнаго рода.

III. Собраніе учебныхъ пособій и школьныхъ принадлежностей изо всѣхъ странъ свѣта.

IV. Модельная мастерская для приготовленія деревянныхъ и гипсовыхъ моделей для обученія рисованію, геометріи, географіи, инымъ наукамъ, ремесламъ и для другихъ цѣлей.

---

[1]) Политехническая выставка въ Москвѣ 1872 г. также послужила къ обогащенію Штутгарскаго музея русскими образцами. Сюда для осмотра ея пріѣзжалъ самъ директоръ Центральнаго Управленія д-ръ Штейнбейсъ.

V. Библіотека научныхъ сочиненій въ области торговли, промышленности, технологіи, естественной исторіи, домашняго и народнаго хозяйства, съ большимъ выборомъ всевозможныхъ энциклопедій, отчетовъ и т. п.

VI. Журнальный залъ, содержащій въ себѣ всѣ важнѣйшія нѣмецкія, американскія, англійскія и французскія періодическія изданія по техническимъ и общественнымъ наукамъ.

VII. Собраніе адресъ-календарей всего торговаго міра, о странахъ, городахъ, фабрикахъ, торговыхъ фирмахъ, агентурахъ, консульствахъ и личныхъ адресахъ, выставки каталоговъ, иллюстрированныхъ прейскурантовъ и т. п. справочныхъ изданій.

VIII. Собраніе патентовъ, фабричныхъ и торговыхъ клеймъ, образчиковъ тканья и патентованныхъ рисунковъ, какъ изъ Германіи, такъ и важнѣйшихъ иноетранныхъ государствъ.

IX. Артистическая центральная школа для приготовленія художественно-промышленныхъ образцовъ и проектовъ, совѣщательное техническое бюро и вмѣстѣ съ тѣмъ безплатная учительская семинарія по техническому рисованію.

X. Пробирная палатка и обширная лабораторія для всевозможныхъ химико-техническихъ изслѣдованій.

Остановимся теперь на важнѣйшихъ отдѣлахъ этого обширнаго музея и съ ними познакомимся.

Что касается до перваго и главнѣйшаго отдѣла музея—*образцовъ*, то, какъ было уже упомянуто раньше, онъ состоитъ изъ лучшихъ произведеній, по преимуществу за-граничныхъ—изъ тѣхъ странъ, которыя ушли почему-либо въ данномъ производствѣ дальше Вюртемберга. Поэтому присылка и выставка иностранцами своихъ продуктовъ въ музеѣ всѣми мѣрами поощряются и облегчаются. Главная задача музея сводится, такимъ образомъ, прежде всего *къ доставленію возможности своимъ мѣстнымъ промышленникамъ своевременно знакомиться на образцахъ со всѣмъ тѣмъ, что появляется у иностранцевъ въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ производства новаго, совершеннаго и вообще достойнаго вниманія и подражанія.* Поэтому туземные продукты допускаются въ видахъ сбереженія мѣста и средствъ уже съ большимъ разборомъ и только тѣ образцы, широкое ознакомленіе съ которыми комитетъ музея признаетъ особенно важнымъ въ общихъ интересахъ страны, и, такимъ образомъ,

самый фактъ принятія музеемъ какого-либо мѣстнаго продукта или изобрѣтенія и допущеніе для выставки въ его залахъ служитъ уже привычной и серьезной рекомендаціей его достоинства или, по крайней мѣрѣ, оригинальности.

Исключеніемъ изъ упомянутаго правила въ отдѣлѣ „образцовъ“ являются двигатели и машины всякаго рода, выставленныя въ особомъ „машинномъ залѣ“ музея. Здѣсь, обратно съ другими предметами, преимущественно помѣщаются издѣлія мѣстной вюртембергской промышленности, иностранныя же большею частію въ моделяхъ и рисункахъ и лишь выдающіяся цѣликомъ, и притомъ въ извѣстные (большею частью биржевые дни) значительная часть вновь выставленныхъ машинъ пускается въ дѣйствіе. Для этой послѣдней цѣли въ отдѣленіи имѣются самые разнообразные двигатели—паровые, газовые, электрическіе, нагрѣтымъ воздухомъ, и пр. Такимъ образомъ, промышленники не только имѣютъ возможность осмотрѣть здѣсь разные усовершенствованные механизмы по различнѣйшимъ производствамъ, но и видѣть ихъ притомъ въ работѣ и въ движеніи и оцѣнивать свойства ихъ практическаго примѣненія. Особенное вниманіе при этомъ въ интересахъ мелкой промышленности музей обращаетъ на выставку разнообразныхъ двигателей малыхъ силъ, и всегда поэтому имѣются на лицо двигатели въ 1, даже $^1/_2$ лошадиной силы, доступные для пріобрѣтенія ремесленника и самаго мелкаго промышленника или кустаря.

Всѣ собранные въ музеѣ образцы, машины и двигатели, впрочемъ, доступны осмотру публики, по правиламъ учрежденія, не въ однѣхъ его стѣнахъ, но отпускаются каждому промышленнику, по желанію, и въ его мастерскую *безплатно*, на срокъ до 3 недѣль и даже, съ особаго уже разрѣшенія, на болѣе продолжительное время. Промышленникъ, желающій такимъ путемъ получить какую-либо машину или образецъ на испытаніе, даетъ лишь музею на особомъ бланкѣ, по установленной формѣ, ручательство за сохранность ссужаемой вещи и получаетъ ее въ пользованіе безъ дальнѣйшихъ формальностей. Лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, какъ я былъ освѣдомленъ лицами, завѣдующими музеемъ, требуется залогъ или поручительство извѣстной начальству музея фирмы. Насколько широко пользуются вюртембергскіе промышленники этимъ правомъ, можно уже судить

по тому, что въ послѣдніе годы число ссужаемыхъ ежегодно „образцовъ“ превосходитъ 4000 (въ 1886 года, наприм., 4755 штукъ) и притомъ большею частью иногороднымъ промышленникамъ по ихъ письменнымъ требованіямъ, при чемъ, разумѣется, пересылка совершается на ихъ счетъ.

Важнымъ практическимъ дополненіемъ къ коллекціи тканей является богатѣйшее, можетъ быть, въ мірѣ собраніе ихъ образчиковъ съ 1844 года и подъ которое музей абонируется въ Парижѣ и другихъ центрахъ моды и фэшена, затрачивая на это крупныя средства и тѣмъ доставляя возможность мелкимъ промышленникамъ и рисовальщикамъ, не могущимъ по дороговизнѣ абонемента слѣдить за измѣненіями вкуса, конкуррировать съ ихъ болѣе богатыми собратьями. Коллекція эта аккуратно пополняется по сезонамъ года, состоитъ изъ лоскутовъ всякаго рода шерстяныхъ, суконныхъ, бумажныхъ, шелковыхъ, смѣшанныхъ и пр. тканей для костюмовъ и убранствъ и представляетъ уже собой много сотъ большихъ фоліантовъ и по богатству мотивовъ является для спеціалиста интереснѣйшимъ и поучительнымъ собраніемъ, ничѣмъ не замѣнимымъ для исторіи ткацкой промышленности, печатнаго и красильнаго дѣла. Съ разрѣшенія музея, желающіе изъ посѣтителей имѣютъ право не только ихъ срисовывать, но изъ новыхъ даже отрѣзать куски, въ интересахъ болѣе быстраго въ странѣ распространенія новыхъ рисунковъ. Принадлежностью этого любопытнаго собранія являются также всѣ важнѣйшіе модные журналы, получаемыя со всѣхъ концовъ Европы и одинаково доступные всякому посѣтителю.

Богатая спеціальная библіотека музея и журнальный залъ также безплатны и доступны каждому посѣтителю ежедневно, какъ и прочія его отдѣленія. Книги, интересныя для промышленника, подобраны и размѣщены по производствамъ; на практическій ихъ характеръ обращено главнѣйшее вниманіе, поэтому почти всѣ сборники рисунковъ, напр., тканей, машинъ и пр., очень часто дорогіе (въ томъ числѣ и русскихъ), имѣются на лицо, и въ теченіе какихъ-либо 10 минутъ я получилъ груды изданій по каждому требуемому производству (напр., ковровъ, обуви, кружевъ и проч.). Книги, какъ и вещи, кромѣ справочныхъ, отпускаются на тѣхъ же началахъ свободно на домъ,

въ томъ числѣ и лицамъ, живущимъ внѣ Штутгарта. При библіотекѣ, равно какъ и при „складѣ образцовъ", ведутся книги „Desiderata", куда посѣтители заносятъ всѣ недостающіе въ нихъ изданія или образцы производства, и администрація музея по мѣрѣ возможности и средствъ заботится объ ихъ пріобрѣтеніи.

Отдѣленіе патентовъ исполняетъ двоякое назначеніе: во 1-хъ, оно содержитъ въ себѣ возможно полный списокъ патентовъ на изобрѣтенія и ихъ объясненіе какъ для Германіи, такъ и для нѣкоторыхъ важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ. Для Англіи, напр., имѣются всѣ описанія патентовъ въ историческомъ порядкѣ, регулярно получаемыя отъ британскаго патентнаго бюро; для Соединенныхъ Штатовъ служатъ богатые графическіе, въ формѣ діаграммъ, регистры, доставляемые Smithsonian Institue въ Нью-Іоркѣ, съ которымъ Штутгартскій музей состоитъ въ правильныхъ сношеніяхъ и обмѣнѣ. Такимъ образомъ, всякій изобрѣтатель безъ дальнихъ хлопотъ немедленно можетъ въ музеѣ не только получить справку по предмету его выдумки, напр., въ Англіи и Америкѣ, но и необходимое описаніе, а часто и рисунки. Кромѣ того, это же отдѣленіе является и справочнымъ безплатнымъ бюро по всякимъ запросамъ и справкамъ промышленниковъ. Такъ, въ теченіе 1886 г., кромѣ многочисленныхъ личныхъ справокъ, къ музею обращались еще съ подобными распросами письменно до 600 лицъ и въ томъ числѣ нѣкоторыя изъ-за границы, напр., изъ Швейцаріи, и получили должное удовлетвореніе.

Еще болѣе оживленной дѣятельностью отличается отдѣленіе музея по пробированію благородныхъ металловъ, испытанію мѣръ и вѣсовъ и для техническихъ изслѣдованій. Лабораторія, для этой цѣли существующая, производитъ ежегодно, по требованію частныхъ лицъ и за умѣренное таксированное вознагражденіе, многія тысячи испытаній, анализовъ и изслѣдованій различнѣйшихъ веществъ, товаровъ и матеріаловъ, присылаемыхъ сюда со всѣхъ концовъ королевства и даже изъ-за границы; большую роль, между прочимъ, играетъ изслѣдованіе химическихъ продуктовъ и жизненныхъ припасовъ. Провѣрка мѣръ и вѣсовъ совершается на сотняхъ тысячъ предметовъ, и одной пошлины за эту услугу публикѣ отдѣленіе собрало

въ 1886 году болѣе 66,000 марокъ. При лабораторіи состоитъ залъ для чтенія желающимъ изъ ремесленниковъ и рабочихъ цѣлыхъ курсовъ по различнымъ отраслямъ знанія; такъ, въ 1885 году читался спеціальный курсъ химіи рабочимъ по металлическимъ производствамъ, а въ 1886 году—такой же курсъ для маляровъ.

Весьма любимымъ публикой и сильно посѣщаемымъ отдѣленіемъ Штутгартскаго музея являются та же „Библіотека искусства“ (Kunstbibliothek) или собранія различныхъ образцовыхъ рисунковъ и плановъ, собранныхъ на выставкахъ и музеяхъ и относящихся къ строительному искусству, столярному, слесарному, механическому, типографскому, костюмерному и пр. дѣлу. Здѣсь можно всегда встрѣтить наиболѣе разнородныхъ посѣтителей: какой-нибудь столяръ, ищущій рисунка дли своего заказа, и фабрикантъ, собирающійся воздвигнуть многоэтажное зданіе, ученикъ реальной школы, исполняющій здѣсь свой урокъ, и профессоръ университета, изучающій рисунки новѣйшихъ механизмовъ, и т. д., и т. д. Такое же огромное образовательное значеніе имѣетъ и собраніе моделей изъ гипсовой мастерской музея; здѣсь выставлены одинаково разнородныя учебныя пособія для преподаванія рисованія, географіи и геометріи и вмѣстѣ съ тѣмъ снимки съ образцовъ древняго искусства, и также модели ремесленныя по самымъ различнымъ отраслямъ ручной и механической работы. Издѣлія этой мастерской славятся во всей Европѣ, и нѣтъ страны, которая не пользовалась ея произведеніями для своихъ школъ или музеевъ.

Я не имѣю возможности, по недостатку времени, обозрѣвать прочія учрежденія Штутгартскаго музея и ограничусь еще лишь немногими указаніями на разныя стороны его дѣятельности, тѣсно, впрочемъ, связанныя съ организаціей „Вюртембергскаго Центральнаго Управленія для торговли и промышленности“, къ которому собственно данный музей относится, какъ часть къ цѣлому. Доставляя возможность своимъ промышленникамъ быстро и своевременно знакомиться со всѣми техническими усовершенствованіями и изобрѣтеніями въ свѣтѣ и облегчая своими коллекціями, справками и лабораторіей самые способы веденія промышленнаго и коммерческаго дѣла, Штутгартскій музей заботился и продолжаетъ заботиться и непосредственно о

поднятіи производства, путемъ, во 1-хъ, устройства по всей странѣ разнообразныхъ выставокъ, профессіональныхъ школъ и курсовъ и, во 2-хъ, путемъ прямого состязанія и поощренія, гдѣ считаетъ необходимымъ распространить быстро, напр., особенно полезную для промышленности машину или пріемъ обработки, или вызвать на свѣтъ новую отрасль или родъ производства, дотолѣ въ странѣ не существовавшій.

Прежде всего, для возможнаго разнообразія своего содержанія и новизны коллекціи, что для практическихъ интересовъ промышленности особенно существенно, Штутгартскій музей вступилъ въ тѣсный договоръ (Kartel-Verbund) о временномъ, періодическомъ обмѣнѣ своихъ „образцовъ“ съ соотвѣтственными музеями въ Нюрнбергѣ, Карльсруэ и Бернѣ, благодаря чему его собранія постоянно обновляются и разнообразятся чужими пріобрѣтеніями. Кромѣ того музей отпускаетъ многіе изъ своихъ предметовъ на время въ прочіе музеи своего королевства и періодически устраиваетъ спеціальныя выставки вюртембергскихъ продуктовъ въ томъ или другомъ городѣ государства, награждая достойнѣйшихъ промышленниковъ преміями и дипломами. Въ 1885 году, напр., Штутгартскій музей дѣлился своими коллекціями 6 разъ въ году, посылая ихъ на разныя мѣстныя, провинціальныя выставки, и въ 1886 году—5 разъ. Не ограничиваясь этимъ, музей уже много лѣтъ самъ устраиваетъ такъ называемыя, „передвижныя выставки“, отдѣляя для нихъ какую-нибудь спеціальную часть своихъ коллекцій и посылая въ ту мѣстность, гдѣ данное производство особенно нуждается въ хорошихъ образцахъ.

Дѣятельность музея „Центральнаго Управленія“ по народному профессіональному образованію была до крайности разнообразна: такъ, при его содѣйствіи, съ цѣлью поднять ткачество, было основано въ разныхъ мѣстностяхъ королевства нѣсколько такъ называемыхъ Webschulen—„ткацкихъ школъ“ (которыхъ, кстати, у насъ почти совсѣмъ не существуетъ); въ томъ числѣ одна высшая въ Рейтлингенѣ — центрѣ вюртембергской прядильно-ткацкой промышленности была учреждена для образованія фабрикантовъ и директоровъ такихъ фабрикъ; учительская семинарія по ткачеству, женская рукодѣльная школа, женскіе коммерческіе курсы для приготовленія женщинъ бухгалте-

ровъ, такія же спеціальныя школы для рѣзьбы по дереву, для граверовъ, мастеровъ металлическихъ издѣлій и пр. Не ограничиваясь этими постоянными учебными заведеніями, были учреждены спеціальныя такъ называемыя „передвижныя школы“; учителя-ткачи съ усовершенствованными станками (особенно по фасоннымъ тканямъ) передвигались въ центрахъ ткацкаго производства изъ селенія въ селеніе, обучая всѣхъ желающихъ новымъ пріемамъ и приспособленіямъ ткацкаго дѣла. Искусные мастера, посланные музеемъ за-границу (особенно во Францію, для усовершенствованія, возвратившись на родину, превратились въ такихъ учителей и распространяли въ Вюртембергѣ или совсѣмъ новыя производства, перенятыя у иностранцевъ, или ихъ значительно улучшали и развивали, спасая отъ совершеннаго уничтоженія, между прочимъ, многія кустарныя производства, въ родѣ, напр., издѣлій изъ соломы и тростника и кружевного промысла, которые по своей отсталости были въ Вюртембергѣ ранѣе того въ большомъ упадкѣ. Наконецъ, съ цѣлью распространить нѣкоторыя полезныя для промышленности и домашняго обихода машины употреблялись такіе пріемы: одобренная для распространенія машина выписывалась въ музей, здѣсь устраивалось безплатное обученіе для желающихъ, и затѣмъ, когда публика уже пріучилась къ машинѣ и сознала ея полезность, цѣлый запасъ ихъ, спеціально выписанный, распродавался съ значительной уступкой (за $^1/_2$ и даже $^1/_4$ цѣны) и разсрочкой уплаты, но при условіи нѣкотораго обязательнаго со стороны музея контроля, и кромѣ того особенно искусно работавшимъ на новой машинѣ выдавались даже преміи. Такимъ образомъ, въ Вюртембергѣ весьма рано и быстро были распространены для повсемѣстнаго употребленія: чулочно-вязальная машина американской системы Ламба (Lamb), лучшей конструкціи швейныя машины, позументныя или галунныя машины, кружевныя, и пр. Въ общемъ употребленіи многихъ такихъ усовершенствованныхъ орудій производства, Вюртембергъ во многомъ опередилъ, благодаря описаннымъ мѣрамъ, другія страны, а своевременность въ пользованіи новымъ изобрѣтеніемъ значитъ весьма много, и извѣстно, что нигдѣ въ такой степени, какъ въ промышленномъ соперничествѣ, не оправдывается русская поговорка: „кто первый палку взялъ, тотъ и капралъ“...

Я долженъ, мм. гг., щадя ваше время, ограничиться здѣсь сказаннымъ о „Штутгарскомъ музеѣ промышленныхъ образцовъ“, а между тѣмъ я успѣлъ познакомить васъ до сихъ поръ лишь съ небольшой частью его разнообразной и плодотворной дѣятельности на пользу національной промышленности и только намѣтить общія условія организаціи и главнѣйшіе пути къ достиженію его цѣлей. Но и сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы судить о важности значенія подобнаго музея для развитія въ странѣ промышленности и глубокомъ различіи его, отдѣляющемъ его отъ музеевъ общеобразовательныхъ и ученыхъ, какимъ является нашъ Музей Прикладныхъ Знаній. Замѣчу въ заключеніе, что важнымъ практическимъ дополненіемъ къ этому музею въ Штутгартѣ является еще такъ-называемый Export-Muster-Lager—„Складъ или музей вывозныхъ образцовъ“, основанный, обратно съ описаннымъ, исключительно по частной иниціативѣ и на средства вюртембергскихъ промышленниковъ. Онъ представляетъ собой постоянную выставку мѣстной промышленности, преслѣдуетъ исключительно коммерческія цѣли—возможное облегченіе сбыта вюртембергскихъ товаровъ, особенно для вывоза за-границу, доставляетъ всѣ необходимые образчики и торговыя справки о цѣнахъ и фрахтѣ, принимаетъ даже заказы, но доступенъ для дѣловыхъ сношеній однимъ покупателямъ, почему я могъ проникнуть въ него и осмотрѣть лишь съ большимъ трудомъ. Описаніе его, однако, не входитъ въ программу моего очерка, хотя Export-Muster-Lager въ Штутгартѣ—по многимъ причинамъ учрежденіе также замѣчательное и достойное подражанія.

Баварскій Промышленный музей въ Нюрнбергѣ основанъ лишь въ 1872 году и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими германскими музеями такого же рода представляетъ собой законное дѣтище Штутгартскаго музея промышленныхъ образцовъ, хотя и съ нѣкоторыми отъ него отступленіями. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что Нюрнбергскій музей есть частное учрежденіе, основанное и поддерживаемое на частныя средства и лишь субсидируемое правительствомъ, тогда какъ музей Штутгартскій составляетъ правительственный органъ, предназначенный для содѣйствія промышленности во всей странѣ, а потому сфера дѣятельности Баварскаго музея гораздо уже и ограничивается

преимущественно городомъ Нюрнбергомъ, хотя имѣются также и „передвижныя выставки“ и, обратно съ Штутгартскимъ музеемъ, всѣ его услуги публикѣ, напр., право входа, оплачиваются. Въ силу, можетъ быть, тѣхъ же самыхъ причинъ, т. е. частнаго и притомъ мѣстнаго характера Нюрнбергскаго музея, и самая цѣль его является сравнительно нѣсколько суженной. Такъ, первый параграфъ его статута опредѣляетъ ее такимъ образомъ: „Баварскій Промышленный музей въ Нюрнбергѣ имѣетъ цѣлью поощрять промышленный успѣхъ, а именно содѣйствовать красотѣ формы и техническому совершенству въ производствѣ мѣстныхъ продуктовъ промышленности“. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ описаннаго уже музея, Нюрнбергскій имѣетъ въ виду исключительно мѣстныя, т. е. существующія уже производства, отказываясь заранѣе отъ попытки вводить и создавать новыя, какъ это дѣлалось въ Штутгартѣ, а затѣмъ „красоту формы“, т. е. искусство, ставитъ на первый планъ передъ техникой, почему вообще художество, усовершенствованіе формы и является въ Нюрнбергскомъ музеѣ рѣшающимъ моментомъ, что соотвѣтствуетъ вполнѣ и характеру важнѣйшихъ отраслей мѣстной промышленности (металлическое производство, галантерейный и игрушечный товаръ, столярное производство и пр.).

Затѣмъ организація Нюрнбергскаго музея, за указанными отличіями, составляетъ почти повтореніе Штутгартскаго, со всѣми его учрежденіями, почему и описаніе его почти излишне. Машинный отдѣлъ этого музея помѣщается отдѣльно отъ него, въ зданіи „постоянной выставки мѣстныхъ продуктовъ“, а выставка эта, что особенно ее характеризуетъ, соотвѣтствуя значительно цѣли Штутгартскому Export-Muster-Lager, представляетъ собой, обратно съ нимъ, учрежденіе общедоступное и безплатное. Замѣчу только, что Нюрнбергскій музей помѣщается въ новомъ роскошномъ собственномъ зданіи и далеко, въ отношеніи внѣшней представительности, превосходитъ своего Штутгартскаго заслуженнаго собрата, который до сихъ поръ крайне тѣснится съ своими обширными коллекціями въ старыхъ кавалерійскихъ казармахъ (Legions-Caserne), помѣщая нѣкоторыя изъ своихъ важнѣйшихъ учрежденій даже въ бывшихъ конюшняхъ.

Я ограничусь сообщеніемъ этихъ краткихъ свѣдѣній о двухъ

осмотрѣнныхъ мною германскихъ музеяхъ, полагая, что и высказаннаго достаточно, чтобы судить о несомнѣнной важности и пользѣ такихъ музеевъ новаго типа для активнаго, дѣятельнаго содѣйствія промышленности. Лучшимъ доказательствомъ ихъ практической полезности служитъ быстрое распространеніе за послѣдніе годы подобныхъ музеевъ съ промышленно-торговымъ характеромъ по всему образованному свѣту: знаменитый „Musée commercial“ въ Брюсселѣ, India-Museum—въ Лондонѣ, Orientalisches-Museum (нынѣ Handels museum) въ Вѣнѣ, промышленны музеи въ Карльсруэ, Бернѣ, С.-Галленѣ, Антверпенѣ, Гентѣ, Миланѣ, Туринѣ, Лиссабонѣ, Опорто, Ліонѣ, Бордо, Лиллѣ, Руанѣ и многихъ другихъ городахъ.

Нельзя скрывать при этомъ и тѣхъ значительныхъ трудностей, съ которыми сопряжено созданіе учрежденія, подобнаго Штутгартскому музею образцовъ: помимо матеріальныхъ средствъ, для успѣха дѣла крайне важна если не правительственная инициатива, то, по меньшей мѣрѣ, помощь правительства и содѣйствіе его дипломатическихъ агентовъ за границей, какъ мы видѣли, необходимыхъ для наблюденія за мѣстными выставками и посредничества по пріобрѣтенію промышленныхъ образцовъ. Другая трудность задачи заключается въ постоянной новизнѣ коллекцій. Промышленный музей этого рода имѣетъ практическій смыслъ лишь постольку, поскольку представляетъ собой послѣднее слово современной техники: онъ отнюдь не служитъ цѣлью *самъ по себѣ*, какъ напр., музей Художественный, а является лишь орудіемъ, средствомъ, ради чего и требуется его постоянное оживленіе и обновленіе. Многіе изъ выставляемыхъ предметовъ въ такихъ коллекціяхъ „образцовъ“ оказываются устарѣлыми уже черезъ годъ. Вообще такому музею всегда грозитъ опасность превратиться въ музей рѣдкостей, или антикварный, отъ цѣлей которыхъ „музей образцовъ“ долженъ быть далекъ. Наконецъ, одной выставки предметовъ въ странѣ недостаточно и онѣ, подобно монетѣ, лишь тогда становятся общеполезными, когда находятся въ постоянномъ обращеніи, циркулируютъ, что и имѣетъ мѣсто, какъ мы видѣли, съ образцами Штутгартскаго музея [1]). А это, въ свою очередь, вызываетъ большія практическія затрудненія.

[1]) См. по этому вопросу обширную монографію: Die Ausstellungen und unsere Exportindustrie von D-r *F. E Huber*. Stuttgart, 1886.

Не скрывая всѣхъ многочисленныхъ трудностей, связанныхъ съ этимъ дѣломъ, я не могу, однако, послѣ ознакомленія съ описанными типами промышленныхъ музеевъ, не пожелать основанія подобнаго музея и у насъ въ Россіи, и притомъ въ центрѣ ея промышленности—въ Москвѣ, хотя бы для начала и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Изъ всѣхъ активныхъ средствъ поощренія и содѣйствія промышленности мы наиболѣе знакомы лишь съ однимъ—*охранительными пошлинами*, для защиты нашей промышленности отъ конкурренціи иностранцевъ. Не умаляя значенія этого средства, я полагаю, однако, что одного его для желаннаго поднятія и процвѣтанія русской промышленности, во первыхъ, недостаточно: пошлины, по самому существу, не могутъ быть вѣчны, и затѣмъ пошлины имѣютъ значеніе чисто отрицательное—ограждаютъ отъ заграничнаго соперничества, но отнюдь не указываютъ пути и способы къ совершенствованію. Притомъ, ограничивая конкурренцію съ заграницей, онъ нисколько не касаются ея относительно туземныхъ производителей внутри и на окраинахъ государства. Я только что прочелъ, напр., въ лодзинской газетѣ о предположеніи польскихъ промышленниковъ, нашихъ важнѣйшихъ нынѣ конкуррентовъ, объ устройствѣ въ Варшавѣ, послѣ окончанія предполагаемой тамъ ткацкой выставки, постоянной выставки или тоже музея образцовъ и основаніи въ разныхъ частяхъ Привислянскаго края столь необходимыхъ намъ профессіональныхъ школъ и между прочимъ—ткацкихъ [1]). Caveant consules!..

Мм. гг., историки разсказываютъ, что Петръ Великій, послѣ несчастной для русскихъ битвы подъ Нарвой, утѣшалъ окружающихъ увѣреніемъ, что мы учимся у шведовъ побѣждать, а послѣ знаменитаго боя подъ Полтавой, во время пиршества, пилъ за здоровье плѣнныхъ шведскихъ генераловъ, называя ихъ своими учителями... Послѣдуемъ же нынѣ совѣту мудраго монарха: какъ всѣмъ извѣстно, у насъ уже не первый годъ идетъ промышленная борьба съ Германіей; въ числѣ странъ, привозящихъ къ намъ свои мануфактуры, она занимаетъ первое мѣсто, а на нашей польской границѣ она давно

[1]) Dziennik Lodzki, № 198, 229 и др.

уже выставила свои фабричные пикеты и выдвинула заводскіе аванпосты. Послѣдуемъ же примѣру Петра и постараемся научиться у нашихъ промышленныхъ соперниковъ ихъ же способами, ихъ же собственнымъ оружіемъ—устройствомъ и развитіемъ подобныхъ музеевъ и техническаго знанія—постараемся побѣдить ихъ на поприщѣ мирнаго промышленнаго состязанія!

Финляндскій фабричный законъ 1889 года [1]).

Въ послѣднее время, когда болѣе или менѣе рѣзкія выходки противъ Финляндіи и всего финляндскаго сдѣлались у насъ обычнымъ, чуть не каждодневнымъ явленіемъ и любимымъ пріемомъ для нѣкоторыхъ представителей нашей періодической прессы, слѣдовало бы ожидать отъ послѣдней и гораздо большаго знакомства съ этой частью Русской державы, нежели какое въ дѣйствительности обнаруживается. Выдержки изъ финляндскихъ газетъ, корреспонденціи съ мѣста, односторонне освѣщающія тотъ или иной вопросъ финляндской жизни, указанія и разъясненія вкривь и вкось различныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ промаховъ финляндскаго законодательства и управленія, въ нашей печати послѣдніе годы встрѣчаются безпрестанно. Но въ то же самое время, въ той же самой Финляндіи и, слѣдовательно, чуть ли не у воротъ Петербурга, проходятъ и примѣняются весьма любопытныя узаконенія по важнымъ сторонамъ народной жизни, и тѣ же органы печати, конечно, игнорируютъ ихъ, какъ бы эти явленія ни были сами по себѣ важны и хотя бы могли доставить намъ, русскимъ, не лишенныя поучительности параллели и сопоставленія съ нашей общественной жизнью и законодательствомъ. За неимѣніемъ собственныхъ данныхъ, приходится поэтому обращаться за границу къ нѣмцамъ, и у нихъ заимствовать свѣдѣнія объ этой ближайшей сосѣдкѣ, съ нами неразрывно связанной политическими узами.

---

1) «Русскія Вѣд.» 1891 г., № 98.

Такія размышленія невольно приходятъ на умъ по поводу появленія на свѣтъ въ извѣстномъ нѣмецкомъ журналѣ, издаваемомъ д-ромъ *Брауномъ* „Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik“ (Dritter Band, 3-tes und 4-tes Heft, 1890) статья д-ра Августа *Гъельта* (Hjelt), секретаря статистическаго центральнаго бюро въ Гельсингфорсѣ, о новомъ рабочемъ законѣ, прошедшемъ въ финляндскомъ сеймѣ лишь всего 15-го апрѣля 1889 года и, по удостоеніи Высочайшаго утвержденія, вступившемъ въ силу черезъ годъ [1]). Насколько намъ извѣстно, онъ не обратилъ у насъ до сихъ поръ никакого серьезнаго вниманія, кромѣ развѣ случайныхъ газетныхъ замѣтокъ, нами просмотрѣнныхъ. А между тѣмъ этотъ новый финляндскій законъ объ охранѣ рабочихъ во многихъ отношеніяхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, замѣчателенъ и достоинъ полнаго вниманія именно русской публики.

У насъ въ Имперіи, какъ извѣстно, первый рабочій законъ, ограничивавшій дѣтскую фабричную работу, прошелъ въ 1882 г., хотя и вступилъ въ силу тремя годами позднѣе, вслѣдъ за учрежденіемъ спеціальнаго контроля въ лицѣ фабричныхъ инспекторовъ и раздѣленіемъ Европейской Россіи для этой цѣли на округа. Въ Финляндіи встрѣчаются отдѣльныя узаконенія касательно работы дѣтей и подростковъ въ промышленныхъ заведеніяхъ довольно рано, даже и при шведскомъ владычествѣ, т. е. до 1809 г.: но не имѣя спеціально контролирующаго органа и не представляя собой правильной системы, всѣ подобныя попытки государственнаго вмѣшательства въ фабричную область оставались тамъ до самаго послѣдняго времени лишь на бумагѣ, практически непримѣнимыми. 15-го апрѣля 1889 г., такимъ образомъ, семь лѣтъ почти позднѣе остальной Россіи, въ Финляндіи прошелъ, можно сказать, первый законъ объ охранѣ рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, и тогда же отъ 21-го декабря приняты Высочайше утвержденныя правила, имѣющія цѣлью дополненіе предшествовавшаго закона, и, кромѣ того, учреждена спеціальная фабричная инспекція, По даннымъ П. А. Орлова, относящимся въ 1884 году, т. е. наканунѣ

[1]) „*Finnland.* Das erste Arbeiterschutzgesets Finnlands vom 15 April 1889“.

вступленія перваго русскаго закона въ силу, въ Имперіи насчитывалось, вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ, рабочихъ въ фабричной заводской промышленности, не считая ремесленнаго, кустарнаго и горно-заводскаго дѣла, 932,000 человѣкъ. У финляндцевъ же, во всей промышленности, т. е. фабрикахъ, ремеслахъ и горномъ дѣлѣ, имѣется по словамъ Гьельта, всего лишь 40,000 человѣкъ, и тѣмъ не менѣе они выступили съ планомъ новаго законодательства объ охранѣ рабочихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе широкимъ, чѣмъ во всей остальной Имперіи.

По словамъ г. Гьельта, новый финляндскій законъ о фабричной работѣ выработанъ по иностраннымъ образцамъ, преимущественно, будто бы, какъ онъ говоритъ, по шведскому образцу. Намъ неизвѣстно, на чемъ Гьельтъ основываетъ послѣднее утвержденіе [1]); несомнѣнно только, что эти узаконенія имѣютъ много общаго также и съ русскимъ фабричнымъ закономъ 1 іюня 1882 г. и его продолженіями, съ той лишь существенной разницей, что многіе недостатки русскаго закона были указаны своевременно въ первыхъ инспекторскихъ отчетахъ, публикованіе которыхъ прекращено съ 1885 года, а въ финляндскомъ законѣ объ охранѣ рабочихъ отъ 15 апрѣля 1889 года *всѣ эти несовершенства значительно исправлены* и самая сфера закона несравненно обширнѣе. Одинаково, наприм., съ русскимъ, финляндскій законъ дозволяетъ дѣтямъ вступленіе на фабрики и иныя промышленныя заведенія не ранѣе 12 лѣтъ отъ роду, при чемъ до 15 лѣтъ (т. е. опять таки схоже съ русскимъ) въ Финляндіи дозволяется дѣтская работа на фабрикахъ и горныхъ заводахъ въ строго ограниченномъ размѣрѣ, а именно не болѣе 7 часовъ въ сутки, включая сюда перерывъ или отдыхъ, а такъ какъ послѣдній по финляндскому закону долженъ составлять не менѣе получаса, то чистой работы для дѣтей въ

---

[1]) На основаніи изложенія шведскаго фабричнаго закона 1874—81 года въ извѣстномъ трудѣ Пальмберга можно скорѣе заключить, что законодательство Швеціи мало похоже на финляндское, за исключеніемъ санитарной организаціи, которая дѣйствительно имѣетъ много общаго въ обѣихъ странахъ. См. Traitè de l'Hygiène Publique d'apres ses applications dans differents pays d'Europe par le d-r Albert *Palmberg*. Traduit du suedois par Hamon. Paris. 1891, стр. 485 и далѣе.

промышленныхъ заведеніяхъ допускается не болѣе $6^1/_2$ часовъ въ день. Ночная работа для дѣтей запрещается въ тѣ же самые часы, опять-таки какъ и въ остальной Россіи (т. е. отъ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра). Но далѣе, затѣмъ слѣдуетъ большая разница въ пользу въ Финляндіи, не говоря уже объ указанномъ сокращенномъ срокѣ дѣтской работы (вмѣсто нашихъ 8-ми и даже 9-ти часовъ); съ 15 лѣтъ покровительство закона, какъ извѣстно, у насъ почти прекращается, исключая ночной работы для подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ и женщинъ, всякаго возраста въ волокнистыхъ производствахъ, гдѣ работа ночью для нихъ воспрещена. Поэтому подростки у насъ работаютъ столько же, сколько взрослые, т. е. до 14—16 и даже болѣе часовъ въ сутки. По новому финляндскому закону, между тѣмъ, покровительство государства распространяется и на подростковъ обоего пола отъ 15 до 18 лѣтъ, при чемъ срокъ дневной работы ограниченъ 14 часами, включая обязательный двухъчасовой отдыхъ, т. е. чистой работы допускается не болѣе 12-ти часовъ—что составляетъ, конечно, сравнительно съ нашимъ, уже большой шагъ впередъ въ интересахъ всего рабочаго населенія. Кромѣ того, по финляндскому закону запрещено какъ малолѣтнимъ такъ и подросткамъ въ опредѣленные перерывы для отдыха оставаться въ помѣщеніи мастерской, иначе, какъ при полной остановкѣ всей работы, или съ разрѣшенія инспекціи. Это воспрещеніе, непредусмотрѣнное русскимъ закономъ, значительно облегчаетъ тамъ контроль и гарантируетъ исполненіе закона. Затѣмъ ночная работа для подростковъ запрещена тамъ, такъ же, какъ и для дѣтей и во всѣхъ производствахъ, а не трехъ—четырехъ только ея видахъ какъ у насъ. Наконецъ, въ Финляндіи, по образцу, вѣроятно, Англіи, благоразумно допущена *система* такъ называемыхъ *очередныхъ дней*, нашимъ закономъ игнорируемая, т. е. дозволяется въ извѣстныхъ случаяхъ, особо предусмотрѣнныхъ въ постановленіяхъ, изданныхъ сенатомъ, и съ разрѣшенія инспекціи, двойная работа для малолѣтнихъ, т. е. одинаково съ подростками,—12 часовъ въ день (гдѣ это вызывается особыми требованіями производства), но съ непремѣннымъ условіемъ освобождать ихъ отъ труда весь послѣдующій затѣмъ день.

Кромѣ того русскимъ законодательствомъ совершенно не

предусмотрѣнъ извѣстный обходъ фабричнаго закона посредствомъ *системы фальшивыхъ очередей*, лишающихъ всякой возможности контроля за исполненіемъ правилъ объ ограниченіи времени труда. Финляндскій же законъ постановляетъ, что дѣти, начавшія свою работу до полдня (12 ч. дня), не могутъ уже продолжать ее далѣе 1 ч. попол. въ тотъ же день; этой простой мѣрой кладется значительный предѣлъ означенному обходу и злоупотребленію, извѣстному у англичанъ давно подъ именемъ false relays.

Далѣе однимъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ, какъ извѣстно, русскихъ фабричныхъ законовъ является постановленіе 1 іюня 1882 г. объ обученіи малолѣтнихъ. Законъ этотъ не возложилъ никакой прямой обязанности въ этомъ отношеніи на владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, кромѣ глухо и темно выраженнаго долга съ ихъ стороны „предоставлять малолѣтнимъ возможность посѣщенія учебныхъ заведеній и т.д.“ Въ результатѣ нашъ законъ остался почти мертвой буквой и не привелъ ни къ какимъ положительнымъ послѣдствіямъ: число фабричныхъ школъ, со времени вступленія закона въ дѣйствіе, почти не увеличилось и многія даже закрылись съ распущеніемъ самихъ малолѣтнихъ. Поэтому, нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ извѣстно, явился даже въ правительственныхъ кругахъ планъ, чтобы помочь дѣлу посредствомъ установленія спеціальнаго налога на фабрикантовъ, дабы собрать необходимыя средства для основанія школъ, въ видахъ обученія фабричныхъ дѣтей. Финляндцы, какъ бы умудренные нашимъ опытомъ, поступаютъ въ этомъ отношеніи много практичнѣе: § 14 финляндскаго закона возлагаетъ прямую обязанность на владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, принимающихъ на работу дѣтей, не имѣющихъ свидѣтельства объ окончаніи курса такъ называемой высшей народной школы, *позаботиться объ обязательномъ обученіи дѣтей грамотности*. При этомъ въ городахъ принимаютъ мѣры съ данной цѣлью мѣстныя власти, а въ селеніяхъ — самъ фабрикантъ и заводчикъ личнымъ заведеніемъ школы, если не найдетъ другихъ средствъ для обученія малолѣтнихъ со своей фабрики. Такимъ образомъ финляндцы воспользовались въ этомъ случаѣ примѣромъ опять таки англичанъ, гдѣ аналогичный законъ, игнорируемый русскими постановленіями, привелъ Англію косвенно, какъ извѣ-

стно, въ концѣ-концовъ къ общему обязательному обученію всего народа. Роль фабриканта по русскому закону, притомъ, въ отношеніи исполненія благихъ намѣреній законодателя, совершенно пассивная: онъ лишь „предоставляетъ возможность“ своимъ малолѣтнимъ рабочимъ учиться; заботиться же объ этомъ ничѣмъ не обязанъ. Въ свою очередь, инспекція у насъ совершенно безсильна по недостатку средствъ и вліянія что-нибудь сдѣлать въ этомъ отношеніи или побудить къ тому мѣстное земство или учебное начальство, и вотъ въ результатѣ получается нуль. Въ Финляндіи же далеко не такъ: тамъ если малолѣтніе не имѣютъ диплома, то фабрикантъ активно заинтересованъ употребить всѣ старанія, чтобы создать школу около фабрики, если малолѣтніе для его производства необходимы, и въ послѣднемъ случаѣ не постоитъ, конечно, передъ значительными расходами.

Весьма нерѣдко косвенными виновниками тѣхъ или иныхъ нарушеній фабричныхъ законовъ о малолѣтнихъ, напр., поступленіе на фабрику въ неузаконенномъ возрастѣ или болѣзненномъ состояніи, неисправное посѣщеніе школы или т. п., бываютъ собственно родители малолѣтняго рабочаго еще больше, чѣмъ фабричная администрація; у насъ для прекращенія этого зла не предусмотрѣно закономъ ровно никакихъ мѣръ, и инспекціи приходится лишь дѣйствовать, вѣроятно, одними безплодными уговариваніями и упрашиваніями. Новое финляндское узаконеніе совершенно разумно часть отвѣтственности налагаетъ и на нерадивыхъ родителей, которые, въ случаѣ несоблюденія фабричнаго закона по ихъ винѣ, подлежатъ взысканію въ размѣрѣ до 50-ти марокъ. Извѣстно также изъ инспекторскихъ отчетовъ, сколько разнообразныхъ затрудненій создала практика на первыхъ же шагахъ исполненія закона, вслѣдствіе крайней неясности и неточности юридическихъ опредѣленій и разграниченій въ нашемъ законѣ понятій о фабрикѣ, кустарномъ и ремесленномъ заведеніи. Желая избѣжать ограниченій и стѣсненій для себя, фабриканты до сихъ поръ стремятся переписываться въ ремесленники, и отсюда возникаютъ у нихъ съ инспекціей безпрестанные споры и пререканія, для рѣшенія которыхъ приходится иногда доходить до высшихъ инстанцій. Въ Финляндіи такіе вопросы рѣшаетъ инспекція или, по крайней мѣрѣ,

ближайшая административная инстанція (Industrie amt), что, конечно, значительно упрощаетъ дѣло и уничтожаетъ безполезную волокиту и пререканія.

Но помимо указанныхъ крупныхъ выгодъ новаго финляндскаго закона о фабричной работѣ, онъ имѣетъ и много мелкихъ, въ сложности составляющихъ серьезныя преимущества сравнительно съ нашимъ, болѣе старымъ, и слѣдовательно, нужно было бы думать, и болѣе упорядоченнымъ законодательствомъ. До сихъ поръ, (такъ было до 1893 г.), напримѣръ, у насъ законъ предоставляетъ почти на волю судьбы такъ называемые несчастные случаи на фабрикахъ, лишь изрѣдка сообщаемые полиціи и отдѣленіямъ мануфактурнаго совѣта, гдѣ они существуютъ, преимущественно, впрочемъ, лишь въ тяжкихъ случаяхъ, когда скрывать поврежденіе невозможно и можетъ грозить уголовная отвѣтственность. Инспекція въ этомъ случаѣ стояла до 1893 г. совершенно въ сторонѣ отъ даннаго вопроса. Въ Финляндіи о каждомъ несчастіи увѣдомляется ближайшая полицейская власть или такъ называемый „ленсманъ“, который производитъ немедленно слѣдствіе о данномъ случаѣ и обо *всемъ доводитъ до свѣдѣнія инспекціи въ* получающей вслѣдствіе того несравненно больше власти и значенія въ общемъ фабричномъ распорядкѣ, нежели было у насъ.

Точно также русскій законъ 1 - го іюня 1882 г., устанавливающій впервые должность фабричныхъ инспекторовъ, и одинаково инструкція чинамъ инспекціи отъ 19-го декабря 1884 г. и всѣ послѣдующія узаконенія и правила до сихъ поръ не выработали и ничѣмъ не опредѣлили условій выбора и назначенія чиновъ инспекціи, что, разумѣется, можетъ имѣть на практикѣ весьма серьезное значеніе и привести къ важнымъ недоумѣніямъ, а особенно въ виду понятнаго въ послѣднее время стремленія назначать у насъ въ штатъ инспекціи *исключительно* ницъ съ техническимъ образованіемъ. Между тѣмъ § 22-й финляндскаго закона опредѣляетъ, что фабричный инспекторъ не можетъ быть ни владѣльцемъ промышленнаго заведенія, ни управляющимъ его, ни другимъ участникомъ (напримѣръ, владѣльцемъ паевъ) какого-либо промышленнаго заведенія; мало того, не можетъ быть даже владѣльцемъ патента какихъ - либо изобрѣтеній, машинъ или аппаратовъ, употребляемыхъ на мѣстныхъ

фабрикахъ, и, вообще, не можетъ имѣть никакого личнаго отношенія, въ смыслѣ матеріальнаго интереса, къ промышленности,—что вполнѣ, конечно, разумно и желательно было бы видѣть перешедшимъ по финляндскому примѣру и въ русскій законъ.

Не меньшее значеніе, чѣмъ этотъ описанный финляндскій законъ отъ 15-го апрѣля 1889 г., имѣетъ дополненіе къ нему отъ 21-го декабря того же года, которое содержитъ въ себѣ довольно обстоятельное изложеніе санитарныхъ и предохранительныхъ мѣръ, обязательныхъ на фабрикахъ для сбереженія жизни и здоровья работающихъ. Какъ извѣстно, всѣ наши фабричные законы весьма слабы именно въ этомъ пунктѣ, такъ какъ съ давнихъ поръ санитарная забота о промышленныхъ заведеніяхъ всегда распредѣлялись у насъ въ Россіи между многими учрежденіями, начиная съ мѣстной полиціи и медицинскихъ органовъ и кончая соотвѣтствующими городскими и земскими учрежденіями. Институтъ инспекторовъ, а затѣмъ „Правила о надзорѣ“ за заведеніями фабричной промышленности 1886 года, учредившія губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія, прибавили къ этимъ многимъ уже нянькамъ еще двухъ, обязанныхъ заботиться такъ или иначе о народномъ здравіи на фабрикахъ. На послѣднія, т. е. присутствія, какъ извѣстно, возлагается „изданіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ“. Такъ какъ фабричныя присутствія до настоящаго времени существуютъ еще не во всей обширной Россіи и лишь готовятся ко введенію во многихъ губерніяхъ, при чемъ каждое присутствіе въ выработкѣ этихъ постановленій совершенно самостоятельно, то въ результатѣ получается, конечно, для всей Россіи крайняя пестрота и несовершенство законодательныхъ и административныхъ заботъ объ охраненіи жизни и здоровья, одинаково какъ работающихъ на фабрикахъ, такъ и живущихъ около нихъ; что въ одной губерніи требуется обязательно, то въ другой можетъ совсѣмъ не спрашиваться, и, слѣдовательно, что въ одной мѣстности Россіи строго наказуемо, то въ другой, пожалуй, совершается безнаказанно. Никакихъ попытокъ объединенія санитарно - фабричныхъ мѣръ въ видѣ общихъ постановленій для охраны жизни и здоровья въ промышленныхъ заведеніяхъ обширной Имперіи, за ничтожными

исключеніями, у насъ не дѣлалось и по сіе время не существуетъ.

И, между тѣмъ, подобная попытка уже сдѣлана въ маленькой Финляндіи приложеніемъ къ закону отъ 15-го апрѣля 1889 г., прошедшимъ въ концѣ того же самаго года (отъ 21-го декабря).

Первое требованіе, которое финляндскій законъ предъявляетъ къ мастерскимъ и рабочимъ помѣщеніямъ, заключается въ просторѣ и достаточномъ количествѣ воздуха, приходящагося на каждаго работающаго; на человѣка должно приходиться не менѣе 8 куб. метр. воздуха; отступленіе отъ этого обязательнаго минимальнаго требованія допускается промышленнымъ совѣтомъ (Industrie amt) лишь въ особенно уважительныхъ случаяхъ. При этомъ обязательно также устройство во всѣхъ рабочихъ помѣщеніяхъ необходимой вентиляціи. Вдобавокъ къ этому, ежели условія производства создаютъ вредные газы или опасныя и ядовитыя для здоровья вещества, то рабочимъ воспрещается во всѣхъ подобныхъ помѣщеніяхъ принимать какую-либо пищу. *Второе*, вслѣдъ за воздухомъ, требованіе заключается въ достаточномъ при работѣ свѣтѣ; поэтому во всѣхъ помѣщеніяхъ, а равно корридорахъ и лѣстницахъ для владѣльцевъ фабрики обязательно удовлетворительное освѣщеніе, дабы рабочій не подвергался никакой опасности. *Третье* требованіе санитарнаго закона относится къ принятію предосторожности противъ пожара: для этой цѣли зданіе промышленнаго заведенія должно быть снабжено достаточнымъ количествомъ выходовъ и дверей, открываемыхъ наружу; при большихъ размѣрахъ зданія сообщеніе во всѣхъ этажахъ должно быть обязательно снабжено безопасными отъ огня лѣстницами; если же инспекція найдетъ, что наличнаго количества выходовъ и лѣстницъ въ данномъ заведеніи недостаточно сообразно съ числомъ рабочихъ или съ опасностью производства, то можетъ потребовать устройства новыхъ приспособленій, а также наружныхъ пожарныхъ лѣстницъ и иныхъ спасательныхъ аппаратовъ, доступъ къ которымъ каждому рабочему хорошо извѣстенъ и удобенъ. Наконецъ, ежели промышленное заведеніе такого рода, что вызываетъ вслѣдствіе, наприм., массы легко воспламеняемыхъ матеріаловъ, особенную опасность пожара, то къ такимъ фабрикамъ могутъ предъявляться особыя мѣры предосторожности,

спеціально для того выработанныя. *Четвертое* требованіе правилъ 21 декабря 1889 года относится къ огражденію въ интересахъ безопасности рабочихъ всѣхъ лѣстницъ, галлерей, ваннъ, бассейновъ, сосудовъ, вообще всякихъ мѣстъ, гдѣ рабочій можетъ упасть или свалиться, надежными барьерами или рѣшетками. Сюда относится также подробно перечисленное въ законѣ огражденіе всѣхъ подъемныхъ механизмовъ, а равно подъемныхъ крановъ, лебедокъ и т. п. приспособленій, предназначенныхъ для поднятія или перенесенія какихъ бы то ни было тяжестей.

Одинаково съ предшествовавшимъ законодательствомъ, всѣ двигатели на фабрикѣ, по возможности, должны помѣщаться, если они не составляютъ нераздѣльнаго цѣлаго съ рабочими машинами, въ особомъ помѣщеніи или, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльной части рабочей комнаты, дабы доступъ къ нимъ постороннимъ лицамъ по возможности былъ прегражденъ. Маховыя колеса и всѣ подвижныя части машинъ, могущихъ быть опасными лицамъ, находящимся вблизи, должны быть надежно ограждены; всѣ передачи и приводные ремни, которые лежатъ на высотѣ не болѣе полутора метровъ отъ земли, точно такъ же должны имѣть надлежащія огражденія, выше же лежащіе должны быть устроены такимъ образомъ, чтобы не угрожать опасностью работающимъ, То же самое относится къ цѣпнымъ приводамъ, зубчатымъ колесамъ и инымъ механизмамъ или частямъ ихъ, которые могутъ принести за собой несчастье для работающихъ. Пусканію въ ходъ машинъ должны предшествовать отчетливые и хорошо извѣстные рабочимъ сигналы и, въ свою очередь, по первому тревожному сигналу машины должны быть быстро и скоро остановлены. При этомъ всѣ приспособленія, которыя служатъ для указанной цѣли, т. е. чтобы останавливать двигатели, приводы и рабочія машины, должны быть легко достижимы, удобны и вообще такъ устроены, чтобы было возможно ими быстро воспользоваться.

Всѣ остальныя постановленія новаго финляндскаго закона относятся къ той же категоріи предохранительныхъ мѣръ. Они предусматриваютъ случаи, наприм., чистки и смазки машинъ и иныхъ механизмовъ и требуютъ, чтобы эта важная операція производилась такимъ путемъ, чтобы не причинять опять таки

вреда работающимъ. У насъ же этотъ важный вопросъ предоставлетъ совершенно на произволъ и благоусмотрѣніе администраціи каждой отдѣльной фабрики. Но что всего важнѣе, въ заключеніе, это то, что финляндская фабричная инспекція имѣетъ право требовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда найдетъ отступленіе отъ указанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности, немедленныхъ передѣлокъ или приспособленій, если только такія мѣры не грозятъ пріостановкой производства или слишкомъ большими издержками. Вслѣдствіе послѣдняго, очевидно, соображенія, промышленному совѣту предоставлено право, въ виду слишкомъ большихъ и цѣнныхъ передѣлокъ и перестроекъ на фабрикахъ, основанныхъ до 1889 года, давать владѣльцамъ отсрочку, въ устройствѣ подобныхъ предохранительныхъ мѣръ, но срокомъ не болѣе пяти лѣтъ, въ теченіе коихъ заведеніе должно быть приведено въ состояніе, удовлетворяющее настоящимъ требованіямъ закона. Послѣдней инстанціей, въ случаѣ обжалованія распоряженій инспекціи или совѣта по поводу подобныхъ перестроекъ и передѣлокъ на фабрикахъ, является сенатъ, который уже постановляетъ окончательное рѣшеніе. Что касается всѣхъ вновь учреждаемыхъ промышленныхъ заведеній фабричнаго характера въ Финляндіи, то они подлежатъ предварительному осмотру фабричнымъ инспекторомъ, который подробно изслѣдуетъ, насколько вновь воздвигаемая фабрика удовлетворяетъ дѣйствующимъ предписаніямъ, охраняющимъ жизнь и здоровье рабочихъ и, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, предъявляетъ требованіе къ фабриканту о соотвѣтствующихъ передѣлкахъ или измѣненіяхъ въ видахъ исполненія закона.

Такова въ общихъ чертахъ сущность новаго финляндскаго законодательства о фабрикахъ и заводахъ, хотя оно далеко не можетъ считаться полнымъ: такъ, напр., законъ объ отвѣтственности хозяевъ за несчастія пока еще находится въ проектѣ, но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки полнѣе нашего фабричнаго закона (до 1891 г.), дѣйствующаго во всей имперіи, и, представляя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличіе во многихъ указанныхъ случаяхъ, даетъ Финляндіи передъ Россіей положительныя преимущества. По словамъ Пальмберга, финляндское правительство въ настоящее время дѣятельно занято выработ-

кой проекта объ устройствѣ государственной кассы для рабочихъ по образцу Германіи; пока же *большая часть* фабрикантовъ (слѣдовательно, опять-таки обратно съ остальной Россіей) страхуютъ своихъ рабочихъ отъ несчастій, а сами рабочіе собственными усиліями и съ ихъ помощью заботятся объ устройствѣ Обществъ взаимной помощи, потребительныхъ складовъ и больничныхъ и похоронныхъ кассъ [1]).

Какъ извѣстно, наши такъ называемыя „Правила о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности“ отъ 3-го іюня 1886 года возложили на инспекцію рядъ новыхъ обязанностей административныхъ и частью судебныхъ; но самой важной въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ эти правила дѣйствуютъ, является ихъ новая обязанность, такъ называемое „принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими“ (п. г. ст. 7-я пр. о надз.). Другими словами, чисто полицейско-административная обязанность сдѣлалась у насъ *центромъ инспекторской дѣятельности* и поглощаетъ чуть не всецѣло вниманіе инспекціи, направленной, главнымъ образомъ, къ предупрежденію такъ называемыхъ безпорядковъ на фабрикахъ (такъ было до 1893 г., а теперь—собираніе статистическихъ данныхъ и, главное, осмотръ котловъ); при чемъ, разумѣется, въ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ „Правила о надзорѣ“ 1886 года, тамъ забота объ исполненіи узаконеній о работѣ малолѣтнихъ поневолѣ утратила давно первоначальное значеніе и отошла на задній планъ. Иначе поставлена инспекція по новому финляндскому законодательству: по словамъ Гьельта, ея дѣятельность вовсе не ограничивается даже контролемъ за исполненіемъ охранительныхъ законовъ. „*Инспектора*, говоритъ онъ, *должны наблюдать и изслѣдовать экономическое и моральное положеніе рабочихъ и способствовать его поднятію;* они не только стремятся къ улаживанію споровъ и несогласій между хозяевами и работниками, но и наблюдаютъ, существуютъ ли, напр., въ данномъ мѣстѣ рабочія кассы, и если ихъ нѣтъ, стараются содѣйствовать ихъ учрежденію“. Точно то же они дѣлаютъ при отсутствіи, напр., на фабрикѣ страхованія рабо-

1) Traitè de l'Hygiène publique, par le D-r *Alb. Palmberg*. Paris. 1891. Стр. 549.

чихъ отъ несчастія, въ случаяхъ дурнаго обращенія съ учениками и проч.; *повсюду* они какъ бы *стараются внести* „*отеческое*“ участіе и заботливость о благѣ и интересахъ рабочихъ.

На первое время, подобно Россіи, дѣятельность инспекторовъ Финляндіи и всего закона ограничивается почти только крупной промышленностью; въ будущемъ, однако, съ развитіемъ института инспекторовъ и привычки народа къ новому закону, онъ долженъ непремѣнно распространиться хотя отчасти и на ремесленныя и кустарныя заведенія. Рядомъ съ этимъ нашъ русскій фабричный законъ, введенный гораздо раньше, не обнаруживаетъ, повидимому, никакихъ признаковъ расширенія и усовершенствованія; судя же по его дополненію отъ 24-го февраля 1890 г. и пр., онъ представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ скорѣе шагъ назадъ [1]). Достаточно напомнить, что онъ допускаетъ теперь ночную работу не только подростковъ, но даже малолѣтнихъ (на стеклянныхъ заводахъ). Точно также и обратно съ прежнимъ, онъ дозволяетъ, съ разрѣшенія инспекціи, воскресную и праздничную работу для малолѣтнихъ и, наконецъ, что всего важнѣе—удлиняетъ дѣтскую работу и безъ того весьма длинную, по нашему закону, сравнительно съ финляндскимъ, доводя ее для промышленныхъ заведеній, работающихъ 18 часовъ въ сутки двумя смѣнами, до *девяти* часовъ въ день, при чемъ для удобства этихъ заведеній дѣтская работа захватываетъ два часа изъ ночнаго времени!!.. [2])

---

[1]) Мы совершенно, впрочемъ, исключаемъ изъ нашего разсмотрѣнія реформы нашихъ фабричныхъ законовъ за послѣдніе 4 года (отъ 1892 г.).

[2]) Ночью, по нашему закону, какъ и въ Финляндіи, считается время отъ 9 ч. вечера до 5 ч. утра; въ послѣднемъ же случаѣ, предусмотрѣнномъ дополненіемъ отъ 24-го февраля 1890 года, ночью называется уже періодъ времени отъ 10 ч. вечера до 4 час. утра (дабы получились двѣ суточныя смѣны).

Вліяніе грамотности на производительность труда.

(Посвящается А. И. Чупрову).

Въ 1870 году американскій Commissioner of Education—лицо, завѣдующее въ Соединенныхъ Штатахъ центральнымъ бюро по народному образованію, разослалъ разнаго рода предпринимателямъ, а также рабочимъ и ремесленникамъ и вообще спеціалистамъ по устройству ручного труда, слѣдующій рядъ вопросовъ:

„Можете ли вы отмѣтить между вашими рабочими какое-либо различіе въ смыслѣ количества исполняемой работы, или качества ея исполненія, подъ вліяніемъ разной степени образованія, независимо отъ природныхъ способностей человѣка?

„Обнаруживаетъ ли тотъ, кто умѣетъ читать и писать и кто, кромѣ элементарнаго, иного образованія и не получалъ, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, бо́льшее искусство и исправность въ качествѣ фабричнаго рабочаго или ремесленника, чѣмъ тотъ, кто грамоты не знаетъ? и если—да, то насколько увеличивается, благодаря этому бо́льшему искусству и исправности рабочаго, производительность его труда и, слѣдовательно, заработокъ его?

„Какое повышеніе производительности рабочаго произошло бы при еще болѣе высокой степени его образованія, при знакомствѣ съ искусствами и науками, лежащими въ основѣ его занятія, напр., при хорошемъ практическомъ знаніи ариѳметики, бухгалтеріи, алгебры, рисованія и т. д., и насколько это знаніе увеличило бы его заработокъ?

„Увеличиваетъ ли такое и, можетъ быть, дальнѣйшее еще, пріобрѣтеніе познаній способность рабочаго вносить, по мѣрѣ надобности, новые пріемы въ свою работу или усовершенствованія въ ея орудія и механизмы? и если—да, то насколько повышается отъ такой изобрѣтательной способности его производительная сила?

„Предпочли ли бы вы вообще, для исполненія обыкновенной даже работы, человѣка, учившагося въ школѣ — не учившемуся въ ней?

„Кого бы вы, въ качествѣ предпринимателя, выбрали на отвѣтственную должность надсмотрщика, напр., или инспектора работъ,—человѣка ли безграмотнаго, или элементарно образованнаго, или съ высшимъ образованіемъ, при равности прочихъ условій, какъ-то: ловкости, силы, добросовѣстности?

„Какого вы мнѣнія о вліяніи умственнаго развитія на личные и общественные нравы людей, у васъ работающихъ? Живутъ ли такіе рабочіе вообще въ лучшихъ условіяхъ и лучшей обстановкѣ; выказываютъ ли меньшую или бо́льшую праздность и распущенность, чѣмъ не учившіеся рабочіе? Какими являются они въ смыслѣ выдержки характера, бережливости, нравственности и общественнаго вліянія по сравненію съ ихъ неграмотными товарищами;“

Результатомъ разработки собранныхъ на эти вопросы отвѣтовъ явилось въ 1879 году въ числѣ „циркуляровъ (circulars of information) американскаго бюро по народному образованію, изслѣдованіе д-ра Эдуарда Джарвиса на тему: „О значеніи общаго образованія въ сферѣ ручнаго труда“ [1]). Тема эта на столько интересна, что мы рѣшаемся сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ указаннаго изслѣдованія, добавивъ ихъ данными по тому же вопросу изъ другихъ источниковъ.

Въ числѣ лицъ, отвѣчавшихъ по вышеперечисленнымъ пунктамъ, мы видимъ, кромѣ служащихъ и владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, также подрядчиковъ, напр., по земляным и строительнымъ работамъ, и показанія ихъ болѣе или менѣе всѣ клонятся къ признанію вліянія образованія на успѣхъ работы въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ труда

[1]) Circulars of Information of the Bureau of Education, № 3, 1879. Washington Government Printing Office.

Не говоря уже объ отвѣтственныхъ должностяхъ въ фабричной іерархіи (замѣщеніе ихъ компетентными людьми является, по отзыву одного изъ экспертовъ, для предпринимателя вопросомъ успѣха или неуспѣха его предпріятія), даже для обыкновеннаго фабричнаго рабочаго развитіе и дисциплина ума, полученная хотя бы въ элементарной школѣ, дѣлаютъ его гораздо болѣе цѣннымъ для хозяина. Что, напримѣръ, можетъ, повидимому, быть машинальнѣе обязанности ткачихи, стоящей у механическаго станка и слѣдящей за тѣмъ, когда оборвется нитка, которую ей слѣдуетъ присучить. Между тѣмъ опытъ показалъ, что при нѣкоторомъ вниманіи, исправная работница можетъ выработать въ себѣ такую тонкость слуха, что она заранѣе уже, по звуку отдѣльныхъ частей машины, замѣчаетъ нарушеніе правильнаго хода ея и можетъ принять мѣры противъ него раньше, чѣмъ оно отзовется существенной порчей на изготовляемомъ матеріалѣ. Отсюда—уменьшеніе шансовъ на браковку ткани и сокращеніе задержекъ въ дѣйствіи машинъ, а слѣдовательно—большая производительность работы; и отсюда же—громадная разница заработковъ, которая замѣчается иногда въ одномъ и томъ же родѣ работы. Инспекторъ одной хлопчато бумажной фабрики (приводится въ излагаемомъ изслѣдованіи), указывая посѣтителю на комнату, въ которой работали сравнительно образованныя дѣвушки, говорилъ: „вотъ эти ткацкіе станки вырабатываютъ на двадцать процентовъ больше, чѣмъ въ другой комнатѣ—тамъ дѣвушки, получившія лишь ничтожное образованіе,—а внизу, гдѣ работаютъ совсѣмъ безграмотныя работницы, тамъ производитлльность станковъ будетъ на 50% меньше“. Въ другой фабрикѣ, гдѣ также работали лица разныхъ способностей и образованія, при системѣ задѣльной платы разница въ производительности варіировала отъ 7 до 11 долларовъ въ недѣлю, несмотря на то, что машина, двигательная сила и матеріалъ у всѣхъ были одинаковы.

Даже въ такомъ производствѣ, какъ литье желѣза, гдѣ, повидимому, требуется одна лишь сила, по единодушному отзыву предпринимателей и самихъ рабочихъ, грамотность и образованіе всегда ведутъ къ лучшей работѣ; болѣе же близкое знакомство литейщиковъ со свойствами матеріала, изъ котораго они работаютъ, по замѣчанію одного изъ нихъ, дало бы воз-

можность производить ту же работу при затратѣ силъ на одну треть меньшей, чѣмъ теперь.

Знакомство съ естественными и математическими науками, по мнѣнію представительницы женскаго trades union въ Массачузетсѣ, увеличило бы производительность рабочихъ не менѣе, какъ вдвое; элементарное же образованіе, по общему отзыву всѣхъ допрошенныхъ лицъ, повышаетъ эту производительность среднимъ числомъ на 20%, хотя, по мнѣнію экспертовъ изъ рабочихъ, не всегда весь этотъ излишекъ получается въ формѣ увеличенной заработанной платы самимъ производителемъ, а идетъ скорѣе на пользу предпринимателя.

Одна лишь экономія въ надзорѣ и контролѣ, котораго болѣе образованный человѣкъ требуетъ гораздо меньше, чѣмъ необразованный, составляетъ, по разсчету одного крупнаго американскаго заводчика, не менѣе десяти процентовъ; большинство же сокращающихъ человѣческій трудъ механизмовъ, насколько онъ могъ замѣтить въ своей отрасли, имѣли свое начало въ болѣе интеллигентомъ рабочемъ, вѣчно стремящемся къ изобрѣтенію новыхъ приспособленій для облегченія своихъ физическихъ усилій.

Во всякомъ случаѣ носомнѣненъ фактъ безспорнаго вліянія *общей* культурности человѣка на самые разнообразные виды ручного труда, и чѣмъ выше эта культурность, тѣмъ болѣе выигрываетъ и трудъ—фабричный, заводскій или ремесленный. По выраженію извѣстнаго парламентскаго дѣятеля въ Англіи, фабриканта Мунделля, нѣтъ той степени общаго образованія, которая не пригодилась бы въ примѣненіи къ практической дѣятельности человѣка. И нѣтъ такой работы, въ которой бы не оказали пользы человѣку его умственное развитіе и дисциплинированное вниманіе. Д-ръ Джарвисъ прослѣживаетъ въ своемъ изслѣдованіи процессы работы самаго низменнаго, повидимому, характера, какъ-то: подметанія улицъ, колки дровъ и т. п., и отмѣчаетъ разницу въ пріемахъ между рабочимъ, привыкшимъ соображать и взвѣшивать, что является результатомъ нѣкотораго образованія, и такимъ, который разсчитываетъ лишь на механическую силу своихъ рукъ.

Въ каждой работѣ приходится принимать въ соображеніе,—говоритъ онъ,—два элемента: во-первыхъ, свойства и харак-

теръ матеріала, надъ которымъ работаешь, и во-вторыхъ, силу, необходимую для ея производства. Интеллигентный работникъ, изучившій матеріалъ работы, обдумаетъ также лучшіе пріемы для обращенія съ этимъ матеріаломъ. Онъ не будетъ разсчитывать единственно на мускульныя силы свои, а приметъ во вниманіе также и естественныя выгоды, представляемыя извѣстнымъ положеніемъ и распредѣленіемъ матеріала: онъ не будетъ, выкапывая землю, напр., безцѣльно пытаться силою сдвинуть камень, на который натыкается его лопата, а попробуетъ всунуть ее ниже, или съ другой стороны; онъ не положитъ распиливаемую доску такъ, чтобы она затрудняла легкій ходъ пилы и т. п., чѣмъ часто грѣшатъ несообразительные работники. Ловкій дровосѣкъ, прочно укрѣпивъ разсѣкаемое бревно, намѣтитъ точку, которая всего лучше поддается его топору и этимъ облегчитъ себѣ работу, которая для другого, менѣе сообразительнаго рабочаго, окажется гораздо тяжелѣе. Оттого-то и приходится видѣть, что даже въ грубой работѣ лучшими работниками не всегда оказываются люди просто сильные. Джарвисъ приводитъ примѣръ одного искуснаго каменщика въ Америкѣ, который при небольшомъ ростѣ и, повидимому, слабомъ тѣлосложеніи могъ одинъ, безъ помощи, взваливать камни такой величины, которые не могли поднять никто изъ рабочихъ его мѣстности. Его товарищи утверждали, что онъ умѣетъ пользоваться природными выгодами наклонной плоскости и т. п., и потому легко обращается съ самыми тяжелыми каменьями.

Неинтеллигентные работники, напротивъ, не экономятъ своихъ силъ и часто непроизводительно затрачиваютъ ихъ. Въ числѣ отзывовъ предпринимателей приводится у Джарвиса утвержденіе одного крупнаго хозяина - каменьщика, что въ прежнее время кладка 1.000 кирпичей въ день считалась хорошей дневной работой, а теперь принимается за минимальную норму работы, между тѣмъ какъ обыкновенной силы каменщикъ можетъ положить въ наше время отъ 1.500 до 2.000 кирпичей въ день; нѣкоторые же, онъ знаетъ, кладутъ и до 3.000, и эти послѣдніе принадлежатъ къ людямъ наиболѣе умственно дисциплинированнымъ.

Внимательность и сообразительность необходимы даже въ такомъ пустомъ, повидимому, дѣлѣ, какъ нагруженіе телѣги

пескомъ или землею; внимательный и сообразительный рабочій придвинетъ телѣгу на такомъ разстояніи, чтобы для его лопаты былъ достаточный размахъ и чтобы въ то же время песокъ не просыпался мимо; онъ изучилъ движеніе лопаты и приспособился держать ее такъ, чтобы земля съ нея ссыпалась одновременно и быстро, и т. д., и т. д.

Интеллигентный работникъ, обдумавши всѣ обстоятельства и детали своей работы, впередъ намѣчаетъ себѣ планъ ея; необразованный же работникъ дѣйствуетъ какъ бы ощупью, пробуя и такъ, и сякъ. Такъ, напр.,—замѣчаетъ Джарвисъ,—мало развитой рабочій-плотникъ, врубая бревно въ бревно, будетъ выдалбливать гнѣздо или пазъ наобумъ и также наобумъ нарѣзывать болтъ, — и дѣло случая, если одинъ приходится въ другой. Такой пріемъ работы, прибавимъ отъ себя, нерѣдко приходится видѣть у насъ въ Россіи, хоть бы при постройкѣ деревенскихъ воротъ, напр., гдѣ простое измѣреніе требуемой длины переплета избавило бы работающаго отъ необходимости по нѣскольку разъ мѣнять его нарѣзы, безполезно удлиняя этимъ свою работу.

Отсутствіе плана и обдуманности въ работѣ ведетъ къ безконечнымъ промахамъ, пропускамъ и ошибкамъ и къ необходимости тратить время на ихъ исправленіе. Такъ, безпечная полольщица, очищающая гряду не въ извѣстной послѣдовательности, безпрестанно должна возвращаться назадъ, чтобы захватить пропущенную ею сорную траву; подметальщикъ улицы, при невниманіи, вѣчно оставитъ кучи сора, которыя потомъ придется собирать каждую отдѣльно; при сгребаніи сѣна сообразительный работникъ будетъ знать, насколько грабли должны захватывать прежней полосы, чтобы не оставить неподобраннымъ ни одного клочка сѣна; неряшливому же придется еще разъ проходить съ граблями по тому же лугу; при разбрасываніи навоза ловкій и внимательный работникъ сразу будетъ класть его на поле не кучами, а ровными бороздами, такъ что потомъ уже не придется его ворошить, и т. д., и т. д.; при этомъ получается значительная экономія человѣческаго труда.

Немалая доля, — говоритъ Джарвисъ, — всемірной рабочей силы затрачивается на исправленіе ошибокъ, на пополненіе пробѣловъ въ работѣ, на вознагражденіе ущербовъ, происхо-

дящихъ отъ несчастныхъ случаевъ, которые всѣ—не что иное, въ сущности, какъ чья - нибудь оплошность. Одинъ умный пароходовладѣлецъ съ Миссисипи, слова котораго приводятся Джарвисомъ, рѣшительно утверждалъ, что всѣ несчастные случаи могутъ быть отнесены на счетъ чьего-нибудь невниманія, недобросовѣстности или невѣжества. Иногда виновниками являются люди, имѣющіе непосредственное отношеніе къ данному дѣлу, иногда—люди, подготовлявшіе его. Такъ, взрывъ паровоза можетъ произойти или отъ небрежности инженера, или отъ неискусной работы его производителя, или, восходя еще дальше,— по винѣ того, кто дѣлалъ желѣзо, послужившее матеріаломъ для паровоза; экипажъ можетъ быть опрокинутъ или по недосмотру кучера, или по неискусству экипажнаго фабриканта, или по неумѣлости шоссейнаго строителя, и если бы всѣ участники даннаго способа передвиженія были вполнѣ компетентными и добросовѣстными работниками, то и несчастія не могло бы произойти.

Немалый ущербъ въ общей экономіи труда происходитъ также, по общему мнѣнію, отъ того обстоятельства, что въ руки невѣжественнаго, грубаго рабочаго не могутъ быть даны сколько-нибудь тонкія или деликатныя орудія. По словамъ Мунделля, въ Англіи, при введеніи усовершенствованныхъ орудій земледѣлія, скоро пришлось убѣдиться, что они требуютъ болѣе высокаго уровня искусства, образованія и ловкости, чѣмъ какой имѣлся въ старинномъ англійскомъ крестьянствѣ. Въ Америкѣ, во времена рабовладѣнія, замѣчалась всегда большая разница между землепашцами юга и сѣвера. Одинъ торговецъ косами и серпами сообщаетъ, что тѣ длинныя, тонкія, остроконечныя косы, которыя употреблялись болѣе интеллигентными фермерами сѣвера, не могли имѣть сбыта на югѣ, гдѣ онѣ быстро ломались бы въ рукахъ невѣжественныхъ и небрежныхъ негровъ. Для послѣднихъ, по его словамъ, нужны были короткія, толстыя, затупленныя косы, которыми бы они могли безнаказанно натыкаться на камни, корни, кусты, не рискуя ихъ сломать, согнуть или затупить. И дѣйствительно, такія косы и употреблялись всегда рабовладѣльческими хозяйствами, къ очевидному ущербу въ производительности косарей [1]). Одина-

[1]) Если сравнить косы, употребляемыя у насъ въ Россіи, съ тѣми же

ково грубыя орудія можно было видѣть въ тѣ времена и въ рукахъ чистильщиковъ улицъ какого-нибудь южнаго американскаго города сравнительно съ болѣе тонкими лопатами и кирками, употребляемыми въ болѣе культурныхъ городахъ сѣвера: разница въ тяжести между тѣми и другими, по разсчету Джарвиса, вдвое облегчала трудъ уборки улицъ въ послѣднемъ случаѣ.

Еще болѣе важнымъ является, конечно, культурный рабочій при употребленіи уже сложныхъ орудій и механизмовъ. „Напрасно думаютъ, напримѣръ, — говоритъ Джарвисъ, — что современная машина требуетъ простого автомата для своей манипуляціи: чѣмъ сложнѣе механизмъ, тѣмъ болѣе онъ требуетъ наблюдательности, соображенія и сосредоточеннаго вниманія отъ того, кто имъ завѣдуетъ". „Интеллигентный рабочій, — подтверждаетъ Мунделла, — всегда извлечетъ большее количество работы изъ усовершенствованной машины, не говоря уже о томъ, что онъ съумѣетъ держать ее въ лучшемъ порядкѣ и лучшей рабочей исправности".

Съ этимъ соглашаются даже такіе изъ авторитетовъ, которые склонны къ пессимистическому воззрѣнію на вліяніе машинныхъ формъ производства. Гобсонъ, наприм., по мнѣнію котораго нынѣшніе усовершенствованные механизмы въ значительной степени устраняютъ личную ловкость человѣка, тѣмъ не менѣе вынужденъ допустить, какъ особыя условія машиннаго производства — привычку къ порядку, точности, неуклонности и дружности въ трудѣ, безъ которыхъ невозможно орудованіе механизмами. Невольно по этому поводу установляется связь, для такой страны какъ Англія, между преобладающими у нея крупно-фабричными формами труда и характеромъ ея народныхъ школъ, въ которыхъ именно больше всего обращено вниманіе на привычки порядка, тонкости и скорости въ работѣ. Что такое англійскій школьный drill, — дружное, энергическое начало и окончаніе урока всѣмъ классомъ, быстрое выкладываніе по общей командѣ, а также уборка книгъ, тетрадей и др. учеб-

---

орудіями въ Германіи, напр., или Швейцаріи, то получится такое же отношеніе, какъ между южными и сѣверными штатами Америки во времена рабовладѣнія: заграничныя косы, какъ приходилось наблюдать, несмотря на то, что ими приходится работать нерѣдко въ горной мѣстности, гораздо тоньше и, главное, длиннѣе нашихъ, что даетъ возможность, конечно, скашивать большее количество сѣна въ одну и ту же единицу времени.

ныхъ пособій—какъ не подготовленіе къ тѣмъ условіямъ дѣятельности, которымъ почти каждому англичанину приходится подвергнуться на фабрикѣ, гдѣ машина не ждетъ, и гдѣ одинъ рабочій долженъ поспѣвать за другими, не задерживая дружнаго хода работы. Но не этимъ однимъ ограничивается значеніе школьно-дисциплинированнаго человѣка въ фабричномъ трудѣ, по мнѣнію другихъ писателей. Образованіе, говоритъ напр. Маршалль, дѣлаетъ рабочаго особенно воспріимчивымъ къ тѣмъ указаніямъ, которыя ему даются: если его механизмы разладятся или вообще въ чемъ-нибудь нарушится порядокъ работъ, онъ въ состояніи при общемъ пониманіи того, что отъ него требуется, тотчасъ же поправить дѣло и предупредить бо̀льшую порчу и ущербъ [1]).

Современныя изобрѣтенія въ сферѣ механизмовъ, по мнѣнію того же автора, имѣютъ тенденцію постепенно устранять нужду въ спеціальной ловкости рукъ рабочаго, выдвигая на первый планъ его общую разсудительность и сообразительность. Въ часовомъ производствѣ, напримѣръ, нынѣшнее автоматическое приготовленіе самой тонкой части часовъ—пружины замѣняетъ тѣхъ искусниковъ, которые съ помощью микроскопа прежде силились ихъ выдѣлывать. Но автоматъ для приготовленія часовъ (какъ въ этомъ можно было убѣдиться, между прочимъ на Всемірной Выставкѣ въ Чикаго) представляетъ изъ себя механизмъ деликатный, сложный и цѣнный и для ухода за нимъ требуется уже человѣкъ интеллигентный, съ сильно развитымъ сознаніемъ своей отвѣтственности. Далѣе, всякій посѣщавшій выставку печатнаго дѣла въ С.-Петербургѣ зимою 1894—95 года могъ видѣть демонстрацію работы усовершенствованнаго печатнаго станка, который механическимъ способомъ не только отпечатывалъ газету непрерывной лентой во множествѣ экземпляровъ, но разрѣзалъ нумера и даже складывалъ ихъ, замѣняя живыя руки рабочаго желѣзными руками механизма. Вотъ почему второй примѣръ захвата у человѣка чисто механической работы рукъ взятъ Маршаллемъ именно изъ отрасли книгопечатанія. Въ этомъ дѣлѣ въ настоящее время остаются лишь въ полной силѣ сво-

---

[1]) *John A. Hobson:* The Evolution of Modern Capitalism. A study of Machine Production. London. 1894, стр. 257.

The Economics of Industry. By *Alfred Marshall* and *Mary Paley Marshall.* London. 1890, стр. 10.

его значеніе надсмотрщикъ надъ машиной или механикъ, корректоръ, исправляющій ея ошибки, художникъ, приспособляющій къ ней гравировальные камни, и т. п. интеллегентные работники, отъ которыхъ зависитъ болѣе или менѣе производительное использованіе сложнаго и, значитъ, дорогого механизма. Наконецъ, даже въ такомъ, по преимуществу, ручномъ дѣлѣ, какъ постройка домовъ, напримѣръ деревянныхъ, монотонный и машинальный трудъ распилки, выстругиванія и вообще заготовленія бревенъ и досокъ исполняется, какъ указываетъ Маршалль, паровой лѣсопильней, которую можно найти почти въ каждой деревнѣ и которая оставляетъ плотнику болѣе интересную часть работы, предъявляя спросъ на болѣе разнообразныя качества, а не на одинъ лишь навыкъ рукъ [1]).

Въ своемъ изслѣдованіи о связи грамотности съ производительностью труда Джарвисъ прослѣживаетъ постепенное наростаніе цѣнности предмета при болѣе и болѣе искусной его выдѣлкѣ. Взятый имъ для примѣра кусокъ желѣза, стоимостью въ 10 рублей на русскія деньги, пріобрѣтаетъ цѣнность 21 рубля, когда изъ него сдѣланы подковы, 110 рублей—въ видѣ иголокъ, 6.570 рублей—въ видѣ лезвія ножей, 58.960 рублей—въ запонкахъ и, наконецъ, 500.000 рублей—въ часовыхъ пружинахъ. А послѣднее производство, какъ мы видѣли, особенно при теперешнихъ усовершенствованныхъ механизмахъ, требуетъ уже хорошо образованнаго исполнителя. Образованіе отсюда есть прямое условіе усиленнаго созиданія цѣнностей. И это касается одинаково какъ сферъ фабричнаго труда, такъ и сельскаго хозяйства, въ которомъ земля получаетъ цѣнность лишь постольку, поскольку она обработана и къ ней примѣненъ болѣе или менѣе искусный или просвѣщенный трудъ человѣка.

Къ такимъ-то выводамъ привела американцевъ разработка данныхъ, собранныхъ отъ разныхъ лицъ, по вопросу объ экономическомъ значеніи школьнаго образованія [2]).

---

[1]) См. Principles of Economics by *Alfred Marshall*. Vol. I. Second ed. 1891, стр. 16—21.

[2]) Въ то время, когда печатается настоящая статья, вопросы, подобные тѣмъ, на которыхъ основано американское изслѣдованіе, съ примѣненіемъ ихъ къ русскимъ требованіямъ, разосланы нашимъ фабрикантамъ, кустарямъ и сельскимъ хозяевамъ и разработка отвѣтовъ, на нихъ ко 2-му съѣзду

Правда, американская школа всячески старается дать своимъ ученикамъ не одно только формальное, книжное знаніе, но развить въ нихъ и такія свойства ума, которыя необходимы всякому человѣку даже въ самыхъ скромныхъ условіяхъ его дѣятельности. Укажемъ для примѣра на бостонскіе школы, въ учебномъ планѣ которыхъ обозначены особые „уроки наблюденія“, длящіеся, правда, лишь 15 минутъ за одинъ разъ, но повторяющіеся ежедневно, такъ что въ общей сложности они занимаютъ не меньше двухъ часовъ въ недѣлю. Намъ извѣстенъ также обычай американскихъ школъ заставлять своихъ учениковъ слѣдить за погодой и періодически отмѣчать измѣненія въ ней, а также вообще запоминать все видѣнное по дорогѣ въ школу для изображанія своихъ наблюденій письменно или даже очень часто въ формѣ рисунковъ. Для наблюденія надъ природой во всякой американской школѣ, даже не снабженной садомъ, имѣются растенія въ разныхъ стадіяхъ развитія, а иногда даже и нѣкоторые представители изъ животнаго царства,—нѣчто въ родѣ маленькаго зоологическаго сада. Наконецъ, основные законы физики и химіи преподаются не иначе, какъ экспериментальнымъ образомъ, при чемъ основы механики, напр., дѣти пріучаются наблюдать не на однихъ лишь учебныхъ пособіяхъ, но и въ обыкновенныхъ своихъ забавахъ, какъ-то качеляхъ (двигающихся по закону маятника), качалкахъ, (въ которыхъ обнаруживаются законы рычага) и т. п.

Вниманіе зрѣнія и слуха, которое, согласно показаніямъ въ изслѣдованіи Джарвиса, играетъ такую роль, напримѣръ, при работѣ ткачихъ, упражняется въ американскихъ начальныхъ школахъ особыми пріемами, состоящими въ быстромъ произнесеніи или записываніи на доскѣ словъ и фразъ, которыя должны моментально быть подхвачены классомъ,—и, наконецъ, то знакомство съ матеріаломъ, о которомъ упоминается не разъ въ томъ же изслѣдованіи, достигается до извѣстной степени уроками ручнаго труда, которые принимаютъ въ американскихъ школахъ характеръ не ремесленнаго производства, а всесторонняго изученія формъ предметовъ, съ одной стороны, и способовъ обработки дерева, желѣза, олова и т. д.—съ другой,

по техническому и профессіональному образованію должна дать интересную сводку русскихъ мнѣній на ту же тему.

въ связи съ природными свойствами этихъ различныхъ матеріаловъ. Не малое значеніе для промышленности имѣетъ, вѣроятно, и введенное во многихъ школахъ изученіе красокъ и цвѣтовъ, не говоря уже о рисованіи, стоящемъ тамъ на высокой степени развитія, какъ предметъ школьнаго обученія.

Во всякомъ случаѣ, обратно съ мнѣніемъ у насъ, иногда высказываемомъ даже публично на земскихъ собраніяхъ [1]), что плотнику, напримѣръ, нуженъ топоръ, а не школа, американцы думаютъ, что школа нужна для всякаго, и потому не жалѣютъ на нее ни средствъ, ни заботъ своихъ. Изъ помѣщенной въ англійскомъ журналѣ „Nineteenth Century“ (май 1894 года) статьи объ интеллектуальномъ прогрессѣ въ Соединенныхъ Штатахъ мы узнаемъ, что въ 1890 году тамъ тратилось на однѣ начальныя школы немногимъ менѣе 300 милліоновъ рублей на русскія деньги, которыя, въ видѣ школьнаго налога, ложились тяжестью примѣрно въ $4^1/_2$ рубля на каждаго американскаго жителя, (тогда какъ въ Россіи намъ извѣстны случаи, когда 25 копѣекъ расхода съ души на школу уже служили препятствіемъ къ ея устройству!).

И все-таки, по мнѣнію Джарвиса, стоимость школьнаго воспитанія будущаго работника исчезаетъ передъ выгодами отъ пріобрѣтенной имъ во время ученія привычки думать и успѣшно пользоваться своими силами и способностями. Отнятые отъ работы немногіе года юности, когда тѣло сравнительно слабо, затраты на учителей, на книги и т. д., все это — ничтожныя жертвы на пользу будущаго гражданина: онѣ сторицею вознаградятся въ видѣ повышенной продуктивной силы грамотнаго и образованнаго человѣка. Въ прямую выгоду для всѣхъ поступитъ разница между искусснымъ и неискусснымъ рабочимъ, между интенсивнымъ и неинтенсивнымъ производителемъ.

На этомъ-то основаніи, вѣроятно, одинъ изъ допрошенныхъ экспертовъ, секретарь массачузетскаго рабочаго союза, требовалъ даже обязательности начальнаго обученія дѣтей. „Никого не слѣдовало бы пускать на арену жизни, — говорилъ онъ,— прежде, чѣмъ ему не дали хотя бы приличнаго элементарнаго

---

[1]) См. для примѣра сообщеніе изъ Горбатова (Нижегород. губ.) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 16-го ноября 1890 года (№ 317).

образованія, ибо классъ необразованныхъ работниковъ является вѣчной опасностью и ущербомъ для интересовъ труда въ любомъ человѣческомъ обществѣ и любомъ государствѣ". Въ свою очередь нельзя пренебрегать по мнѣнію вышеприведеннаго Маршалля, тѣмъ запасомъ таланта и способностей, который имѣется въ народѣ. „Очень вѣроятно", разсуждаетъ онъ, „что процентъ способныхъ дѣтей въ рабочемъ классѣ не такъ великъ какъ въ другихъ классахъ, унаслѣдовавшихъ высшее развитіе своихъ предковъ. Но тикъ какъ рабочій классъ вчотверо или впятеро многочисленнѣе, чѣмъ всѣ остальные классы, вмѣстѣ взятые, то, во всякомъ случаѣ, большая половина умственнаго капитала націи кроется именно въ семьяхъ рабочихъ: пропадаетъ же онъ даромъ единственно благодаря отсутствію шансовъ на развитіе природныхъ умственныхъ силъ ребенка"... „Нѣтъ болѣе зловредной расточительности, какъ пренебреженіе къ талантамъ, рожденнымъ въ бѣдности, и экономіи на школы для народа" (Elements of Economics of Industry, 145).

„Разумныя затраты на образованіе, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ своемъ сочиненіи, измѣряются не одними лишь непосредственными плодами его: экономическая цѣнность, напримѣръ, одного геніальнаго промышленника способна покрыть собою расходъ на школы для цѣлаго народа, а относительно Англіи, во всякомъ случаѣ, замѣчено, что промышленный прогрессъ всего быстрѣе въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ наибольшая пропорція руководителей промышленности по своему происхожденію—дѣти рабочихъ (Principles of Economics, 272).

Возвращаясь къ Америкѣ, мы находимъ яркій образецъ совпаденія высокаго уровня образованія народа съ высокимъ развитіемъ производительной силы. Изъ предисловія къ одной въ высшей степени интересной исторіи школьнаго дѣла въ штатѣ Массачузетсъ (съ знаменитой столицей Бостонъ) мы узнаемъ, что среднее количество учебныхъ лѣтъ для массачузетскаго жителя (около 7 лѣтъ) стоитъ въ такой же пропорціи къ средней продолжительности ученія всей Америки (4,$_3$ лѣтъ), какъ средній заработокъ, точнѣе: „производящая богатства сила", согласно выраженію американцевъ (wealth—producing power), въ томъ и другомъ случаѣ. Эта производительная сила, по даннымъ 1885 года, опредѣлялась въ 73 цента на каждаго жителя

штата Массачузетсъ (мужчину, женщину или ребенка), тогда какъ средняя, выведенная для всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ за то же время составляла всего лишь цифру въ 40 центовъ [1]).

Семь лѣтъ и четыре года ученія! Семьдесятъ центовъ и сорокъ центовъ средняго заработка!

Не всегда, конечно, можно найти столь наглядное совпаденіе школьной образованности народа съ его сравнительной производительностью. Но, насколько показываютъ всѣ дѣлаемыя за послѣднее время разслѣдованія объ условіяхъ труда и конкурренціи странъ между собою (т. н. enquêtes, investigations, Erhebungen и т. п.), связь эта все болѣе и болѣе становится несомнѣнною и принимается въ разсчетъ отдѣльными государствами. „Какимъ образомъ вамъ удалось отнять у французовъ первенство въ ленточномъ производствѣ?", спрашивали одного швейцарскаго мануфактуриста. „Мы побили ихъ въ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ онъ, большимъ образованіемъ нашего рабочаго". (Показаніе фабриканта Mundella передъ англійской коммиссіей по техническому образованію [2]).

„Умѣть единовременно помнить и принимать въ соображеніе разныя вещи, держать все на готовѣ на случай надобности, дѣйствовать увѣренно и выказывать знаніе и находчивость, когда что-нибудь разладится, приспособляться быстро къ измѣненіямъ въ подробностяхъ работы, быть устойчивымъ и надежнымъ, имѣть всегда въ запасѣ свѣдѣнія, которыя могутъ понадобиться,— вотъ качества, которыя дѣлаютъ народъ великимъ въ промышленномъ отношеніи, согласно мнѣнію проф Маршалля". И дѣйствительно каждая новая промышленная выставка, напримѣръ, представляетъ какъ нельзя болѣе убѣдительное подтвержденіе такого мнѣнія, и потому всѣ государства въ послѣднее время, какъ Германія, такъ и Франція, Англія, даже Италія наперерывъ пекутся о поднятіи своего общаго всенароднаго образованія, на прочномъ фундаментѣ котораго лишь основывается и спеціальная профессіональная или промышленная подготовка.

---

[1]) См. The Evolution of the Massachusetts Public School System by *George H. Martin* (International Education Series) New-York. 1894. P. XV.

[2]) См. въ Лексиконѣ политической экономіи Пальгрэва, *Palgrave*: Dictionnary of Political Economy, статью „Efficiency of Labour".

Нужна ли намъ литературная конвенція *).

I.

Въ апрѣльскомъ нумерѣ за 1891 г. англійскаго журнала Стэда *Обозрѣніе Обозрѣній* бросается въ глаза на первыхъ же страницахъ любопытная, но мало сначала понятная картинка, перепечатанная изъ американской иллюстраціи *Life* и съ названіемъ „Дѣятельность въ литературныхъ кружкахъ". На первомъ планѣ аллегорическая женская фигура бряцаетъ лирой и что-то поетъ; большая компанія лицъ обоего пола, видимо интеллигентнаго класса, находится въ крайней степени возбужденія: значительная часть ихъ, а между ними виднѣются извѣстные писатели и художники Америки, съ радостными лицами отплясываютъ какой-то дикій неистовый танецъ, а извѣстный романистъ Гоуэльсъ съ бокаломъ вина откалываетъ шотландскую джигу съ неменѣе извѣстнымъ писателемъ-юмористомъ Маркъ-Туэномъ. Почтенный старичекъ Уитманъ танцуетъ что-то въ родѣ польскаго съ пожилой дамой извѣстной писательницей Амеліей Райвсъ (Rives) и т. д. У всѣхъ лица дышатъ радостью; колоссальная чаша пунша посреди этой компаніи, очевидно, является лишь послѣдствіемъ, а не поводомъ этого настроенія. Что же значитъ эта вакханалія? По какому поводу англо-американскій литературный міръ проявляетъ такъ своеобразно свою радость и удовольствіе? Очевидно, прежде всего, что картинка эта представляетъ собой не снимокъ съ дѣйствительныхъ событій, а лишь шутливую аллегорію, имѣющую свой

*) „Русскія Вѣдом." 1891 г. № 112, 1893 г. № 357 и 1894 г. № 14.

корень въ весьма важномъ для всей англо-американской литературы современномъ событіи: 4-го марта 1891 года сенатъ Соединенныхъ Штатовъ принялъ новый законъ о международной литературной собственности, а президентъ Гариссонъ немедленно его подписалъ, какъ разсказываютъ, орлинымъ перомъ, спеціально для этой цѣли присланнымъ Робертомъ Джонсономъ, секретаремъ американской литературной лиги.

Болѣе ста лѣтъ, какъ извѣстно, насчитывается независимости Соединенныхъ Штатовъ, и тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ настоянія и представленія со стороны Англіи, своей бывшей метрополіи, говорящей и пишущей на одномъ съ ними языкѣ, Штаты отказывались всегда уравнять у себя иностранныхъ, т. е. англійскихъ авторовъ—съ туземцами. Литературное „пиратство“ являлось, такъ сказать, узаконеннымъ: англійскія книги, заслуживающія того, немедленно перепечатывались въ Америкѣ, и благодаря отсутствію всякаго вознагражденія авторовъ, онѣ продавались тамъ втрое и вчетверо дешевле и даже ввозились въ Европу и чуть ли не въ самую Англію, подрывая существенные интересы тамошнихъ писателей и издателей. Насколько вознагражденіе авторамъ возвышаетъ цѣны книгъ, достаточно привести немногіе примѣры: извѣстное сочиненіе Юэлля (Whewell) „Начала нравственности“, которое въ Англіи стоило на американскія деньги $7^1/_2$ долларовъ, въ Америкѣ можно имѣть за одинъ долларъ; „Ниневія“ Лейярда вмѣсто 9 долларовъ стоитъ 1 долларъ 75 центовъ въ Америкѣ. „Исторію Англіи“ Маколея, вмѣсто $4^1/_2$ долларовъ, стоющихъ въ Англіи, можно купить въ Америкѣ лишь за 40 центовъ и т. д. Поэтому получалось такое странное явленіе, что даже до настоящаго времени англійскія книги на континентѣ Европы гораздо выгоднѣе иногда выписывать изъ Америки, нежели изъ Англіи!..

Пока Америка не имѣла почти собственной литературы, она упорно однако отказывалась идти на какіе-либо компромиссы съ Англіей, и англійскіе писатели и издатели несли благодаря этому большіе убытки. Но вотъ у американцевъ развилась собственная литература и наука въ такихъ серьезныхъ размѣрахъ, что получилась возможность возмездія и, несмотря на то, что многіе американскіе издатели открыли свои отдѣленія въ Англіи

и обратно, тѣмъ не менѣе началась значительная перепечатка въ Лондонѣ и другихъ англійскихъ городахъ американскихъ произведеній, наносившая большой ущербъ американской литературѣ и особенно беллетристамъ. Тогда американцы измѣнили фронтъ: тамошнее литературное общество съ Джонсономъ во главѣ, составленное изъ всѣхъ лучшихъ представителей литературы, наиболѣе, конечно, заинтересованныхъ лично въ перемѣнѣ дѣла, и многихъ издателей, начало агитацію въ смыслѣ нѣкоторой уступки въ пользу иностранцевъ; но при этомъ, какъ народъ коммерческій и смышленный, американцы, сдѣлавши маленькое отступленіе отъ прежней системы международнаго беззаконія, постарались въ концѣ концовъ выжать изъ этой уступки все, что можно было, въ свою пользу. Такъ, въ силу закона 4-го марта 1891 г. иностранный авторъ пользуется въ Соединенныхъ Штатахъ защитой своихъ литературныхъ правъ лишь въ томъ случаѣ, когда его сочиненіе появилось въ свѣтъ, т. е. напечатано или по крайней мѣрѣ набрано тамъ, въ Америкѣ, и затѣмъ произведена извѣстная указанная закономъ процедура заявленія. По словамъ одного изъ крупныхъ англійскихъ издателей, Лонгмана, въ послѣдней книжкѣ *Экономическаго Обозрѣнія*, вѣроятнымъ результатомъ этой статьи новаго закона является *перенесеніе нѣкоторыхъ изданій англійскихъ цѣликомъ изъ Англіи въ Америку*, т е., чтобы пользоваться правомъ литературной собственности, болѣе извѣстные англійскіе писатели должны будутъ печатать въ Соединенныхъ Штатахъ не только тѣ экземпляры, которые предназначены для распродажи тамъ, но также и тѣ, которые предназначены для Англіи. Отсюда непремѣнное послѣдствіе американскаго закона—уменьшеніе работы для англійскихъ типографій, словолитенъ, бумажныхъ фабрикъ и даже переплетныхъ заведеній, и все это произойдетъ, по словамъ Лонгмана, не болѣе, какъ въ интересахъ авторовъ 5% всѣхъ появляющихся въ Англіи печатныхъ произведеній! Еще меньшій, вѣроятно, процентъ въ такомъ случаѣ представляетъ собою количество американскихъ книгъ, расходящихся въ Англіи. Такимъ образомъ выходитъ, что американскій законъ о литературной собственности преслѣдуетъ коммерческія цѣли не менѣе, если не болѣе, чѣмъ литературныя, и если въ обѣихъ странахъ, благодаря закону, вы-

играютъ болѣе извѣстные писатели, то несомнѣнно, что въ то же время выиграетъ также американская промышленность на счетъ англійской, а законъ 4-го марта слѣдовательно является роднымъ братомъ знаменитаго билля Макъ-Кинлея.

Если такъ велика, какъ изображаетъ вышеприведенная картина изъ журнала *Life*, радость кучки извѣстныхъ американскихъ писателей и издателей благодаря принятію новаго закона о международной литературной собственности, въ которомъ заинтересованы лишь 5% всей пишущей по-англійски братіи, то какъ велика будетъ та же радость французскихъ и, можно сказать, почти всѣхъ европейскихъ литераторовъ и издателей, если только осуществится старый слухъ о литературной конвенціи, будто бы имѣющей быть заключенной между Россіей и Франціей? Пиръ будетъ—на весь міръ, только едва ли Россія съ легкимъ сердцемъ приметъ въ немъ участіе... Дѣло идетъ вовсе не объ охраненіи правъ автора на его произведенія, напечатанныя на его родномъ языкѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ американскомъ законѣ 4-го марта или въ нашей франко-русской конвенціи 25 марта 1861 г., по всѣмъ приводимымъ свѣдѣніямъ здѣсь дѣло ставится несравненно шире и затрогиваются русскіе интересы гораздо серьезнѣе, а именно *предполагается воспрещеніе переводовъ съ одного языка на другой безъ разрѣшенія, т. е. лишь съ вознагражденіемъ авторовъ*. До настоящаго времени, какъ извѣстно, переводы у насъ были всегда вполнѣ свободны и согласія иностраннаго автора не требуется.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какой насмѣшкой звучатъ слова „свобода и равенство“ договора между двумя неравносильными сторонами. Если въ отношеніи политическомъ, военномъ и проч. наше отечество по справедливости считается великой державой, дружбу и расположеніе которой нужно заискивать, то, къ сожалѣнію, народное образованіе, а за нимъ наука и литература, хотя и сдѣлали извѣстный прогрессъ, но въ цѣломъ Россія далеко еще отстаетъ отъ всей Западной Европы и Америки: въ то время, какъ, напримѣръ, Англія еще по старымъ свѣдѣніямъ вывозитъ заграницу книгъ не менѣе какъ на сумму въ 10 мил. нашихъ рублей, Россія вывезла книгъ за 1889 г. по всѣмъ границамъ (включая сюда и Туркестанъ, т. е. въ свои же владѣнія) всего лишь на 570 тысячъ рублей, т. е. чуть не въ

двадцать разъ меньше! Вообще, по количеству книгъ и журналовъ, по размѣрамъ ихъ выпусковъ и общему обороту всего книжнаго дѣла и книжной производительности, мы еще находимся на столько позади почти всѣхъ европейцевъ, что еще до сихъ поръ переводная или заимствованная литература является у насъ весьма важной умственной пищей для цѣлаго народа.

Въ томъ же нумерѣ *Обозрѣнія Обозрѣній*, съ котораго мы начали свою рѣчь, г. Диллонъ, петербургскій корреспондентъ англійскаго журнала, въ своемъ отчетѣ о современной русской литературѣ, дѣлаетъ очень обидное для нашего самолюбія, но къ сожалѣнію не лишенное справедливости, сравненіе русскихъ „съ пчелами, которыя, не находя достаточно своего меда, стремятся заполучить его у сосѣднихъ пчелъ“. Дѣйствительно, стоитъ взглянуть на любую книжку нашего толстаго журнала, чтобы согласиться, что въ сущности значительная часть ихъ, нерѣдко чуть ли не половина, наполнена переводами, или заимствованіями съ иностраннаго; за исключеніемъ отчасти лишь беллетристики, русская умственная производительность еще такъ слаба, что volens-nolens приходится питаться иностраннымъ матеріаломъ, за неимѣніемъ собственнаго въ достаточномъ количествѣ. Даже теперь, когда издательская дѣятельность у насъ и вообще книжная торговля не отличаются особымъ оживленіемъ, тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ, и то лишь частью, учебниковъ, народныхъ книгъ и беллетристики, едва ли не половина, если не больше, печатныхъ произведеній на русскомъ языкѣ—иностраннаго происхожденія. Передъ нами лежитъ списокъ (за 1895 г.) изданій К. Т. Солдатенкова, столь обогатившаго русскую литературу множествомъ крайне цѣнныхъ для народнаго образованія произведеній по наукѣ и искусству, и между тѣмъ изъ 81 названія только 14 принадлежатъ русскимъ авторамъ и, разумѣется, не потому, чтобы почтенный издатель предпочиталъ иностранцевъ русскимъ писателямъ. Богатый выборъ иностранныхъ произведеній и свобода перевода единственно могутъ объяснить это явленіе. И такъ, если для американцевъ и англичанъ крайне важнымъ и существеннымъ представляется вопросъ о литературной собственности, имѣющій прямое отношеніе, какъ мы уже говорили, лишь для 5% писателей, то для русскаго народа свобода переводовъ, касающаяся, можетъ быть,

не менѣе какъ 50% всей серьезной литературы, представляетъ, конечно, вопросъ еще болѣе огромной важности и самаго обширнаго интереса и заслуживаетъ поэтому ранѣе своего рѣшенія полнѣйшаго вниманія и обсужденія въ печати.

Разберемъ съ должнымъ безпристрастіемъ всѣ важнѣйшіе доводы pro и contra такой предположимъ, франко-русской конвенціи и тѣ послѣдствія, которыя она должна повлечь для интересовъ нашего просвѣщенія. Прежде всего, едва ли подобное соглашеніе съ Франціей, если даже оно диктуется поводами и причинами политическаго характера, можетъ остаться „сепаратнымъ“ или отдѣльнымъ. Всѣ международныя отношенія въ настоящее время такъ тѣсно сливаются и перепутываются, что помимо справедливости, фактическая необходимость заставитъ распространить вскорѣ же примѣненіе такой конвенціи къ другимъ странамъ. Наша литературная и научная связь съ Германіей, напр., нисколько не меньше, чѣмъ съ Франціей, и нѣтъ никакого основанія отказывать нѣмцамъ въ той уступкѣ, которая была бы сдѣлана французамъ. Кромѣ того, если завтра нельзя будетъ переводить извѣстное французское произведеніе безъ согласія и вознагражденія автора, а съ другого языка возможно, то при сепаратномъ договорѣ мы будемъ переводить французскія произведенія, пожалуй, съ нѣмецкаго или съ англійскаго и переводы со всѣхъ этихъ языковъ во всякомъ случаѣ выростутъ на счетъ договорной страны; наконецъ, много французскихъ произведеній, напр., музыку мы получаемъ и теперь не только во французскихъ, но и въ нѣмецкихъ и даже въ англійскихъ изданіяхъ. Въ виду всѣхъ этихъ причинъ, сами французы, по заключеніи литературной конвенціи, будутъ побуждать насъ къ распространенію подобныхъ же договоровъ и въ отношеніи другихъ странъ. Конечнымъ результатомъ явится такимъ образомъ, обязательная оплата переводовъ на русскій языкъ для всѣхъ странъ и народовъ, гдѣ бы книга не появилась. Если въ настоящее время пришли къ убѣжденію въ необходимости даже общаго международнаго фабричнаго законодательства, тѣмъ болѣе можетъ считаться важнымъ и необходимымъ единство законодательныхъ нормъ въ такомъ сложномъ и тонкомъ вопросѣ, какъ право литературной собственности.

Но всякій двусторонній договоръ предполагаетъ прежде всего

равную выгодность сдѣлки для обѣихъ сторонъ, безъ чего, разумѣется, она и состояться не можетъ или не должна. Съ этой именно стороны всякая литературная конвенція Россіи съ Франціей и со всякой другой великой державой Европы, если только подразумѣваетъ авторское право на переводъ, непремѣнно клонится въ результатѣ къ невыгодѣ Россіи, какъ слабѣйшей стороны. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о взаимности услугъ: мы переводимъ со всѣхъ европейскихъ языковъ массу не только по общей литературѣ, но даже и по наукамъ: медицина, напримѣръ, переполнена у насъ по всѣмъ ея отраслямъ руководствами, учебниками, компендіями иностранныхъ авторовъ. Что же мы даемъ иностранцамъ въ обмѣнъ за всѣ эти сотни, если не тысячи ежегодныхъ переводовъ со всѣхъ рѣшительно европейскихъ языковъ? Мы даемъ всего лишь нѣсколько беллетристическихъ произведеній въ годъ, переводимыхъ на французскій и другіе иностранные языки, изъ нихъ притомъ сочиненія гр. Л. Толстаго несравненно болѣе переводятся и читаются въ Америкѣ и Англіи, а Достоевскаго—въ Германіи, нежели во Франціи. Вотъ и все, что мы можемъ пока доставить иностранцамъ въ обмѣнъ за ихъ многочисленные труды по всѣмъ отраслямъ знанія и искусства, переводимые на русскій языкъ. Очень возможно, что по своему внутреннему достоинству эти немногія наши литературныя произведенія стоятъ многихъ иностранныхъ того же рода, появляющихся въ русскомъ переводѣ, но несомнѣнно также, что экономически (а здѣсь другой мѣрки быть не можетъ) интересъ небольшой кучки русскихъ писателей не можетъ собой возмѣстить и вознаградить ущербъ для интересовъ просвѣщенія цѣлаго русскаго народа, въ случаѣ потери права для насъ на свободный переводъ и доступъ и слѣдовательно пользованіе многими тысячами произведеній иностраннаго генія и искусства. Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что, къ чести русской литературы, наши беллетристы, главнымъ образомъ лишь и знакомые иностранцамъ въ переводѣ, никогда и ничѣмъ не заявляли о своихъ правахъ собственности и на вознагражденіе по этому послѣднему поводу. Итакъ, не только выгоды подобной литературной конвенціи односторонни, но и стремленіе къ ея заключенію принадлежитъ исключительно однимъ лишь иностранцамъ...

Но даже и изъ нашихъ классическихъ писателей многія ли произведенія въ дѣйствительности извѣстны иностранной публикѣ, и не являются ли даже ихъ теперешніе переводы переходящей модой на все русское за послѣдніе годы, которая, можетъ быть, обратно съ нашей неотложной и жизненной потребностью въ продуктахъ иностранной мысли, такъ же скоро и кончится, какъ началась? Многіе изъ нашихъ художественныхъ твореній слишкомъ національны и своеобразно-чужды европейцамъ, чтобы, несмотря на всѣ достоинства, такія произведенія могли быть оцѣнены тамъ должнымъ образомъ. Какъ сообщаетъ, напримѣръ, послѣдній нумеръ извѣстной *Academy* (отъ 11-го апрѣля 91 г.), только-что появился *въ первый разъ* по-англійски (въ пер. Гартъ-Дэвиса) безсмертный „Ревизоръ" Гоголя. Критикъ (вѣроятно, извѣстный проф. Морфиль), отдавая должную справедливость хорошему качеству перевода и достоинствамъ произведенія, тѣмъ не менѣе рѣшительно заявляетъ, что *„оно не будетъ оцѣнено въ Англіи*, ибо изображенное въ комедіи общество и его нравы слишкомъ для насъ чужды" (изъ всѣхъ персонажей только одинъ Осипъ вызываетъ симпатіи англійскаго критика. Во Франціи насъ понимаютъ и цѣнятъ еще менѣе, можетъ быть, чѣмъ даже въ Англіи: извѣстно, какое фіаско, именно благодаря полному недоразумѣнію и непониманію, потерпѣла на парижской сценѣ „Гроза" Островскаго, одно изъ наилучшихъ его произведеній; до настоящаго времени ни одна опера русскаго композитора не удостоилась постановки на парижской сценѣ. „Жизнь за Царя" была поставлена лишь въ Ниццѣ и всего вѣроятнѣе по той причинѣ, которая нашего же поэта заставила дать ей эпитетъ „губернскій русскій городъ Ницца!"... Далѣе, по словамъ парижскаго корреспондента „*Московск. Вѣдом.*" (отъ 14-го апрѣля 1891 г.), „одинъ *авторитетный* французскій писатель чуть не три года уговаривалъ какого-то парижскаго книгопродавца, пока склонилъ его рискнуть изданіемъ перевода „Войны и Мира" графа Толстаго; согласился ли бы тотъ, спрашиваетъ корреспондентъ, если бы превходила еще необходимость особыхъ переговоровъ да разрѣшеній? Съ тѣхъ поръ переведено многое, но было ли бы это многое переведено, если бы требовалось, не говорю ужъ особое вознагражденіе, но канитель переписки, условій, соглашеній..."

Едва ли послѣ такихъ фактовъ можетъ быть еще рѣчь о равенствѣ интересовъ договаривающихся сторонъ: всѣ выгоды подобной конвенціи достанутся иностранцамъ, и огромныя невыгоды, грозящія задержкой правильному развитію народнаго просвѣщенія, придутся на нашу долю...

Но этими соображеніями далеко не исчерпываются всѣ доводы, которые можно привести противъ заключенія Россіей подобной литературной конвенціи. Во Франціи, напримѣръ, законъ о литературной собственности давно существуетъ и выработанъ въ подробностяхъ, о которыхъ мы и не имѣемъ даже понятія. Нашъ законъ въ этомъ отношеніи крайне несовершененъ, неполонъ, и наша публика просто не привыкла къ той строгости проявленія охраны правъ литературной и художественной собственности, которая характеризуетъ западную Европу. Что бы у насъ сказали, напримѣръ, если бы пришлось за каждую пѣсенку, исполненную не только въ концертѣ, но даже и въ балаганѣ на шарманкѣ, платить въ каждомъ случаѣ авторскій или издательскій гонораръ? Законъ этотъ примѣняется во Франціи при содѣйствіи нѣсколькихъ прекрасно организованныхъ Обществъ и многочисленныхъ агентовъ у себя и за границей, а между тѣмъ, у себя въ Россіи, кромѣ кружка драматическихъ писателей, мы не имѣемъ ничего подобнаго. Кто будетъ слѣдить также за интересами небольшой кучки русскихъ авторовъ за-границей, когда ихъ права литературной собственности, въ тѣсномъ смыслѣ, плохо соблюдаются и у себя на родинѣ и притомъ, большею частью, безъ всякаго съ ихъ стороны протеста? Иностранцы не могутъ же требовать и ожидать отъ насъ, конечно, болѣе тѣхъ правъ и обыкновеній, къ которымъ мы привыкли у себя дома. Русскіе писатели,—можно ручаться за большинство,—рѣшительно ничего не имѣютъ противъ безплатнаго перевода ихъ произведеній на иностранные языки: это, можно сказать откровенно, доставляетъ имъ въ большинствѣ случаевъ лишь одно удовольствіе; справедливо ли послѣ того русской публикѣ по однородному поводу платить за такіе же переводы иностраннымъ писателямъ, и безъ того зарабатывающимъ, большею частью, несравненно лучшее вознагражденіе въ сравненіи съ ихъ русскими собратіями?

Въ случаѣ заключенія подобной конвенціи на переводы,

единственной въ Россіи выигрывающей стороной могутъ быть, конечно, помимо небольшого кружка беллетристовъ, переводимыхъ на иностранные языки, тѣ наши писатели и ученые, которые нынѣ встрѣчаютъ извѣстную конкуренцію въ иностранныхъ переводахъ соотвѣтственныхъ произведеній. Когда придется издателямъ и редакторамъ сноситься съ каждымъ иностранцемъ, произведеніе котораго желаютъ перевести, и платить ему, то, естественно, можетъ увеличиться спросъ на русскія произведенія, а черезъ то поднимется и авторскій гонораръ. Но дѣло въ томъ, что мы, русскіе писатели и ученые (можно опять-таки ручаться за огромное большинство), именно и не желаемъ купить эти возможныя для себя выгоды дорогой цѣной крупныхъ жертвъ для народнаго образованія ста слишкомъ милліоновъ, населяющихъ нашу родину. Всякій умственный трудъ долженъ вызываться внутренними мотивами и духовными потребностями, а не одними матеріальными соображеніями. Въ то время, когда въ ремеслѣ и торговлѣ вопросъ о вознагражденіи и прибыли является рѣшающимъ моментомъ, для писателя и художника онъ отодвигается на второй планъ, и хотя въ силу жизненной необходимости сдѣлался потребностью, но всегда долженъ уступать мѣсто интересамъ общаго блага, котораго писатели и художники равно являются служителями. Таково идеальное представленіе о задачахъ литературной дѣятельности, очевидно, имѣющее мало общаго съ тою „дѣятельностью въ литературныхъ кружкахъ“, предметомъ которой послужила описанная выше картинка изъ журнала *Life*. Но какъ ни часто однако житейскій опытъ расходится съ идеальными требованіями, въ данномъ случаѣ замѣчается одна характерная черта, рѣзко отличающая къ ея чести русскую печать: органы самаго различнаго направленія, какъ мы видѣли, различныхъ мнѣній на большинство государственныхъ и общественныхъ вопросовъ проявляютъ въ данномъ случаѣ рѣдкое единодушіе и одинаково рѣшительно высказываются противъ заключенія подобнаго международнаго договора, касающагося права переводовъ.

Гг. французскіе писатели, агитирующіе всегда такъ усердно въ пользу этой конвенціи, могутъ, конечно, сдѣлать нѣсколько упрековъ и возраженій по нашему адресу ссылкой на необхо-

димость уваженія правъ чужой собственности и святости ихъ соблюденія. На это мы можемъ отвѣтить одно: во-первыхъ, является еще спорнымъ въ нашихъ глазахъ вопросъ, сохраняется ли право автора на его произведеніе, переведенное при помощи чужого труда и таланта на чуждый для автора языкъ, котораго онъ даже не понимаетъ? Мы склонны скорѣе думать, согласно съ существующимъ у насъ порядкомъ, что переводъ является самостоятельнымъ произведеніемъ и что права автора ограничиваются изданіемъ книги лишь на его родномъ языкѣ (если, конечно, онъ не позаботится самъ перевести ее на чужой) и притомъ изданной, какъ благоразумно рѣшаетъ, мы видѣли, американскій законъ 4 марта 1891 года, лишь въ своей собственной странѣ. Но это уже составляетъ вопросъ покровительственной политики, и нѣкоторыя отступленія, разумѣется, диктуются тутъ только началами возмездія и соотвѣтствующихъ по выгодѣ уступокъ.

II.

Читателю, можетъ быть, приходилось когда-нибудь присутствовать или даже участвовать въ объясненіяхъ съ иностранцемъ, который ни слова не понимаетъ по-русски и языкъ котораго въ свою очередь для всѣхъ присутствующихъ неизвѣстенъ. Сначала каждый пробуетъ говорить на своемъ родномъ языкѣ, затѣмъ испытываются поочередно всѣ знакомые иностранные языки и происходитъ своего рода международное смѣшеніе языковъ, иногда сопровождаемое комическими недоумѣніями и сюрпризами. Кажется, вотъ-таки, наконецъ, мы поняли другъ друга; всѣ довольны, киваютъ головами и весело улыбаются, но, увы, едва дошло дѣло до практическаго осуществленія взаимно-понятой, якобы, мысли, какъ обнаруживается фактически лишь полнѣйшее недоразумѣніе и непониманіе одинаково какъ взаимныхъ желаній, такъ и интересовъ!!!

Такой случай мнѣ невольно пришелъ въ голову по поводу столь извѣстнаго открытаго письма Золя къ русской печати, помѣщеннаго въ „*Le Temps*“ отъ 12 (24)-го декабря 1894 г. и появившагося въ извлеченіяхъ или переводѣ во всѣхъ нашихъ газетахъ. Какъ всѣмъ извѣстно, Золя выступаетъ въ этомъ

письмѣ въ качествѣ президента „Société des gens de lettres“ съ энергическимъ воззваніемъ, обращеннымъ къ представителямъ нашей прессы, русскимъ писателямъ, о необходимости заключить литературную конвенцію, обезпечивающую авторскія права на переводы. Конечно, въ своемъ обращеніи Золя думаетъ и чувствуетъ какъ французъ или, точнѣе, какъ французскій писатель, еще находящійся подъ впечатлѣніемъ недавняго „братскаго поцѣлуя“ и наивно полагающій, что мы, русскіе представители печати, непремѣнно думаемъ одинаково съ нимъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы, русскіе, во многихъ отношеніяхъ думаемъ совершенно иначе, и наши исходныя точки совсѣмъ иныя, нежели у Золя, и, естественно, приводятъ къ другимъ выводамъ. Отсюда проистекаетъ лишь полное непониманіе другъ друга, какъ въ разговорѣ между людьми на иностранныхъ языкахъ, взаимно незнакомыхъ говорящимъ...

Въ самомъ дѣлѣ, въ аргументаціи Золя три важнѣйшихъ пункта, которые онъ выставляетъ какъ бы для того, чтобы сокрушить всякую оппозицію противъ заключенія франко-русской конвенціи. Во-первыхъ, русскіе писатели, утверждаетъ Золя, больше всего терпятъ отъ настоящаго порядка вещей (т. е. отсутствія конвенціи) и, слѣдовательно, имъ-то и надлежитъ больше всего стремиться къ ея заключенію. Во-вторыхъ, благодаря свободѣ и безплатности переводовъ, русскіе единовременно выпускаютъ четырнадцать изданій „Débâcle“; большею частью въ неудовлетворительныхъ переводахъ, такъ что ни одинъ собственно журналъ не воспользовался какъ слѣдуетъ этой „новинкой“. Такимъ образомъ, интересъ русскихъ журналовъ, по его мнѣнію, заключается опять таки въ поддержкѣ дѣла конвенціи. Наконецъ, въ 3-хъ, аргументируетъ Золя со словъ г. Суворина, и русскіе издатели лишены возможности расширять кругъ своей дѣятельности, потому что ихъ склады завалены будто бы переводами иностранныхъ романовъ. Такимъ образомъ, русскіе писатели, русскіе журналы и русскіе издатели, по мнѣнію Золя, одинаково заинтересованы своимъ карманомъ въ измѣненіи настоящаго порядка, т. е. въ установленіи платы авторамъ за право ихъ перевода; а отсюда, слѣдовательно, въ томъ же является заинтересованнымъ и весь русскій народъ, а русское правительство, думаетъ Золя, должно,

конечно, поспѣшить исполнить желаніе своего народа и тѣмъ доставить авторамъ, издателямъ и журналамъ обѣихъ странъ значительное увеличеніе ихъ доходовъ!?

Исходная точка всего разсужденія Золя заключается въ отождествленіи частныхъ выгодъ съ общественными или народными интересами: то, что выгодно французскому писателю. издателю и журналисту, ergo то выгодно и всему французскому народу. Этотъ-то силлогизмъ Золя цѣликомъ переноситъ по своему и въ примѣненіи къ Россіи. Между тѣмъ, для насъ русскихъ, является другая отправная точка зрѣнія,—скорѣе совершенно противоположнаго характера—отождествленіе общественнаго интереса съ частнымъ, т. е. то, что выгодно и удовлетворяетъ интересамъ общества или нашего народа, то должно быть хорошо или достаточно для русскаго писателя, издателя и собственника журнала... Мы ни только, напримѣръ, не огорчаемся, что ни одинъ изъ нашихъ журналовъ не захватилъ въ свою исключительную монополію печатаніе такого хорошаго романа, какъ „Débâcle", а напротивъ, очень даже довольны, обратно съ мнѣніемъ автора, что онъ распространился единовременно во многихъ переводахъ на пользу всѣхъ грамотныхъ людей... Такимъ образомъ факты, выставленные Золя, какъ аргументы для заключенія конвенціи, для насъ являются совсѣмъ неубѣдительными и ничего въ сущности не доказываютъ. Мы, русскіе, слишкомъ бѣдны и слишкомъ малограмотны, чтобы дозволить себѣ роскошь собственности на переводы, ради охраны матеріальныхъ интересовъ небольшой кучки нашихъ писателей, издателей и журналистовъ и вопреки самымъ дорогимъ интересамъ стомилліоннаго русскаго народа. Непремѣннымъ результатомъ всякаго подобнаго соглашенія будетъ, конечно, у насъ вздорожаніе книгъ, какъ переводныхъ—потому что въ случаѣ конвенціи никакой авторъ не согласится даромъ дозволить свой переводъ,—такъ и оригинальныхъ русскихъ, вслѣдствіе уменьшенія конкурренціи. Доступъ къ книгамъ уменьшится, а съ нимъ уменьшатся и шансы къ народному образованію, и безъ того у насъ крайне скудные.

Помимо всего сказаннаго, по общему положенію, всякій двухсторонній договоръ предполагаетъ равную выгодность сдѣлки для обѣихъ сторонъ, безъ чего, разумѣется, онъ состояться и

не долженъ. Съ этой именно стороны всякая литературная конвенція Россіи съ Франціей и является невыгодной для первой, какъ слабѣйшей въ литературномъ отношеніи. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о взаимности услугъ. Мы переводимъ со всѣхъ европейскихъ языковъ массу, не только по общей литературѣ, но и по всѣмъ наукамъ; даемъ же обратно иностранцамъ, а въ томъ числѣ французамъ, самое большее по десятку романовъ и брошюръ русскихъ авторовъ, переведенныхъ на ихъ языки. Правда, Золя говоритъ въ своемъ письмѣ, что будто бы французскій книжный рынокъ въ настоящее время „наводненъ" русскими романами не только великихъ, но даже очень скромныхъ авторовъ, но, конечно, это сказано лишь pour la bonne bouche, чтобы сдѣлать комплиментъ писателямъ дружественной націи, а можетъ быть и просто своего рода captatio benevolentiae. Насколько это несправедливо, можно судить косвенно уже по тому, напримѣръ, факту, какъ мало французы нуждаются въ русскихъ книгахъ: въ 1890 г., согласно „Обзору внѣшней торговли", Россія вывезла книгъ за границу (въ Европу и Азію) 18,385 пуд. на сумму 548,000 р., и изъ нихъ на долю Франціи отправлена лишь ничтожная часть въ 189 пуд. (!), тогда какъ получено изъ Франціи въ томъ же году 3,379 пуд., а всего иностранныхъ книгъ привезено къ намъ *болѣе шестидесяти тысячъ пудовъ*, т. е. мы получаемъ изъ Франціи книгъ почти въ 18 разъ больше, нежели отправляемъ; всего же Франція согласно „Annuaire" Мориса Блока, вывозитъ за границу книгъ на сумму $31^1/_2$ милліон. франковъ (около $12^1/_2$ милліоновъ рублей), или Франція производитъ для вывоза книгъ въ 20 слишкомъ разъ больше, нежели Россія.

Но этими соображеніями далеко не ограничиваются всѣ тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ заключенія Россіей подобной конвенціи. Наша публика, какъ упоминалось раньше, вовсе не привыкла къ той строгости охраны правъ литературной и художественной собственности, которую находимъ въ Западной Европѣ и особенно во Франціи. Члены того литературнаго общества, которые избрали Золя президентомъ и, вѣроятно, заставили его написать свое письмо къ представителямъ русской печати, очевидно, не желаютъ довольствоваться тѣми значительными барышами, которые и безъ того они получаютъ, наравнѣ съ Золя,

отъ продажи книгъ въ Россіи на родномъ языкѣ авторовъ, но желаютъ имѣть нѣчто и отъ переводовъ на русскій языкъ. Между тѣмъ, въ этомъ-то именно отношеніи и замѣчается существенная разница нашихъ воззрѣній съ французскими, уничтожающая въ корнѣ возможность взаимности: французы исходятъ изъ началъ частнаго права, а мы русскіе—публичнаго; первые защищаютъ права собственности, вторые—народнаго образованія.... Кромѣ того, спрашивается, справедливо ли будетъ требовать отъ издателя, а косвенно и отъ русской публики,—платежей въ пользу иностранныхъ авторовъ за то самое, что русскіе писатели охотно отдаютъ даромъ? Однимъ словомъ, авторское право на переводы—не въ нравахъ Россіи, и создавать его въ угоду французскихъ литераторовъ значило бы слишкомъ дорого платить за „братскій поцѣлуй“ и недавнее сближеніе. Впрочемъ, самому Золя хорошо извѣстна, какъ видно изъ письма, широкая свобода переводовъ для изданій русскихъ произведеній, напр., на страницахъ французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ въ самомъ Петербургѣ, и онъ поступаетъ слишкомъ неосторожно, называя столь важный вопросъ, какъ народный обычай и законъ, дѣломъ побочнымъ и второстепеннымъ (questions secondaires)....

Насколько существенны для нашихъ читателей, въ свою очередь, иностранные переводы, многочисленныя данныя для того представляетъ интереснѣйшій докладъ Н. А. Рубакина „О книжномъ оскудѣніи“: по этимъ даннымъ, имъ собраннымъ, напр., Густавъ Эмаръ, читался въ нижегородской библіотекѣ въ $1^1/_2$ раза больше Щедрина, Монтепэнъ больше Островскаго, Гоголя, Некрасова, Пушкина, Гончарова и др. классиковъ, въ 3 раза больше Лермонтова и въ 5 разъ больше Жуковскаго!!!

Въ заключеніе, помимо всѣхъ прочихъ высказанныхъ соображеній, существуетъ одинъ аргументъ наиболѣе вѣскій, даже неоспоримый: какъ бы ни были важны извѣстные интересы частныхъ лицъ, но они всегда и повсюду стушевываются, пренебрегаются и приносятся въ жертву, когда приходятъ въ коллизію съ общественной и государственной пользой; таково общее правило всякой раціональной политики въ Россіи, какъ и во Франціи. Между тѣмъ, если указанный вопросъ поставить на эту почву, то онъ представится уже въ такомъ видѣ: съ одной стороны—сомнительныя права и карманные интересы нѣсколь-

кихъ тысячъ иностранныхъ писателей; съ другой стороны—несомнѣнныя права и существенные интересы народнаго просвѣщенія сотенъ милліоновъ настоящаго и будущаго населенія нашего обширнаго отечества, призваннаго судьбами вносить образованіе и распространять его въ отдаленные края Азіи, а не запирать его доступъ, конечно, въ то же время съ запада подобными самоубійственными договорами въ угоду иностранцамъ... Рѣшеніе и выводъ изъ этой альтернативы ясенъ и понятенъ: „Salus populi—suprema lex!!.“

III.

Если бы какой нибудь досужій практикъ-финансистъ вздумалъ предложить *налогъ на народное образованіе* въ формѣ, наприм., сбора по гривеннику съ каждаго экземпляра сочиненія въ странѣ, то, несомнѣнно, такое предложеніе встрѣтило бы въ печати единодушный отпоръ и оппозицію. Всѣ, безъ различія партій и взглядовъ, за исключеніемъ развѣ новѣйшихъ Скалозубовъ, одинаково высказались бы противъ подобнаго поползновенія увеличить у насъ цѣну книгъ и тѣмъ, естественно, задержать ихъ распространеніе въ народѣ. Поступая такимъ образомъ,—стали бы утверждать многочисленные оппоненты налога,—государство посягаетъ на наиболѣе священное право каждаго подданнаго, — право на образованіе, затрудняя къ нему доступъ путемъ вздорожанія книгъ. Правда, въ наиболѣе протективныхъ странахъ, какъ Соединенные Штаты и Россія, существуютъ таможенныя пошлины на книги, но лишь на своихъ языкахъ, въ видахъ покровительства собственному книгопечатанію, съ большими ограниченіями, и притомъ эти пошлины повсюду осуждаются.

Слава Богу, ни одинъ финансистъ до сихъ поръ такого предложенія еще однако не дѣлалъ, а то едва ли бы встрѣтилъ успѣхъ. Но за то совершенно одинаковый по послѣдствіямъ налогъ на книги, хотя и не въ пользу казны, предложилъ г. Пиленко въ *Новомъ Времени* (№ 6405 93 г.), защищая съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, необходимость для Россіи заключенія литературной конвенціи на переводы, предложенной недавно

Золя. „Не будемъ близоруки,—восклицаетъ г. Пиленко,—не станемъ изъ-за *лишняго гривенника* на экземпляръ переводныхъ изданій губить будущее нашей литературы и книжной промышленности". Остановимся и разберемъ его аргументацію подробнѣе".

Всѣ доводы г. Пиленко сводятся, одинаково съ извѣстнымъ письмомъ Золя, къ тому, что свобода перевода или, какъ онъ называетъ ее устрашенія ради,—„свобода международной контрфакціи", въ равной степени вредитъ интересамъ русскихъ авторовъ, русскихъ издателей и русскихъ журналовъ. Первые натурально терпятъ отъ конкурренціи переводныхъ писателей, вторые, т. е. издатели, на несчастномъ положеніи которыхъ г. Пиленко болѣе всего останавливается („Wo der Hund begraben ist"), страдаютъ отъ загроможденія витринъ ихъ магазиновъ переводными романами и существованія „другого контрфактора", т. е. той же конкурренціи свободнаго перевода и изданія или, говоря иначе, вслѣдствіе отсутствія, при существующемъ нынѣ порядкѣ, возможности для русскаго издателя *захватить переводъ какой либо ходкой, въ торговомъ отношеніи, иностранной книги въ свое исключительное владѣніе или монополію*. Наконецъ, русскіе журналы наполнены массой переводныхъ произведеній, что немало также возмущаетъ патріотическія чувства нашего автора и газеты, въ которой онъ напечаталъ свои двѣ статьи (см. также №№ 6415 и 6417).

Что касается до авторовъ русскихъ книгъ, къ числу которыхъ я самъ имѣю честь принадлежать и среди нихъ всю свою жизнь вращаюсь, то я ни разу въ теченіе жизни не слышалъ ни одной жалобы съ ихъ стороны на самовольный переводъ ихъ произведеній на иностранные языки, хотя произведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ переводились безъ спроса иностранцами (въ томъ числѣ такимъ же образомъ переведены были и мои двѣ книги). Однимъ словомъ, русскіе писатели, обратно съ ихъ французскими собратьями, ничѣмъ не заявляютъ до сихъ поръ ихъ недовольства на безплатный переводъ на чужіе языки или желанія измѣнить настоящее положеніе. Если г-ну Пиленко извѣстно достаточное количество обратныхъ случаевъ, то весьма желательно было бы въ интересахъ дѣла, имъ поднятаго, видѣть ихъ опубликованными. Мнѣ лично извѣстенъ лишь одинъ

случай—судебный искъ г. Каразина, но и тотъ былъ направленъ, помнится, противъ петербургской же нѣмецкой газеты за переводъ и перепечатку его произведенія. Совершенно напротивъ съ этимъ, мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ русскихъ ученыхъ выраженіе искренняго сожалѣнія о томъ, что иностранцы такъ мало и такъ рѣдко переводятъ русскія книги, почему наши авторы научныхъ изслѣдованій часто теряютъ въ европейской литературѣ, оставаясь совершенно неизвѣстными, права первенства на тѣ или иныя ученыя новинки или выводы, ими открытые, а черезъ нѣсколько лѣтъ иногда повторяемые за границей, какъ послѣднее слово въ данномъ отношеніи французской или нѣмецкой ученой знаменитости! Поэтому же, наконецъ, многіе русскіе ученые въ послѣднее время вынуждены, написавши хорошую книгу на русскомъ языкѣ и не находя безплатно иностранныхъ издателей, затрачивать собственныя значительныя средства на переводъ ихъ, или переводить и печатать самимъ на иностранномъ языкѣ. иногда съ затратой значительнаго новаго труда совершенно безвозмездно. Я бы могъ привести даже примѣры совсѣмъ непонятнаго упорства со стороны иностранныхъ издателей не принимать для выпуска безплатные переводы наиболѣе громкихъ изъ нашихъ ученыхъ писателей и публицистовъ.

Что касается до переполненія нашихъ журналовъ иностранными переводами, что̀ составляетъ несомнѣнную истину, то это явленіе всецѣло, конечно, зависитъ отъ скудости нашей литературы, особенно научной, и сознаться въ собственномъ недостаткѣ гораздо достойнѣе, нежели его замолчивать или отрицать, потому уже, что сомнѣніе есть прежде всего корень всякаго знанія. Хорошія иностранныя произведенія, конечно, гораздо лучше удовлетворятъ требованіямъ читателя, нежели плохія русскія; въ случаѣ же равнаго достоинства ни одинъ журналъ не будетъ колебаться въ предпочтеніи своего русскаго. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, какъ сдѣлалъ это г. Пиленко, трактуя вопросъ о литературной конвенціи, о судьбѣ наиболѣе многочисленной, а въ то же время наименѣе обезпеченной у насъ категоріи журнальныхъ и книжныхъ работниковъ,—участи тысячи переводчиковъ и переводчицъ съ иностранныхъ языковъ, въ случаѣ заключенія литературной конвенціи на пере-

Золя. „Не будемъ близоруки,—восклицаетъ г. Пиленко,—не станемъ изъ-за *мишняго гривенника* на экземпляръ переводныхъ изданій губить будущее нашей литературы и книжной промышленности". Остановимся и разберемъ его аргументацію подробнѣе".

Всѣ доводы г. Пиленко сводятся, одинаково съ извѣстнымъ письмомъ Золя, къ тому, что свобода перевода или, какъ онъ называетъ ее устрашенія ради,—„свобода международной контрфакціи", въ равной степени вредитъ интересамъ русскихъ авторовъ, русскихъ издателей и русскихъ журналовъ. Первые натурально терпятъ отъ конкурренціи переводныхъ писателей, вторые, т. е. издатели, на несчастномъ положеніи которыхъ г. Пиленко болѣе всего останавливается („Wo der Hund begraben ist"), страдаютъ отъ загроможденія витринъ ихъ магазиновъ переводными романами и существованія „другого контрфактора", т. е. той же конкурренціи свободнаго перевода и изданія или, говоря иначе, вслѣдствіе отсутствія, при существующемъ нынѣ порядкѣ, возможности для русскаго издателя *захватить переводъ какой либо ходкой, въ торговомъ отношеніи, иностранной книги въ свое исключительное владѣніе или монополію*. Наконецъ, русскіе журналы наполнены массой переводныхъ произведеній, что немало также возмущаетъ патріотическія чувства нашего автора и газеты, въ которой онъ напечаталъ свои двѣ статьи (см. также №№ 6415 и 6417).

Что касается до авторовъ русскихъ книгъ, къ числу которыхъ я самъ имѣю честь принадлежать и среди нихъ всю свою жизнь вращаюсь, то я ни разу въ теченіе жизни не слышалъ ни одной жалобы съ ихъ стороны на самовольный переводъ ихъ произведеній на иностранные языки, хотя произведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ переводились безъ спроса иностранцами (въ томъ числѣ такимъ же образомъ переведены были и мои двѣ книги). Однимъ словомъ, русскіе писатели, обратно съ ихъ французскими собратьями, ничѣмъ не заявляютъ до сихъ поръ ихъ недовольства на безплатный переводъ на чужіе языки или желанія измѣнить настоящее положеніе. Если г-ну Пиленко извѣстно достаточное количество обратныхъ случаевъ, то весьма желательно было бы въ интересахъ дѣла, имъ поднятаго, видѣть ихъ опубликованными. Мнѣ лично извѣстенъ лишь одинъ

случай—судебный искъ г. Каразина, но и тотъ былъ направленъ, помнится, противъ петербургской же нѣмецкой газеты за переводъ и перепечатку его произведенія. Совершенно напротивъ съ этимъ, мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ русскихъ ученыхъ выраженіе искренняго сожалѣнія о томъ, что иностранцы такъ мало и такъ рѣдко переводятъ русскія книги, почему наши авторы научныхъ изслѣдованій часто теряютъ въ европейской литературѣ, оставаясь совершенно неизвѣстными, права первенства на тѣ или иныя ученыя новинки или выводы, ими открытые, а черезъ нѣсколько лѣтъ иногда повторяемые за границей, какъ послѣднее слово въ данномъ отношеніи французской или нѣмецкой ученой знаменитости! Поэтому же, наконецъ, многіе русскіе ученые въ послѣднее время вынуждены, написавши хорошую книгу на русскомъ языкѣ и не находя безплатно иностранныхъ издателей, затрачивать собственныя значительныя средства на переводъ ихъ, или переводить и печатать самимъ на иностранномъ языкѣ. иногда съ затратой значительнаго новаго труда совершенно безвозмездно. Я бы могъ привести даже примѣры совсѣмъ непонятнаго упорства со стороны иностранныхъ издателей не принимать для выпуска безплатные переводы наиболѣе громкихъ изъ нашихъ ученыхъ писателей и публицистовъ.

Что касается до переполненія нашихъ журналовъ иностранными переводами, что̀ составляетъ несомнѣнную истину, то это явленіе всецѣло, конечно, зависитъ отъ скудости нашей литературы, особенно научной, и сознаться въ собственномъ недостаткѣ гораздо достойнѣе, нежели его замолчивать или отрицать, потому уже, что сомнѣніе есть прежде всего корень всякаго знанія. Хорошія иностранныя произведенія, конечно, гораздо лучше удовлетворятъ требованіямъ читателя, нежели плохія русскія; въ случаѣ же равнаго достоинства ни одинъ журналъ не будетъ колебаться въ предпочтеніи своего русскаго. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, какъ сдѣлалъ это г. Пиленко, трактуя вопросъ о литературной конвенціи, о судьбѣ наиболѣе многочисленной, а въ то же время наименѣе обезпеченной у насъ категоріи журнальныхъ и книжныхъ работниковъ,—участи тысячи переводчиковъ и переводчицъ съ иностранныхъ языковъ, въ случаѣ заключенія литературной конвенціи на пере-

воды. Нѣтъ сомнѣнія, какъ этого добивается и авторъ разбираемой статьи, количество переводовъ на русскій языкъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ сразу и немедленно уменьшится въ весьма сильной степени. Множество лицъ литературной богемы, и въ настоящее время кое-какъ перебивающейся то переводомъ, то перепиской, то подачками литературнаго фонда, останутся тогда совсѣмъ безъ куска хлѣба. Если въ настоящее время въ Москвѣ возможно найти переводчика за пять рублей съ листа, т. е. за недѣльный трудъ, то при конвенціи эта плата упадетъ еще ниже, до стоимости, можетъ быть, „угла“ и ржаного хлѣба, необходимаго для пропитанія одного человѣка!

Наконецъ, остается еще одинъ классъ лицъ, интересы которыхъ въ значительной степени затронетъ заключеніе литературной конвенціи, это—издатели книгъ и журналовъ, которые дѣйствительно много проигрываютъ при существующемъ порядкѣ (по крайней мѣрѣ—часть ихъ) отъ свободы перевода или „другаго контрфактора“ по терминологіи г. Пиленка: едва одинъ издатель затѣялъ переводъ большого сочиненія, надѣясь зацѣпить деньгу, въ родѣ перевода „Débâcle“, какъ вдругъ явилось десять конкуррентовъ, и книга вмѣсто рублей продается чуть не за копѣйки, и ни одинъ русскій журналъ, сокрушается Золя, не воспользовался, какъ слѣдуетъ, новинкой (qu'aucun journal ne bénéficia réellement de la primeur)! Сожалѣніе это вполнѣ понятно съ точки зрѣнія Золя и издателей, но совершенно непримѣнимо къ интересамъ русскаго народа, который лишь выигралъ, платя копѣйки тамъ, гдѣ при конвенціи заплатитъ рубли.

Г. Пиленко вслѣдъ за Золя утѣшаетъ русскій народъ за этотъ новый налогъ, который онъ заплатитъ въ пользу иностранныхъ авторовъ, улучшеніемъ будто бы качества переводовъ и изданія, а также и лучшимъ выборомъ переводимыхъ книгъ; свобода переводовъ, по его мнѣнію, вноситъ въ нашу жизнь „ядовитую струю антиэстетичныхъ вліяній“, вредъ которыхъ уравновѣшиваетъ-де пользу отъ дешевизны. Посмотримъ, справедливо ли это утвержденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время переводъ и изданіе книги (помимо цензурныхъ соображеній) является у насъ дѣломъ очень легкимъ и мало рискованнымъ. Почти любой желающій, по крайней мѣрѣ въ обѣихъ столицахъ, можетъ весьма удобно пристроить сдѣлан-

ный имъ или пріобрѣтенный переводъ мало-мальски интересной иностранной книги: при существованіи довольно значительной конкурренціи въ типографскомъ дѣлѣ сравнительно не трудно получить въ кредитъ какъ печатаніе, такъ даже и бумагу; останется лишь забота о распространеніи книги. Картина совершенно измѣнится, конечно, съ заключеніемъ конвенціи. Тогда понадобится сноситься съ агентомъ или авторомъ, испрашивая его согласіе и уплачивая требуемый гонораръ, иногда весьма значительный: какъ видно, напримѣръ, изъ недавнихъ разоблаченій англійскихъ газетъ, директоръ одного англійскаго театра (Банкрофтъ) заплатилъ театральному агенту за три переводныя піесы французскаго драматурга Сарду всего 37,500 франковъ, изъ которыхъ агентъ уплатилъ автору 10,000, а остальные спокойно положилъ въ свой карманъ! Очевидно, у насъ найдется немного издателей, располагающихъ свободно такими суммами для уплаты авансомъ подобныхъ гонораровъ и желающихъ нести рискъ. Такимъ образомъ, первымъ послѣдствіемъ конвенціи будетъ у насъ, такъ сказать, дифференціація книжно-издательскаго дѣла; издательство сосредоточится въ немногихъ рукахъ крупныхъ капиталистовъ или компаній; все дѣло будетъ до извѣстной степени монополизировано и поставлено на коммерческую ногу со всѣми хорошими и дурными сторонами этого явленія. При благопріятныхъ для публики условіяхъ она можетъ выиграть на внѣшнемъ достоинствѣ изданія; при неблагопріятныхъ же условіяхъ (а для этого, т. е. для относительной монополизаціи, имѣются у насъ всѣ данныя) все останется по старому, и публика, платя болѣе дорогую цѣну за книги, будетъ получать такой же продуктъ, какъ и прежде, т. е. такого же качества изданіе и переводъ. Конкурренція переводчиковъ, оставшихся безъ хлѣба, уронитъ непремѣнно ихъ сдѣльный заработокъ, а это обстоятельство можетъ вредно даже отразиться и на качествѣ ихъ работы. Обезпеченные конвенціей наши издатели, съ другой стороны, получатъ возможность, можетъ быть, выпускать на свѣтъ многіе дорогіе переводы иностранныхъ книгъ (напр., Editions de Luxe), къ которымъ нынѣ при нашемъ laissez faire въ этомъ отношеніи они не рискуютъ приступать, но большинство книгъ и для большой публики, несомнѣнно, останется въ томъ же видѣ — будутъ одинаково ча-

сто, какъ и теперь, встрѣчаться дурные переводы и изданія, какъ и хорошіе. Фактическая монополія издательскаго дѣла скорѣе вызоветъ, пожалуй, обратное явленіе, т. е. халатность и усиленную небрежность издателей, какъ отсутствіе конкурренціи и увѣренность въ барышахъ.

Не слѣдуетъ забывать также, что значительная часть лучшихъ переводовъ на русскій языкъ является въ настоящее время дѣломъ не профессіональныхъ издателей, а случайныхъ, или лицъ, далекихъ даже отъ всякихъ коммерческихъ цѣлей въ этомъ дѣлѣ. Множество научныхъ книгъ, напримѣръ, при всѣхъ университетахъ переводится студентами подъ руководствомъ и указаніемъ профессоровъ, издаются самымъ дешевымъ способомъ, большею частью въ кредитъ или даже на казенный счетъ. При установленіи конвенціи, дѣло изданія этихъ, повторяю, лучшихъ переводовъ настолько осложнится переговорами о согласіи авторовъ и уплатой имъ гонорара, что можно сказать навѣрное, что число такихъ изданій сократится, по крайней мѣрѣ, на три четверти, и общая въ Россіи сумма хорошихъ изданій научныхъ сочиненій, слѣдовательно, обратно съ завѣреніями г. Пиленка, скорѣе уменьшится, а не увеличится, къ явному ущербу народнаго образованія. Подобныя книги, за исключеніемъ развѣ учебниковъ, отнюдь не представляютъ ходкаго и вѣрнаго товара въ торговомъ оборотѣ, и господа издатели по профессіи за нихъ берутся неохотно даже и теперь, а при будущей концентраціи издательскаго дѣла, разумѣется, и того меньше.

Напрасно думаютъ также при этомъ, что иностранные авторы ученыхъ произведеній совсѣмъ будутъ отказываться отъ гонорара за переводъ своихъ книгъ или захотятъ удовольствоваться лишь ничтожнымъ: какъ общее правило, ученый трудъ вездѣ вообще вознаграждается гораздо хуже, нежели трудъ, напримѣръ, беллетристовъ, а потому скорѣе можно ожидать обратнаго. Получивъ просьбу о разрѣшеніи перевода на свою книгу, многіе иностранцы - ученые, не зная условій нашего книжнаго оскудѣнія и ничтожности спроса на серьезныя книги, заломятъ за свои произведенія тѣ же цѣны, которыя получаютъ гдѣ-нибудь въ Германіи или Англіи. Два раза я переводилъ лично научныя книги на русскій языкъ, каждый разъ изъ вѣжливости обращаясь къ иностраннымъ авторамъ съ увѣдомленіемъ о томъ,

и каждый разъ я получалъ отъ нихъ въ отвѣтъ запросъ о размѣрахъ вознагражденія, и только категорическое указаніе на отсутствіе конвенціи и неимѣніе необходимыхъ для того средствъ по изданію устраняли требованіе о гонорарѣ. Излишне добавить къ этому, что немногіе у насъ профессіональные издатели, совсѣмъ не преслѣдующіе торговыхъ цѣлей при изданіи, какъ, напримѣръ, г. Солдатенковъ, подарившій русской публикѣ столько замѣчательныхъ иностранныхъ произведеній, безъ него никогда не появившихся бы на русскомъ языкѣ, нѣтъ сомнѣнія, всего чувствительнѣе потерпятъ отъ заключенія такой конвенціи, а черезъ то, конечно, и вся наша читающая публика. Такіе издатели (а на первомъ планѣ между ними стоитъ сама казна) вынуждены будутъ ради уплаты новаго налога на народное образованіе или увеличить свой расходъ на издательство, или (что будетъ скорѣе всего) значительно сократить число подобныхъ изданій къ ущербу интересовъ своего народа.

Таковы вѣроятные результаты проектированнаго налога по *гривенничку* на экземпляръ переводной книги, который г. Пиленко съ легкимъ духомъ предлагаетъ наложить на русскій народъ въ интересахъ иностранныхъ писателей (обезпеченныхъ и безъ того недурно, сравнительно съ нашими) и небольшой кучки будущихъ русскихъ монополистовъ-издателей; но разсчетъ г. Пиленко относительно будущаго вздорожанія книгъ на гриненникъ, разумѣется, лишь примѣрный, и, если онъ обчелся, и его гривенникъ превратится въ цѣлковый-рубль, то соотвѣтственно, конечно, увеличится въ будущемъ и описанное зло литературной конвенціи, столь вредное для самыхъ насущныхъ интересовъ просвѣщенія русскаго народа. Но допустимъ даже, что цѣна иностраннымъ книгъ, по заключеніи конвенціи, возрастетъ у насъ дѣйствительно лишь ровно на этотъ пресловутый гривенникъ— ни болѣе, ни менѣе. Каждому читателю вполнѣ понятно однако, что лишній расходъ на гривенникъ при покупкѣ книги будетъ чувствоваться весьма разно: для насъ, напримѣръ, съ г. Пиленко этотъ гривенникъ, положимъ, окажется сущими пустяками, но для какого-либо бѣднаго студента этотъ гривенникъ будетъ составлять уже нѣчто—въ его скудномъ бюджетѣ (цѣлыхъ полъобѣда!), для грамотнаго же мастероваго или крестьянина тотъ же гривенникъ, на который вздорожаютъ книги, благодаря но-

сто, какъ и теперь, встрѣчаться дурные переводы и изданія, какъ и хорошіе. Фактическая монополія издательскаго дѣла скорѣе вызоветъ, пожалуй, обратное явленіе, т. е халатность и усиленную небрежность издателей, какъ отсутствіе конкурренціи и увѣренность въ барышахъ.

Не слѣдуетъ забывать также, что значительная часть лучшихъ переводовъ на русскій языкъ является въ настоящее время дѣломъ не профессіональныхъ издателей, а случайныхъ, или лицъ, далекихъ даже отъ всякихъ коммерческихъ цѣлей въ этомъ дѣлѣ. Множество научныхъ книгъ, напримѣръ, при всѣхъ университетахъ переводится студентами подъ руководствомъ и указаніемъ профессоровъ, издаются самымъ дешевымъ способомъ, большею частью въ кредитъ или даже на казенный счетъ. При установленіи конвенціи, дѣло изданія этихъ, повторяю, лучшихъ переводовъ настолько осложнится переговорами о согласіи авторовъ и уплатой имъ гонорара, что можно сказать навѣрное, что число такихъ изданій сократится, по крайней мѣрѣ, на три четверти, и общая въ Россіи сумма хорошихъ изданій научныхъ сочиненій, слѣдовательно, обратно съ завѣреніями г. Пиленка, скорѣе уменьшится, а не увеличится, къ явному ущербу народнаго образованія. Подобныя книги, за исключеніемъ развѣ учебниковъ, отнюдь не представляютъ ходкаго и вѣрнаго товара въ торговомъ оборотѣ, и господа издатели по профессіи за нихъ берутся неохотно даже и теперь, а при будущей концентраціи издательскаго дѣла, разумѣется, и того меньше.

Напрасно думаютъ также при этомъ, что иностранные авторы ученыхъ произведеній совсѣмъ будутъ отказываться отъ гонорара за переводъ своихъ книгъ или захотятъ удовольствоваться лишь ничтожнымъ: какъ общее правило, ученый трудъ вездѣ вообще вознаграждается гораздо хуже, нежели трудъ, напримѣръ, беллетристовъ, а потому скорѣе можно ожидать обратнаго. Получивъ просьбу о разрѣшеніи перевода на свою книгу, многіе иностранцы-ученые, не зная условій нашего книжнаго оскудѣнія и ничтожности спроса на серьезныя книги, заломятъ за свои произведенія тѣ же цѣны, которыя получаютъ гдѣ-нибудь въ Германіи или Англіи. Два раза я переводилъ лично научныя книги на русскій языкъ, каждый разъ изъ вѣжливости обращаясь къ иностраннымъ авторамъ съ увѣдомленіемъ о томъ,

и каждый разъ я получалъ отъ нихъ въ отвѣтъ запросъ о размѣрахъ вознагражденія, и только категорическое указаніе на отсутствіе конвенціи и неимѣніе необходимыхъ для того средствъ по изданію устраняли требованіе о гонорарѣ. Излишне добавить къ этому, что немногіе у насъ профессіональные издатели, совсѣмъ не преслѣдующіе торговыхъ цѣлей при изданіи, какъ, напримѣръ, г. Солдатенковъ, подарившій русской публикѣ столько замѣчательныхъ иностранныхъ произведеній, безъ него никогда не появившихся бы на русскомъ языкѣ, нѣтъ сомнѣнія, всего чувствительнѣе потерпятъ отъ заключенія такой конвенціи, а черезъ то, конечно, и вся наша читающая публика. Такіе издатели (а на первомъ планѣ между ними стоитъ сама казна) вынуждены будутъ ради уплаты новаго налога на народное образованіе или увеличить свой расходъ на издательство, или (что будетъ скорѣе всего) значительно сократить число подобныхъ изданій къ ущербу интересовъ своего народа.

Таковы вѣроятные результаты проектированнаго налога по *гривеннику* на экземпляръ переводной книги, который г. Пиленко съ легкимъ духомъ предлагаетъ наложить на русскій народъ въ интересахъ иностранныхъ писателей (обезпеченныхъ и безъ того недурно, сравнительно съ нашими) и небольшой кучки будущихъ русскихъ монополистовъ-издателей; но разсчетъ г. Пиленко относительно будущаго вздорожанія книгъ на гриненникъ, разумѣется, лишь примѣрный, и, если онъ обчелся, и его гривенникъ превратится въ цѣлковый-рубль, то соотвѣтственно, конечно, увеличится въ будущемъ и описанное зло литературной конвенціи, столь вредное для самыхъ насущныхъ интересовъ просвѣщенія русскаго народа. Но допустимъ даже, что цѣна иностраннымъ книгъ, по заключеніи конвенціи, возрастетъ у насъ дѣйствительно лишь ровно на этотъ пресловутый гривенникъ— ни болѣе, ни менѣе. Каждому читателю вполнѣ понятно однако, что лишній расходъ на гривенникъ при покупкѣ книги будетъ чувствоваться весьма разно: для насъ, напримѣръ, съ г. Пиленко этотъ гривенникъ, положимъ, окажется сущими пустяками, но для какого-либо бѣднаго студента этотъ гривенникъ будетъ составлять уже нѣчто—въ его скудномъ бюджетѣ (цѣлыхъ полъобѣда!), для грамотнаго же мастероваго или крестьянина тотъ же гривенникъ, на который вздорожаютъ книги, благодаря но-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ И КАРТИНКИ.

ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ.

1. Переѣздъ черезъ океанъ.

20-го марта 1893 г. я выѣхалъ изъ Москвы съ почтовымъ поѣздомъ Брестской дороги, направляясь на Чикагскую Выставку. Благополучно, хотя и убійственно медленно и однообразно добрались мы на четвертый день утромъ до Берлина. Предварительно я думалъ ѣхать прямо въ Англію и тамъ уже выбрать пароходъ, на которомъ отправиться въ Нью-Іоркъ. Къ сожалѣнію, маленькое нездоровье задержало насъ въ Берлинѣ и перевернуло всѣ планы вверхъ дномъ. Блуждая по улицамъ германской столицы, мы набрели на контору Аррel'я, агента Гамбургско-американской пароходной компаніи; онъ оказался очень сладкорѣчивымъ господиномъ, который убѣдительно доказывалъ намъ всѣ выгоды и превосходства его компаніи передъ всѣми другими линіями: какъ нѣмецкой—Бременской, такъ и англійскими. На огромномъ суднѣ „Normannia“, которое должно было выйти въ Нью-Іоркъ 13-го апрѣля нов. стиля, какъ разъ оставалась свободной удобная каюта въ двѣ койки по сравнительно недорогой цѣнѣ. Я обратился за совѣтомъ къ мѣстному жителю, берлинскому книгопродавцу, который рѣшительно одобрилъ мой выборъ, предупреждая въ то же время отнюдь не ѣхать на пароходахъ Бременскаго общества, которое прославилось въ послѣднее время своими непрерывными несчастіями на морѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія и думая избѣжать лишнихъ расходовъ поѣздки въ Англію, я взялъ билеты на гамбургскій пароходъ у Аппеля, но увы! скоро былъ наказанъ за измѣну первоначальному плану. Согласно правиламъ нѣмецкихъ пароходныхъ обществъ, отличающихся, обратно съ англійскими, чрезвычайной регламентаціей пассажировъ, я послалъ свой ба-

гажъ прямо въ Гамбургъ на бортъ „Норманіи“, самъ же прибылъ туда заблаговременно, за два дня до отхода ея. Первый визитъ, по остановкѣ въ гостиницѣ, былъ, конечно, въ пароходную контору, чтобы обмѣнять временную квитанцію Аппеля на настоящій пароходный билетъ. Но тутъ насъ ожидалъ непріятный сюрпризъ. Въ конторѣ общества намъ прехладнокровно объявили, что „Норманія“ не пойдетъ и что вчера еще объ этомъ сообщено Аппелю, хотя въ газетахъ никакого объявленія о томъ не было. Такимъ образомъ, пропала недѣля времени, потраченнаго на ожиданіе, и пропали расходы поѣздки въ Гамбургъ. Вмѣсто всякаго вознагражденія, Гамбургско американское общество предложило намъ на выборъ: еще подождать недѣлю и ѣхать на своемъ величайшемъ суднѣ „Fürst Bismark“, или же черезъ три дня на „Servia“, одномъ изъ почтовыхъ пароходовъ, которые отличаются, какъ намъ уже было извѣстно, черепашьимъ ходомъ; и дѣйствительно, „Servia“ еще до сихъ поръ не дошла до Нью-Іорка и ожидается здѣсь, согласно анонсамъ, лишь на пятнадцатый день по ея отплытіи. Понятно, что мы отвергли съ негодованіемъ это предложеніе, которое еще болѣе оттянуло бы нашъ пріѣздъ въ Америку, и потребовали назадъ деньги, внесенныя за билетъ. Съ неохотой намъ ихъ возвратили и еще съ большимъ трудомъ мы выручили свой багажъ, пославши накладную единовременно съ вещами въ ту же контору общества. Съ одной стороны, приходилось доказывать свою личность и собственность на этотъ багажъ, съ другой—такъ какъ кладовая этого общества находится въ части Гамбурга porto-franco, то приходилось, не выѣзжая изъ предѣловъ Германіи, второй разъ отправляться со всѣми вещами въ таможню и подвергаться формальностямъ осмотра, чтобы получить ихъ обратно! Наконецъ, все было кончено, мы добрались до такъ называемаго „парижскаго“ вокзала и съ ближайшимъ курьерскимъ поѣздомъ направились въ Лондонъ, спѣша захватить одинъ изъ ближайшихъ пароходовъ, который долженъ былъ отплыть изъ Ливерпуля черезъ два дня.

Между Европой и Нью-Іоркомъ, главнымъ портомъ и важнѣйшимъ городомъ Сѣверной Америки, сообщеніе поддерживается 29 пароходными обществами, изъ которыхъ 23 регулярно перевозятъ пассажировъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ, конечно,

по нѣскольку большихъ и быстроходныхъ судовъ для этой цѣли, обыкновенно не меньше 3,000 тоннъ вмѣстимости, большею частью съ тремя классами, а иногда и съ двумя. Два изъ такихъ обществъ приходятся на Германію (Гамбургъ и Бременъ), по одному на Голландію, Бельгію, Францію и Италію, и затѣмъ большая часть пассажирскихъ пароходовъ по этому пути подъ англійскимъ и американскимъ флагомъ, плаваетъ между англійскими портами (Ливерпуль, Глазго и Соутсгамптонъ) и Соединенными Штатами Сѣверной Америки. Такимъ образомъ, конкурренція пароходныхъ обществъ наиболѣе сильна въ Англіи, а потому переѣздъ изъ Англіи въ Америку дешевле и удобнѣе всего: въ то время какъ на англійскихъ пароходахъ можно доѣхать до Нью-Іорка въ первомъ классѣ за $12^1/_2$ ф. с., включая полное содержаніе (и даже за $10^1/_2$—на нѣкоторыхъ судахъ), нѣмецкіе пароходы (обѣихъ линій), нынѣшній годъ, подстрекаемые погоней за наживой на счетъ туристовъ на Выставку, возвысили плату за переѣздъ до чрезвычайныхъ размѣровъ 450 марокъ за койку въ первомъ классѣ, т. е. $22^1/_2$ фунта; а такъ какъ переѣздъ отъ Берлина до Лондона обходится во второмъ классѣ желѣзной дороги (лучшимъ путемъ — черезъ Флиссингенъ) менѣе $3^1/_2$ фун. ст., то, очевидно, удовольствіе ѣхать на нѣмецкомъ пароходѣ черезъ Бременъ или Гамбургъ обходится дороже, чѣмъ на $50^0/_0$, противъ пароходовъ англійскихъ, не имѣя за себя рѣшительно никакихъ иныхъ преимуществъ въ смыслѣ быстроты или безопасности, а скорѣе даже наоборотъ.

Наибольшей популярностью между англійскими пароходными компаніями, связывающими Америку съ Европой, пользуются три: White Star Line, между судами котораго находятся два быстрѣйшихъ парохода въ мірѣ—„Teutonic“ и „Majestic“: постройка ихъ обошлась не менѣе четырехъ милліоновъ рублей на каждое судно, а быстрота сообщенія, какъ доказалъ опытъ прошлаго года, между Куинстоуномъ (городъ въ Ирландіи — послѣдній пунктъ въ Европѣ) и Нью-Іоркомъ—менѣе шести сутокъ, при 1,500 пассажирахъ и 2,500 тоннахъ тяжести. Второе популярное общество—Inman Line или, какъ нынче оно переименовано,—American Line, ходитъ подъ американскимъ флагомъ, и его два огромнѣйшихъ и роскошнѣйшихъ парохода „Городъ Парижъ“ и „Городъ Нью-Іоркъ“ въ быстротѣ лишь на нѣсколько ча-

совъ отстаютъ отъ предыдущихъ пароходовъ. Преимущество этой послѣдней линіи заключается въ томъ, что она идетъ изъ Соутсгамптона, а не изъ Ливерпуля, какъ остальныя общества, такъ что сообщеніе желѣзнодорожное изъ Лондона гораздо короче и билетъ на поѣздъ вмѣстѣ съ отправкой багажа включенъ въ цѣну перваго класса пароходнаго сообщенія по этой линіи. Наконецъ третье знаменитое общество— Cunard Line, самое старое изъ всѣхъ поименованныхъ, которое извѣстно тѣмъ рѣдкимъ явленіемъ, что на многочисленныхъ его корабляхъ за пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ существованія компаніи (съ 1840 года) не было ни одного несчастнаго случая и ему не пришлось получить ни копѣйки страховой преміи.

Изъ многихъ англійскихъ пароходныхъ линій я лично предпочелъ послѣднюю—Cunard Line и на одномъ изъ лучшихъ пароходовъ его „Etruria“, за умѣренную цѣну 15 ф. с. съ человѣка или около 300 рублей за цѣлую каюту съ двумя койками и диваномъ, 15-го апрѣля н. с., т. е. съ субботу на Святой Недѣлѣ, двинулся въ дальній путь. Спеціальный поѣздъ въ половинѣ 12 ч. дня принялъ насъ въ Лондонѣ на станціи Euston; багажъ былъ прямо регистрованъ въ Нью-Іоркъ, и, разъ сдавши его, мы уже больше не заботились о немъ до прибытія въ Америку; легкій багажъ, необходимый для переѣзда, былъ сохранно доставленъ въ каюту по адресу, на немъ намѣченному. Съ необыкновенной быстротой мчался поѣздъ, оставляя за собою дымный Лондонъ. Селенія, города мелькали передъ нами скорѣе, нежели ихъ можно было разсмотрѣть, и въ какихъ-нибудь четыре часа времени мы пролетѣли нѣсколько сотъ верстъ разстоянія, отдѣляющія Лондонъ отъ Ливерпуля, и очутились на тендерѣ, который въ нѣсколько минутъ доставилъ насъ отъ берега на нашъ огромный океанскій пароходъ „Etruria“, на которомъ суждено было намъ пробыть недѣлю, а можетъ быть,— кто знаетъ?—и больше, смотря по погодѣ.

Прежде всего два слова о самой „Etruria“. Вообразите себѣ громадный плавающій домъ въ 501 англійскій футъ длиной, 57 шириной и четыре этажа кромѣ трюма, куда необыкновенно быстро, но въ то же время немилосердно швыряя и ломая, опустили нашъ богажъ, кромѣ того, который предназначался въ каюты и отличался особыми трехугольными этикетами съ

обозначеніемъ нумера каюты. Разница такого корабля противъ обыкновеннаго дома, стоящаго на твердой почвѣ, заключается развѣ только въ высотѣ потолковъ, которые конечно на кораблѣ гораздо ниже; но за то богатство отдѣлки, драгоцѣнное дерево, позолота, солидная мебель краснаго дерева во всѣхъ этажахъ— все это превосходитъ обычную обстановку средней руки городского дома, а чистота, съ которой содержатся океанскіе пароходы, можетъ быть рекомендована за образецъ даже самому богатому жилищу. Это—по истинѣ пловучіе дворцы (floating palace), какъ ихъ называютъ американцы. „Teutonic“ и „Majestic“ какъ мы упоминали, перевозятъ единовременно до 1,500 пассажировъ, „Городъ Нью-Іоркъ“ и „Парижъ“ — до 1,200, а „Etruria“, помѣщая менѣе товаровъ—до 1,600 при полномъ комплектѣ. Одно число прислуги и служащихъ на подобномъ пароходѣ составляетъ не менѣе 200—300 человѣкъ. Понятно, что прокормленіе такой массы народа вызываетъ потребность громаднаго запаса всякаго рода предметовъ продовольствія, не говоря уже о десяткахъ тысячъ пудовъ каменнаго угля, потребнаго на движеніе и на производство электрическаго освѣщенія („Fürst Bismarck“, напримѣръ, Гамбургско-американскаго Общества расходуетъ на одну поѣздку 240 желѣзнодорожныхъ вагоновъ угля). Одна изъ американскихъ справочныхъ книгъ для путешественниковъ сообщаетъ слѣдующіе размѣры кладовой одного такого судна, какъ „Etruria“, дѣлающаго рейсы между Европой и Америкой: во-первыхъ, требуется запасъ 20,000 фунтовъ свѣжаго мяса, часть котораго, впрочемъ, остается обыкновенно неизрасходованною, а берется на всякій случай, 3,500 ф. баранины, 500 ф. свѣжей свинины, 450 ф. ягнятъ, 500 ф. телятины, 200 ф. сосисекъ, 230 ф. ливера, 290 ф. солонины, 220 ф. соленой свинины, ветчины около 1,000 ф., рыбы 2,100 ф., устрицъ 5,000, куръ 248, цыплятъ 150, масла 1,500 ф., апельсинъ 16 ящиковъ, молока свѣжаго 1000 квартъ, молока въ консервахъ 400 квартъ; затѣмъ болѣе или менѣе значительное количество разнаго рода дичи, зелени, овощей и приправъ, не говоря о винѣ и другихъ крѣпкихъ напиткахъ.

Такимъ образомъ снабженные всѣмъ необходимымъ не только для удовлетворенія первыхъ потребностей, но и раз-

ныхъ прихотей, 15-го апрѣля, въ прекрасный весенній вечеръ, мы спокойно отплыли отъ Ливерпуля, провожаемые восклицаніями и благими пожеланіями многотысячной толпы, наполнявшей пристань. Хотя кромѣ пятисотъ пассажировъ перваго класса мы имѣли на бортѣ нѣсколько сотъ эмигрантовъ (число которыхъ должно было увеличиться въ Ирландіи), я, по правдѣ сказать, не замѣтилъ тѣхъ мелодраматическихъ сценъ, которые обыкновенно описываются при отплытіи корабля въ Америку. При нашемъ отъѣздѣ слезъ не было, а былъ скорѣе взаимный обмѣнъ шутокъ и привѣтствій.

И вотъ шагъ за шагомъ потянулась однообразная, монотонная жизнь океанійскаго плаванія, не лишенная однако своего интереса для насъ, сухопутцыхъ жителей. Но пусть лучше всего краткій дневникъ, который я велъ аккуратно во время плаванія, сообщитъ всѣ впечатлѣнія этого переѣзда и нарисуетъ незатѣйливую картину приключеній, сопровождающихъ путешествіе въ Америку.

I.

15-го апрѣля. Пока мы медленно удалялись отъ Ливерпуля и его зданія и огни исчезали вдали, прозвучали довольно непріятные и шумные удары гонга, сигнала къ обѣду, благодаря хлопотамъ отъѣзда, запоздавшему на цѣлый часъ (7 ч.) противъ обычнаго времени. Обѣдъ отличался необыкновеннымъ обиліемъ яствъ и довольно плохимъ его приготовленіемъ, какъ и слѣдуетъ англійскому обѣду. Вся публика перваго класса размѣстилась одновременно въ обѣденной залѣ, запасшись заблаговременно нумерованными билетиками на свои мѣста у старшаго служителя, завѣдующаго столовой (saloon steward). Первый и послѣдній разъ во весь переѣздъ вся публика была въ полномъ сборѣ и мѣста всѣ безъ исключенія были заняты. Дамы были нарядны и веселы, обратно опять-таки съ тѣмъ унылымъ видомъ и молчаніемъ, которое, увы, скоро царило среди прекраснаго пола все остальное время переѣзда...

Утромъ 16-го апрѣля, въ 8 ч., мы уже были въ Куинстоунѣ на югѣ Ирландіи: высокіе берега и холмы зеленаго Эрина были видны уже издалека. Особенно красиво выдавалась въ море, немного не доѣзжая города, круглая шапка-гора, съ чѣмъ-то

въ родѣ монастыря на ея вершинѣ, окруженнаго бѣлыми зубчатыми стѣнами. Здѣсь, въ Куинстоунѣ, недалеко отъ города Корка, пришлось простоять намъ задаромъ цѣлыхъ пять часовъ, дожидаясь прихода почты и массы ирландскихъ переселенцевъ, прибывшихъ на корабль. Путешественникъ, который опоздалъ бы вчера къ спеціальному поѣзду, насъ увезшему въ Лондонъ, могъ бы легко насъ догнать, выѣхавши оттуда вечеромъ, съ восьмичасовымъ почтовымъ поѣздомъ, что, оказалось, нѣсколько человѣкъ и сдѣлало. Къ общему огорченію многихъ пассажировъ, капитанъ еще до прибытія въ Куинстоунъ объявилъ въ особомъ аннонсѣ, вывѣшенномъ на лѣтницѣ у дверей столовой, что вслѣдствіе какихъ-то новыхъ правилъ или распоряженій американскаго правительства онъ, къ сожалѣнію, не можетъ разрѣшить пассажирамъ съѣздить на берегъ, что было бы иначе очень удобно, ибо берегъ близокъ... Оставалось, конечно, подчиниться судьбѣ и, за неимѣніемъ лучшаго, развлекаться зрѣлищемъ массы лодокъ, наѣхавшихъ изъ города къ кораблю съ торговками, продававшими преимущественно апельсины и палки. Впрочемъ, всѣ онѣ не допускались на судно, и торговля велась исключительно воздушная, т. е. съ корабля опускалась веревка, и къ ней привязывался требуемый предметъ—корзинка съ апельсинами или палка (повидимому можжевеловая)... Ровно въ часъ во время lunch (второго завтрака) пароходъ тихо и незамѣтно двинулся въ путь, и красивая панорама берега скоро исчезла вдали. Часовъ въ 7 вечера берегъ Ирландіи даже совершенно пропалъ изъ глазъ, и мы вошли, наконецъ, въ Атлантическій океанъ, который, несмотря на спокойную поверхность, скоро далъ себя почувствовать довольно изрядной качкой. Вдоль палубы протянули веревки, дабы гуляющіе не спотыкались другъ на друга, тщетно отыскивая равновѣсіе. На столахъ въ обѣденномъ салонѣ въ первый разъ появились какіе-то курьезные ящики или перегородки, которые клались на столъ подъ скатерть, опять-таки очевидно съ тою цѣлью, чтобы всѣ предметы за обѣдомъ не прыгали и не разбивались.

17-го апрѣля, понедѣльникъ. За ночь оказалось, увы! очень много народа, заплатившаго дань океану и пострадавшаго отъ морской болѣзни; къ завтраку не появилось, по крайней мѣрѣ, половины всѣхъ пассажировъ, и особенно отсутствовалъ пре-

красный полъ. Къ часу дня въ понедѣльникъ, т. е. ровно черезъ сутки по выходѣ изъ Куинстоуна, объявленіе за подписью капитана, вывѣшенное на обычномъ мѣстѣ, на лѣстницѣ близъ столовой, возвѣстило широту и долготу, гдѣ мы находимся, и что мы проѣхали отъ Европы не мало-не много 458 миль... за первыя сутки, т. е. дѣлали не менѣе 19 миль въ часъ или шли со скоростью русскихъ 27 верстъ. Всѣ стѣнные часы на пароходѣ, сообразно нашему передвиженію на западъ, оказались переведенными назадъ на три четверти часа.

18-го апрѣля, вторникъ. За вчерашній день, какъ извѣстилъ насъ по обыкновенію капитанъ, мы удалились еще на 483 мили или, иными словами, шли еще лучше вчерашняго, дѣлая около 30 верстъ въ часъ. Утромъ погода была совсѣмъ недурная, и судно лишь мѣрно, но медленно раскачивалось. За то большая туча на горизонтѣ предвѣщала нѣчто недоброе. И дѣйствительно, ровно въ 12 часовъ дня, незадолго передъ вторымъ завтракомъ, внезапно налетѣлъ сильный шквалъ, и началась уже форменная качка: огромный корабль бросало, какъ щепку, и судорожно передергивало. Нахлынувшая волна залила стеклянную крышу музыкальнаго салона (music room) на верхней палубѣ, предназначенной для прогулокъ (promenade deck), и вода обдала столовую: звонъ разбитой посуды, падавшихъ ножей и вилокъ, восклицанія испуга слышались безпрестанно. Часъ спустя, т. е. когда въ столовой нѣсколько прибрали и завтракъ немногихъ счастливцевъ въ опустѣлой залѣ покончился, буря разыгралась не на шутку: пароходъ какъ-то скрипѣлъ и дрожалъ. Пассажиры видимо не желали оставаться въ своихъ каютахъ и по пословицѣ „на людяхъ и смерть красна“ стремились въ общія залы; музыкальный салонъ, при хорошей погодѣ обыкновенно пустой, теперь былъ переполненъ публикой, расположившейся на диванчикахъ въ самыхъ картинныхъ позахъ, ища тщетно спасенія отъ угрожавшей морской болѣзни. Вдругъ огромная волна съ такой силой ударила въ правый (сѣверный) бортъ парохода, что маленькая барынька, лежавшая въ углу у піанино, съ крикомъ упала ничкомъ на полъ, а дремавшій недалеко отъ нея въ сторонѣ чернобородый джентльментъ перелетѣлъ черезъ нее, ударился въ стулъ-вертушку, стоявшій у піанино, переломилъ его и со стонами ле-

жалъ безъ движенія... Произошло общее смятеніе и крики призыва о помощи. Первымъ бросился было англійскій пасторъ, сидѣвшій въ противоположномъ углу комнаты, но въ эту минуту новая огромная волна обдала водой стеклянную крышу салона, къ тому времени съ большими усиліями закрытую брезентомъ, и накренила весь корабль на противоположную сторону. Доброжелательный пасторъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ, несвойственный его почтенному возрасту, и вмѣсто движенія впередъ у него получилось какое-то странное nà, не совсѣмъ приличное, а самъ онъ упалъ въ лежавшую уже на полу кучу людей. Прибѣжали служителя, подняли упавшихъ и собрали разломанную мебель. Оказалось, что барыня отдѣлалась лишь испугомъ и черезъ нѣсколько минутъ уже смѣялась; но чернобородый мужчина ушибся сильно, и его повели куда-то внизъ, вѣроятно, показать врачу или оказать какую-либо помощь. Въ 9 часовъ вечера, когда пишу эти строки, качка продолжается, хотя нѣсколько и утихла: по временамъ опять находятъ волны и корабль ложится на-бокъ. Дамы почти поголовно хвораютъ, и лишь немногіе мужчины изъ 500 пассажировъ присутствовали за обѣдомъ, который происходилъ какъ разъ въ періодъ самой сильной качки, такъ что для многихъ призывные звуки гонга являлись какъ бы насмѣшкой надъ ихъ безпомощнымъ положеніемъ.

19-го апрѣля, среда, 5½ ч. вечера. Сильная качка не прекращается; лишь направленіе вѣтра измѣнилось: вчера онъ дулъ съ сѣвера и волны били въ правый бокъ корабля, нынче—съ юга и волны ударяютъ слѣва. Какъ-то всѣ, повидимому, начали привыкать къ этому волненію, какъ къ неизбѣжному злу: больные куда-то попрятались и ихъ мало видно на публикѣ, но зато и число обѣдающихъ почти не прибавляется—никакъ не болѣе третьей части. Кто только можетъ, вылѣзаетъ чуть ли не на четверенькахъ на верхнюю палубу, безпрестанно обдаваемую брызгами воды, или лежитъ въ полной прострацiи въ музыкальномъ салонѣ, давно уже не слыхавшемъ никакой музыки, не смотря на два инструмента — піанино и органъ. Тѣмъ не менѣе дамская комната — ladies room, замѣчательно роскошная по отдѣлкѣ и лежащая на самой покойной части судна, остается большую часть дня пустою, если не считать одну русскую даму, всегда въ ней лежащую плашмя. Очевидно,

дамы предпочитаютъ и въ этомъ несчастномъ положеніи держаться поближе къ сильному полу и подъ его ближайшей охраной, несмотря на всѣ удобства и комфортъ ladies room. Была даже попытка усѣсться на палубѣ (promenade deck), на креслахъ; но неудачно: часа черезъ два волны и дождь (трудно разобраться откуда вдругъ берется масса воды — сверху или снизу) разогнали компанію. За вчерашній день, какъ свидѣтельствуетъ капитанскій аннонсъ, мы прошли благодаря бурѣ немного меньше, чѣмъ наканунѣ—465 миль, т. е. шли все-таки со скоростью 19,4 миль или около $27^1/_2$ русскихъ верстъ въ часъ. Всего мы, слѣдовательно, отошли отъ Европы на 1,406 миль, т. е. находимся почти въ срединѣ Атлантическаго океана или почти на половинѣ пути между Куинстоуномъ и Нью-Іоркомъ. Сегодня же утромъ невдалекѣ отъ насъ прошелъ пароходъ (отчасти подъ парусами) въ одномъ направленіи съ нами. Вся публика, несмотря на сильное волненіе, съ любопытствомъ высыпала къ окнамъ и дверямъ, чтобы бросить взглядъ на этого пришельца изъ живаго міра. Даже католическій патеръ, цѣлый день около меня качавшійся на стулѣ, уткнувшись въ молитвенникъ и что-то бормоча, и тотъ съ такой поспѣшностью вскочилъ съ мѣста при возгласахъ ship ship!! что его breviarium romanum полетѣлъ на полъ, а самъ владѣлецъ его съ жадностью прильнулъ къ ближайшему окну... Въ публикѣ предполагаютъ, что этотъ корабль—грузовой или почтовый нѣмецкій, судя по флагу, идущій тихо, почему мы его и обогнали. Такимъ образомъ это второе судно, которое мы встрѣтили на океанѣ: первое миновали черезъ нѣсколько часовъ по отходѣ изъ Куинстоуна, и тогда его проводили глазами довольно равнодушно. Очевидно, четыре дня одиночества на океанѣ, хотя бы съ населеніемъ 1,300 человѣкъ, какъ на нашей „Etruria“, невольно пробуждаетъ жажду скорѣе видѣть людей, помимо надоѣвшихъ уже спутниковъ...

20-го апрѣля, четвергъ, 2 ч. дня. Вчера сдѣлали благодаря волненію всего лишь 455 миль (т. е. около 19 миль въ часъ). Конечно, все-таки не дурно, если бы не качка, которая продолжается непрерывно уже третій день, а эту ночь даже сильнѣе прежняго: бросало накойкѣ, какъ будто ваша персона обратилась въ какой-то мячъ, которымъ играютъ въ лапту; приходилось,

вмѣсто спанья, хвататься за бортъ койки и за скобку, на этотъ случай приспособленную въ стѣнѣ. Къ полдню погода немного унялась и качка сдѣлалась умѣреннѣе. Тѣмъ не менѣе сегодняшній день не обошелся безъ несчастій: нѣсколько человѣкъ было зашиблено на палубѣ сильной волной, такъ что больныя дамы у себя въ каютахъ и въ ladies'room сильно волновались и присылали къ намъ служителей справиться, цѣлы ли ихъ мужья.

21-го апрѣля, пятница, утромъ. Замѣтны уже признаки приближенія къ землѣ: двѣ чайки неотступно летаютъ позади корабля, очевидно, въ виду близости Нью-фаундлэнскаго берега, который остался у насъ вправо. Отсутствіе вѣтра полнѣйшее, такъ что свободно можно стоять на носу судна лицомъ къ западу. За утреннимъ чаемъ отъ главнаго стьюарда (буфетчика) были предъявлены счеты за вино — другой несомнѣнный признакъ близости къ Нью-Іорку. Помощникъ капитана говоритъ, что мы пожалуй придемъ до мѣста въ субботу къ ночи: хорошо было бы его устами да медъ пить, а то начинаетъ надоѣдать вѣчная качка и тряска. Особенно прискорбно смотрѣть на многихъ дамъ, которыя буквально цѣлые дни ничего не ѣли и не пили, кромѣ развѣ апельсиновъ и лимонной воды—этихъ распространеннѣйшихъ панацей противъ морской болѣзни. Вчера прошли 474 мили, т. е. ходъ опять усилился. Благодаря уменьшенію качки и близости желанной цѣли всѣ видимо повеселѣли: за вторымъ завтракомъ сошлось три четверти всѣхъ пассажировъ. Довольно трогательную картину представляютъ сегодня эмигранты—пассажиры третьяго класса: радуясь хорошей погодѣ и отсрочкѣ качки, они выползли изъ своей преисподней и густой толпой стоятъ на кормѣ, жадно вдыхая воздухъ послѣ своихъ, вѣроятно, не особенно благовонныхъ помѣщеній. Все—преимущественно молодежъ обоего пола, англичане и ирландцы въ обыкновенныхъ городскихъ костюмахъ; есть нѣсколько очень выразительныхъ и оригинальныхъ физіономій, особенно одинъ старикъ въ помятомъ цилиндрѣ и съ сѣдой гривой волосъ; смахиваетъ на стараго народнаго трибуна; немало также и дѣтей, больше мелкоты, которыя визжатъ отъ рѣдкаго удовольствія повозиться и побѣгать на воздухѣ. Только сейчасъ происходила подписка въ пользу несчастнаго работника—пассажира третьяго класса, вчера, какъ оказалось по

осмотру врача, ушибшаго сильно ногу и повредившаго шею благодаря внезапному удару волны по палубѣ, отъ котораго онъ не остерегся. Онъ ѣхалъ въ Америку изъ Англіи всего на мѣсяцъ на временной заработокъ по Выставкѣ въ Чикаго, и вотъ судьба! Участіе въ публикѣ большое и въ нѣсколько часовъ было собрано 24 ф. с., чего хватитъ, конечно, на мѣсячное лѣченіе и на дорогу домой.

22-го апрѣля, суббота, утромъ. Наконецъ, Нью-Іоркъ близко. Сегодня обѣдъ назначенъ въ 4 ч., т. е. на два часа раньше, дабы его покончить до прибытія на мѣсто. Качка къ утру прекратилась, хотя за ночь море опять было разыгралось. Корабль въ 3 ч. ночи останавливался, ибо садился лоцманъ, подъ руководствомъ котораго мы ѣдемъ уже почти въ виду отдаленнаго песчанаго берега Long Island. За вчерашній день мы прошли 466 миль, слѣдовательно осталось до Sandy Hook, какъ называется мысъ, вдающійся въ море около Нью-Іорка, всего лишь 69 миль, разстояніе пустое, но зато пароходъ двигается замѣтно медленнѣе и медленнѣе и подъ опытнымъ руководствомъ лоцмана начинаетъ лавировать, очевидно, выбирая болѣе глубокій фарватеръ.

Когда послѣ ранняго, но весьма длиннаго обѣда пассажиры высыпали на палубу, то оказалось, что Нью-Іоркъ уже совсѣмъ близокъ; на лѣвой сторонѣ видно было нѣсколько большихъ пароходовъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ; маленькій островокъ, весь покрытый краснымъ большимъ зданіемъ какъ шляпой—говорятъ, морской госпиталь; вдали виднѣлся въ хорошій бинокль узкій входъ въ гавань. Первое, что́ насъ встрѣтило при въѣздѣ въ эти ворота Новаго Свѣта, была картина столь привычная въ Старомъ: съ обѣихъ сторонъ крутаго берега — укрѣпленія и группы солдатъ, внизу берега—каменные форты, нѣчто въ родѣ Константиновской баттареи въ Севастополѣ, наверху, на полугорѣ — земляныя насыпи, очевидно укрѣпленія новаго типа. Между тѣмъ дивная панорама одного изъ красивѣйшихъ портовъ въ свѣтѣ постепенно развертывалась передъ нашими глазами: на кругломъ, изрѣзанномъ бухточками берегу, еще нѣсколько верстъ до города, мы остановились противъ карантиннаго зданія. Затѣмъ послѣдовалъ весьма поверхностный санитарный осмотръ исключительно пассажировъ третьяго класса и довольно скучная и длинная процедура объ-

явленія и подписанія пассажирами такъ называемой деклараціи таможеннымъ чиновникамъ (о которой мы будемъ говорить подробнѣе въ слѣдующей главѣ): за ложное показаніе или утайку вещей, декларація грозитъ не только конфискаціей, но даже тюремнымъ заключеніемъ, а такъ какъ пріѣзжій иностранецъ или эмигрантъ вовсе не обязанъ знать тонкости американскаго тарифа, то такая гроза ожидаетъ каждаго въѣзжавшаго въ предѣлы Соединенныхъ Штатовъ, если бы угроза въ дѣйствительности, очевидно, не оставалась лишь на бумагѣ.

Наконецъ, всѣ предварительныя формальности кончились, и мы вновь двинулись въ путь: черезъ десять минутъ передъ нами во всѣ стороны развернулся огромный, крайне причудливый и оригинальный по постройкамъ городъ. Направо виднѣлся висящій высоко на воздухѣ знаменитый Бруклинскій мостъ, весь какъ будто сдѣланный изъ кружева. Масса судовъ стояла и передвигалась во всѣ стороны, на сколько можно было видѣть вооруженнымъ глазомъ... Непривычной для европейцевъ причудливой архитектуры дома въ десять и болѣе этажей выдавались на берегу среди прочихъ зданій... Башни, куполы, верхушки церквей виднѣлись такъ же часто, какъ у насъ въ Москвѣ, только своеобразной наружности и громадныхъ размѣровъ, „Etruria“ плавно подвигается вдоль набережной, сплошь покрытой тысячами народа, частью гуляющаго, частью ожидающаго, очевидно, нашего прибытія. Одну за другою мы проходимъ мимо пристаней извѣстнѣйшихъ пароходныхъ Обществъ, крупныя названія которыхъ видны издали; налѣво между прочимъ пристани двухъ нѣмецкихъ пароходныхъ компаній, направо—сплошной рядъ нѣсколькихъ десятковъ пароходныхъ Обществъ со всего міра. Наконецъ, показалась пристань № 40 нашего Общества Cunard line. Масса народа едва сдерживалась полисменами, дожидаясь нашего прибытія. Махали шляпами и платками. Нетерпѣливые пассажиры перебрались на самый носъ судна, дѣлали очевидно условные сигналы для своихъ родственниковъ или знакомыхъ, махая то красными, то ярко желтыми платками... И вотъ тихо и плавно мы пристали къ берегу. Всѣ наши волненія покончились—и мы находимся въ Новомъ Свѣтѣ.

Нью-Іоркъ, 18-го (30-го) апрѣля.

2. Первыя впечатлѣнія.

I.

Первое, съ чѣмъ приходится каждому путешественнику имѣть дѣло, въѣзжая въ страну, это—таможня. Съ ея представителей, въ лицѣ таможенныхъ чиновниковъ, началось и наше, не совсѣмъ пріятное, знакомство съ Америкой. Я еще раньше слышалъ о строгостяхъ и неудобствахъ американскаго таможеннаго досмотра; но личный опытъ только подтвердилъ этотъ фактъ и поставилъ меня сразу лицомъ къ лицу съ одною стороной американской жизни,—частое противорѣчіе закона съ дѣйствительностью, въ которой пришлось убѣдиться неоднократно впослѣдствіи. Уже въ Европѣ давно вмѣстѣ съ желѣзными дорогами и молніеносными поѣздами досмотръ на границахъ обратился въ пустую формальность; но тамъ въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ такъ и смотрятъ на эту процедуру, фактически почти невыполнимую, почему больше обращаютъ вниманія на личность пассажира, нежели на самыя вещи, которыя часто совсѣмъ не осматриваются: какъ чиновники, такъ и пассажиры, одинаково хорошо понимаютъ истинное значеніе этой операціи и стараются лишь поскорѣе отъ нея отдѣлаться, не вводя другъ друга въ соблазнъ. Не то въ Америкѣ: тамъ,—какъ съ первыхъ шаговъ вамъ представляется,—смотрятъ на это дѣло гораздо серьезнѣе и строже. Едва судно вступило въ нью-іоркскую гавань, еще раньше, чѣмъ оно подошло къ пристани, какъ было объяснено въ прошлой главѣ, къ намъ явилась буквально цѣлая армія таможенныхъ чиновниковъ, которая и заняла весь обширный

обѣденный салонъ. Вмѣсто, однако, столь привычнаго въ Европѣ, осмотра вещей, таможенные разложили на столахъ кипы книгъ и бумагъ, поставили чернильницы, и пассажиры по очереди гуськомъ начали подходить къ нимъ. Каждому предлагалось нѣсколько вопросовъ систематическаго характера (о возрастѣ, родинѣ и пр.) и, самое главное, вручалась такъ называемая „декларація", которая, какъ объяснили любознательнымъ лицамъ чиновники, имѣютъ силу клятвеннаго показанія, а потому и требуетъ вполнѣ откровеннаго отвѣта, хотя вся операція продолжается не больше минуты и смущенный пассажиръ, понимающій значеніе требуемой отъ него подписи, лишенъ совершенно возможности обдумать дѣлаемый имъ важный шагъ.

Какъ оказывается, декларація, — это весьма важный документъ, который можетъ навлечь на голову пассажира, помимо его воли, крайне непріятныя послѣдствія. Пассажиръ обозначаетъ въ деклараціи не только число своихъ чемодановъ и сундуковъ, но и утверждаетъ, какъ бы клянется заранѣе, что никакихъ вещей, подлежащихъ обложенію пошлиной, у него не имѣется. Печатное объявленіе, раздаваемое при этомъ пассажирамъ, знакомитъ ихъ съ американскимъ тарифомъ въ весьма общихъ чертахъ, если не сказать — словахъ, но за то послѣдствія или наказаніе за неточный отвѣтъ выставлены весьма опредѣленно и на первомъ планѣ. Всякое платье, бѣлье и другія вещи, бывшія въ употребленіи и нужныя для личнаго пользованія пассажира, свободны отъ налога и обратно; всякая же неточность показанія, какъ грозитъ законъ, подвергаетъ виновнаго конфискаціи такихъ вещей и даже тюремному заключенію пассажира. Понятно, въ какой тревогѣ долженъ очутиться каждый туристъ, впервые посѣщающій Америку и привыкшій въ Европѣ всегда видѣть стараніе, чтобы, по возможности, законъ не оставался на бумагѣ и исполнялся. Его начинаютъ тревожить сомнѣнія за цѣлость его имущества и неприкосновенность его собственной личности: „а что, если у меня найдется что-нибудь подлежащее пошлинѣ?!" Онъ вспоминаетъ, что у него въ сундукѣ лежитъ вѣнская войлочная шляпа, хотя и давно *купленная*, но еще ни разу не надѣванная, въ другомъ чемоданѣ—башмаки жены, только что сдѣланные на дорогу, не испробованные на московскихъ мостовыхъ, а потому совершенно

чистые, запасные карманные часы и т. д. и т. д. Если, пассажиръ, на его несчастіе, нѣсколько знакомъ съ американскими таможенными постановленіями, его тревога должна еще тѣмъ болѣе увеличиться. Согласно этимъ правиламъ, напримѣръ, платье или бѣлье, бывшее въ употребленіи, должно дѣйствительно имѣть на себѣ „слѣды носки“ (signs of wear); всякіе часы, кромѣ тѣхъ, которые на пассажирѣ, подлежатъ налогу; всякое противорѣчіе съ деклараціей разсматривается, какъ ложное показаніе, данное подъ присягой и т. д. Можете себѣ вообразить, въ какомъ уныломъ настроеніи, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ размышленій и возможныхъ неожиданностей, находится злосчастный путешественникъ, впервые вступившій на почву Америки! Между тѣмъ вся эта таможенная пытка совершается убійственно медленно: чиновники отобрали деклараціи и, ничего не смотря уѣхали на своемъ катерѣ домой. Океанскій великанъ-пароходъ медленно и неуклюже присталъ къ своему мѣсту назначенія, огромному двухэтажному сараю, служащему, въ одно время, пристанью, складомъ и мѣстомъ таможеннаго досмотра.

Пассажиры, наконецъ, мало по малу, по приставленнымъ лѣстницамъ, спустились на сушу и разсѣялись, по указанію полицейскаго, въ обширномъ помѣщеніи сарая, стараясь стать противъ написанной на стѣнѣ первой буквы своей фамиліи. Начинается нескончаемая выгрузка багажа съ парохода: вездѣ въ Европѣ погрузка и выгрузка совершаются кранами и руками; но послѣднія въ Америкѣ слишкомъ дороги и ихъ замѣняетъ новый, удешевленный способъ, столько же медленный, сколько гибельный для пассажирскихъ вещей: къ пароходу приставили широкія доски въ родѣ желобовъ, по которымъ и стали спускать внизъ съ высоты второго этажа разный багажъ, принадлежащій пассажирамъ, начиная съ дамскихъ баульчиковъ и мѣшечковъ и свертковъ съ пледами и зонтами и кончая разнаго рода чемоданами и сундуками, достигающими громадныхъ размѣровъ. Все это перемѣшалось, перепуталось и течетъ по желобу, при чемъ тяжелыя и крупныя вещи, наѣзжая, давятъ и рвутъ, на глазахъ владѣльцевъ, всѣ легкіе и болѣе мелкіе предметы. Чья-то бѣличья шуба вывалилась изъ свертка и застряла поперекъ желоба, остановивши весь этотъ потокъ. Матросъ быстро взлѣзаетъ по желобу и, не церемонясь, чуть не по ча-

стямъ, вытаскиваетъ шубу изъ подъ груды тяжелыхъ ящиковъ, ее придавившихъ, и потокъ возобновляется... Маленькая кучка носильщиковъ съ телѣжками, менѣе десятка человѣкъ, развозитъ вещи по разнымъ мѣстамъ сарая, смотря по начальнымъ буквамъ фамилій владѣльцевъ вещей, на нихъ выставленныхъ. Затѣмъ начинаются пассажирами розыски ихъ багажа, который, благодаря ошибкамъ и небрежности носильщиковъ, разбросанъ по всему обширному зданію. Наконецъ, все собрано и перенесено въ одно мѣсто, большею частью самими пассажирами: и тогда начинается буквальная охота за таможенными чиновниками, съ просьбой пожаловать для осмотра вещей. Послѣ нѣсколькихъ часовъ болѣе или менѣе терпѣливаго ожиданія, усталые и измученные тасканіемъ своихъ чемодановъ, пассажиры, не имѣя даже мѣста присѣсть въ грязномъ сараѣ, такъ какъ ни одной лавки тамъ не полагается, и подвергаясь въ заключеніе ежеминутно опасности быть раздавленными громадными почтовыми фурами, вскачь проѣзжающими черезъ сарай, ввозя и вывозя горы мѣшковъ съ почтовой корреспонденціей,—пассажиры, наконецъ, добиваются своей очереди, и къ нимъ подходитъ чиновникъ для осмотра. Начинается развязываніе и раскупориваніе чемодановъ, опять-таки собственными усиліями владѣльцевъ. Чертъ, оказывается, однако не такъ страшенъ, какъ его рисуютъ: несмотря на всѣ упомянутыя выше угрозы закона, чиновникъ поверхностно заглядываетъ въ сундуки, и не разбирая вашей торжественной декларации, восклицаетъ всемогущее: „all right!“, и вы съ вашими вещами признаетесь легальнымъ человѣкомъ, имѣющимъ право покинуть, наконецъ, пристань и вступить въ предѣлы Нью-Іорка. Суетня и толкотня, назойливое приставаніе агентовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ съ билетами въ разные концы страны и телеграфистовъ съ бумагой и карандашемъ, готовыхъ для принятія отъ васъ телеграммы,—все это вмѣстѣ съ трехъ-четырехъ часовымъ ожиданіемъ утомило васъ чрезвычайно, и вы рады-радешеньки вырваться на свѣжій воздухъ.

Но еще раньше заботы о ночлегѣ, предстоитъ забота о вещахъ. Вездѣ въ Европѣ этотъ вопросъ разрѣшается легко: взять извощика и кликнуть носильщика. Но все это не подходитъ къ американскимъ условіямъ. Извощики въ Америкѣ и

чистые, запасные карманные часы и т. д. и т. д. Если, пассажиръ, на его несчастіе, нѣсколько знакомъ съ американскими таможенными постановленіями, его тревога должна еще тѣмъ болѣе увеличиться. Согласно этимъ правиламъ, напримѣръ, платье или бѣлье, бывшее въ употребленіи, должно дѣйствительно имѣть на себѣ „слѣды носки“ (signs of wear); всякіе часы, кромѣ тѣхъ, которые на пассажирѣ, подлежатъ налогу; всякое противорѣчіе съ декларацією разсматривается, какъ ложное показаніе, данное подъ присягой и т. д. Можете себѣ вообразить, въ какомъ уныломъ настроеніи, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ размышленій и возможныхъ неожиданностей, находится злосчастный путешественникъ, впервые вступившій на почву Америки! Между тѣмъ вся эта таможенная пытка совершается убійственно медленно: чиновники отобрали декларацiи и, ничего не смотря уѣхали на своемъ катерѣ домой. Океанскій великанъ-пароходъ медленно и неуклюже присталъ къ своему мѣсту назначенія, огромному двухэтажному сараю, служащему, въ одно время, пристанью, складомъ и мѣстомъ таможеннаго досмотра.

Пассажиры, наконецъ, мало по малу, по приставленнымъ лѣстницамъ, спустились на сушу и разсѣялись, по указанію полицейскаго, въ обширномъ помѣщеніи сарая, стараясь стать противъ написанной на стѣнѣ первой буквы своей фамиліи. Начинается нескончаемая выгрузка багажа съ парохода: вездѣ въ Европѣ погрузка и выгрузка совершаются кранами и руками; но послѣднія въ Америкѣ слишкомъ дороги и ихъ замѣняетъ новый, удешевленный способъ, столько же медленный, сколько гибельный для пассажирскихъ вещей: къ пароходу приставили широкія доски въ родѣ желобовъ, по которымъ и стали спускать внизъ съ высоты второго этажа разный багажъ, принадлежащій пассажирамъ, начиная съ дамскихъ баульчиковъ и мѣшечковъ и свертковъ съ пледами и зонтами и кончая разнаго рода чемоданами и сундуками, достигающими громадныхъ размѣровъ. Все это перемѣшалось, перепуталось и течетъ по желобу, при чемъ тяжелыя и крупныя вещи, наѣзжая, давятъ и рвутъ, на глазахъ владѣльцевъ, всѣ легкіе и болѣе мелкіе предметы. Чья-то бѣличья шуба вывалилась изъ свертка и застряла поперекъ желоба, остановивши весь этотъ потокъ. Матросъ быстро взлѣзаетъ по желобу и, не церемонясь, чуть не по ча-

стямъ, вытаскиваетъ шубу изъ подъ груды тяжелыхъ ящиковъ, ее придавившихъ, и потокъ возобновляется... Маленькая кучка носильщиковъ съ телѣжками, менѣе десятка человѣкъ, развозитъ вещи по разнымъ мѣстамъ сарая, смотря по начальнымъ буквамъ фамилій владѣльцевъ вещей, на нихъ выставленныхъ. Затѣмъ начинаются пассажирами розыски ихъ багажа, который, благодаря ошибкамъ и небрежности носильщиковъ, разбросанъ по всему обширному зданію. Наконецъ, все собрано и перенесено въ одно мѣсто, большею частью самими пассажирами: и тогда начинается буквальная охота за таможенными чиновниками, съ просьбой пожаловать для осмотра вещей. Послѣ нѣсколькихъ часовъ болѣе или менѣе терпѣливаго ожиданія, усталые и измученные тасканіемъ своихъ чемодановъ, пассажиры, не имѣя даже мѣста присѣсть въ грязномъ сараѣ, такъ какъ ни одной лавки тамъ не полагается, и подвергаясь въ заключеніе ежеминутно опасности быть раздавленными громадными почтовыми фурами, вскачь проѣзжающими черезъ сарай, ввозя и вывозя горы мѣшковъ съ почтовой корреспонденціей,—пассажиры, наконецъ, добиваются своей очереди, и къ нимъ подходитъ чиновникъ для осмотра. Начинается развязываніе и раскупориваніе чемодановъ, опять-таки собственными усиліями владѣльцевъ. Чертъ, оказывается, однако не такъ страшенъ, какъ его рисуютъ: несмотря на всѣ упомянутыя выше угрозы закона, чиновникъ поверхностно заглядываетъ въ сундуки, и не разбирая вашей торжественной деклараціи, восклицаетъ всемогущее: „all right!“, и вы съ вашими вещами признаетесь легальнымъ человѣкомъ, имѣющимъ право покинуть, наконецъ, пристань и вступить въ предѣлы Нью-Іорка. Суетня и толкотня, назойливое приставаніе агентовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ съ билетами въ разные концы страны и телеграфистовъ съ бумагой и карандашемъ, готовыхъ для принятія отъ васъ телеграммы,—все это вмѣстѣ съ трехъ-четырехъ часовымъ ожиданіемъ утомило васъ чрезвычайно, и вы рады-радешеньки вырваться на свѣжій воздухъ.

Но еще раньше заботы о ночлегѣ, предстоитъ забота о вещахъ. Вездѣ въ Европѣ этотъ вопросъ разрѣшается легко: взять извощика и кликнуть носильщика. Но все это не подходитъ къ американскимъ условіямъ. Извощики въ Америкѣ и

особенно въ Нью-Іоркѣ чрезвычайно дороги, уже по самой таксѣ; но и эта послѣдняя, какъ правило, не соблюдается, и путешественникъ находится совершенно во власти извощика, который беретъ съ него, что захочетъ—3, 5 и даже 10 долларовъ за любой конецъ. Поэтому въ одной изъ лучшихъ книгъ, которую намъ случилось прочесть объ Америкѣ, выставляется, какъ руководящее правило, „never take a cab“, т. е. никогда не нужно въ Америкѣ брать извощика. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ мѣста таможеннаго осмотра, на той же пристани, находится контора транспортной компаніи или „экспрессъ“, какъ здѣсь ихъ называютъ. Пріѣзжій заявляетъ въ конторѣ о числѣ своихъ вещей и объ адресѣ, экспрессманъ наряжаетъ тотчасъ же носильщика, который беретъ ваши вещи, вамъ выдаютъ чекъ или квитанцію съ обѣщаніемъ въ теченіе двухъ часовъ доставить ихъ по вашему адресу,—и вы наконецъ свободны отъ всякой дальнѣйшей заботы о багажѣ.

II.

Первые шаги по Нью-Іорку говорятъ далеко не въ пользу этого города: улицы дурно мощены и довольно грязны, даже при сравнительно порядочной погодѣ; осенью же и весною, по разсказамъ туземцевъ, даже въ центрѣ города, напримѣръ, около Почтамта, стоятъ цѣлыя болота. Послѣ берлинской, вѣнской и парижской кокетливости въ убранствѣ улицъ, поражаетъ невольно глазъ неряшливость Нью-Іорка. Кучи мусора, остатки пищи всякаго рода, клочки бумаги валяются повсюду; вдоль тротуаровъ на многихъ улицахъ по мостовой сдѣланы желоба и течетъ зловонная жидкость. Въ хорошую погоду сильнѣйшая пыль разносится повсюду, придавая окружающему какой-то сѣрый цвѣтъ. Въ заключеніе, вечеромъ, кромѣ бойкихъ мѣстъ съ магазинами и особенно съ многочисленными кабаками, всегда освѣщенными ярко, улицы погружены въ сравнительный мракъ и освѣщены, напр., гораздо хуже Петербурга. Но если картина городского благоустройства является столь неприглядной, то внѣшность Нью-Іорка или его постройки напротивъ въ высшей степени характерны и своеобразны, представляя часто такое красивое зрѣлище, какого не увидишь въ Европѣ. Обратно съ

Лондономъ, Берлиномъ и Парижемъ, Нью-Іоркъ, кромѣ немногихъ частей города, выстроенныхъ компаніями, поражаетъ индивидуализаціей своихъ построекъ: вмѣсто прямыхъ, ровныхъ линій большей части европейскихъ городовъ и сплошного ряда зданій казарменнаго характера, Нью-Іоркъ отличается своимъ разнообразіемъ, и каждый владѣлецъ воздвигаетъ зданіе по своему, точь въ точь какъ у насъ Москвѣ, съ тою лишь разницею, что самый маленькій домъ въ Нью-Іоркѣ обыкновенно имѣетъ четыре этажа. Размѣръ зданій, количество этажей, стиль—все зависитъ здѣсь отъ вкуса владѣльцевъ: рядомъ съ громаднымъ зданіемъ, занимающимъ нѣсколько кварталовъ, вы видите скромный домъ въ четыре этажа, по двѣ комнаты на этажъ, за нимъ—мраморное палаццо (напоминающее Италію) какого-нибудь Вандербильта или Гульда, а рядомъ съ нимъ опять-таки узенькій, но чрезвычайно высокій домъ, скорѣе похожій на башню, въ десять или двѣнадцать этажей, съ фантастическимъ куполомъ на крышѣ. Вообще башни, равно какъ и церкви, встрѣчаются въ Нью-Іоркѣ на каждомъ шагу, какъ будто, не имѣя старины, американцы стараются создать подобіе ей въ видѣ огромныхъ зданій, часто съ совершенно несоотвѣтствующей своему назначенію архитектурой. Таможня, одно изъ красивыхъ зданій города, имѣетъ наружность греческаго храма, тюрьма и судъ помѣщены въ домѣ египетской архитектуры, редакціи главныхъ газетъ города помѣщаются въ собственныхъ домахъ вблизи Главнаго почтамта и какъ бы стараются числомъ этажей перегнать другъ друга, также какъ и числомъ своихъ подписчиковъ и самымъ объемомъ газеты. Первый призъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ взяла надъ своими соперницами, кажется, газета *World*, съ огромнымъ цвѣтнымъ куполомъ на крышѣ многоэтажнаго дома, который буквально господствуетъ надъ всѣмъ, такъ называемымъ, „Нижнимъ городомъ“, представляя собой въ то же время видную рекламу для изданія. Вообще трудно себѣ представить болѣе пеструю картину, чѣмъ общій видъ нью іоркской улицы. Самый способъ постройки и родъ матеріала, употребляемаго для нея, дѣлаютъ возможнымъ удовлетворять всякой прихоти владѣльца и въ то же время придавать зданію колоссальные размѣры. Бо́льшая часть современныхъ построекъ воздвигается здѣсь такимъ образомъ: первоначально

ставится болѣе или менѣе многоэтажный *стальной* корпусъ или рамка дома и затѣмъ уже укладываются стѣны въ эту рамку, причемъ, обратно съ нашимъ, кирпичи—большіе размѣромъ, но частью полые внутри, очень легкіе—перемѣщаются крайне удобно и плотно скрѣпляются цементомъ. Вся тяжесть зданія очевидно лежитъ на этой рамкѣ; поэтому въ Нью-Іоркѣ можно встрѣтить даже такія странности: на улицѣ стоитъ стальной корпусъ, какъ бы скелетъ будущаго дома; въ первомъ или второмъ его этажѣ происходитъ лишь кладка кирпичей, такъ какъ стѣнъ еще нѣтъ, или же производится отдѣлка, а третій этажъ уже совершенно готовъ, и въ немъ даже живутъ!...

Кромѣ характера построекъ, другую отличительную черту Нью-Іорка противъ европейскихъ городовъ представляетъ столь извѣстная „воздушная желѣзная дорога", перерѣзывающая городъ нѣсколькими параллельными линіями. Рисунки этой дороги, а равно и русское названіе ея, свободный переводъ слова „elevated railroad" невольно рисуютъ въ воображеніи нѣчто дѣйствительно воздушное, изящное и граціозное... Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ эти дороги представляютъ изъ себя постройку, нужно сознаться, весьма неуклюжую и некрасивую, а во многихъ отношеніяхъ и настолько неудобную, что врядъ ли, надо думать, найдется много городовъ внѣ Америки (гдѣ городское управленіе, да и правительства штатовъ, какъ извѣстно, не отличаются неподкупностью), гдѣ бы рѣшились на своихъ улицахъ устроить этотъ способъ сообщенія. Представьте себѣ мостъ длиной во много верстъ, который проложенъ чуть ли не надъ лучшими улицами города на столбахъ, стѣсняющихъ движеніе; само же полотно, въ уровень со вторымъ этажемъ, затемняетъ улицу и нижній этажъ домовъ, а своимъ безпрестаннымъ грохотомъ, свистомъ и шумомъ, проѣзжающіе надъ головами каждыя двѣ минуты днемъ и ночью, поѣзда дѣлаютъ человѣческое существованіе на этихъ улицахъ почти невозможнымъ. Добавьте къ этому, что на всю нижайшую публику на улицахъ несутся сверху цѣлыя облака крупной копоти изъ дурного угля, которымъ отапливаются паровозы, капаетъ по временамъ керосинъ, которымъ они освѣщаются, и летятъ внизъ апельсиныя корки и плевки отъ жвачки табака, столь распространенной въ Америкѣ. Первая же линія въ Нью-Іоркѣ

(а теперь ихъ четыре) тотчасъ же обнаружила всѣ свои невыгодныя стороны и неудобства, но власть капитала съ одной стороны, а съ другой—практическія преимущества этого пути и природныя условія города оказались побѣдителями, и воздушныя дороги распространились и удержались въ Нью-Іоркѣ, вѣроятно, навсегда. Дѣло въ томъ, что Нью-Іоркъ, какъ извѣстно, расположенъ на островѣ длиной около 25 верстъ, а шириною на самомъ широкомъ мѣстѣ не больше $3^1/_2$, а въ нѣкоторыхъ—и въ половину меньше. Благодаря этому физическому положенію, лучшія улицы города, такъ называемыя „Avenues“ или проспекты, тянутся на много верстъ и всякое сообщеніе безъ желѣзной дороги совершалось бы крайне медленно и требовало бы затраты большихъ средствъ, запружая улицы города и безъ того переполненныя экипажами и пѣшеходами. Подземная желѣзная дорога, принятая Лондономъ, въ данномъ случаѣ была бы почти невозможна по свойствамъ грунта, помимо другихъ соображеній: весь островъ Мангатаннъ, на которомъ выстроенъ Нью-Іоркъ, имѣетъ своей подпочвой, на близкомъ притомъ разстояніи отъ поверхности, скалу, взрываемую лишь съ большимъ трудомъ и крупными затратами. Проложить желѣзнодорожныя линіи на уровнѣ самихъ улицъ, какъ это сдѣлалъ, къ сожалѣнію, городъ Чикаго, было бы совсѣмъ нелѣпостью. Оставалось, значитъ, провести эту дорогу *надъ* улицами, что нью-іоркцы и сдѣлали, выбирая изъ нѣсколькихъ золъ наименьшее. Правду сказать, и экономическія выгоды, представляемыя населенію воздушной желѣзной дорогой, чрезвычайно велики: несмотря на частыя станціи или остановки поѣзда, Нью-Іоркъ можно проѣхать въ самомъ его длинномъ мѣстѣ, по 9-му проспекту (болѣе 150 поперечныхъ улицъ), менѣе нежели въ три четверти часа и за ничтожную плату (взимаемую, впрочемъ, безъ различія разстоянія) въ пять центовъ (10 коп.). Понятно, какимъ благомъ для всего населенія, особенно при недоступной дороговизнѣ извозчиковъ, является такая дорога, которая невольно примиряетъ этими своими преимуществами со всѣми прочими неудобствами.

III.

Одна изъ особенностей нью-іоркскихъ улицъ невольно бросается въ глаза европейцамъ: это своеобразныя кресла на подмосткахъ, находящіяся буквально на каждомъ перекресткѣ улицъ и принадлежащія чистильщикамъ сапогъ. Въ Европѣ послѣдніе сравнительно рѣдки и для этой цѣли тамъ употребляется обыкновенно небольшая скамейка, на которую ставитъ свою ногу желающій вычистить свои сапоги; самъ же чистильщикъ для этой операціи долженъ становиться колѣнями на землю и въ этомъ неудобномъ положеніи производить свою работу. Не то въ Америкѣ: здѣсь, какъ правило, прислуга нигдѣ не чиститъ обуви, и вся мужская часть населенія или должна производить эту непріятную работу самолично для себя, или обращаться за помощью къ уличнымъ чистильщикамъ, поэтому и составляющимъ здѣсь весьма многочисленную и сравнительно съ Европой обезпеченную профессію. Вмѣсто унизительнаго положенія на колѣняхъ, американскіе чистильщики придумали нѣчто въ родѣ трона или каѳедры съ высокими креслами и съ такими же высокими подставками для ногъ, часто бронзовыми и довольно изящнаго издѣлія. Джентльменъ усаживается удобно на это курульное кресло и принимается за чтеніе газетъ, пока чистильщикъ съ важностью, лишь немного сгибаясь, быстро и ловко доводитъ сапоги своего кліента до зеркальнаго блеска, получая за это не менѣе 5 центовъ, т. е. въ два съ половиною раза больше противъ Лондона и Парижа и зарабатывая, навѣрное, нѣсколько долларовъ въ день.

Эта любопытная особенность нью-іоркской уличной жизни находится въ непосредственной зависимости отъ главной черты всей американской жизни, сравнительно въ Нью-Іоркѣ еще менѣе выраженной — *дороговизны труда*, что отражается рѣшительно на всѣхъ сторонахъ народнаго быта великой республики. Здѣшніе рабочіе и даже молодыя дѣвушки неохотно идутъ въ прислуги по различнымъ основаніямъ, несмотря на то, что обычная плата, напр., служанки въ Нью-Іоркѣ—не менѣе 25 р. въ мѣсяцъ на готовомъ содержаніи, а мужчинѣ, конечно, и

того больше. Отчасти американцы избѣгаютъ этого труда, можетъ быть, потому, что онъ не пользуется вообще въ демократическомъ обществѣ уваженіемъ и влечетъ за собой извѣстную долю личной зависимости, несмотря даже на льстивое названіе lady-help (госпожа помощница), которое любятъ въ Америкѣ придавать женской прислугѣ; отчасти потому, что другія профессіи лучше вознаграждаются, давая рабочему болѣе свободы въ распоряженіи своимъ временемъ. Поэтому каждый здѣсь старается обойтись по возможности собственными усиліями, обращаясь къ прислугѣ лишь въ крайней необходимости и замѣняя ее до извѣстной степени разными механическими приспособленіями или пользуясь общественными учрежденіями предпочтительно передъ личной услугой. Многія семьи, напр., вмѣсто того, чтобы готовить кушанье дома, предпочитаютъ обѣдать постоянно въ ресторанахъ или, часто вмѣстѣ съ дѣтьми, жить въ особыхъ пансіонахъ (boarding house). Дороговизна стирки вынуждаетъ хозяекъ стирать самолично путемъ механическихъ приспособленій, облегчая эту работу до-нельзя; почему даже въ лучшихъ гостинницамъ встрѣчается въ Америкѣ предостереженіе постояльцамъ: „здѣсь строго запрещается стирать или гладить“. Дороговизна извозчиковъ, съ другой стороны, довела до минимума ихъ предложеніе, и нужно быть очень богатымъ человѣкомъ, чтобы ими пользоваться, платя за конецъ по нѣскольку рублей, и вотъ всѣ, богатые и бѣдные, ѣздятъ преимущественно въ общественныхъ экипажахъ—желѣзныхъ дорогахъ и конкахъ; удовольствіе, напр., имѣть наемную карету обошлось бы въ Нью-Іоркѣ, какъ мы слышали, не менѣе 250 долларовъ или 500 руб. въ мѣсяцъ. Все въ Америкѣ направлено прежде всего къ тому, чтобы экономить трудъ, на какую бы область народной жизни мы здѣсь ни взглянули. Описанная нами ранѣе система постройки домовъ, напр., нѣтъ сомнѣнія, вызвана главнымъ образомъ этой же основной причиной, т. е. американскій способъ даетъ возможность весь остовъ дома и разныя къ нему принадлежности заготовить заранѣе, фабричнымъ образомъ, и такъ же легко и быстро поздвигнуть домъ, какъ и разобрать его. Рядомъ съ моей квартирой четырехэтажный домъ буквально въ одну недѣлю на моихъ глазахъ былъ срытъ съ земли и весь матеріалъ свезенъ, чтобы очи-

стить мѣсто для новой постройки, болѣе солидной, воздвигаемой такъ же быстро [1]).

Другой примѣръ. Всякому лицу, привыкшему къ разнообразію и удобству европейской мебели, невольно бросается въ глаза дурное качество и, такъ сказать, прямолинейность очертаній всякой американской мебели: очевидно, она вся дѣлается, по возможности, цѣликомъ механическимъ путемъ, и все направлено къ тому, чтобы произвести какъ можно больше и, слѣдовательно, дешевле въ извѣстное время. Ручная работа почти ограничивается только сборкой и весьма немного—внѣшней отдѣлкой. Поэтому такая мебель здѣсь и рѣжетъ непріятно глазъ свой прямизной и угловатостью. Даже въ учебныхъ мастерскихъ при здѣшнихъ школахъ значительная часть обычнаго столярнаго труда, напр., строганье дерева, производится лишь машиной.

Всѣ почти изобрѣтенія американскаго генія такъ или иначе направлены къ той же самой экономизаціи труда. Нигдѣ, какъ при американской дороговизнѣ заработной платы, такъ остро не чувствовались всѣ неудобства, устраненныя или уменьшенныя этими изобрѣтеніями: телеграфъ, какъ передача мысли на дальнее разстояніе, телефонъ, какъ передача рѣчи на большое пространство, скоропечатная машина, сберегающая трудъ въ огромной пропорціи, и спеціально механическій наборный станокъ, швейныя и пишущія машины всевозможныхъ системъ, автоматическіе контролеры для кассъ всякихъ сортовъ, все это—изобрѣтенія или, по крайней мѣрѣ, усовершенствованія американскаго ума, вызванныя означенными условіями здѣшней жизни. Въ противоположность Старой Европѣ, въ Новомъ Свѣтѣ трудъ дорогъ, но и прибыль (профитъ) предпринимателя тоже велика: капиталистъ не хочетъ поступиться ею и притомъ не всегда властенъ добиться у рабочаго уступки въ его вознагражденіи: и вотъ все остроуміе техники и сама каждодневная практика американской жизни приводятъ къ наивозможнымъ пріемамъ и способамъ сбереженія труда. Даже лучшая

[1]) Очищая твердый грунтъ подъ фундаментъ, послѣ сломки дома, вмѣсто работы кирками, его просто взрывали динамитомъ, и цѣлый день посреди города слышались громкіе выстрѣлы, мѣшавшіе мнѣ работать и пугавшіе на улицѣ лошадей.

краса Нью-Іорка, его „Центральный паркъ“, одинъ изъ обширнѣйшихъ и живописнѣйшихъ въ мірѣ городскихъ садовъ, носитъ на себѣ рѣзкіе слѣды той же экономизаціи труда. Паркъ этотъ занимаетъ пространство около 280 русскихъ десятинъ въ серединѣ города и включаетъ въ себѣ, не говоря о проѣзжихъ и экипажныхъ дорогахъ (болѣе 8 верстъ), около 45 русскихъ верстъ дорогъ и дорожекъ для пѣшеходовъ. Какая бы армія рабочихъ ежедневно понадобилась у насъ для того, чтобы держать эти дорожки въ порядкѣ, и какія бы горы песку нужны были, чтобы ихъ посыпать! Американцы разрѣшили этотъ вопросъ довольно практично, посредствомъ крупной единовременной затраты: обратно съ европейскимъ въ этомъ случаѣ обычаемъ, они *залили всѣ дорожки асфальтомъ*, а черезъ то свели самые расходы по содержанію ихъ въ чистотѣ до минимума.

IV.

Какъ и во всякомъ другомъ большомъ городѣ, значительная часть улицъ Нью-Іорка сплошь занята магазинами съ разнообразными продуктами и часто огромныхъ размѣровъ. Но для европейца здѣшняя торговля представитъ мало интереснаго: въ большинствѣ, кромѣ, конечно, сырья, онъ встрѣтитъ лишь старыхъ знакомыхъ—англійскія и французскія сукна и трико, эльзасскіе ситцы, ирландскій и французскій батистъ, бельгійское и англійское оружія, мейссенскій (здѣсь такъ называемый дрезденскій) и севрскій фарфоръ и т. д. Все это притомъ по значительно повышеннымъ цѣнамъ, вдвое и втрое; иногда даже европейскіе товары явно фальсифицированные, неизвѣстнаго происхожденія, напр., „русскій караванный чай“ и „русскія папиросы“ неизвѣстныхъ фабрикъ и импортеровъ. Свои собственные американскіе товары, помимо тѣхъ же швейныхъ и пишущихъ машинъ, встрѣчаются на окнахъ нью-іоркскихъ магазиновъ весьма рѣдко: это—экипажи и нѣкоторыя бумажныя и шерстяныя ткани для дамскихъ платьевъ, изрѣдка даже шелковыя; но послѣдніе товары большею частью — подражаніе тѣмъ же европейскимъ образцамъ, только лишь за болѣе дорогую цѣну. Очевидно, здѣшній высокій таможенный тарифъ, даже при всей извѣстной энергіи американцевъ, оказался еще недостаточнымъ

для созданія удовлетворительной собственной мануфактуры, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отраслей машино-строительной индустріи, электро-техники и добывающей промышленности. Наиболѣе же всего Америка отстала отъ Европы въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ менѣе всего возможно примѣненіе фабричныхъ пріемовъ, не говоря объ употребленіи машинъ, какъ, напр., въ искусствѣ и даже художественныхъ видахъ промышленности. Здѣшній, несомнѣнно одинъ изъ богатѣйшихъ въ мірѣ, магазинъ Тиффани, (съ нынѣшняго года, (1893), какъ мы слышали, поставщикъ къ Высочайшему двору Государя Императора), имѣетъ роскошный выборъ французской и русской художественной бронзы, итальянскихъ ювелирныхъ издѣлій и русскаго серебра разныхъ фабрикъ, но труднѣе всего въ этомъ богатомъ художественно-промышленномъ складѣ найти что-нибудь оригинальное американское. Немного исключеній въ этомъ отношеніи дѣлаютъ и художественныя произведенія въ здѣшнихъ музеяхъ. Лучшіе картины въ нихъ принадлежатъ кисти Мункачи, Мейсонье, Розы Бонёръ, Кнауса, Бугеро, Маковскаго и другихъ, не менѣе популярныхъ въ Европѣ именъ. Впрочемъ, лучшія картины послѣднихъ художниковъ, — что̀ составляетъ не менѣе характерную особенность американской жизни,—нашли себѣ мѣсто— увы! — въ учрежденіяхъ, ничего собственно съ искусствомъ общаго не имѣющихъ. Такъ, одно изъ наилучшихъ произведеній Бугеро „Три нимфы и фавнъ“, вмѣстѣ съ одной картиной Корреджіо и нѣсколькими другими болѣе или менѣе замѣчательными произведеніями, помѣщены въ питейномъ заведеніи, или попросту кабачкѣ, находящемся здѣсь при гостинницѣ Hoffman House, а Маковскій („Боярская свадьба“ и многія другія), какъ извѣстно, принадлежитъ и выставленъ въ нью-іоркскомъ ювелирномъ магазинѣ Шумана!....

Другое отличіе нью-іоркской торговли отъ парижской, напр., и въ особенности отъ лондонской, заключается въ отсутствіи кооперативныхъ предпріятій или потребительныхъ обществъ, ради уменьшенія расходовъ на пріобрѣтеніе разнаго рода предметовъ самими потребителями. Отчасти въ Парижѣ (Bon Marché) и особенно въ Лондонѣ десятками считаются подобныя учрежденія съ многомилліонными оборотами, занимающія цѣлые дворцы богаче любаго нью-іоркскаго торговаго дома; между

тѣмъ, тутъ, въ главномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ всѣ соціальные эксперименты допускаются свободно и встрѣчаются такъ часто, гдѣ, наконецъ, рѣшительно всѣ цѣны, кромѣ развѣ сырья, гораздо выше европейскихъ, нѣтъ, по слухамъ, ни одной кооперативной лавки, которую мнѣ могли бы указать. Трудно было бы объяснить это явленіе,—какъ дѣлаютъ это нѣкоторые американцы,—сильно развитой индивидуализаціей ихъ національнаго характера, будто бы чуждающагося такихъ учрежденій, ибо масса разнообразнѣйшихъ сообществъ иного рода, составляющихъ необходимую принадлежность всей американской жизни, противорѣчитъ этому. Скорѣе всего причина лежитъ просто въ относительно высокомъ экономическомъ благосостояніи страны: американецъ зарабатываетъ, сравнительно съ стоимостью существованія, достаточно много, чтобы покрыть высокую таможенную пошлину и крупный барышъ торговца и все-таки часть заработка сберечь для будущаго. Если сократится когда-либо послѣдній, нѣтъ сомнѣнія, американецъ тогда болѣе чутко отнесется ко всему тому, что ограничиваетъ удовлетвореніе его потребностей, и постарается принять противъ этого свои мѣры.

Внѣшнее описаніе Нью-Іорка въ настоящемъ письмѣ страдало бы неполнотой, если бы я совсѣмъ не коснулся общей картины уличной жизни. Несомнѣнно, что Нью-Іоркъ во многихъ отношеніяхъ не можетъ считаться типичнымъ американскимъ городомъ, такъ какъ не меньше трети его жителей—иностранцы (600,000 изъ 1,800,000), и въ расовомъ отношеніи представляетъ весьма пеструю картину: однихъ нѣмцевъ насчитывается 350 тыс. и даже русскихъ евреевъ, переселившихся за послѣднее время, больше 50 тыс. На нью-іоркскихъ улицахъ можно слышать человѣческую рѣчь на всѣхъ языкахъ, начиная съ китайскаго; періодическія изданія на одномъ нѣмецкомъ языкѣ считаются десятками, французскія, испанскія, итальянскія, шведскія и даже двѣ русскія газеты (*Справочный Листокъ* и *Русскія Новости*). Понятно, поэтому, общаго типа и общихъ обычаевъ въ Нью-Іоркѣ существовать неможетъ; но, несмотря на то, можно подмѣтить нѣкоторыя наиболѣе распространенныя черты жизни, образовавшіяся въ силу, главнымъ образомъ, экономическихъ условій. Укажемъ пока на одну. Каждый

европеецъ, не бывшій въ Америкѣ, навѣрное предполагаетъ въ этой богатой и свободной странѣ найти выраженіе довольства на лицахъ жителей, если только не счастья, и того, что обыкновенно слѣдуетъ за этимъ, т. е. извѣстной общительности людей между собою или даже веселости. Такія предположенія однако оказались бы вполнѣ неосновательными, если судить по нью-іоркской толпѣ. Я не могу указать въ Европѣ города, гдѣ бы приходилось видѣть столько недовольныхъ и озабоченныхъ (и даже просто сердитыхъ) лицъ и такой сдержанности: вмѣсто болтовни и веселости французской уличной толпы, вмѣсто добродушія и Gemüthlichkeit нѣмцевъ, вмѣсто, хотя и сдержанной, привѣтливости англичанъ, не лишенной однако оттѣнка шутливости, хотя бы и грубоватой, вы видите въ нью-іоркской толпѣ, какъ правило, лишь какую-то сухую озабоченность и, за рѣдкими случаями, постоянное молчаніе. Каждый что-то думаетъ про себя и, повидимому, недоволенъ всѣми окружающими. Всякій свѣжій, новоприѣзжій человѣкъ пытается сначала заговорить съ сосѣдями, но ему въ большинствѣ или вовсе не отвѣчаютъ, или даютъ такой отвѣтъ, что онъ сконфузится и, впадая въ тонъ толпы, умолкаетъ.....

Чѣмъ же объясняется такое странное явленіе? Откровенно скажу—„не знаю“, хотя констатирую фактъ и попробую сообщить нѣкоторыя свои догадки. Во-первыхъ, часть нью-іоркской толпы, около трети, состоитъ изъ эмигрантовъ и озабоченность на ихъ лицахъ болѣе, чѣмъ понятна: они пріѣхали искать въ Америкѣ новый эдемъ, а между тѣмъ, можетъ быть, уже успѣли потерпѣть много разочарованій и серьезныхъ огорченій и передъ ними предстоитъ еще темное будущее. Что касается до большинства толпы, болѣе или менѣе постоянныхъ жителей города, то тутъ, мнѣ кажется, причиной является *интенсивность американскаго труда*, которая истощаетъ силы рабочаго и притупляетъ нервы, дѣлая человѣка поневолѣ необщительнымъ и угрюмымъ: если американецъ получаетъ вдвое или больше вознагражденія за свой трудъ, нежели европейскій рабочій, то отъ него соотвѣтственно и требуется за то болѣе производительная работа, т. е. большее напряженіе мускуловъ и головы. Понятно, какъ себя долженъ человѣкъ чувствовать послѣ такого тяжелаго каждодневнаго труда. Если около 8 ч.

вечера проѣхаться въ Нью-Іоркѣ въ какомъ-нибудь общественномъ экипажѣ, на конкѣ или въ вагонѣ желѣзной дороги, большинство спутниковъ найдешь почти буквально спящими. Наконецъ, если обратиться къ достаточному или даже богатому классу въ Нью-Іоркѣ, обычное настроеніе котораго идетъ въ унисонъ со всѣми, то тутъ можетъ быть дано другое объясненіе, конечно, для нѣкоторой части этого класса: погоня за долларомъ во всѣхъ видахъ является ея главнымъ руководящимъ мотивомъ и лозунгомъ; не даромъ сами американцы выдумали про этотъ именно многочисленный классъ дѣльцовъ злую пословицу: „The Yankee is ready to sell his mother—to buy her back cheaper„ („янки готовъ продать свою родную мать, если можно перекупить ее дешевле“)!! Вдобавокъ къ этому, въ достаточныхъ классахъ причиной сдержанности можетъ служить также и чувство ложнаго приличія и чопорности, вообще у американцевъ играющее большую роль, какъ это не странно, нежели въ любомъ европейскомъ обществѣ. Естественно, человѣкъ, занятый постоянно различными комбинаціями въ своей головѣ, въ связи съ той или иной наживой, не можетъ быть привѣтливымъ спутникомъ и раскрываетъ ротъ, лишь когда предстоитъ business,—т. е. гешефтъ...

Во всякой уличной толпѣ, а въ американской въ особенности, значительную роль играютъ женщины, но о нихъ я предоставляю сообщать свои наблюденія моей женѣ и притомъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Нью-Іоркъ $^{23}/_{13}$ мая.

3. Американскія женщины.

(По личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ).

Русскому читателю небезъизвѣстенъ тотъ почетъ и уваженіе, которымъ пользуется въ Соединенныхъ Штатахъ женщина всѣхъ классовъ. Нѣкоторые объясняютъ этотъ фактъ количественнымъ преобладаніемъ мужчинъ надъ женщинами въ этой странѣ. Данныя американской народной переписи, дѣйствительно, и до сихъ поръ показываютъ, обратно съ Европой, недостатокъ тамъ женщинъ противъ мужчинъ: при общемъ числѣ населенія въ 50 милліоновъ, мужчинъ, по послѣднему цензу, насчитывается на $1^1/_2$ милліона больше, чѣмъ женщинъ. Врядъ ли тѣмъ не менѣе возможно однимъ этимъ фактомъ объяснить преобладающую роль женщины въ Америкѣ. Согласно тѣмъ же даннымъ статистики, женское населеніе постепенно сравнивается за послѣднее время съ мужскимъ, а между тѣмъ нисколько незамѣтно, чтобы женщина утрачивала свое значеніе въ Соединенныхъ Штатахъ, а, напротивъ, замѣчается все большее и большее расширеніе сферъ ея дѣятельности и вліянія. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Америки, напр., Вашингтонѣ, Бостонѣ, Нью-Іоркѣ, женщины даже превышаютъ численностью мужчинъ, и можно было бы подумать, что въ этихъ пунктахъ онѣ уже не пользуются общепринятымъ почетомъ. Между тѣмъ достаточно пройтись по улицамъ города Нью-Іорка, напр., который даже еще не считается чисто американскимъ городомъ, чтобы тотчасъ же на внѣшнихъ признакахъ замѣтить разницу въ положеніи женщинъ, сравнительно съ Европой. Прежде всего бросается въ глаза, что,

всякій порядочный ресторанъ объявляетъ себя какъ „дамскій и мужской“ (ladies und gents restaurant); всякій отель имѣетъ особый входъ для дамъ (ladies entrance)) и женщина вступаетъ въ подобное заведеніе, одна или въ сопровожденіи мужчины, такъ же просто и смѣло, какъ она входитъ въ свой собственный домъ. Желѣзныя дороги, конки, улицы города переполнены женщинами, и можно вобразить себя въ царствѣ „грядущей расы“, когда-то описанной Бульверомъ Литтонъ, гдѣ мужчины сидятъ дома, а женщины дѣлаютъ всѣ внѣшнія дѣла. Къ сожалѣнію, справедливость требуетъ сказать, что эти толпы женщинъ, наполняющія улицы американскихъ городовъ, не всегда представляютъ изъ себя собраніе дѣловыхъ людей. Однимъ изъ моихъ первыхъ визитовъ въ Нью-Іоркѣ было посѣщеніе самаго бѣднаго квартала его: такъ называемаго Bowery, гдѣ группируется эмигрантское населеніе города. Несмотря на сравнительную безденежность этого квартала, онъ переполненъ магазинами предметовъ роскоши, въ которыхъ можно купить самыя разнообразныя части наряда, очень ничтожнаго качества, но на видъ очень привлекательные и по американскимъ цѣнамъ баснословно дешевые. Цвѣты—по 2 коп. штука, ленты — по 4 коп. аршинъ, шляпы—по 50 коп. и другія подобныя bargains, какъ здѣсь говорятъ, или выгодныя покупки, привлекаютъ собою громадную публику, и женщины буквально какъ пчелы липнутъ къ окнамъ магазиновъ и осаждаютъ прилавки, толкая и отстраняя другъ друга, чтобы разсмотрѣть и пощупать, что лежитъ на столѣ. То, что у насъ въ Москвѣ бываетъ лишь послѣ Святой, во время такъ называемой дешовки, то здѣсь происходитъ, повидимому, круглый годъ. Женщины съ ребятами на рукахъ, видимо очень бѣдныя, пробиваются въ ту же толпу, чтобы купить себѣ цвѣтокъ, ленту или какой-нибудь пустякъ. Онѣ по цѣлымъ часамъ ждутъ своей очереди, забывая, что ихъ трудъ такъ дорогъ въ домашнемъ хозяйствѣ.

Откуда происходитъ такая непонятная потеря времени, совершенно измѣняющая представленіе европейца объ американской дѣловитости, и къ чему такая расточительность на совершенно непроизводительныя покупки со стороны людей полуголодныхъ? Вотъ два вопроса, которые нельзя не поставить себѣ при видѣ всѣхъ этихъ магазиновъ бездѣлушекъ и наря-

проникаетъ въ сферу ремесленнаго и фабричнаго производства Мнѣ неизвѣстно число женщинъ, живущихъ на свой заработокъ въ Соединенныхъ Штатахъ: я знаю только, что въ Нью-Іоркѣ, напр., согласно послѣднимъ статистическимъ даннымъ, онѣ встрѣчаются въ не менѣе чѣмъ ста различныхъ профессіяхъ, начиная съ обычной женской спеціальности швеи или модистки и кончая новыми занятіями по раскрашиванію фотографій, по полировкѣ золотомъ, по выдѣлкѣ очковъ, по парикмахерскому дѣлу, по такъ называемому „manicuring“ или особаго рода отдѣлкѣ ногтей, къ которой прибѣгаютъ франтихи-американки, и по цѣлому ряду другихъ профессій, въ Европѣ еще не завоеванныхъ женщинами.

Но всего интереснѣе то, что всѣ эти рабочія женщины начинаютъ проявлять, подобно мужчинамъ, признаки организаціи, представляющей для женщинъ въ Европѣ еще только pium desiderium. Мнѣ припоминаются года два тому назадъ газетныя сообщенія о собраніи кельнершъ или прислужницъ въ Берлинѣ, которыя соединенными усиліями хотѣли добиться улучшенія своего экономическаго положенія. Какими насмѣшками были покрыты ихъ первыя попытки къ организаціи! Между тѣмъ въ одномъ Нью-Іоркѣ насчитывается 25 такъ называемыхъ клубовъ работающихъ дѣвушекъ (Working Girls' Clubs) съ не менѣе чѣмъ пятью тысячами членовъ изъ представительницъ самыхъ разнообразныхъ рабочихъ спеціальностей. Основанные вначалѣ не безъ помощи обезпеченныхъ дамъ изъ общества, кружки эти ведутся въ настоящее время всецѣло на началахъ самоуправленія и отнюдь не являются благотворительными учрежденіями, а напротивъ содержатся на счетъ самихъ участниковъ, при ежемѣсячномъ взносѣ работницъ въ 25 центовъ, или 50 коп. (что составитъ въ годъ больше, чѣмъ у насъ требуется, напр., отъ члена Общества гувернантокъ). На эти взносы вмѣстѣ съ единовременными вкладами каждаго новаго члена и ведется все дѣло клуба, которое состоитъ въ устройствѣ кассы взаимопомощи, на случай болѣзни, а также постоянной сберегательной кассы, въ наймѣ небольшой квартиры для ежедневныхъ собраній членовъ по дѣлу или для увеселеній и организаціи разнаго рода классовъ и курсовъ, начиная съ шитья и приготовленія кушаній и кончая стенографіей, изу-

ченіемъ языковъ и даже литературы. Кромѣ того каждый клубъ имѣетъ свою небольшую читальню, снабженную, кромѣ книгъ, лучшими текущими изданіями, журналами и газетами, а когда не хватаетъ своего чтенія, то устраивается отъ всего клуба абонементъ (обыкновенно на 50 книгъ) въ частныхъ библіотекахъ для чтенія. Такимъ образомъ членовъ клуба связываетъ какъ экономическая, такъ и образовательная выгода—и, какъ мнѣ пришлось самой въ этомъ убѣдиться изъ посѣщенія одного подобнаго клуба, дѣвушки послѣ дня работы на фабрикѣ, въ мастерской или лавкѣ, приходятъ туда какъ домой и находятъ себѣ полное отдохновеніе въ клубѣ, который управляется со всѣми парламентскими формами рѣшенія большинства, повидимому знакомыми здѣсь женщинамъ не менѣе чѣмъ мужчинамъ.

Такихъ клубовъ, какъ мы уже сказали, въ одномъ Нью-Іоркѣ *двадцать пять*, съ общей цифрой членскаго взноса въ пять слишкомъ тысячъ долларовъ въ годъ (или 10,000 рублей). Нѣкоторые изъ нихъ носятъ весьма интересныя названія клуба „стойкости“, напр., „усиленія“, „надежды“, „соединеннаго труда“, „серьезныхъ работниковъ“; всѣ же они вмѣстѣ составляютъ одну общую ассоціацію подъ именемъ „New-York Association of Working Girls' Societies“, образовавшуюся недавно по мысли главнаго дѣятеля по этимъ клубамъ, нѣкоей miss Grace Dodge, которая и состоитъ предсѣдательницей центральнаго ихъ союза. Союзъ этотъ „имѣетъ цѣлью связать всѣ клубы для ихъ взаимной пользы“, напр., для облегченія имъ доступа къ лучшимъ учителямъ, докторамъ (которые также имѣются при клубахъ) и лекторамъ. Къ благодѣтельнымъ учрежденіямъ каждаго клуба ассоціація прибавила еще устройство рекомендательной конторы для пріисканія мѣстъ и вообще бюро для разсмотрѣнія торговыхъ отношеній своихъ членовъ къ работодателямъ и предпринимателямъ. Такія ассоціаціи, такъ же какъ и отдѣльные клубы, имѣются почти во всѣхъ городахъ Америки и общимъ органомъ для нихъ является особый журналъ *Far and Near*, служащій, какъ сказано въ его заголовкѣ, интересамъ женщинъ, которыя работаютъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ этого журнала, въ которомъ сообщается все, что дѣлается въ сферѣ женскаго труда, высказы-

вается надежда и на скорое устройство въ Соединенныхъ Штатахъ женскихъ trades-unions, которыя должны еще больше утвердить экономическое положеніе работающей женщины и упрочить за нею право на трудъ наравнѣ съ мужчиной. Право это нѣтъ-нѣтъ да подвергается обсужденію, какъ спорный вопросъ, даже въ передовой Америкѣ. Такъ, на первыхъ же порахъ пребыванія въ Нью-Іоркѣ мнѣ пришлось присутствовать на публичномъ дебатѣ на тему—слѣдуетъ ли считать благодѣтельнымъ для общества вообще расширеніе сферы женскаго труда. Къ чести американцевъ вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно, хотя въ дебатѣ принимали участіе исключительно мужчины, и однимъ изъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ въ пользу допущенія женщинъ ко всякаго рода труду была та мысль, что страна никакъ не можетъ проиграть отъ того что женщина прибавляетъ своимъ трудомъ къ общей экономической производительности ея.

Что касается участія американскихъ женщинъ въ такъ называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ, то объ его размѣрахъ можно судить при посѣщеніи болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ или правительственныхъ учрежденій. Такъ, напр., въ Нью-Іоркѣ имѣется одно громадное зданіе, вмѣщающее въ себѣ подъ именемъ United Charities Building канцеляріи и конторы цѣлаго ряда разнообразнѣйшихъ благотворительныхъ учрежденій города. Осматривая это зданіе, которое, смѣло можно сказать, насчитываетъ не менѣе сотни комнатъ, мы видѣли на одного мужчину можетъ быть десятокъ дамъ, занятыхъ самыми разнообразными должностями, начиная съ писанія на машинѣ (въ Нью-Іоркѣ такихъ писцовъ насчитывается 18,000 и изъ нихъ двѣ трети—женщины) и кончая секретарствомъ и даже руководительствомъ разныхъ учрежденій: причемъ сравнительно съ нашими, напр., конторами и канцеляріями вездѣ насъ поражалъ порядокъ и чистота, граничащіе съ нарядностью. Такое же широкое примѣненіе женскаго труда мы видѣли потомъ и въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ города Вашингтона—въ его департаментахъ земледѣлія, труда, народнаго просвѣщенія и т. п. При этомъ женщины не всегда ограничиваются въ казенной или общественной службѣ однѣми лишь второстепенными и безотвѣтственными должностями. Въ одной

Нью-Іоркской газетѣ (Mail and Express) за 23-е мая нынѣшняго года (1893 г.) приводится, между прочимъ, слѣдующій списокъ видныхъ постовъ, занимаемыхъ женщинами: директоръ банка въ Mount Pleasant, Техасѣ; профессоръ гражданскаго права въ Woodside Seminary, Гартфордѣ; правительственный инспекторъ рабочихъ для Индіаны (какъ извѣстно, Америка уже имѣетъ также нѣсколько фабричныхъ инспекторовъ изъ женщинъ); профессоръ искусства въ Бальтиморѣ и т. д. Наконецъ недавно намъ приходилось читать объ одномъ провинціальномъ городѣ Америки, который считаетъ себя обязаннымъ новыми лучшими порядками на почтѣ только-что назначенному почтъ-директору—женщинѣ, которая съ большимъ трудомъ уничтожила очень частую, къ сожалѣнію, въ Америкѣ небрежность почтальоновъ и завела въ своемъ почтовомъ отдѣленіи большую чистоту и благочиніе.

Не мало женщинъ представлено также въ сферѣ юридическихъ занятій, и въ нѣкоторыхъ штатахъ женщины-юристы оффиціально допущены къ практикѣ въ качествѣ адвокатовъ: только-что на-дняхъ, напр., мы прочли въ газетахъ, что, согласно рѣшенію верховнаго суда, въ штатѣ Индіанѣ женщины могутъ свободно заниматься адвокатурой (practice law).

Наконецъ въ должности, гдѣ всего меньше привыкли видѣть женщину, въ санѣ священника, Америка насчитываетъ не одинъ десятокъ представительницъ женскаго пола. Въ одномъ Чикаго, на недавно происходившемъ женскомъ конгрессѣ, открывшемъ собою серію международныхъ съѣздовъ по случаю выставки, ихъ присутствовало, какъ мы читаемъ въ отчетахъ конгресса, 18 человѣкъ, представлявшихъ собою не менѣе тринадцати разныхъ оффиціально признанныхъ церковныхъ ученій, какъ извѣстно изобилующихъ въ Америкѣ.

Совершенно преобладающее мѣсто занимаютъ женщины Соединенныхъ Штатовъ въ должности преподовательницъ. Согласно послѣднему отчету департамента народнаго просвѣщенія, весь учительскій персоналъ Соединенныхъ Штатовъ дѣлится на 35% мужчинъ и 65% женщинъ, а принимая во вниманіе, что учительницамъ въ Америкѣ ввѣряются не однѣ только дѣвочки, какъ это имѣетъ мѣсто въ большей части Европы, но и мальчики, часто даже великовозрастные, легко

заключить, какъ велико должно быть вліяніе женщины на всю молодежь Новаго Свѣта. Въ преподавательской профессіи женщина начинаетъ, наконецъ, сравниваться съ мужчиной и въ смыслѣ вознагражденія. Такъ, недавно мы прочли, что штатъ Миннезота съ 1892 года установилъ одинаковую оцѣнку труда какъ для учителя, такъ и для учительницы.

Возвращаясь къ организаціямъ въ средѣ американскихъ женщинъ, образецъ которыхъ мы видѣли въ рабочихъ клубахъ и ихъ Нью-Іоркскомъ союзѣ, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ женскихъ обществахъ, съ которыми знакомитъ насъ женскій отдѣлъ Выставки въ Чикаго. Въ числѣ полученныхъ тамъ матеріаловъ у меня имѣется напр. отчетъ Бостонскаго Общества, носящаго названіе Женскаго Воспитательнаго и Промышленнаго Союза (The Women's Educational and Industrial Union). Воспитательныя цѣли этого Общества достигаются устройствомъ классовъ и лекцій на подобіе рабочихъ женскихъ клубовъ, только съ болѣе широкой программой и по болѣе разнообразнымъ и серьезнымъ предметамъ вродѣ политической экономіи, исторіи, иностранной литературы, и т. п. Промышленная задача исполняется устройствомъ совѣта для женскихъ работъ, рекомендательнаго бюро и, наконецъ, особаго отдѣла по защитѣ женщинъ противъ вымогательства хозяевъ и ихъ злоупотребленій. Почти со времени существованія этого Общества (открытаго въ 1877 г.) вниманіе руководителей его было обращено на частые случаи неправильной расплаты съ женщинами, почему и былъ основанъ особый комитетъ защиты. Пользуясь постояннымъ совѣтомъ приставленнаго къ нему адвоката, комитетъ этотъ разсматриваетъ жалобы женщинъ, даже не принадлежащихъ къ его членамъ, и безплатно даетъ имъ необходимую юридическую помощь и указанія [1]). Кромѣ того, Общество это ведетъ борьбу противъ часто встрѣчающихся злоупотребленій легковѣрностью женщинъ, ищущихъ занятія на дому: съ таковыхъ разные по-

[1]) Впрочемъ, даже въ газетныхъ публикаціяхъ, печатаемыхъ адвокатами съ указаніемъ таксы за ихъ трудъ, очень часто упоминается, что заработокъ работницъ, неправильно задержанный, они взыскиваютъ безъ всякаго за свой трудъ вознагражденія.

средники вымогаютъ деньги подъ предлогомъ указанія источниковъ труда, которыхъ на дѣлѣ не оказывается. Будучи не въ состояніи путемъ закона преслѣдовать этотъ обманъ, Бостонское Воспитательное и Промышленное Общество рѣшилось дѣйствовать путемъ печати и, между прочимъ, разсылаетъ повсюду слѣдующаго рода предостереженія;

„Въ интересахъ женщинъ, ищущихъ заработка, не выходя изъ дома, Общество въ теченіе послѣднихъ лѣтъ изслѣдовало сотни объявленій, предлагающихъ „работу на дому“, и въ длинномъ рядѣ изслѣдованныхъ случаевъ находитъ въ основаніи почти безъ измѣненія вовсе не намѣреніе доставить работу, а выманить деньги и взамѣнъ ихъ дать очень мало или даже ничего. Мы, поэтому, предупреждаемъ женщинъ, чтобы онѣ не давали впередъ денегъ для того, чтобы получить работу на дому“. Предостереженіе это снабжено указаніеми нѣкоторыхъ отраслей труда, годящихся для домашняго производства, и обѣщаніемъ служить своимъ совѣтомъ всякой женщинѣ, которая обратится въ Общество.

Еще болѣе непосредственно служитъ для защиты женщинъ чикагское Общество Protective Agency for Women and Children, включающее въ свою дѣятельность, впрочемъ, и защиту дѣтей. Въ его отчетѣ значатся нѣсколько случаевъ возмутительнаго обмана беззащитныхъ женщинъ, и потому, подобно предыдущему Обществу, оно напечатало рядъ циркуляровъ, изъ которыхъ одинъ „циркуляръ для защиты женщинъ“ представляетъ собою краткое изложеніе установленныхъ закономъ условій найма и расплаты съ указаніемъ адреса, по которому работница можетъ искать себѣ совѣта, въ случаѣ ея обиды. Другой циркуляръ, подъ заглавіемъ „Предостереженіе женщинамъ“, составленъ спеціально по случаю наплыва въ Чикаго молодыхъ дѣвушекъ, ищущихъ занятій во время Выставки; онъ настолько любопытенъ, что заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ. „Берегитесь объявленій о легкой работѣ и хорошемъ жалованьѣ, говорится въ немъ. Берегитесь лицъ, которыя ищутъ вашего знакомства на конкахъ, улицахъ или вокзалахъ. Берегитесь приглашеній на ужинъ, въ театръ или въ другія мѣста увеселенія. Тысячи молодыхъ дѣвушекъ требуются для безнравственныхъ цѣлей, и намъ доподлинно извѣстно, что госпитали, ме-

блированныя комнаты, рекомендательныя конторы, мастерскія и даже школы осаждаются прилично выглядывающими личностями, которыя выискиваютъ себѣ жертвъ. Всякое необходимое свѣдѣніе относительно квартиры и работы будетъ доставлено безплатно по почтѣ или лично въ конторѣ Protective Agency for Women and Children, такой-то адресъ, ежедневно отъ 9 до 5 часовъ".

Защита цѣломудрія дѣвушекъ составляетъ вообще значительную долю дѣятельности этого Общества. Первоначально оно думало всецѣло устранить отъ себя спасеніе уже падшихъ женщинъ и избавиться отъ всякаго сношенія съ полиціей и закономъ. Опытъ показалъ однако, какъ говорится въ отчетѣ предсѣдателя этого Общества г-жи Гарвей, за 1890 годъ, что „для того, чтобы оказать хоть малѣйшую долю защиты всѣмъ женщинамъ и дѣвушкамъ, необходимо начать съ низшей нравственной ступени общества, ибо то, что угрожаетъ слабѣйшимъ изъ насъ, подкапываетъ почву и подъ самыми сильными и стойкими". Въ виду этого Обществу пришлось прибѣгнуть къ преслѣдованію по суду всякихъ злоупотребленій противъ нравственности, даже по отношенію къ лицамъ не совсѣмъ непорочнымъ, и оно провело въ законодательство нѣкоторыя измѣненія въ томъ смыслѣ, что предварительное поведеніе дѣвушки не оправдываетъ преступленія противъ нея, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ идетъ рѣчь объ особахъ моложе 18 лѣтъ.

Какъ видно изъ дѣятельности этого Общества, находящагося исключительно подъ женскимъ руководительствомъ, женщины въ Америкѣ не отстраняются отъ жгучихъ вопросовъ общественной нравственности, а напротивъ дѣятельно работаютъ на поприщѣ наилучшаго разрѣшенія этой стороны женскаго вопроса. 2-го іюня 1893, въ Чикаго происходилъ конгрессъ по вопросамъ общественной нравственности (social purity), и въ числѣ участвующихъ на немъ мы читаемъ имена многихъ женщинъ, которыя не побоялись открыто выступить на обсужденіе вопросовъ, о которыхъ обыкновенно принято умалчивать. Значительную долю членовъ изъ женщинъ насчитываетъ также существующее съ 1886 г. американское Общество The National Christian League for the Promotion of Social Purity, имѣющее цѣлью, какъ гласитъ его уставъ, поднять общественное мнѣніе относительно свойствъ и

требованій морали, съ одинаковою обязательностью ея какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ, и добиться практическаго признанія ея предписаній со стороны отдѣльной личности, семьи и націи.

Всѣмъ извѣстно также широкое движеніе американскихъ женщинъ противъ пьянства, для борьбы съ которымъ онѣ успѣли уже добиться въ нѣкоторыхъ штатахъ запретительныхъ законодательныхъ мѣръ. Въ настоящее время Американское Женское Общество трезвости напоминаетъ о себѣ, между прочимъ, устроенными имъ повсюду на Выставкѣ источниками для питья воды, которые, очевидно, предназначены для отвлеченія народа отъ утоленія жажды пивомъ или спиртными напитками.

Наконецъ, еще на-дняхъ женщины въ большомъ количествѣ участвовали на конгрессѣ по вопросамъ тюрьмовѣдѣнія и преступности, а печатаемые ежедневно отчеты о выпускахъ здѣшнихъ университетовъ насчитываютъ почти одинаковое съ мужчинами число женщинъ-студентокъ, удостоенныхъ отличія и наградъ.

Очевидно, все это должно заставить здѣшнихъ мужчинъ относиться съ уваженіемъ къ женской половинѣ населенія. Въ обращеніи американца съ дамами вы не замѣтите ,можетъ быть, французской галантности, но зато никогда и не увидите тѣхъ усмѣшекъ и ужимокъ, которыми часто сопровождается въ Европѣ появленіе въ общественномъ мѣстѣ представительницы прекраснаго пола, которая и сама чувствуетъ себя неловко въ мужскомъ обществѣ. Здѣшнія отношенія лицъ двухъ половъ можно назвать почтительно-товарищескими, и въ этомъ, мнѣ кажется, Америка похожа нѣсколько развѣ только на Россію, но рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ европейскихъ странъ, не исключая даже Англіи, гдѣ все-таки между женщиной и мужчиной существуетъ какой-то неуловимый барьеръ щепетильности и отчужденности.

4. Американское министерство земледѣлія.

(Посѣщеніе Вашингтона).

Американцы любятъ шутя называть Вашингтонъ, столицу своего государства, „городомъ далекихъ разстояній“. И дѣйствительно, городъ этотъ, по своему населенію подходящій къ Казани или Харькову, разбросанъ на протяженіи пятнадцати квадратныхъ верстъ, пересѣкаясь массой общественныхъ парковъ, садовъ и скверовъ. Всякій пріѣзжій тотчасъ же убѣждается въ справедливости такого прозвища, во время осмотра достопримѣчательностей города. Но еще съ большей справедливостью Вашингтонъ можно было бы назвать „городомъ будущаго“ не потому, что ему собственно предстоитъ особое развитіе и ростъ впереди, но въ томъ смыслѣ, какъ должны и *будутъ* по всей вѣроятности строиться и содержаться города нашими потомками. Никакая чистота и опрятность города, хотя бы самая тщательная, сама по себѣ не даетъ городскому населенію.—что всего важнѣе для его здоровья,—чистаго и свѣжаго воздуха. Для этого необходимо городу имѣть резервуары воздуха въ видѣ полей, луговъ и лѣсовъ внутри своихъ предѣловъ или то, что американцы остроумно называютъ „легкими города“ и чего недостаетъ не только Москвѣ, но даже Вѣнѣ и Парижу. Эту истину давно уже сознали, однако, кое-гдѣ въ Европѣ и по мѣрѣ силъ стараются исправить старый недосмотръ въ этомъ отношеніи обращеніемъ городскихъ пустырей въ сады и парки. Но ни одинъ городъ, мнѣ лично извѣстный, не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи такъ много, какъ столица Америки.

„Какъ можно больше свѣта и воздуха!“—является, повидимому девизомъ ея строителей: широкія, свѣтлыя улицы, обсаженныя по бокамъ развѣсистыми деревьями и сплошь асфальтированныя, что даетъ возможность сравнительно легко ихъ содержать въ чистотѣ; этому же способствуетъ и небольшое сравнительно количество лошадей на улицахъ, которыя въ Европѣ причиняютъ городскимъ управленіямъ столько заботъ по уборкѣ навоза: какъ вездѣ въ Америкѣ, частныхъ экипажей и извощиковъ здѣсь очень мало, общественные же экипажи въ большей части города имѣютъ искусственнаго двигателя—это такъ-называемыя „cable-cars“, конки, передвигаемыя канатомъ, проложеннымъ подъ мостовой, или посредствомъ электричества. Тихо, т. е. почти безшумно двигаются онѣ въ большомъ числѣ по всѣмъ важнѣйшимъ улицамъ города, лишь звонками напоминая о своемъ существованіи и за пустую цѣну перевозя сотни тысячъ народа по всѣмъ концамъ города и побѣждая его дальнія разстоянія. Но всего важнѣе, это — самая система постройки Вашингтона. Въ то время, когда обширные городскіе парки въ Европѣ, даже гдѣ они есть, являются на половину безполезными для бѣднѣйшаго населенія, такъ какъ эти мѣста захватываются обыкновенно жилищами для богатыхъ людей (примѣры: Thiergarten, Bois de Boulogne и даже Центральный паркъ въ Нью-Іоркѣ), наоборотъ въ Вашингтонѣ всѣ эти насажденія деревьевъ или устройство резервуаровъ свѣжаго воздуха распредѣлены такъ сказать *равномѣрно*. Прежде всего, Вашингтонъ изъ той площади (District of Columbia), которая отведена была въ прошломъ вѣкѣ его строителями (10 англійскихъ миль), часть оставилъ совсѣмъ незанятой подъ пашнями и лугами для будущихъ надобностей города; часть же въ намѣченномъ заранѣе планѣ (до 513 акровъ или 170 десятинъ пространствомъ) отвелъ подъ общественные сады и скверы по всему городу (въ 17 мѣстахъ), размѣрами отъ 2 и до 83 акровъ каждый паркъ или садъ. Такимъ образомъ, куда бы вы ни обратили вашъ взглядъ въ Вашингтонѣ, вы чувствуете присутствіе деревьевъ и даже слышите запахъ цвѣтовъ, а пройдя небольшое разстояніе въ любую сторону, непремѣнно придете къ какому-нибудь парку или саду, для всѣхъ одинаково гостепріимно открытому.

Но если городское благоустройство Вашингтона невольно наводитъ на мысль о томъ идеалѣ, къ которому должны стремиться наши европейскіе города въ будущемъ, то тѣ же самыя мысли одинаково приходятъ въ голову и послѣ случайнаго посѣщенія нами американскаго административнаго учрежденія, о которомъ я намѣренъ поговорить подробнѣе. По дорогѣ на Выставку, пріѣхавши въ Вашингтонъ, я вздумалъ посѣтить г. Гарриса, къ которому направлено было одно изъ многихъ рекомендательныхъ писемъ, любезно данныхъ мнѣ моими русскими друзьями и американскими знакомыми. По справкѣ въ адресъ-календарѣ въ Вашингтонѣ я узналъ, что г. Гаррисъ—лицо довольно видное, директоръ главной сельско-хозяйственной опытной станціи, и его адресъ: „Департаментъ земледѣлія“, куда я и отправился для свиданія съ нимъ по мѣсту его службы. Лично г. Гаррисъ интересовалъ меня лишь какъ авторъ одной превосходной статьи въ *Century* по предмету моихъ текущихъ занятій; о характерѣ же его дѣятельности и вообще объ организаціи управленія земледѣліемъ въ Америкѣ я не имѣлъ опредѣленнаго понятія. Направляясь отыскивать г. Гарриса въ департаментъ земледѣлія, я ожидалъ увидѣть нѣчто въ родѣ канцеляріи со множествомъ чиновниковъ, пишущихъ бумаги; между тѣмъ характеръ учрежденія оказался совсѣмъ иной, и оно произвело на меня такое впечатлѣніе, что я хочу немедленно подѣлиться имъ съ моими читателями.

Американскій департаментъ землѣдѣлія, въ сущности—министерство земледѣлія, — посѣщенный мною при любезномъ руководствѣ г. Гарриса, по роду своихъ занятій и обстановкѣ скорѣе напоминаетъ собою собраніе университетскихъ лабораторій и ученыхъ кабинетовъ съ профессорами, ихъ помощниками и рабочими, нежели обычныя въ Европѣ учрежденія съ подобнымъ ему названіемъ. Кромѣ такъ называемаго „бюро погоды“ (Weather Bureau), перенесеннаго въ департаментъ изъ военнаго вѣдомства всего лишь въ іюлѣ 1891 года, департаментъ земледѣлія состоитъ изъ 12-ти отдѣленій, изъ которыхъ мною были посѣщены слѣдующія: 1) отдѣленіе энтомологіи и его начальникъ, профессоръ *С. В. Рили* (Riley); 2) отдѣленіе растительной патологіи и его начальникъ — профессоръ *Б. Т. Галловей* (Galloway); 3) отдѣленіе ботаники—профессоръ *Ковиллъ*

(Coville); 4) отдѣленіе статистики—г. *С. В. Робинзонъ*, единственное лицо—не профессоръ, но бывшій завѣдующій статистическимъ отдѣленіемъ штата Мичиганъ и извѣстный своими крупными статистическими работами; 5) редакціонное отдѣленіе департамента—редакторъ проф. *Джоржъ Вилльямъ Гилл*; наконецъ, 6) обязанность директора собственно опытной станціи исполняетъ, какъ было упомянуто, профессоръ *А. В. Гаррисъ*, при чемъ, впрочемъ, всѣ вышеупомянутыя лица совершенно отъ него независимы и самостоятельны. Общее же завѣдываніе департаментомъ лежитъ на г. *Рёскъ* (Rusk), носящемъ званіе „секретаря земледѣлія" (нѣчто въ родѣ министра *). Какъ это лицо, такъ и самъ г. Гаррисъ, а кажется и нѣкоторые изъ прочихъ начальниковъ отдѣленій, имѣютъ по одному помощнику; затѣмъ въ каждомъ отдѣленіи имѣется нѣсколько работниковъ и работницъ для производства разныхъ опытовъ и довольно значительное число ихъ въ отдѣленіи ботаники спеціально для упаковки и разсылки сѣмянъ по странѣ въ видахъ улучшенія растеній. Наконецъ, всѣ письменныя работы департамента исполняются, помимо самихъ завѣдующихъ, какимъ-нибудь десяткомъ дѣвицъ, бойко пишущихъ на машинахъ Ремингтона; самъ г. Гаррисъ — директоръ главной опытной станціи — обходится, напримѣръ, какъ мы видѣли, съ однимъ подобнымъ писцомъ.

„Наше учрежденіе,—говорилъ мнѣ г. Гаррисъ,—въ настоящемъ его видѣ есть учрежденіе новое и возникло всего лишь въ восьмидесятыхъ годахъ по примѣру такъ называемыхъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій, появившихся у насъ въ разныхъ штатахъ, при чемъ начало имъ положилъ веслеянскій университетъ въ Миддльтоунѣ въ штатѣ Коннектикутъ, кото-

*) Кромѣ перечисленныхъ, существуютъ еще слѣдующія отдѣленія департамента земледѣлія, нами не посѣщенныя, почему мы о нихъ и не говорили: 7) отдѣленіе скотоводства — д-ръ Сальмонъ (d-r D. E. Salmon), 8) отдѣленіе химіи—проф. Вилей (Wiley), 9) отдѣленіе лѣсоводства—г. Фернонъ (B. E. Fernon), 10) отдѣленіе плодоводства—г. фонъ-Деманъ (H. E, Van Deman), 11) отдѣленіе сѣмянъ—г. Пеккъ (J. B Peck) и 12) отдѣленіе орнитологіи—г. Мерріамъ. Наконецъ, къ услугамъ всѣхъ отдѣленій имѣется техникъ (Engineer) John Harvey съ помощникомъ и рабочими. Въ настоящее время (конецъ 1895 г.), насколько могу судить по World's Almanak этотъ штатъ значительно измѣнился.

рый завелъ химическую лабораторію спеціально для изслѣдованія кормовъ скота и искусственныхъ удобреній. Штатъ за штатомъ заводилъ подобныя же учрежденія, прибѣгая къ помощи науки и сообразно мѣстнымъ условіямъ. Опытныя станціи въ Луизіанѣ занимались, напр., разными экспериментами по улучшенію сахарнаго тростника, въ Висконсинѣ—выкормкой свиней, въ Новой Англіи—анализами привознаго гуано, въ Калифорніи—улучшеніемъ плодоводства и спеціально виноградарства и борьбой съ ихъ многочисленными врагами животнаго и растительнаго царства и т. д. и т. д. Дѣло шло вездѣ настолько успѣшно и выгоды оказались настолько осязательны, что мы подвинули нашъ конгрессъ помочь начатому своимъ участіемъ. И вотъ, въ 1887 году, центральное правительство обѣщало ежегодную субсидію въ 15,000 долларовъ тому штату или территоріи, которые заведутъ земледѣльческое училище или отдѣленіе или, наконецъ, опытную сельско-хозяйственную станцію. Въ короткое время каждый штатъ имѣлъ по крайней мѣрѣ одну такую станцію, нѣкоторые—по двѣ и даже по три. Число сельскохозяйственныхъ училищъ также быстро растетъ. Земледѣлецъ консервативенъ и вообще мало подвиженъ; но, видя осязательную практическую пользу различныхъ опытовъ и экспериментовъ на станціяхъ, онъ невольно преклоняется передъ наукой и посылаетъ своихъ сыновей и даже дочерей учиться научнымъ пріемамъ земледѣлія. Но необходимо было объединить работы отдѣльныхъ станцій и важно было также дать болѣе строгое научное основаніе опытамъ, имѣющимъ общее значеніе, для всей страны: съ этой цѣлью была основана конгрессомъ наша вашингтонская опытная станція, и самъ департаментъ земледѣлія, у котораго она является ячейкой собственно представляетъ у насъ ни что иное, какъ обширную и разностороннюю лабораторію по всевозможнымъ отраслямъ прикладнаго знанія, призваннаго служить на пользу земледѣлія".

Бесѣда съ г. Гаррисомъ и съ другими профессорами, завѣдующими разными отдѣленіями вашингтонскаго департамента земледѣлія, мнѣ болѣе и болѣе выяснили характеръ учрежденія. Проф. Рили, напр., изучаетъ по преимуществу вредныхъ насѣкомыхъ, изслѣдуетъ ихъ жизнь и привычки, ихъ друзей и враговъ рѣшительно по всему міру; поэтому онъ находится въ

тщательной перепискѣ и сношеніяхъ со всѣми выдающимися людьми по своей спеціальности, придумываетъ хитроумные снаряды и приборы для истребленія этихъ насѣкомыхъ или другія средства для той же цѣли. Проф. Галловей, съ энтузіазмомъ погруженный въ изученіе растительной патологіи, разыскиваетъ и изслѣдуетъ преимущественно разныхъ паразитовъ у растеній и успѣлъ достигнуть въ этомъ, какъ я убѣдился лично, удивительныхъ результатовъ. „Съ фермерами, т. е. земледѣльцами, мы слѣдуемъ въ нашемъ дѣлѣ тому же наглядному методу обученія, который примѣняется въ школахъ. Вотъ посмотрите на эти фотографіи и раскрашенныя картинки, которыя, представляя результаты нашихъ трудовъ и завоевывая для насъ довѣріе землевладѣльцевъ, къ концѣ-концовъ, навѣрное, приносятъ странѣ многіе милліоны долларовъ, вмѣсто тѣхъ тысячъ (20 тыс. дол.), которыя тратятся на наши лабораторіи". Оказывается, что, производя опыты борьбы съ разными паразитами въ своихъ питомникахъ и поляхъ, проф. Галловей постоянно пользуется фотографіей, получая точные снимки не только разрушительной силы паразитовъ надъ растеніями, но и наглядныя послѣдствія ихъ истребленія. Передъ нашими взорами прошелъ цѣлый колейдоскопъ такихъ рисунковъ. Гряды, рядомъ лежащія, картофеля, табаку и другихъ растеній, зараженныя различными болѣзнями съ мудреными названіями: на одной грядкѣ пышные цвѣтущіе экземпляры, какъ результатъ предупредительныхъ мѣръ, на другой же—лишь жалкіе комли или остатки стеблей. Виноградъ, груши, персики, сливы съ ихъ разнообразными болѣзнями и способами лѣченія наглядно, фотографическими снимками, убѣждаютъ самыхъ невѣрующихъ въ пользѣ придуманныхъ людьми науки способовъ борьбы съ даннымъ хозяйственнымъ бѣдствіемъ.

Каковы, однако, *экономическіе* результаты всей этой научно-административной дѣятельности вашингтонскаго „департамента земледѣлія" и его ученыхъ сподвижниковъ? Они настолько велики, по словамъ лицъ, близко знакомыхъ съ американскимъ земледѣліемъ, что трудно поддаются точному разсчету. Достаточно напр., указать, что „бюро погоды" каждодневно, отъ 8 до 11 ч. утра, опредѣляя съ помощью свѣдѣній, телеграфнымъ путемъ полученныхъ со всей страны, вѣроятность погоды

на этотъ день, достигаетъ такой точности предсказанія, которая въ Европѣ еще немыслима, но служитъ уже для руководства чуть не каждаго американскаго хозяина, не говоря уже о разнообразной пользѣ для торговли и мореплаванія: вѣроятная высота стоянія водъ, предсказанная за нѣсколько дней, вѣроятная температура при торговлѣ, напр., товарами, легко подвергающимися порчѣ, вѣроятность шторма или урагана для судна, готоваго къ отплытію, все это, конечно, должно оцѣниваться многими милліонами долларовъ и приносить странѣ неисчислимую пользу.

— Вы, конечно, какъ иностранецъ, соединяете съ понятіемъ о Калифорніи, говорилъ мнѣ г. Гаррисъ, представленіе лишь какъ о странѣ богатой золотомъ; между тѣмъ она въ дѣйствительности гораздо больше добываетъ чужого золота своими плодами и виноградомъ, нежели собственнаго въ нѣдрахъ земли. Недавно только апельсинное садоводство Калифорніи, оцѣниваемое теперь на многіе милліоны долларовъ едва не погибло, благодаря одному зловредному насѣкомому, случайно занесенному туда изъ Австраліи. Всѣ мѣстныя усилія бороться съ этимъ паразитомъ оказались тщетны: тогда мы принялись за изученіе этого насѣкомаго, изслѣдовали, такъ сказать, всю исторію его жизни (life history) и разыскали ему также противниковъ въ лицѣ другого насѣкомаго, котораго искусственно вскормили и воспитали, и въ настоящее время, послѣ короткаго времени борьбы, мы можемъ, празднуя побѣду, смѣло сказать, что спасли калифорнійское садоводство отъ величайшаго бѣдствія, которое ему угрожало". То же самое произошло и въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ съ виноградомъ, картофелемъ и иными растеніями. „Но не менѣе важно, добавилъ г. Гаррисъ, нравственное значеніе всѣхъ этихъ завоеваній науки; фермеры, для которыхъ прежде научная терминологія была абракадаброй и вызывала лишь сомнѣніе, если не глумленіе, теперь сами начинаютъ дѣятельно прибѣгать къ ней во время своихъ собраній и митинговъ: „углеродъ", „протеинъ", „бѣлковыя вещества", „значеніе жировъ" и т. п. слышится теперь на ихъ собраніяхъ такъ же часто, какъ въ какомъ-нибудь ученомъ Обществѣ. Прежде, напр., торговецъ удобреніями въ публикаціи о продажѣ восхвалялъ свой товаръ

общими мѣстами, разсчитанными на простяковъ, а нынѣ приводитъ его химическій анализъ или сертификатъ его изслѣдованія, полученный изъ нашей лабораторіи".

Думаемъ, что эти факты настолько сами говорятъ за себя, что не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Sapienti sat!

Вашингтонъ, 6 іюня (25 мая) 1893 г.

5. Чикаго и Всемірная Выставка.

I.

Еще задолго, собираясь на Выставку въ Чикаго, я старался собрать все о немъ печатанное, чтобы составить ясное понятіе о городѣ и о Выставкѣ и не явиться на нее съ закрытыми глазами: Grieben's Reisebuch (Von deutschen Häfen etc.), Bruckmann's Reiseführer (Chicago 33—34), Hill's Souvenir Guide, Rand, M. Nallys and C⁰ Hand-Book, Official Guide to the Exposition, извѣстная книга Hesse — Wartegg: Nordamerika и его же статья о Чикаго и еще многое другое было мною просмотрѣно и перечитано, къ сажалѣнію, въ значительной степени безполезно: Дѣло въ томъ, что я еще не зналъ близко слабости американцевъ къ рекламамъ и преувеличеніямъ и привыкъ въ Европѣ довѣрять трезвости тона и правдивости сужденій путеводителей въ родѣ Бэдекера или Мёррея. Прежде всего оказались весьма далекими отъ истины всѣ мои представленія о самомъ городѣ Чикаго, которыя успѣли составиться на основаніи предварительнаго знакомства съ означенной литературой. Я рисовалъ себѣ въ воображеніи Чикаго какимъ-то городомъ чудесъ, въ своемъ родѣ младенцемъ-Геркулесомъ, задушившимъ въ колыбели огромныхъ змѣй. Въ самомъ дѣлѣ: жалкая деревушка еще въ 1835 году, небольшой городокъ въ пятидесятыхъ годахъ, нынѣ является громаднымъ и величественнымъ городомъ съ милліоннымъ населеніемъ, первымъ послѣ Нью-Іорка на всемъ материкѣ Америки, а по своей торговлѣ и промы-

шленности, развиваясь необыкновенно быстро, онъ спѣшитъ перегнать и оставить за собою многіе важные центры и Стараго Свѣта. Удаленный на тысячу верстъ отъ моря, Чикаго тѣмъ не менѣе является крупнымъ вывознымъ портомъ Соединенныхъ Штатовъ и растетъ какъ сказочный богатырь не по днямъ, а по часамъ. Сгорѣвши до тла въ 1871 году, онъ возстаетъ черезъ какой-нибудь годъ въ несравненно лучшемъ видѣ, чѣмъ прежде: прежнія хижины замѣняются домами, а дома — дворцами. Быстрый ростъ населенія естественнымъ нарожденіемъ и приливомъ извнѣ не находитъ себѣ мѣста въ прежнихъ границахъ и площадь города увеличивается чуть-ли не сильнѣе еще, нежели само населеніе. Еще въ маѣ 1887 года городъ Чикаго занималъ собою 36 съ небольшимъ квадратныхъ миль, а въ декабрѣ того же года—уже 43, въ іюлѣ 1888 года—цѣлыхъ 172 кв. мили, а въ концѣ 1890 года (послѣднія данныя)—болѣе 180!..

Увы! дѣйствительность съ перваго же дня моего пребыванія весьма сильно меня разочаровала. Еще подъѣзжая по Пенсильванской дорогѣ къ главной станціи Чикаго, лежащей въ самомъ центрѣ его, я былъ крайне удивленъ характеромъ построекъ и расположеніемъ города. Не менѣе четверти часа пришлось нашему поѣзду двигаться, пересѣкая всю западную половину Чикаго, и мы видѣли изъ оконъ вагоновъ лишь маленькіе двухъэтажные, а частью одноэтажные домики, сколоченные наскоро, очевидно фабричнаго производства, какъ это здѣсь принято, т. е. срубленные и заготовленные заранѣе, оптомъ,—и всѣ эти неважныя постройки безпрестанно пересѣкаются огромными пустырями самой неприглядной наружности и даже просто болотами. Мы полагали сначала, что это лишь пригородъ Чикаго, но на вопросъ у кондуктора получили въ отвѣтъ что давно уже находимся въ срединѣ города и сейчасъ остановимся у 22-й улицы... Немного далѣе характеръ постройки измѣнился: пошли каменные дома, 3-хъ и 4-хъ-этажные и изрѣдка между ними выдавались много-этажные великаны, скорѣе башни, чѣмъ дома,—и вотъ нашъ поѣздъ остановился у центральной соединительной станціи города (Union Depot).

Первыя внѣшнія впечатлѣнія оказались такимъ образомъ далеко не въ пользу Чикаго. На первыхъ же шагахъ послѣ

выхода изъ станціи это неблагопріятное впечатлѣніе нашло себѣ дальнѣйшую пищу. Улицы оказались въ самомъ центрѣ крайне грязны и вымощены такъ отвратительно, что приходилось вспоминать даже о московскихъ мостовыхъ чуть ли не съ сожалѣніемъ. Великаны-дома, о которыхъ столько трубили всѣ гиды и описанія Чикаго, оказались настолько безобразными и несимметричными бокъ-о-бокъ съ окружающей ихъ обстановкой, что не производили никакого эффекта и, затемняя лишь и безъ того мрачныя и грязныя улицы, невольно вызывали вопросъ: для чего они выстроены, когда вругомъ лежитъ такъ много пустырей? Чуть не въ двухъ шагахъ отъ этихъ многоэтажныхъ построекъ на лучшихъ улицахъ города, какъ извѣстная State street, вы можете видѣть кучу двухъ и даже одноэтажныхъ домиковъ (у англичанъ называемыхъ коттэджами) и выдаются лоскуты незастроенной земли, заваленной мусоромъ и разной дрянью, а каменный или асфальтовый тротуаръ нерѣдко прерывается и мѣсто его занимаютъ деревянные, часто полусгнившіе мостки, на которыхъ рискуешь сломать ногу; воображеніе русскаго при этомъ невольно переноситъ его мыслью на далекую родину,—въ какую-нибудь глушь сѣверной Россіи съ тамошней грязью и деревянными, вѣчно неисправными мостовыми. Многія улицы въ Чикаго совсѣмъ не мощены, большинство же имѣетъ крайне неряшливо-сдѣланную торцовую мостовую, которая, подобно булыжной московской,—вѣчно портится и находится въ хронической починкѣ, объясняя между прочимъ, вмѣстѣ со множествомъ деревянныхъ построекъ, разрушительный пожаръ 1871 года, который и теперь можетъ легко во всякое время повториться. Вообще, если и Нью-Іоркъ нельзя признать за благоустроенный городъ, сравнительно съ большинствомъ европейскихъ центровъ, то тѣмъ въ большей степени это утвержденіе примѣнимо въ Чикаго, который, не смотря на свое слишкомъ милліонное населеніе и длину чуть не въ 30 верстъ, своимъ благоустройствомъ скорѣе напоминаетъ маленькій провинціальный городъ, а не „столицу запада“ и вмѣсто „города садовъ“ (Garden City), какъ его часто называютъ, можетъ быть справедливѣе названъ „городомъ пустопорожнихъ мѣстъ“. Самая величина его, являясь немалымъ зломъ для передвиженія жителей, въ свою очередь вызвана другимъ вели-

кимъ зломъ страны — земельной спекуляціей. Множество участковъ внутри самаго города сосредоточено въ рукахъ кучки людей, называемыхъ здѣсь земельными „акулами“, которые по десяткамъ лѣтъ перепродавая другъ-другу эту землю, удерживаютъ ее за собою, спекулируя на будущее повышеніе ея цѣны. Это же обстоятельство вѣроятно вызвало въ городѣ, безъ нужды разросшемся, и воздвиженіе нѣсколькихъ многоэтажныхъ зданій внутри его дѣловой части.

Добавьте ко всему этому неустройству дороговизну жизни въ Чикаго, дурную организацію полиціи безопасности, вызывающую нескончаемыя ежедневныя жалобы на грабежи и воровство, отсутствіе дренажа (отчего послѣ сильнаго дождя многія улицы превращаются въ непроходимое болото), нездоровый климатъ, чуть не тропическую и притомъ сухую жару лѣтомъ и дурную воду постоянно. По словамъ доктора Гарта, члена Лондонскаго Board of Health, недавно, къ огорченію муниципалитета, изслѣдовавшаго здѣсь эту воду, чикагскіе обыватели вмѣстѣ съ нею выпиваютъ не менѣе какъ четвертую часть своихъ собственныхъ отбросовъ, спускаемыхъ въ то же озеро Мичиганъ, откуда берется и вода для питья. Такимъ образомъ, несмотря на все торгово-промышленное значеніе Чикаго, трудно было выбрать хуже пунктъ въ Соединенныхъ Штатахъ для Всемірной Выставки и привлеченія иностранцевъ. Въ послѣднемъ отношеніи, какъ извѣстно, несмотря на всѣ достоинства Выставки, о которыхъ будемъ говорить дальше, сами чикагцы уже успѣли разочароваться: наплывъ иностранцевъ крайне ничтоженъ и во всякомъ случаѣ ниже числа американцевъ, уѣхавшихъ этимъ лѣтомъ въ Европу. Даже американцы, попавшіе въ Чикаго, какъ видно изъ газетъ, стараются свести свое пребываніе здѣсь на нѣсколько дней и поскорѣе убраться изъ душнаго и непріятнаго города, мнѣ лично изъ всѣхъ городовъ, которые я видѣлъ на свѣтѣ, всего больше напоминающаго нашу Лодзь.

Но перейдемъ къ болѣе интересному предмету—къ Выставкѣ. Весьма естественно, что разочарованный въ прочитанныхъ мною описаніяхъ Чикаго, я долженъ былъ, отправляясь въ первый разъ на Выставку, оказаться нѣсколько предубѣжденнымъ и противъ нея. Но на этотъ разъ пришлось разочаро-

ваться уже самымъ пріятнымъ образомъ: по своей красотѣ, богатству и поучительности она вызываетъ невольное удивленіе и полное признаніе ея достоинствъ, хотя можетъ быть не въ мѣру расточаемыя похвалы этому „восьмому чуду міра“, какъ называютъ ее нѣкоторыя американскія газеты, и не найдутъ себѣ оправданія. Но все на свѣтѣ, конечно, относительно. Изъ всемірныхъ выставокъ мнѣ пришлось быть лишь на послѣдней, Парижской, которая во многихъ отношеніяхъ признавалась весьма удачной. Поэтому лучше всего я и позволю себѣ сравнивать Чикагскую Колумбійскую Выставку съ выставкой 1889 года въ Парижѣ, наиболѣе притомъ у насъ извѣстной. Я не буду вдаваться въ описаніе размѣровъ, числа построекъ и количества истраченныхъ денегъ, ибо въ этомъ отношеніи всѣ имѣющіяся на лицо данныя страдаютъ той же неточностью, какъ и отзывы гидовъ о Чикаго, особенно когда они сопоставляются самими американцами съ данными французской Выставки. Укажу, напримѣръ, для курьеза, что всѣ указатели противорѣчатъ даже по такому простому вопросу, какъ пространство земли, занимаемое настоящей Выставкой. Согласно, напр., оффиціальному гиду Выставки, она занимаетъ площадь Jackson Park въ 533 акра и такъ назыв. Midway Plaisance въ 80 акровъ, т. е. всего вмѣстѣ 613 (слѣдовательно примѣрно около 204 русскихъ десятинъ); гидъ Гилля показываетъ уже на 20 акровъ больше (633), а гидъ Ранда, Макъ Нелли и К° даетъ цѣлыхъ 1037 акровъ; а такъ какъ Парижская Выставка 1889 года занимала 173 акра, то слѣдовательно можно заключить, что Выставка въ Чикаго больше ея или въ четыре, или даже въ семь разъ, если признать послѣднюю цифру акровъ за вѣрную!?. Въ виду подобныхъ противорѣчій я и не буду останавливаться на этой сторонѣ вопроса, ограничиваясь въ сравненіяхъ исключительно моими личными впечатлѣніями на здѣшней Выставкѣ и воспоминаніями о Парижской.

Если стать на эту точку зрѣнія, то во всякомъ случаѣ настоящая Всемірная Выставка представится гораздо больше предшествующей, хотя съ перваго взгляда можетъ и не поразить своей величиной неопытнаго наблюдателя, совершающаго свое передвиженіе исключительно пѣшкомъ. Дѣло въ томъ, что Выставка въ Чикаго, обратно съ Парижской, представляетъ

собою огромный усѣченный трехугольникъ съ широкимъ основаніемъ; единственное уклоненіе отъ этой формы, это—Midway Plaisance, которая въ видѣ языка или ленты присоединяется къ главной площади, но, не заключая въ себѣ ничего, кромѣ увеселительныхъ заведеній, можетъ почти не идти въ разсчетъ. Парижская Выставка, какъ извѣстно, расположена была частью на Марсовомъ полѣ, сзади Дома Инвалидовъ, частью на другомъ берегу Сены, въ двухъ притомъ отдѣльныхъ мѣстахъ, и, главное, тянулась длинной полосой (весь земледѣльческій отдѣлъ) вдоль Сены по Quai d'Orsay. Поэтому пройти въ теченіе, напр., одного дня всѣ части Выставки въ Парижѣ, хотя бы по одному разу, оказывалось почти невозможнымъ, вслѣдствіе ея растянутости и разбросанности на много верстъ. Наоборотъ, Выставка Чикагская расположена чрезвычайно удачно: всѣ зданія сгруппированы недалеко другъ отъ друга, хотя въ то же время, благодаря каналамъ и водѣ, вовсе не скучены, а потому осмотръ ея, несмотря на гораздо большее пространство, несравненно удобнѣе и легче, нежели это было въ Парижѣ, въ чемъ между прочимъ и заключается, конечно, ея большое достоинство.

Съ другой стороны, Парижская Выставка, благодаря именно этому расположенію своихъ построекъ, много несомнѣнно проигрывала и внѣшнимъ образомъ, не смотря на всѣмъ извѣстный вкусъ и изящество французскаго народа. Даже такія величественныя зданія, какъ отдѣлъ дѣйствующихъ машинъ или механическій, не производили тамъ должнаго впечатлѣнія, вслѣдствіе скученности построекъ и недостатка свободнаго пространства вокругъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ настоящая Чикагская Выставка имѣетъ рѣшительныя преимущества: почти каждое зданіе, на ней воздвигнутое, стоитъ особнякомъ и производитъ то впечатлѣніе, которое оно должно производить, а вода озера и каналовъ, пересѣкающихъ все пространство Выставки въ разныхъ направленіяхъ, мѣстами доставляетъ нѣкоторымъ ея зданіямъ такую прекрасную и эффектную рамку, которая не имѣла ничего себѣ подобнаго на предшествующихъ выставкахъ. Второе преимущество настоящей Выставки заключается опять-таки въ ея внѣшнемъ поражающемъ воображеніе видѣ. Какъ извѣстно, чуть не всѣ Выставки, со времени по-

стройки Хрустальнаго дворца въ Сайденгамѣ, преимущественно строились изъ желѣза и стекла, и эта наружность всевозможныхъ выставокъ, одинаково во всѣхъ концахъ міра, сдѣлалась до того казенной, что лицу, видѣвшему ихъ много, трудно даже какъ-то вообразить выставку безъ черныхъ желѣзныхъ стѣнъ и блестящихъ стеклянныхъ крышъ, нѣчто въ родѣ огромныхъ оранжерей... Американцы, по моему мнѣнію, весьма остроумно избѣжали этой казенщины во внѣшности своей выставки изобрѣтеніемъ какой-то особой штукатурки, которой покрыли всѣ стѣны зданій, а частію и выкрасили крыши, благодаря чему „всемірная ярмарка“, какъ любятъ совершенно неправильно*) называть американцы свою теперешнюю Выставку, превратилась въ какой-то волшебный *„бѣлый городъ“* (White City), который уноситъ воображеніе въ отдаленныя времена древней Эллады, при видѣ длиннаго ряда ярко залитыхъ жгучимъ солнцемъ бѣлыхъ и стройныхъ колоннъ и портиковъ, сквозь которые виднѣется безбрежное озеро, вполнѣ дающее иллюзію южнаго моря. Если стать спиной къ озеру, то представится зрѣлище еще болѣе удивительное: направо виднѣется приземистое зданіе Transportation (Выставка передвиженія) съ чрезвычайно оригинальнымъ порталомъ, напоминающимъ входъ въ какой-то огромный египетскій или восточный храмъ; прямо—высокое куполообразное Administration building (зданіе администраціи Выставки), напоминающее скорѣе всего христіанскій храмъ въ родѣ лондонскаго Павла, только съ огромнымъ золоченымъ куполомъ; наконецъ, вдоль озера тянется небывалыхъ размѣровъ роскошное зданіе мануфактуръ, заключающее подъ своей двойной стеклянной крышей пространство болѣе 14-ти русскихъ десятинъ. Огромная золоченая „Статуя Свободы“ Бартольди напоминаетъ XVIII вѣкъ, легкій и фигурный фонтанъ приводитъ на память Версаль, а длинный и узкій каналъ—венеціанскія лагуны, по которымъ плавно и безшумно двигаются гондолы и раздаются иногда баркароллы настоящихъ гондольеровъ, выписанныхъ изъ Венеціи.

*) Неправильнымъ слово «ярмарка» въ примѣненіи къ Чикагской Выставкѣ является потому, что на ней именно больше, чѣмъ на какихъ-либо иныхъ выставкахъ, отсутствуетъ торговля выставленными предметами, благодаря, вѣроятно, главнымъ образомъ таможеннымъ затрудненіямъ.

Противоположная часть выставки, удаленная отъ озера, не менѣе поражаетъ разнообразіемъ своей красоты. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ женское зданіе, изящное и граціозное, какъ все—бѣлаго цвѣта и съ крышей, украшенной статуями въ античномъ вкусѣ, и гораздо бо́льшихъ размѣровъ, нежели это представляется съ перваго раза по сравненію съ подавляющими своей величиною сосѣдними зданіями. Затѣмъ тянутся подъ угломъ цѣлыя двѣ улицы зданій отдѣльныхъ „Штатовъ“, каждое съ собственной наружностью и архитектурой. Ближайшее зданіе производитъ совершенно впечатлѣніе средневѣковаго монастыря съ колокольнями и высокими бѣлыми стѣнами—это штатъ Калифорнія; за нимъ большой сельскій домъ штата Индіаны, Висконсинъ, Колорадо, Огайо и многіе другіе: на каждомъ лежитъ печать особенности. Иллинойсу, какъ и подобаетъ штату, въ городѣ котораго, Чикаго, происходитъ выставка, принадлежитъ доминирующее мѣсто, и куполъ его высоко выдается надъ всѣми зданіями. На противоположной сторонѣ огромнаго пруда лежитъ храмъ искусства, величественное зданіе съ колоннадами и широкими лѣстницами, задрапированное съ трехъ сторонъ зеленью деревьевъ и кустарниковъ, которые еще ярче выдѣляютъ бѣлизну его стѣнъ и статуй. Такъ называемое Правительственное зданіе (Government Building), зданіе рыболовства, садоводства, земледѣлія и многіе десятки другихъ, разбросанныя по обширному парку, каждое имѣетъ свою физіономію, не портя въ то же время и цѣльности общаго впечатлѣнія: этой послѣдней способствуетъ, пожалуй, бѣлый цвѣтъ всѣхъ зданій, производящій иллюзію мрамора, заставляя лишь сожалѣть, что всѣ эти роскошныя разнообразныя зданія осуждены на эфемерное существованіе и ближайшей же зимою, кромѣ зданія искусства, согласно условію дирекціи выставки съ городомъ, должны быть снесены съ лица земли.

Если внѣшнія преимущества Чикагской Выставки передъ Парижской не подлежатъ сомнѣнію, то труднѣе отвѣтить на вопросъ объ ея внутреннихъ достоинствахъ, что, разумѣется, прежде всего зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на цѣль и значеніе всемірныхъ выставокъ вообще. Въ первое время ихъ устройства, въ серединѣ текущаго вѣка, въ подобныхъ выставкахъ видѣли своего рода международныя торжища, состязанія

трудолюбія, искусства и образованности разныхъ націй. Предполагалось, что каждый народъ привезетъ на подобную выставку въ лицѣ своихъ промышленниковъ, художниковъ и ученыхъ все лучшее, что онъ можетъ сдѣлать и чего онъ успѣлъ достигнуть на поприщѣ промышленности, науки и искусства: происходитъ всеобщее соревнованіе, и достойнѣйшіе увѣнчиваются наградой. Вскорѣ однако пришлось отказаться въ значительной степени отъ такого воззрѣнія: практика нѣсколькихъ выставокъ показала, что предметы промышленности и искусства, на нихъ имѣющіеся, далеко не всегда представляютъ истинную картину степени промышленнаго и особенно культурнаго развитія народа. Нѣсколько образцовъ производства могутъ доказывать, напримѣръ, что въ странѣ возможно въ одиночныхъ случаяхъ высокой степени техническое усовершенствованіе какого-либо предмета или товара, но что въ то же самое время общій уровень данной отрасли промышленности въ странѣ можетъ стоять крайне низко, и слѣдовательно выставка лишь способствуетъ заблужденію, давая ложное представленіе о положеніи промышленности данной страны. И вотъ явился поворотъ въ мнѣніяхъ: стали утверждать, что каждая выставка по возможности должна представлять лишь истинную картину жизни народа и выставлять не только исключительныя совершенства и успѣхи въ той или иной отрасли труда, но и образцы того средняго общаго масштаба промышленности, который имѣетъ мѣсто въ каждой странѣ. Такимъ образомъ, рядомъ, напримѣръ, съ севрскимъ фарфоромъ должна явиться и та простая глиняная или деревянная посуда для каждодневнаго потребленія, изъ которой ѣстъ и пьетъ весь народъ, рядомъ съ роскошными узорчатыми тканями и тотъ простой холстъ или грубая дерюга, въ которую онъ, можетъ быть, одѣвается.

Но, къ сожалѣнію, и послѣднее мнѣніе не нашло себѣ должнаго выраженія, исключая развѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ выставокъ; причина въ томъ, что никакой народъ не желаетъ ударить въ грязь лицомъ передъ сосѣдями и выставить себя хуже въ какомъ бы то ни было отношеніи передъ другими націями. Кромѣ того, выставки нигдѣ не устраиваетъ, разумѣется, весь народъ или даже его большинство, а отдѣльныя личности преимущественно торгово-промышленнаго класса, всѣ интересы

которыхъ заключаются, конечно, лишь въ томъ, чтобы показать свой товаръ лицомъ и распространить его сбытъ, и самая связь ихъ съ народомъ часто весьма искусственная и внѣшняя: ibi bene, ubi patria. Такимъ образомъ изъ своего первоначальнаго идеализированнаго назначенія всемірныя выставки сошли постепенно за сорокъ лѣтъ своего существованія (первая Выставка въ Лондонѣ въ 1851 году) на степень случайныхъ, болѣе или менѣе богатыхъ собраній экономическихъ картинокъ изъ жизни разныхъ народовъ. Само собою разумѣется, что картинки эти могутъ быть крайне поучительны, хотя въ большинствѣ случаевъ и не даютъ права судить объ общемъ экономическомъ положеніи народа и его истинномъ промышленномъ и умственномъ развитіи, а иногда прямо носятъ характеръ чисто отрицательный. Нѣкоторыя стороны быта могутъ быть у одного народа представлены съ большей полнотой или вѣрностью, нежели у другого; зато другія стороны могутъ быть совсѣмъ опущены или даже представлены случайно въ ложномъ свѣтѣ. Напримѣръ, на настоящей Выставкѣ въ зданіи земледѣлія, въ отдѣлѣ Россія, на первомъ планѣ въ отличныхъ витринахъ выставлено огромное количество водокъ различныхъ заводовъ: водки такъ много, что не хватило даже мѣста въ витринахъ, и бутылки стоятъ на столахъ. Любознательный и наивный иностранецъ, глядя на эту обширную коллекцію бутылокъ алькоголя, составитъ, пожалуй, понятіе, что въ Россіи главное занятіе земледѣлія составляетъ производство водки!.. Германія и Австрія на Чикагской Выставкѣ почему-то совсѣмъ опустили сельское хозяйство, и у нихъ нельзя, напр., въ отдѣлѣ земледѣлія найти ни одного зерна хлѣба; хотя, какъ извѣстно, ихъ земледѣліе, особенно первой изъ названныхъ странъ, во многихъ отношеніяхъ поучительно и выдержитъ любую конкурренцію именно въ техническихъ условіяхъ производства.

Наконецъ, еще одна сторона вопроса. Промышленный геній человѣчества на всемірныхъ выставкахъ обыкновенно знакомитъ міръ впервые съ тѣмъ или инымъ изобрѣтеніемъ или новинкой промышленности (предварительно, впрочемъ, заручившись полученіемъ должнаго патента или инымъ способомъ гарантируя за собой монополію своего изобрѣтенія или производства). Каждая всемірная выставка, какъ извѣстно, принесла за собой нѣ-

сколько подобныхъ новинокъ, и какъ-то всѣ привыкли ожидать отъ выставки чего нибудь новаго, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, мало извѣстнаго или не испробованнаго. Послѣдняя Парижская Выставка, напр., обратила общее вниманіе на производство „бурми“—(новая ткань изъ особаго вида крапивы), искусственнаго шелка изъ древесины, нѣсколькихъ новыхъ машинъ и т. д. Съ 1889 года прошло такъ мало времени, что, разумѣется, нельзя ждать, чтобы въ Чикаго объявилась въ этомъ родѣ какая-либо крупная новость. Съ цѣлью удостовѣриться въ этомъ я обратился къ нѣсколькимъ изучающимъ Выставку спеціалистамъ, а именно двумъ механикамъ, химику, агроному, спеціалисту рыбнаго дѣла и электро-технику. Отъ всѣхъ нихъ я получилъ рѣшительное утвержденіе, что *настоящая Чикагская Выставка ничего новаго въ техническомъ отношеніи*, до сихъ поръ неизвѣстнаго, *не даетъ:* лишь послѣдній, электротехникъ, указалъ съ оговоркой на электрическую передачу рукописи на разстояніи (Telautogram), какъ на новость, представленную на этой Выставкѣ, хотя уже извѣстную нѣсколько лѣтъ спеціалистамъ. Кромѣ того, многіе заслуживающіе довѣрія знатоки утверждаютъ, что даже сама американская промышленность, чрезвычайно богато и разнообразно представленная на выставкѣ, тѣмъ не менѣе не имѣетъ въ своихъ рядахъ по разнымъ причинамъ (главнымъ образомъ благодаря, говорятъ, неудовлетворительности администраціи Выставки) многихъ лучшихъ промышленниковъ Соединенныхъ Штатовъ и совсѣмъ не выставила нѣкоторыхъ собственныхъ немаловажныхъ усовершенствованій или техническихъ пріемовъ: для примѣра укажу весьма интересный для насъ, русскихъ, способъ сохраненія свѣжей рыбы во время *лѣтней* ловли путемъ искусственнаго замораживанія, что недавно вошло здѣсь уже въ практику, а на Выставкѣ между тѣмъ отсутствуетъ.

Но если даже Чикагская Выставка и не имѣетъ такого крупнаго техническаго значенія, какъ нѣкоторыя предшествовавшія ей выставки, это не умаляетъ ни на іоту ея по истинѣ громаднаго образовательнаго и воспитательнаго значенія во всѣхъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ, разумѣется, для самихъ Соединенныхъ Штатовъ, а затѣмъ частью и для представителей всѣхъ странъ, которые бы ее посѣтили и пожелали

бы воспользоваться тѣми разнообразными уроками, которые подобная выставка даетъ и всякому жаждущему знанія. Нѣтъ. кажется, такой области его, которая не была бы въ настоящей Выставкѣ такъ или иначе представлена, начиная съ искусства и мудрости управленія (какъ выставка, напр., здѣшняго министерства земледѣлія) и кончая цѣлой массой всевозможныхъ техническихъ производствъ отъ самыхъ сложныхъ, въ родѣ выдѣлки морскихъ судовъ или локомотивовъ, и до самыхъ простыхъ въ родѣ плетенія сѣтей слѣпыми или производства разнаго рода лѣпки и бездѣлушекъ руками малютокъ въ дѣтскихъ садахъ чуть не со всего міра.

Настоящая Выставка является хотя временнымъ, но за то такимъ богатѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ музеемъ, въ которомъ представлены всѣ науки, всѣ знанія, также какъ и всѣ націи міра, и который, хотя всемірныя выставки начали повторяться даже чаще чѣмъ бы имъ слѣдовало, подъ-силу лишь такому способному и богатому народу, не только своимъ настоящимъ, но и будущимъ, какъ сѣверо-американцы. И нужно отдать имъ полную честь и справедливость, едвали существуетъ нація изъ устраивающихъ всемірныя выставки, которая отнеслась бы такъ добросовѣстно и серьезно къ этому великому образовательному значенію своей выставки, какъ тѣ же американцы. Я долго посѣщалъ Парижскую Выставку 1889 года и внимательно наблюдалъ публику и, за рѣдкими исключеніями, не считая, конечно, спеціалистовъ, я не замѣчалъ съ ея стороны ничего въ отношеніи къ выставленнымъ предметамъ кромѣ праздная любопытства. Напротивъ поведеніе американской публики замѣчательно: я очень часто вижу, напр., въ рукахъ записныя книги; все остановившее вниманіе посѣтителя или посѣтительницы, часто очень юнаго возраста, немедленно подробно осматривается, отмѣчается въ записной книжкѣ а иногда даже срисовывается, если не остановитъ (увы! по требованію администраціи) сторожъ; и если только при выставленныхъ предметахъ имѣется лицо ихъ объясняющее, оно можетъ быть увѣрено, что цѣлый день не лишится слушателей и постоянно будетъ засыпано разспросами, какъ бы ни былъ повидимому сухъ или малоинтересенъ выставленный предметъ. Тотъ же отзывъ о серьезности здѣшней публики я слышалъ

отъ нѣсколькихъ нашихъ соотечественниковъ, постоянно занятыхъ на выставкѣ: достаточно попытаться дать какое-нибудь объясненіе знакомому посѣтителю на иностранномъ языкѣ, напр., на русскомъ, чтобы немедленно собралась кучка американцевъ съ просьбой повторить объясненіе по англійски.

Но укажемъ другія стороны, которыми отмѣчается, также къ своей выгодѣ, настоящая Всемірная Выставка сравнительно съ предшествующей. Какъ извѣстно, на Парижской Выставкѣ 1889 года многія европейскія страны или совсѣмъ не были представлены, какъ, напр., Германія, или же, какъ Россія, были представлены крайне бѣдно и скудно, если не сказать жалко. Въ Чикаго же мы видимъ Германію представленной весьма богато и разнообразно, какъ и Россію, сравнительно со всѣми предшествовавшими выставками; точно также масса малоизвѣстныхъ государствъ, какъ Либерія, Гаванна, Тринидадъ, Капская земля и десятки другихъ, представлены здѣсь или совсѣмъ въ первый разъ, или гораздо богаче прежняго. Наконецъ каждый штатъ есть своего рода самостоятельное государство въ Америкѣ, и потому, помимо общаго участія во всѣхъ отдѣлахъ, многіе изъ нихъ имѣютъ особыя превосходныя во всѣхъ отношеніяхъ выставки чуть не по всѣмъ родамъ промышленности и общественной жизни въ своихъ собственныхъ, какъ мы видѣли, зданіяхъ. Укажемъ, напр., Калифорнію, Вашингтонъ, Иллинойсъ, Канзасъ, Айова, и др. и др., которые такъ богаты и разнообразны, что самостоятельно могли бы фигурировать какъ очень хорошія мѣстныя выставки.

Само собой разумѣется, что и на солнцѣ есть пятна, и Чикагская Выставка, какъ она ни богата и поучительна, имѣетъ свои крупные недостатки, сравнительно даже съ Парижской. Самые важные изъ этихъ недостатковъ, по моему мнѣнію. значительно умаляющіе ея превосходство и вызывающіе невольное сожалѣніе, это, во-первыхъ, ея поразительная безсистемность и, во-вторыхъ, отсутствіе свѣдѣній о цѣнахъ выставленныхъ предметовъ. Не берусь объяснять, отчего происходитъ первая, но несомнѣнно, что она во многомъ роняетъ достоинство Выставки, чрезвычайно затрудняя ея изученіе. Въ этомъ отношеніи не безгрѣшна была и Парижская Выставка, но во всякомъ случаѣ она расположена была гораздо систематичнѣе и правиль-

нѣе настоящей. Укажу нѣсколько примѣровъ. Земледѣльческіе и сельско-хозяйственные промыслы помѣщены здѣсь въ отдѣлахъ: 1) земледѣлія, 2) садоводства, 3) лѣсоводства, 4) въ отдѣльныхъ зданіяхъ каждаго штата, 5) въ Правительственномъ зданіи, 6) въ отдѣлѣ молочнаго хозяйства и др. Такимъ образомъ, чтобы познакомиться только съ земледѣліемъ, необходимо обойти не одинъ десятокъ зданій, расположенныхъ во всѣхъ концахъ выставки. При этомъ въ оффиціальной классификаціи замѣчаются такіе удивительные пропуски, что, напр., совершенно отсутствуютъ отдѣлъ химическихъ продуктовъ и отдѣлъ пищевыхъ веществъ, бывшіе въ Парижѣ. Отсюда на Чикагской Выставкѣ происходитъ цѣлый рядъ нелѣпостей и курьезовъ: отдѣлы земледѣлія Германской имперіи и Австріи, которыя, какъ мы говорили, совсѣмъ не выставили собственно сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, т. е., напримѣръ, зерна, состоятъ главнымъ образомъ изъ многочисленныхъ минеральныхъ водъ въ родѣ Эмса, Зальцбрунненъ, Аполлинарисъ и т. п., пива, франкфуртскихъ колбасъ, сухарей и химическихъ продуктовъ! Шоколадное производство, равно какъ и винокуренное, помѣщено въ земледѣліе, выдѣлка различныхъ консервовъ и свѣчей относится сюда же; поэтому въ огромномъ зданіи земледѣлія (5 десятинъ пространствомъ) можно встрѣтить рядомъ такія странности, какъ павильонъ изъ шоколада, колонны изъ стеариновыхъ свѣчей или мыла, цѣлая гора сахару и тутъ же громадныя кипы грязной шерсти, а въ русскомъ отдѣлѣ рядомъ съ послѣдней мирно стоятъ двѣ витрины китайскаго чая Перловыхъ,—какъ бы русскій сельско-хозяйственный продуктъ!...

Также крупный недостатокъ настоящей Всемірной Выставки несомнѣнно составляетъ полное отсутствіе обозначенія цѣнъ на всѣхъ выставленныхъ товарахъ. Должная оцѣнка возможна только черезъ сравненіе, сравненіе же производится не только по внутреннимъ достоинствамъ товара, но и по относительной рыночной стоимости его. Конечно, возможны случаи, гдѣ цѣны могутъ быть излишни и на выставкѣ, когда предметъ стоитъ внѣ торговаго оборота. Нерѣдко въ этомъ отношеніи, касательно недостатка (или, точнѣе, неправильности) выставленныхъ цѣнъ, раздавались жалобы и на Парижской Выставкѣ; здѣсь же, въ Чикаго, цѣны, повидимому, *умышленно* (вѣроятно,

по политическимъ причинамъ) изгнаны съ Выставки, отчего всякая правильная оцѣнка, напр., американскаго продукта сравнительно съ европейскимъ—безусловно невозможна и, какъ я слышалъ, во многихъ случаяхъ невозможна, т. е. недоступна будетъ даже и для будущихъ экспертовъ Выставки.

Оставляя въ сторонѣ указаніе на многіе другіе болѣе мелкіе недостатки великой Колумбійской Выставки, которые притомъ выяснятся позднѣе, я прямо перейду къ ея описанію по отдѣльнымъ группамъ, не стѣсняясь американской путаницей классификаціи и, конечно, заранѣе предупреждая читателя, что я не берусь исчерпать въ своихъ письмахъ даже и малой части богатаго содержанія Выставки. Буду писать лишь о томъ, что меня лично интересовало, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ успѣлъ познакомиться, имѣя главнѣйшимъ образомъ въ виду земледѣльческій отдѣлъ Выставки. Мануфактуру, какъ наименѣе поучительную часть Выставки, оставляемъ совершенно безъ вниманія.

II.

По случайнымъ причинамъ первое зданіе, въ которое я попопалъ на Всемірной Выставкѣ, былъ отдѣлъ рыболовства. Отдѣлъ этотъ занимаетъ обширное двухъ-этажное зданіе почти рядомъ съ красивымъ деревяннымъ домомъ шведской выставки и даже по внѣшности его какъ-будто напоминаетъ; съ юга къ нему примыкаетъ открытая галлерея и большой акваріумъ со множествомъ морскихъ и рѣчныхъ рыбъ и животныхъ, который по своему богатству, вѣроятно, превосходитъ какъ берлинскій, такъ и брайтонскій акваріумъ и составляетъ любимѣйшее зрѣлище для публики на Выставкѣ.

Первое, что представляется глазамъ направо отъ главнаго входа въ рыбный отдѣлъ, это — русскій отдѣлъ, занимающій небольшое пространство и во время нашего осмотра (между 15-мъ и 20-мъ іюня) еще далеко не вполнѣ готовый, почему о немъ и не будемъ говорить. Далѣе за русскимъ отдѣломъ и противъ него тянутся разнообразныя выставки американскихъ штатовъ, отдѣльныхъ экспонентовъ и цѣлыхъ иностранныхъ государствъ безъ опредѣленной системы. Ближайшая, впрочемъ, къ намъ выставка нью-іоркскаго торговаго дома

Meierdircks & Son и другая Max Ams напоминаютъ Россію и своими продуктами. Оба дома ведутъ торговлю исключительно черезъ Германію (Гамбургъ), почему многіе ихъ и считаютъ неправильно нѣмецкими, хотя уловъ и приготовленіе совершаются въ Америкѣ. Первый домъ выставилъ разнообразную копченую рыбу и т. п., Russische Sardinen и, что важнѣе для насъ, — яко бы „русскую“ икру. Жестянки съ ней и боченки имѣютъ на себѣ изображеніе орла и штемпель E. N. Cläfcke, Hamburg. Другой домъ, Max Ams, — еще болѣе серьезный конкурентъ для русской торговли; онъ выставилъ разнообразные консервы изъ осетровъ изъ рѣки Delaware и большое также количество „русской“ икры своего издѣлія, сильно распространяемой въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи; своей сравнительной дешевизной икра эта, несомнѣнно, сильно роняетъ цѣну нашей икры на иностранныхъ рынкахъ. Анчоусы, раковыя шейки, креветки, омары (сортъ, извѣстный подъ именемъ Гамбургскихъ Kronen Hummer) также принадлежатъ этой фирмѣ, составляя одинаково общій результатъ американской и нѣмецкой предпріимчивости и обогащая обѣ страны.

Далѣе штатъ Орегонъ выставилъ семгу въ различныхъ консервахъ, Родъ Айландъ—образцовыя суда для рыболовства и модель стараго снаряда для ловли рыбы, т. н. box-trap и сѣти для ловли рыбы „кошелемъ“ (purse). Изъ Бостона прислана модель коптильни для рыбы по англійскому образцу, модель заведенія для приготовленія тресковаго жира, а также представлена ловля, варка и упаковка омаровъ.

Норвегія прислала рыболовные снаряды, большое количество сушеной рыбы и особую муку изъ нея. Отъ Канады — сѣти различнаго рода, консервы рыбы и чучела водяныхъ птицъ. Мексика выставила цвѣты изъ рыбьей чешуи и раковины, небольшое количество рыбъ въ банкахъ, чучела тюленей и черепахъ. Голландія представила исключительно свое сельдяное рыболовство—модель судна и снарядовъ. Греція прислала богатую коллекцію губокъ, которая даетъ американцамъ возможность сравнить ихъ качество, несомнѣнно гораздо высшее, съ своими собственными губками, выставленными въ Правительственномъ зданіи. Большинство крупныхъ европейскихъ государствъ, равно какъ и колоніи, почему-то уклонились отъ ры-

по политическимъ причинамъ) изгнаны съ Выставки, отчего всякая правильная оцѣнка, напр., американскаго продукта сравнительно съ европейскимъ—безусловно невозможна и, какъ я слышалъ, во многихъ случаяхъ невозможна, т. е. недоступна будетъ даже и для будущихъ экспертовъ Выставки.

Оставляя въ сторонѣ указаніе на многіе другіе болѣе мелкіе недостатки великой Колумбійской Выставки, которые притомъ выяснятся позднѣе, я прямо перейду къ ея описанію по отдѣльнымъ группамъ, не стѣсняясь американской путаницей классификаціи и, конечно, заранѣе предупреждая читателя, что я не берусь исчерпать въ своихъ письмахъ даже и малой части богатаго содержанія Выставки. Буду писать лишь о томъ, что меня лично интересовало, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ успѣлъ познакомиться, имѣя главнѣйшимъ образомъ въ виду земледѣльческій отдѣлъ Выставки. Мануфактуру, какъ наименѣе поучительную часть Выставки, оставляемъ совершенно безъ вниманія.

II.

По случайнымъ причинамъ первое зданіе, въ которое я попалъ на Всемірной Выставкѣ, былъ отдѣлъ рыболовства. Отдѣлъ этотъ занимаетъ обширное двухъ-этажное зданіе почти рядомъ съ красивымъ деревяннымъ домомъ шведской выставки и даже по внѣшности его какъ-будто напоминаетъ; съ юга къ нему примыкаетъ открытая галлерея и большой акваріумъ со множествомъ морскихъ и рѣчныхъ рыбъ и животныхъ, который по своему богатству, вѣроятно, превосходитъ какъ берлинскій, такъ и брайтонскій акваріумъ и составляетъ любимѣйшее зрѣлище для публики на Выставкѣ.

Первое, что представляется глазамъ направо отъ главнаго входа въ рыбный отдѣлъ, это — русскій отдѣлъ, занимающій небольшое пространство и во время нашего осмотра (между 15-мъ и 20-мъ іюня) еще далеко не вполнѣ готовый, почему о немъ и не будемъ говорить. Далѣе за русскимъ отдѣломъ и противъ него тянутся разнообразныя выставки американскихъ штатовъ, отдѣльныхъ экспонентовъ и цѣлыхъ иностранныхъ государствъ безъ опредѣленной системы. Ближайшая, впрочемъ, къ намъ выставка нью-іоркскаго торговаго дома

Meierdircks & Son и другая Max Ams напоминаютъ Россію и своими продуктами. Оба дома ведутъ торговлю исключительно черезъ Германію (Гамбургъ), почему многіе ихъ и считаютъ неправильно нѣмецкими, хотя уловъ и приготовленіе совершаются въ Америкѣ. Первый домъ выставилъ разнообразную копченую рыбу и т. п., Russische Sardinen и, что важнѣе для насъ, — яко бы „русскую“ икру. Жестянки съ ней и боченки имѣютъ на себѣ изображеніе орла и штемпель E. N. Cläfcke, Hamburg. Другой домъ, Max Ams, — еще болѣе серьезный конкуррентъ для русской торговли; онъ выставилъ разнообразные консервы изъ осетровъ изъ рѣки Delaware и большое также количество „русской“ икры своего издѣлія, сильно распространяемой въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи; своей сравнительной дешевизной икра эта, несомнѣнно, сильно роняетъ цѣну нашей икры на иностранныхъ рынкахъ. Анчоусы, раковыя шейки, креветки, омары (сортъ, извѣстный подъ именемъ Гамбургскихъ Kronen Hummer) также принадлежатъ этой фирмѣ, составляя одинаково общій результатъ американской и нѣмецкой предпріимчивости и обогащая обѣ страны.

Далѣе штатъ Орегонъ выставилъ семгу въ различныхъ консервахъ, Родъ Айландъ—образцовыя суда для рыболовства и модель стараго снаряда для ловли рыбы, т. н. box-trap и сѣти для ловли рыбы „кошелемъ“ (purse). Изъ Бостона прислана модель коптильни для рыбы по англійскому образцу, модель заведенія для приготовленія тресковаго жира, а также представлена ловля, варка и упаковка омаровъ.

Норвегія прислала рыболовные снаряды, большое количество сушеной рыбы и особую муку изъ нея. Отъ Канады — сѣти различнаго рода, консервы рыбы и чучела водяныхъ птицъ. Мексика выставила цвѣты изъ рыбьей чешуи и раковины, небольшое количество рыбъ въ банкахъ, чучела тюленей и черепахъ. Голландія представила исключительно свое сельдяное рыболовство—модель судна и снарядовъ. Греція прислала богатую коллекцію губокъ, которая даетъ американцамъ возможность сравнить ихъ качество. несомнѣнно гораздо высшее, съ своими собственными губками, выставленными въ Правительственномъ зданіи. Большинство крупныхъ европейскихъ государствъ, равно какъ и колоніи, почему-то уклонились отъ ры-

боловной выставки, но за то въ первый разъ весьма богатую коллекцію по своему рыболовству выставила Японія: ея коллекція замѣчательна своею оригинальностью и во многихъ отношеніяхъ практичностью и состоитъ изъ моделей разныхъ судовъ, рыбацкихъ снарядовъ, консервовъ всякаго рода рыбы и раковъ. Весьма любопытна сушеная рыба, нарѣзанная правильными кусками и стружкой, а также нѣчто въ родѣ нашихъ снѣтковъ и копчужекъ безъ костей, рыбій клей и рыбье гуано. Выставка украшена множествомъ рисунковъ и препаратовъ различныхъ японскихъ рыбъ, мало знакомыхъ европейцамъ.

Но ни одна часть рыболовной выставки, за исключеніемъ развѣ акваріума, не осаждается такъ публикой и не привлекаетъ общее вниманіе толпы въ этомъ зданіи, какъ выставка небольшаго рыболовнаго городка въ штатѣ Массачузетсъ—Глочестера. Слѣдуя вкусамъ публики, и мы остановимъ на ней вниманіе читателя.

Выставка Глочестера интересна уже по свойству своихъ экспонентовъ: въ то время какъ другими экспонентами являются цѣлые государства или штаты или наконецъ отдѣльные торговцы и промышленники, нуждающіеся въ рекламѣ, выставку Глочестера устроили простые рыбаки—артель или ассоціація ихъ. Цѣль ихъ совершенно патріотическая: показать, какъ они жили нѣсколько сотъ лѣтъ, занимаясь своимъ тяжелымъ и суровымъ промысломъ на морѣ, какъ они постепенно улучшали и усовершенствовали свое рыболовное ремесло, суда, снаряды и самые пріемы рыболовства, какъ наконецъ въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ они не забывали и пищи умственной, увеличивая численно и улучшая свои школы, въ лицѣ своего молодаго поколѣнія создавали добрыхъ гражданъ великой американской республики.

Выставка города Глочестера (населеніе 25,000 душъ за 1892 годъ) занимаетъ довольно обширное мѣсто, примѣрно столько, сколько вся русская рыболовная выставка, и заключаетъ въ себѣ во-первыхъ модели разнообразныхъ судовъ, употребляемыхъ для ловли, начиная съ семнадцатаго вѣка и кончая новѣйшими, снаряды, способы, напримѣръ, крашеніе судовъ, выгрузка рыбы и ея заготовка [1]): Все это сопровождается

[1]) Всѣ эти модели семнадцатаго и восемнадцатаго вѣка, по словамъ рус-

различными таблицами и діаграммами, иллюстрирующими исторію города Глочестера. Такъ, изъ нихъ мы напримѣръ узнаемъ, что въ 1892 году рыбный промыселъ Глочестеру доставилъ болѣе 140 милліоновъ англійскихъ фунтовъ (свыше 4 милліононъ русскихъ пудовъ) рыбы разныхъ сортовъ—свѣжей, соленой и мороженой. Рыболовство тамъ издревле ведется на кооперативныхъ началахъ: еще въ 1623 году люди вмѣсто жалованья начали получать отъ владѣльцевъ судовъ $^1/_3$ рыбы и жира, остальное—хозяевамъ ($^1/_4$ за судно и $^1/_3$ за содержаніе снаряда). Этотъ оригинальный дѣлежъ продолжается и до настоящаго времени съ тою существенной разницей, что теперь за судно, вмѣсто $^2/_3$, хозяева получаютъ лишь половину, а другая половина идетъ экипажу. Таблицы, при этомъ представленныя. показываютъ степень прибыльности ловли и способы дѣлежа въ подробности.

Матеріальное благосостояніе Глочестера, по словамъ рыбаковъ, ростетъ и увеличивается, несмотря на общія жалобы на трудныя времена. Доказательствомъ они выставляютъ уменьшеніе болѣзненности и смертности города за послѣднія двадцать лѣтъ. Такъ, если принять общую смертность Соединенныхъ Штатовъ за 100, то въ Глочестерѣ она окажется, несмотря на опасный промыселъ рыбаковъ, гораздо ниже (не болѣе 87), а для отдѣльныхъ болѣзней пропорція еще выгоднѣе: противъ ста, умершихъ отъ чахотки во всѣхъ Штатахъ, въ Глочестерѣ—82, въ тифѣ даже 69! Для избѣжанія бѣдъ, не минуемыхъ на морѣ, глочестерскіе рыбаки, оказывается, давно практикуютъ взаимное страхованіе судовъ (576 судовъ застрахованы за 2,051,260 долларовъ); средняя ежегодная потеря—9,3 судна на сумму 42,850 долларовъ, оплачиваемыхъ участниками, потеря же 52 человѣческихъ жизней—страхованіемъ жизни и двумя филантропическими Обществами спеціально для вдовъ и сиротъ.

Въ заключеніе рыбаки города Глочестеръ выставляютъ на

ского опытнаго спеціалиста, намъ показывавшаго эту выставку, въ высшей степени напоминаютъ наши суда, способы и снаряды, употребляемые въ настоящее время на Волгѣ, и волжскіе рыбаки отстали слѣдовательно отъ глочестерскихъ въ пріемахъ своего ремесла не менѣе чѣмъ на сто лѣтъ.

T. O. S.

морскихъ животныхъ, начиная съ костяныхъ, принадлежащихъ дикарямъ, и до самыхъ усовершенствованныхъ снарядовъ нашего времени. Серія картинъ, изображающихъ китоловный промыселъ въ Америкѣ, украшаетъ стѣны этого отдѣла, а собраніе различнѣйшихъ снастей для рыболовства (pounds and traps) наглядно показываетъ, какія снасти слѣдуетъ употреблять и какія нѣтъ. Тутъ же помѣщены чучела всевозможныхъ животныхъ, питающихся рыбой. Огромная витрина во всю ширину залы наполнена моделями рыболовныхъ судовъ; стѣны же, далѣе убраны препаратами нѣсколькихъ тысячъ рыбъ, водящихся въ Соединенныхъ Штатахъ. Двѣ витрины заключаютъ въ себѣ животно-растенія и нѣсколько шкафовъ—разнаго вида моллюски (economic mollusks); рядомъ же помѣщены и американскія губки, вообще болѣе грубыя, нежели греческія. Особый большой отдѣлъ посвященъ спеціально разведенію устрицъ: коллекціи ихъ и разныя приспособленія для этой цѣли собраны со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ торговомъ отношеніи выставка національной рыбной коммиссіи представляетъ также нѣсколько любопытныхъ вещей, а именно: различные снаряды для коммерческой перевозки рыбы и варки ея, съ мотивами въ пользу принятія того или иного снаряда, или способа или съ рекомендаціями для ихъ пользованія.

Наиболѣе любопытными, впрочемъ, въ Правительственномъ отдѣлѣ рыбной выставки являются различные таблицы и отчеты самой коммиссіи относительно ея дѣятельности. Изъ нихъ видно, напримѣръ, что въ настоящее время коммиссія имѣетъ въ странѣ 21 станцію для разведенія рыбы, но что, не довольствуясь этимъ, конгрессомъ въ 1892 году приняты мѣры къ открытію новыхъ въ Вермонтѣ, Техасѣ и Монтанѣ. Всѣ эти станціи въ 1892 году выпустили многіе милліоны рыбы въ разныя рѣки и моря для ихъ разведенія; наибольшее вниманіе было обращено въ прошломъ году на разведеніе такъ называемой „бѣлой рыбы“ (white fish), которой было выпущено болѣе одного билліона, и „бѣшенки“ (shad) — немного менѣе одного билліона. Значительное число выпущено также озерной форели и раковъ.

Изъ наглядныхъ плодовъ дѣятельности коммиссіи указы-

вается цѣлый рядъ констатированныхъ на практикѣ успѣховъ по введенію въ разныхъ водахъ новыхъ рыбъ. Такъ, у береговъ Тихаго океана удалось ей развести нѣсколько сортовъ рыбъ, прежде не водившихся, и они уже получили торговое значеніе; за 1888 годъ, напр., поймано въ разныхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Тихому океану, болѣе 100,000 фунтовъ бѣшенки, которая разведена тамъ искусственно трудами коммиссіи; ручьи и озера въ знаменитомъ Національномъ Паркѣ (Yellowstone) прежде совершенно не имѣли въ себѣ рыбы, въ настоящее же время въ нихъ водится большое число форели и „бѣлой рыбы". Недавно между форелью въ этихъ водахъ появилась какая-то болѣзнь, послѣ тщательнаго изслѣдованія которой въ лабораторіи коммиссіи она оказалась результатомъ особаго животнаго паразита: причина была найдена, и уже приняты дѣятельныя мѣры къ ея устраненію. Вообще трудно указать уголокъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ бы не проявлялась плодотворная дѣятельность національной рыбной коммиссіи: повсюду производятся изслѣдованія рыбнаго и вообще водяного животнаго царства, и принимаются мѣры, едва дойдутъ до коммиссіи свѣдѣнія касательно уменьшенія рыбы или какой-либо между ними смертности, вызванной неизвѣстными причинами.

Галлерея второго этажа зданія, надъ выставкой національной рыбной коммиссіи, принадлежитъ спеціально Аляскѣ (бывшимъ русскимъ владѣніямъ въ Америкѣ), изученію которой національная коммиссія, какъ видно изъ ея отчетовъ, посвящаетъ много времени и средствъ. Въ виду относительной малоизвѣстности Аляски, вѣроятно, для нея сдѣлано исключеніе, и въ рыбномъ отдѣлѣ ея выставка, помимо рыбъ, ловли ихъ и орудій, заключаетъ въ себѣ множество вещей, никакого отношенія къ рыболовству не имѣющихъ. Такъ, множество рисунковъ водяными красками и фотографіей знакомятъ съ нейзажами и человѣческимъ жильемъ бывшихъ русскихъ владѣній. Обширная этнографическая коллекція домашней утвари и убранства, нарядовъ и оружія жителей Аляски и шаманскія вещи занимаютъ цѣлый рядъ витринъ. Немало также выставлено и разныхъ минеральныхъ богатствъ: отъ какого-то „Парижскаго рудника" (Paris mine) выставлены образцы золотой

руды, тамъ добываемой въ кварцовыхъ жилахъ; другое горное Общество Alaska Treadwell Goldmining Company выставило золотые кирпичи, изображающіе добычу золота за прошлый 1892 г., что составило 676,226 долл. Помимо того, не считая мѣховъ, Аляска доставляетъ американцамъ также и другіе продукты. Alaska Oil and Guano Company выставила, напр., здѣсь сельдей, рыбій жиръ, весьма хорошаго, повидимому, качества, и гуано.

Эксплуатируя природныя богатства Аляски, нами когда-то недостаточно оцѣненныя, американцы повидимому не забываютъ и интересовъ своихъ новыхъ подданныхъ. Такъ, въ 1890 г. *на Аляску распространенъ законъ объ обязательномъ обученіи*, и принимаются мѣры къ его исполненію. Тамъ уже существуетъ 15 казенныхъ школъ съ 20 учителями и 870 учениками и 14 частныхъ субсидированныхъ школъ (contract schools) съ 62 учителями и 1,069 учениками. Всего въ Аляскѣ дѣтей школьнаго возраста насчитывается 8,000, и слѣдовательно изъ нихъ пока *обучается четвертая часть*, что, конечно, для начала недурно, особенно если сопоставить съ медленнымъ ходомъ развитія школьнаго дѣла у насъ самихъ. Особенно много сдѣлано американцами благихъ начинаній за послѣднее время: такъ, въ 1890 году учреждена тамъ на правительственныя средства земледѣльческая экспериментальная станція, а на слѣдующій годъ, по ея иниціативѣ, сдѣлана уже попытка, между прочимъ, ввести, какъ домашнее животное, оленей, важныхъ для передвиженія, вмѣсто собакъ, которыми исключительно тамъ пользовались. Съ этою цѣлью немедленно въ конгрессѣ прошелъ соотвѣтствующій законъ, и отпущены нужныя средства. Въ прошломъ году выписано имъ изъ Сибири нѣсколько стадъ оленей, которые вмѣстѣ съ ихъ вожаками размѣщены по разнымъ школамъ Аляски, чтобы молодежь рано привыкла за ними ходить, оцѣнила всѣ ихъ экономическія выгоды и тѣмъ способствовала распространенію ихъ въ своемъ краѣ. Многочисленныя фотографіи изображаютъ эти такъ называемыя оленьи станціи около школъ, сибиряковъ, которые ихъ привели, и новую для жителей Аляски, несомнѣнно, весьма заманчивую ѣзду на оленяхъ.

Въ заключеніе добавимъ, что какъ ни богато рыболовство

и рыбоводство, представленное на Чикагской Всемірной Выставкѣ, все-таки она далеко не исчерпываетъ, по словамъ свѣдущихъ лицъ, всѣхъ сторонъ рыбнаго дѣла въ Америкѣ, и нѣкоторыя весьма любопытныя отрасли ея промышленности (какъ, напр., искусственное замораживаніе рыбы при лѣтнихъ ловляхъ) даже совсѣмъ на ней не представлены. Представлены здѣсь также плохо и спеціальныя рыбацкія школы, имѣющіяся въ разныхъ странахъ свѣта: изъ нихъ нашли себѣ мѣсто на Выставкѣ только двѣ.

Что касается до выставокъ отдѣльныхъ штатовъ, изъ которыхъ нѣкоторые помѣстили у себя коллекціи консервированныхъ рыбъ и даже акваріи, то эти послѣднія преимущественно служатъ для декоративныхъ цѣлей и серьезнаго значенія не имѣютъ.

III.

Достаточно обозрѣть земледѣльческій отдѣлъ на Всемірной Выставкѣ въ Чикаго, чтобы убѣдиться наглядно въ истинѣ и справедливости двухъ положеній: во-первыхъ, что Соединенные Штаты Сѣверной Америки не разнообразію и богатству даровъ природы, неистощимыхъ еще на многія сотни лѣтъ, едва ли не превосходятъ всѣ государства въ мірѣ; во-вторыхъ, что едва ли также въ какой-либо другой странѣ человѣкъ съумѣлъ съ такой энергіей, соединенной съ образованіемъ и практическою ловкостью, воспользоваться этими дарами природы, какъ въ той же Америкѣ.

Обозрѣть земледѣльческій отдѣлъ, впрочемъ, на Всемірной Выставкѣ—дѣло нелегкое, уже прежде всего благодаря ея безсистемности, о которой упоминалось раньше. Главная часть помѣщена въ обширномъ зданіи земледѣлія, въ южной части Выставки, и занимаетъ обширное пространство; болѣе 14 акровъ. Затѣмъ продукты земледѣлія разбросаны по многимъ зданіямъ отдѣльныхъ штатовъ, изъ которыхъ притомъ наиболѣе богатые заключаютъ въ себѣ преимущественно именно земледѣльческіе отдѣлы и тѣ же выставки повторяются вдвойнѣ. Вся правительственная дѣятельность, наконецъ, по этой отрасли народнаго хозяйства помѣщена въ Government Building

въ министерствѣ земледѣлія (Department of Agriculture): часть послѣдней выставки, впрочемъ, не умѣстилась въ Правительственномъ зданіи, а именно нѣкоторые результаты дѣятельности сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій и лабораторій въ разныхъ штатахъ попали въ общее земледѣльческое зданіе, непосредственно сзади русской выставки. Садоводство, скотоводство и молочное хозяйство помѣщены отдѣльно въ разныхъ частяхъ парка.

Зданіе земледѣлія имѣетъ видъ удлиненнаго четырехугольника, вдоль котораго, по сторонамъ отъ главной аллеи или дороги, проходящей черезъ все зданіе, размѣщены большею частью по двѣ, а иногда по три выставки отдѣльныхъ штатовъ или государствъ, причемъ къ восточной сторонѣ зданія примыкаетъ особое помѣщеніе для различныхъ земледѣльческихъ орудій, частью приводимыхъ въ дѣйствіе. Всѣ отдѣльныя выставки расположены такъ, что налѣво отъ главнаго входа помѣщаются исключительно иностранныя государства; направо—только Соединенные Штаты, за исключеніемъ Россіи (первое мѣсто у главнаго входа), и рядомъ съ ней—часть французской земледѣльческой выставки (сельско-хозяйственное образованіе). Въ противоположность мануфактурному отдѣлу, гдѣ всѣ штаты слиты вмѣстѣ, въ зданіи земледѣлія каждый штатъ помѣщенъ особнякомъ въ отдѣльномъ павильонѣ съ своей собственной архитектурой, что придаетъ всей выставкѣ весьма красивый и разнообразный видъ. Въ украшеніяхъ павильоновъ отдѣльныхъ штатовъ играетъ роль тотъ или иной важный земледѣльческій продуктъ. Чаще всего такую роль исполняетъ кукуруза, изъ головокъ которой получаются самыя разнообразныя декоративныя украшенія то стѣнъ, то колоннъ, то, наконецъ крышъ павильоновъ (штаты Айова, Пенсильванія, Иллиноисъ, Индіана и др.). Какъ извѣстно, Соединенные Штаты производятъ такую чрезвычайную массу кукурузы или маиса, значительной частью употребляемой на пищу скоту, что въ настоящее время серіозно озабочены усиленіемъ ея сбыта въ Европѣ и нахожденіемъ для нея новыхъ рынковъ: лишь вчерашній „Chicago Tribune“ съ важностью сообщалъ свои соображенія, что еслибы русскій крестьянинъ привыкъ употреблять въ пищу кукурузную муку, то Америка могла бы гарантировать ему необ-

ходимое продовольствіе при повтореніи неурожая, подобно прошлому году, и хотя бы самыхъ крупныхъ размѣровъ! Въ женскомъ отдѣлѣ Выставки въ настоящее время одна опытная хозяйка, мистрисъ Рореръ, преподаетъ желающимъ именно различные способы наилучшаго приготовленія въ пищу различныхъ видахъ кукурузы и кукурузной муки, съ цѣлью большаго распространенія ея въ публикѣ.

Штатъ Огайо помѣстилъ свои земледѣльческіе продукты въ павильонѣ, имѣющемъ наружность небольшаго, но весьма красиваго греческаго храма, съ очень эффектной колоннадой впереди, которая издали кажется сдѣланной какъ бы изъ пестраго разныхъ цвѣтовъ полированнаго мрамора, въ дѣйствительности же колонны оказываются стеклянными и наполненными разными зерновыми хлѣбами, что выходитъ весьма оригинально и изящно. Въ отдѣлѣ штата Кентуки большую роль играетъ его главнѣйшій продуктъ—листовой табакъ изъ котораго сдѣлана крыша, нѣсколько даже человѣческихъ фигуръ, и весьма изящная бахрома, украшающая павильонъ. Въ Луизіанѣ важную роль играетъ сахарный тростникъ и, наконецъ, во всѣхъ штатахъ—хлѣбъ и спеціально пшеница, полученная весьма разнообразными способами: въ то время какъ въ штатѣ Массачузетсъ надъ банками съ отборнымъ зерномъ и снопами красуется крупная надпись „интенсивная культура“, а фотографіи рисунки и таблицы знакомятъ съ пріемами тамошняго усовершенствованаго хозяйства и искусственнаго удобрѣнія, вызваннаго сравнительной тѣснотой населенія и истощеніемъ земли, въ это время на такихъ же точно прекрасныхъ зерновыхъ хлѣбахъ штата Новая Мексика или штата мормоновъ Ута или, вѣрнѣе Юта (Utah) стоитъ надпись „плоды ирригаціи“, указывая на главную суть мѣстнаго земледѣлія. Съ особенною тщательностью составлена выставка послѣдняго штата или территоріи: всѣ стѣны павильона украшены множествомъ статистическихъ таблицъ сельско-хозяйственнаго содержанія, выставленнымъ опытною станціей при агрономическомъ училищѣ; обширная рельефная карта знакомитъ подробно съ системой ирригаціи, а двѣ картины на стѣнахъ изображаютъ даже первобытное орошеніе, производимое когда-то индѣйцами въ странѣ, и улучшенную ирригацію, примѣняемую мормонами.

Вотъ нѣкоторыя данныя, почерпнутыя изъ этихъ любопытныхъ стѣнныхъ таблицъ. Въ Ютѣ всего насчитывается 52,601,000 акровъ земли, изъ коихъ, благодаря малонаселенности, пока обработывается всего лишь 374,340 акровъ и преимущественно съ помощью ирригаціи, необходимой по условіямъ мѣстности и климата. Во всей Ютѣ насчитывается 10,754 фермы или хозяйства, изъ которыхъ 9,724 фермы орошаютъ поля въ размѣрахъ 310,759 акровъ. Между тѣмъ всей земли въ штатѣ, могущей быть орошенной при существующихъ запасахъ воды, имѣется нынѣ 2,304,000 акровъ: недостаетъ, слѣдовательно, рукъ или человѣческаго труда обратить это громадное пространство земли подъ обработку. Орошеніе совершается посредствомъ канавъ, проведенныхъ къ существующимъ озерамъ и рѣкамъ (стоимость $2^1/_2$ милл. долларовъ), и сверхъ того вырыто для этой же цѣли 2,524 артезіанскихъ колодца. Система землевладѣнія мелкая, благодаря необходимости орошенія, и средній размѣръ фермы составляетъ лишь 27 акровъ (или 9 русскихъ десятинъ) стоимостью по 84 доллара акръ, но зато земледѣлецъ получаетъ съ каждаго акра продуктовъ на цѣлыхъ 18 долларовъ ежегодно. Въ то время какъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ средній урожай пшеницы составляетъ не больше какъ 12 бушелей на акръ, тотъ же урожай въ Ютѣ даетъ не менѣе $17._2$ буш. на акръ, т. е. почти на одну треть выше. Но не довольствуясь этимъ, земледѣлецъ въ Ютѣ большею частью собираетъ съ той же земли ежегодно двѣ жатвы; и такимъ результатамъ онъ обязанъ главнымъ образомъ, при благопріятномъ, разумѣется, климатѣ, благотворной силѣ орошенія. Подобно ему, говоритъ объяснительная книжка о Ютѣ, раздаваемая на Выставкѣ, „всякій фермеръ предпочелъ бы орошать по своему желанію собственныя поля скорѣе, нежели быть въ зависимости отъ каприза облаковъ“... По даннымъ ютской опытной станціи, лучшій урожай пшеницы на орошаемыхъ поляхъ достигаетъ на акръ $29,_7$ бушелей, а на неорошаемыхъ— всего лишь $16,_6$ при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ.

Но, благодаря тому же орошенію, земледѣліе процвѣтаетъ и во многихъ другихъ штатахъ: всего по послѣднимъ даннымъ въ шестнадцати штатахъ занято оросительными каналами 17,177,834 акр., при чемъ находилось подъ обработкой почти

восемь милліоновъ акровъ, и для орошенія существовало еще въ 1891 году 13,492 артезіанскихъ колодца. „Во многихъ частяхъ штата,—пишетъ, напр., въ своемъ отчетѣ секретарь управленія садоводства (Board of Horticulture) въ Калифорніи,—подъ магическимъ вліяніемъ воды пустыни превратились въ сады и земли, которыя считались прежде ничего не стоющими, сдѣлались въ настоящее время наиболѣе цѣнными. Первоначально орошеніе встрѣчалось лишь изрѣдка, въ немногихъ пунктахъ штата, но постепенно выгоды его надъ неопредѣленнымъ положеніемъ старой системы зависѣть отъ дождя оказались настолько очевидны и наглядны, что ирригація пріобрѣла обширную популярность и распространилась на большую часть штата". „Калифорнскій земледѣлецъ,—поясняетъ онъ дальше,—не заботится о дождѣ, и когда его жатва нуждается въ спасительной влагѣ, онъ не смотритъ на облака и не ставитъ себя въ зависимость отъ слѣпой силы природы, но живительный потокъ находится въ его распоряженіи и онъ направляетъ его на жатву когда понадобится, не желая отнюдь помѣняться своимъ положеніемъ съ восточнымъ фермеромъ, котораго благополучіе зависитъ отъ погоды".

Какимъ богатствомъ для страны можетъ являться даже одно садоводство, въ союзѣ съ орошеніемъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ та же Калифорнія, величайшій въ настоящее время, вѣроятно, фруктовый рынокъ въ мірѣ. Калифорнія въ зданіи садоводства и въ зданіи штата наглядно для публики воздвигла цѣлыя колонны изъ апельсиновъ и горы изъ разныхъ другихъ фруктовъ, свѣжихъ, сухихъ и консервированныхъ, восхищая и умиляя большую массу народа, которая всегда около нихъ толпится. Но сухія цифры, сообщаемыя въ отчетахъ управленія Калифорніи, могутъ дать лучшее и болѣе точное понятіе о ея богатствахъ. Благодаря своему садоводству и системѣ орошенія, къ нему примѣненной, Калифорнія за двадцать послѣднихъ лѣтъ создала двѣсти тысячъ акровъ садовъ (немного менѣе 70 тыс. десятинъ)! Въ 1871 году все производство фруктовъ въ Калифорніи составляло на вѣсъ менѣе двухъ милліоновъ фунтовъ; въ настоящее время, а именно за 1891 годъ, Калифорнія добыла однихъ свѣжихъ фруктовъ немного менѣе ста милліоновъ фунтовъ (980.68.100);

сверхъ того, она произвела въ томъ же году почти 45 милл. ф. изюма, 65 милл. ф. другихъ сухихъ фруктовъ и около 50 милл. ф. фруктовыхъ консервовъ въ жестянкахъ. Одно производство ея апельсиновъ оцѣнивается въ 18 милл. долларовъ, а размѣры вывоза всѣхъ этихъ фруктовъ составили въ 1891 году грузъ въ 20,706 ж. д. вагоновъ! Изданіе въ 1887 году такъ называемаго „закона орошенія Райта“ (Wright Irrigation Act), опредѣляющаго водяныя права землевладѣльцевъ, устройство и завѣдываніе оросительными сооруженіями, дало новый стимулъ къ образованію такъ называемыхъ оросительныхъ участковъ, расширенію ирригаціи, а вслѣдъ за ней и самаго земледѣлія, при чемъ полеводство—разведеніе зерновыхъ хлѣбовъ, во многихъ мѣстахъ болѣе и болѣе замѣняется плодоводствомъ. Садоводство такимъ образомъ, усиливается уже потому, что для него нужно меньшее пространство земли и слѣдовательно меньшіе расходы на орошеніе и на трудъ. „Небольшая семья,—говоритъ отчетъ калифорнійскаго управленія садоводства,—на пространствѣ нѣсколькихъ акровъ, засаженныхъ садомъ, можетъ вполнѣ обезпечить свое существованіе тамъ, гдѣ хлѣбопашецъ вынужденъ былъ бы голодать“.

Не довольствуясь обширнымъ американскимъ рынкомъ для своихъ продуктовъ, Калифорнія въ прошломъ году сдѣлала первый опытъ доставки свѣжихъ плодовъ въ Европу и въ четыре пріема выслала нѣсколько тоннъ свѣжихъ фруктовъ (исключительно спѣлыхъ персиковъ и грушъ) экспрессомъ въ особыхъ холодильникахъ на лондонскій рынокъ. Транспортъ въ четыре пріема, пользуясь наиболѣе быстроходными пароходами Атлантическаго океана, въ четырнадцать дней былъ доставленъ изъ Санъ-Франциско черезъ Нью-Іоркъ въ Лондонъ въ весьма хорошемъ видѣ, почему и былъ проданъ за такія высокія цѣны, которыя гарантируютъ будущій успѣхъ смѣлаго предпріятія калифорнійскихъ садоводовъ. Онъ не остался даже безъ благотворнаго вліянія и на другія страны: какъ сообщаютъ здѣшнія газеты, генеральный коммиссаръ Капской колоніи во время еще Филадельфійской Выставки познакомившійся съ начальными попытками калифорнійцевъ по садоводству, нынѣ временно уѣхалъ съ Выставки въ С.-Франциско, чтобы ближе изучить упаковку и транспортировку свѣжихъ фруктовъ и по-

пытаться снабжать Лондонъ плодами изъ Капской колоніи. Успѣхъ этотъ далъ, наконецъ, толчекъ къ весьма важному и нужному нововведенію въ самой торговлѣ фруктами въ Калифорніи. Въ настоящее время въ ней дѣятельно готовятся къ устройству въ Санъ-Франциско „фруктовой биржи“, особой инспекціи по образцу хлѣбной и градаціи или классификаціи фруктоваго товара. Дѣло въ томъ, что давно уже экспортная торговля „по образцамъ“ признана крайне неудобной и часто даже почти невозможной для многихъ товаровъ, этого рода какъ и указали лондонскіе фруктовые торговцы министру Гатчу (Hatch) иниціатору прошлогодней (1892 г.) успѣшной попытки завязать постоянныя сношенія съ Англіей. Безъ подобнаго контроля-де на мѣстѣ и установленія, такъ называемыхъ, легальныхъ образцовъ, лондонскій торговецъ не можетъ дать заглазно и настоящей цѣны за фрукты.

Одинаковыя причины вызываютъ и одинаковыя послѣдствія: пока мы внутри Россіи созерцаемъ чуть не повсюду упадокъ нашего садоводства и многіе прекрасные сорта нашихъ яблокъ, напримѣръ, вытѣсняются и замѣняются въ Москвѣ и Петербургѣ плохими крымскими, въ это самое время ближайшая сосѣдка къ Соединеннымъ Штатамъ, Канада, дѣятельно расширяетъ и умножаетъ свое садоводство, цѣликомъ переселяя въ свои сады всѣ лучшіе сорта *нашихъ* яблокъ и другихъ плодовъ и овощей, изъ которыхъ многіе успѣшно произростаютъ, постепенно вытѣсняя тамъ, нѣтъ сомнѣнія, худшіе мѣстные сорта: „бабушкино“ яблоко, „липовое“, „антоновка“, груша „сапѣжанка“, „ростовскій“ горошекъ (т. н. у насъ „аглицкій“), „урюкъ“—русскій абрикосъ и т. д. уже широко фигурируютъ на Чикагской Выставкѣ въ отчетахъ ассоціаціи канадскихъ плодоводовъ провинціи Онтаріо, производство однихъ яблоковъ которой вычисляется въ размѣрѣ болѣе трехъ милліоновъ баррелей ежегодно. Извѣстность канадскихъ яблокъ такъ увеличилась въ послѣднее время, а за ней и вывозъ за границу изъ колоніи, что подобно тому, какъ это только-что произошло въ Калифорніи, въ Канадѣ уже составленъ и выработанъ въ настоящее время для всей колоніи проектъ организаціи „яблочной инспекціи“, на обязанность которой возложено будетъ инспектировать яблоки въ двухъ важнѣйшихъ вывозныхъ портахъ

колоніи (Монреаль, Галифаксъ), опредѣлять качество ихъ по извѣстнымъ нумерамъ, установленнымъ ассоціаціей садоводовъ, обозначать сорта яблокъ и класть свой штемпель на каждомъ коробѣ или помѣщеніи съ яблоками, наблюдая также за исполненіемъ и другихъ законовъ по торговлѣ, напр., точное наименованіе названій фруктовъ, отсутствіе испорченныхъ или незрѣлыхъ и т. д. Въ заключеніе канадскіе садоводы въ своихъ отчетахъ, представленныхъ на Выставку высказываютъ самыя радужныя надежды на благопріятные результаты такой инспекціи, ждутъ отъ нея дальнѣйшаго развитія плодоводства и крупныхъ выгодъ, какъ для хозяевъ, такъ и для торговцевъ, благодаря удешевленію, улучшенію и увеличенію вывоза фруктовъ. Если этимъ надеждамъ суждено, что похоже на правду, осуществиться, то для насъ, русскихъ, возможенъ, пожалуй, такой результатъ, что мы когда-нибудь будемъ получать „антоновку“ и „бабушкины“ яблоки изъ Монреаля и „настоящій“ ростовскій горошекъ изъ Галифакса!...

Наиболѣе полной, а главное систематичной изъ земледѣльческихъ выставокъ иностранныхъ государствъ несомнѣнно является французская. Она раздѣляется на три части: во-первыхъ. выставка „питательныхъ продуктовъ“ (alimentary products); центромъ этой секціи является высокій столбъ въ 5,000 килограммовъ и цѣнностью въ 200,000 франковъ, сложенный изъ отдѣльныхъ палочекъ шоколада Менье, пользующагося всемірною извѣстностью. Этотъ столбъ изображаетъ собою, яко-бы, производство одного дня фабрики Менье... Направо и налѣво всевозможные консервы, варенье, конфекты и бисквиты и пестрятъ столь извѣстныя въ Парижѣ имена Chevalier, Félix Potin, Olibet Lafargue и др. Далѣе слѣдуетъ сахаръ, мука Société Anonyme и 12 марокъ послѣдней, выставленныхъ парижской торговой баржей. Вторую секцію французской выставки составляютъ „земледѣльческіе продукты“ (agricultural products), Здѣсь расположены собственно хлѣбные продукты въ умѣренномъ количествѣ, но отборнаго качества, различныя овощи, алкоголь и прованское масло. Стѣны украшены весьма любопытными графическими и статистическими таблицами, составленными на разныхъ экспериментальныхъ станціяхъ: возможнаго производства злаковъ, свекловицы, картофеля и пр. на одномъ гектарѣ

земли. Сравнительныя таблицы содержанія сахара въ разныхъ сортахъ свекловицы, собранныхъ съ одного акра, представлены по опытамъ одной экспериментальной станціи. и посрединѣ залы—выставка сѣмянъ извѣстнаго Vilmorin.

На совершенно противоположномъ концѣ огромнаго зданія земледѣлія, рядомъ съ Россіей, помѣщена третья секція французской выставки, спеціально посвященная сельско-хозяйственному образованію. Она занимаетъ довольно обширное мѣсто, чуть ли не равное всему отдѣлу своего русскаго сосѣда, и имѣетъ скромную, но много говорящую вывѣску при входѣ: France. Methods of Teaching Agriculture (Франція. Методы обученія земледѣлію). Въ одну линію помѣщены выставки земледѣльческихъ школъ: изъ нихъ первая въ Гриньонѣ (Grignon) состоитъ изъ трудовъ, бюллетеней и массы разнородныхъ графическихъ таблицъ по разнымъ вопросамъ земледѣлія — о поглощеніи растеніями влаги, о культурѣ овса, пшеницы, свекловицы и другихъ растеній. Далѣе обширное мѣсто занимаетъ Institut national agronomique съ массой рисунковъ, діаграммъ, объясненій методовъ преподаванія, выставкой печатныхъ работъ съ моделями опытныхъ станцій и всевозможнаго изображенія вліяній различнаго удобренія на растенія. За институтомъ помѣщена выставка меньшихъ земледѣльческихъ школъ и школъ спеціальныхъ Обществъ, напримѣръ, разнообразные рисунки и труды ліонской ветеринарной школы и такихъ же школъ въ Альфортѣ и Тулузѣ Société d'encouragement pour l'industrie nationale и выставка ея трудовъ, а равно Association des chimistes des sucreries et des distilleries de France; школа молочнаго хозяйства въ Вогезахъ; школа земледѣлія въ Монпелье съ обширной выставкой по виноградарству и шелководству. Затѣмъ этотъ богатый и поучительный отдѣлъ на одномъ концѣ украшенъ множествомъ трудовъ, анализовъ и таблицъ экспериментальныхъ станцій по сельскому хозяйству, а на другомъ—цѣлымъ рядомъ не менѣе любопытныхъ статистическихъ и графическихъ таблицъ, составленныхъ спеціально для Выставки самимъ министерствомъ земледѣлія (Direction de l'Agriculture). Таблицы эти любопытны въ томъ отношеніи, что, сообщая точныя оффиціальныя данныя о ходѣ развитія французскаго земледѣлія за сто лѣтъ, даютъ возможность судить о степени

успѣховъ, достигнутыхъ французами въ этой области народнаго труда, и о самыхъ измѣненіяхъ культуры. Сообщимъ для образца, что въ 1789 году во Франціи насчитывалось, напримѣръ, лѣсу 9 милліоновъ гектаровъ, а нынѣ — 9,457,000 гектаровъ, ландъ было 7,600,000 гектаровъ, а нынѣ только 3,889,000, т. е. какъ ни много французы истребляли свои лѣса, однако въ концѣ-концовъ выучились ихъ разводить и не только не уменьшили, а увеличили ихъ пространство почти на цѣлыхъ полмилліона гектаровъ; и напротивъ съумѣли отнять у безплодныхъ ландъ почти цѣлую половину и придать ей иное, болѣе производительное употребленіе. Изъ таблицъ по измѣненію французской культуры, не желая затруднять читателя цифрами, приведемъ лишь нѣкоторые общіе выводы. По зерновымъ хлѣбамъ во Франціи послѣдовало увеличеніе за сто лѣтъ почти на 2 милліона гектаровъ; во много десятковъ разъ увеличилось разведеніе картофеля, втрое—искусственныхъ луговъ, почти въ четырнадцать разъ—корнеплодныхъ и растеній для кормленія животныхъ; выросли также сады и производство промысловыхъ растеній, но въ менѣе быстрой пропорціи. Насколько увеличилось наконецъ за послѣднія сто лѣтъ земледѣльческое богатство Франціи, можно судить по тому, что среднее потребленіе пшеницы на жителя во Франціи сто лѣтъ тому назадъ составляло $1_{,61}$ гектолитировъ, а нынѣ $2_{,75}$. Даже въ количествѣ скота, относительно котораго повсюду замѣчается уменьшеніе, во Франціи имѣется приростъ: въ 1789 г. лошадей, напр., насчитывалось тамъ 2,406,000, а нынѣ—2,908,500; рогатаго скота было 7,655,000, а нынѣ едва не вдвое больше—13,395,000 и лишь число овецъ уменьшилось и т. д.

Русскій земледѣльческій отдѣлъ, во время нашего неоднократнаго посѣщенія (во второй половинѣ іюня), еще былъ далекъ отъ окончанія, а потому мы и воздержимся отъ какихъ-либо рѣшительныхъ о немъ сужденій: несомнѣнно только, что онъ далеко не бѣденъ, если сравнить со многими изъ другихъ иностранныхъ государствъ, но благодаря несовершенству, если не сказать—нелѣпости американской классификаціи, въ него вошло множество, во-первыхъ, чисто мануфактурныхъ продуктовъ, или не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ русскому земледѣлію (свѣчи Крестовниковыхъ и Ошурковыхъ, ки

тайскіе чаи Перловыхъ и пр.); во вторыхъ выставлено *слишкомъ много водки и* притомъ *на первомъ планѣ*, рядомъ съ французскими *школами*, что непріятно рѣжетъ глаза, въ третьихъ, наконецъ, не выставлено тамъ ничего по сельско-хозяйственному образованію, что невольно удивляетъ посѣтителя, особено въ виду богатства и изобилія образовательныхъ пособій и средствъ нашей сосѣдки по выставкѣ — Франціи. Иностранецъ, посѣтитель русскаго отдѣла, кромѣ конечно спеціалистовъ, которые вездѣ съумѣютъ извлечь пользу, не вынесетъ изъ его осмотра, несмотря на прекрасное качество многихъ русскихъ продуктовъ, никакихъ ясныхъ представленій о положеніи и степени развитія у насъ сельскаго хозяйства и даже придетъ, пожалуй, къ ложному выводу, что въ Россіи слишкомъ много пьютъ водки, имѣютъ странную претензію считать китайскій чай своимъ національнымъ продуктомъ и въ заключеніе совсѣмъ не обучаются земледѣлію!...

IV.

Продолжая описаніе Чикагской Выставки, я долженъ остановиться еще разъ на сдѣланномъ уже очеркѣ французскаго и русскаго земледѣльческаго отдѣла. Несмотря на все различіе въ богатствѣ и составѣ выставокъ нашей и французской, между ними есть одна общая черта сходства: Франція и Россія одинаково старались выставить въ земледѣльческіе отдѣлы всевозможные сельско-хозяйственные продукты, видимо не руководствуясь какими-либо торговыми или меркантильными соображеніями. Не такъ поступили всѣ остальныя европейскія государства: въ виду того, что Соединенные Штаты уже давно сдѣлались главной житницей Европы, снабжающей ее хлѣбомъ и мясомъ, онѣ, заранѣе отказываясь отъ конкурренціи, совсѣмъ не прислали большей части сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Но такъ какъ на Чикагской Выставкѣ имѣется отдѣлъ земледѣлія и притомъ огромныхъ размѣровъ то слѣдовало его чѣмъ-нибудь наполнить и со стороны европейцевъ. И вотъ помощь явилась въ видѣ уже нѣсколько разъ упомянутой американской классификаціи, поражающей своей непослѣдовательностью и безсистемностью. Чуть не всякій экспонатъ, для ко-

тораго не хватило мѣста въ другомъ отдѣлѣ или который по инымъ какимъ-либо причинамъ не подходилъ, напр., подъ требованія мануфактурнаго отдѣла, помѣщался въ отдѣлѣ земледѣлія, почему въ результатѣ земледѣльческія выставки многихъ европейскихъ государствъ въ дѣйствительности не имѣютъ ничего земледѣльческаго, представляя собой удивительную смѣсь всевозможныхъ продуктовъ, изъ которыхъ большинство прямаго отношенія къ земледѣлію не имѣютъ. Сдѣлаемъ краткій очеркъ.

Какъ разъ сзади главнаго французскаго отдѣла находится выставка Даніи съ очень оригинальнымъ порталомъ, въ видѣ воротъ обыкновеннаго крестьянскаго дома, крытаго соломой. Налѣво отъ входа помѣщены разныя принадлежности молочнаго хозяйства и стоитъ превосходно сдѣланное чучело датской коровы: рядомъ съ ней находится цѣлая гора жестянокъ и боченковъ съ коровьимъ масломъ двоякаго происхожденія: жестянки—съ настоящимъ масломъ (консервированнымъ) и боченки—съ масломъ фабричнаго производства (маргариномъ). Далѣе идетъ выставка пива разныхъ заводовъ, шоколада, консервированнаго молока, центрафугъ, вѣсовъ и нѣсколькихъ другихъ механическихъ аппаратовъ. Въ углу помѣщается неизвѣстно почему здѣсь выставленное, напр., механическое приспособленіе подъ названіемъ „Admonitor“ для предупрежденія опасности отъ загоранія на судахъ, какъ будто этотъ вопросъ имѣетъ какое-либо спеціальное отношеніе къ земледѣлію!.. Наконецъ, Датская земледѣльческая выставка почему-то сочла нужнымъ въ большомъ количествѣ представить крестьянскую обувь (полукожаную, полудеревянную), хотя для этой цѣли существуетъ спеціальный обширный отдѣлъ—кожаныхъ издѣлій, гдѣ бы она была, конечно, болѣе умѣстна. Такимъ образомъ датскій отдѣлъ, если не считать послѣднихъ указанныхъ предметовъ, содержитъ въ себѣ экспонаты скорѣе по молочному хозяйству, нежели по земледѣлію, совершенно отсутствующему.

За Даніей слѣдуетъ Швеція, которая точно также выставила въ значительномъ количествѣ не только разнаго вида молочную посуду, но, въ отличіе отъ Даніи, и нѣкоторыя земледѣльческія орудія и различные спиртные напитки; изъ послѣднихъ, конечно, на первомъ планѣ фигурируетъ знаме-

нитый шведскій пуншъ. Рядомъ помѣщена бумага изъ древесины (?!) и большое число жестянокъ съ рыбными и раковыми консервами, хотя для этой послѣдней категоріи товаровъ, какъ намъ извѣстно, существуетъ особый отдѣлъ по рыболовству, гдѣ они и должны были бы находиться. Но самое курьезное по своему несоотвѣтствію назначенію этой выставки представляетъ собою земледѣльческій отдѣлъ Голландіи: онъ состоитъ изъ комнаты, посрединѣ которой на большой кушеткѣ лежитъ прекрасно исполненный манекенъ молодой женщины (повидимому, больной) въ нарядномъ костюмѣ; въ ногахъ ея играетъ ребенокъ, а служанка въ характерномъ голландскомъ костюмѣ, въ которомъ всего больше бросается въ глаза головной уборъ изъ кружевъ, подаетъ больной на подносѣ чашку шоколада. Вся эта картина есть не что иное, какъ реклама извѣстной шоколадной фабрики Блоокера. Вдоль стѣнъ стояли шкафы и витрины съ этимъ шоколадомъ Блоокера, различными напитками и пряниками. Вотъ почти и все, что Голландія сочла нужнымъ выставить въ своемъ отдѣлѣ, якобы, по земледѣлію!

Когда приближаешься къ нѣмецкому земледѣльческому отдѣлу, то прежде всего поражаешься колоннадами различнаго фасона бутылокъ, какъ оказывается, наполненныхъ всевозможными минеральными водами Германіи, пользующимися всемірной извѣстностью: Apollinaris, Ems, Kreuznach, Selters пестрятъ повсюду. Около каждой колоннады столикъ: сидитъ дама и любезно предлагаетъ желающимъ безплатно попробовать воды. Съ одной стороны этого обширнаго отдѣла минеральныхъ водъ, лежащаго какъ разъ лицомъ къ главной улицѣ или проходу, пересѣкающему зданіе земледѣлія, расположены нѣкоторые химическіе продукты (German Kali Works) со множествомъ крупныхъ графическихъ таблицъ, доказывающихъ пользу продуктовъ и размѣры ихъ добыванія; съ другой стороны тянется рядъ витринъ съ консервами франкфуртскихъ колбасъ, пивомъ, сухарями, цикоріемъ и хмелемъ (Stein & Köster). Шоколадный фабрикантъ Stollwerk выстроилъ колоссальныхъ размѣровъ, но довольно некрасивый павильонъ изъ шоколада, при чемъ, какъ бы для вящшаго убѣжденія публики, что шоколадъ можетъ служить строительнымъ матеріаломъ, вокругъ павильона лежатъ обломки одной шоколадной колонны и ея

украшеній, которые, впрочемъ, не позволяется не только пробовать, но даже трогать. Далѣе машинная фабрика Hermann Meyer въ Эльберфельдѣ выставила здѣсь различные механизмы для пекарей и кондиторовъ, назначеніе которыхъ тутъ же наглядно объясняется,—довольно сложную машинку для приготовленія содовой воды (!?) и различныя машины для пивоваренія!

Изъ собственно земледѣльческихъ продуктовъ на всей Германской выставкѣ мы нашли лишь *одно*: сѣмена травъ отъ магазина Мюллера изъ Гамбурга!.

Австрія, расположенная позади Германіи, во время нашихъ неоднократныхъ посѣщеній, еще не была совершенно готова, но, повидимому, должна была представлять собой повтореніе германскаго отдѣла, т. е. земледѣліе въ истинномъ смыслѣ отсутствовало и налицо имѣлись лишь нѣкоторыя побочныя отрасли сельскаго хозяйства и производства, даже не имѣющія совсѣмъ отношенія къ земледѣлію: самое видное мѣсто, напр., занимала громадной величины бутылка извѣстной минеральной воды Mattoni's Gietshübler, а возлѣ нея помѣщалась парфюмерная выставка Gotfried Taussig въ Вѣнѣ! Наконецъ изъ прочихъ европейскихъ государствъ Великобританія выставила въ земледѣльческомъ отдѣлѣ большое количество солодовыхъ напитковъ разныхъ заводовъ, консервы супа и другихъ пищевыхъ продуктовъ, медъ въ разныхъ видахъ отъ Общества пчеловодовъ (Bee-Keepers Association), окорока своей превосходной Іоркской ветчины, которою она щеголяла и на Парижской Выставкѣ, конфекты и одинъ лишь замѣченный нами вполнѣ земледѣльческій экспонатъ — любопытную коллекцію нѣкоего R. J. Carton, представляющую образчики разнородныхъ искусственныхъ удобреній и вліянія ихъ на урожай и самое качество зерна. При этомъ выставлены собранныя на опытныхъ поляхъ зерна и сдѣланы всѣ необходимые разсчеты *).

Гораздо разнообразнѣе и интереснѣе въ отдѣлѣ земледѣлія выставки колоній и внѣ-европейскихъ государствъ. Но замѣ-

*) Земледѣльческая выставка Италіи до моего отъѣзда изъ Чикаго совсѣмъ не была готова и представляла изъ себя хаосъ нераскупоренныхъ ящиковъ.

ченный выше недостатокъ—безсистемность—и тутъ, впрочемъ имѣетъ мѣсто, чуть ли еще не въ большей степени. Рядомъ съ Франціей на главномъ проходѣ помѣщается одна изъ изъ лучшихъ колоніальныхъ выставокъ—Канады. Каждая ея провинція имѣетъ свой отдѣльный павильонъ съ важнѣйшими въ ней продуктами, причемъ любопытной чертой является то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ провинцій Канады англійскіе этикеты й надписи на экспонатахъ, принятые на цѣлой Выставкѣ, замѣнены французскими надписями, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть все большее и большее преобладаніе въ Канадѣ этого послѣдняго языка. Богатая выставка Канады заключаетъ въ себѣ огромное число разныхъ хлѣбныхъ продуктовъ прекраснаго качества. Павильонъ провинціи Квебекъ цѣликомъ сдѣланъ изъ табака, которымъ она славится. Большую роль въ канадскомъ земледѣліи, видимо играютъ сельско-хозяйственныя опытныя станціи, которымъ и принадлежитъ значительная доля экспонатовъ. Позади Канады помѣщаются австралійскія колоніи Великобританіи:—Новый Южный Валлисъ, Викторія и др. Какъ и на прежнихъ выставкахъ, выдающееся мѣсто изъ нихъ занимаетъ первая колонія Новый Южный Валлисъ, одинаково замѣчательная и богатствомъ своего содержанія, и множествомъ интереснаго печатнаго матеріала, безплатно раздаваемаго публикѣ на всѣхъ концахъ Выставки. Замѣтимъ, между прочимъ, что эта послѣдняя черта щедрая раздача различныхъ статистическихъ изданій и описаній преимущественно оффиціальнаго происхожденія—вообще благопріятно отличаетъ Чикагскую Выставку отъ Парижской. Здѣсь каждый штатъ соперничаетъ, повидимому, съ другими въ готовности знакомить публику, безплатно, со всѣми выставленными предметами и разными сторонами своей жизни. Если даже нѣтъ на американской выставкѣ какихъ-либо книгъ, нужныхъ для выясненія той или иной стороны, интересующей посѣтителя, распорядители просятъ обыкновенно любознательнаго иностранца оставить адресъ и присылаютъ требуемое впослѣдствіи.

Хлѣбъ разнаго рода, всевозможные мясные консервы и шерсть составляютъ главную суть выставки австралійскихъ колоній: Викторія даже исключительно выставила этотъ послѣдній продуктъ, а по даннымъ Новаго Южнаго Валлиса, произ-

водство шерсти въ немъ даетъ колоніи ежегодно огромную сумму въ 55 милліоновъ долларовъ.

Другимъ характеромъ отличается выставка Цейлона: здѣсь на первомъ мѣстѣ находятся разнообразныя пряности, чай, разложенный въ большихъ корзинахъ—этотъ новый, но весьма прибыльный источникъ богатства острова, кофе, тростниковые издѣлія и пр. Далѣе слѣдуютъ Тринидадъ, Гаванна, Филипинскіе острова, Куба и Капская земля съ южными плодами, напитками, сѣменами, табакомъ и льномъ. Особенно красиво убрана выставка Филиппинская, по распоряженію торговой палаты, въ Порто-Рико; къ сожалѣнію, эти любопытные отдѣлы вплоть до моего отъѣзда еще не были вполнѣ готовы и продолжали устраиваться. Капская колонія выставила новинку — полную картину разведенія страусовъ, какъ отрасль сельскаго хозяйства. Совершенно иной видъ представляла собою изъ англійскихъ колоній выставка британской Гвіаны, хотя и помѣщенная въ зданіи земледѣлія, но являющаяся собственно мѣстнымъ музеемъ всякихъ продуктовъ: множество чучелъ различныхъ дикихъ животныхъ, разныя мѣстныя издѣлія, кончая соломенными шляпами, глина, камни, минералы и даже цѣлая золотая пирамида, представляющая стоимость ежегоднаго экспорта колоніи!.. Такое же potpourri представляла изъ себя выставка южно-американскаго государства Эквадора: вмѣстѣ съ нѣкоторыми дѣйствительно земледѣльческими продуктами эта страна всего больше выставила различныхъ промышленныхъ издѣлій и главное предметовъ убранства. Представители Эквадора, вѣроятно, опасались, чтобы, по отдаленности ихъ государства отъ всего цивилизованнаго міра, ихъ не приняли за какихъ-нибудь дикарей, которые ходятъ нагими: поэтому наполнили свою сельско-хозяйственную выставку преимущественно сапогами, шляпами, разнородной одеждой, сѣдлами, разной лошадиной сбруей и въ заключеніе даже выставили какіе-то деревянныя идолы!

Рядомъ съ Эквадоромъ расположена Мексика—большой, но также весьма безпорядочно составленный отдѣлъ, преимущественно состоящій изъ мануфактурныхъ произведеній: табакъ и сигары, сахаръ, напитки, шелкъ, мыло, хлопокъ и пр. Въ самомъ углу зданія въ первый разъ фигурируетъ негритянская республика Либерія (въ Африкѣ), которая заключаетъ въ себѣ

прежде всего фигуры негровъ обоего пола и модели ихъ жилищъ, множество женскихъ работъ разнаго рода, кофе, пальмовое масло и оружіе. Какъ разъ напротивъ Россіи, у главнаго входа находится „страна восходящаго солнца"—Японія, которая, какъ и въ другихъ отдѣлахъ Выставки, фигурируетъ и здѣсь съ честью. Рисъ, чай, домашнія птицы, консервы, напитки, мыло, и другіе весьма своеобразные продукты выставлены въ большомъ количествѣ и привлекаютъ своею оригинальностью вниманіе и разспросы посѣтителей.

Помимо зданія земледѣлія, сельское хозяйство спеціально Соединенныхъ Штатовъ хорошо представлено также и въ Government Building—Правительственномъ зданіи, не говоря о многочисленныхъ зданіяхъ отдѣльныхъ штатовъ, гдѣ опять встрѣчаются богатыя коллекціи по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Выставка департамента или министерства земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ занимаетъ весьма обширное мѣсто и сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ стороны заботъ федеральнаго правительства о земледѣліи. Здѣсь можно найти непремѣнно что-нибудь отъ каждаго изъ двѣнадцати отдѣленій департамента, вышеописаннаго нами въ письмѣ изъ Вашингтона. Тринадцатое отдѣленіе – бюро погоды имѣетъ самостоятельную Выставку въ отдѣльномъ домѣ, помѣщенномъ къ сѣверу отъ мануфактурнаго зданія, недалеко отъ озера. Ограничится лишь краткимъ перечнемъ содержанія этой Выставки, задачи которой намъ уже знакомы.

Первая половина огромной залы департамента занята лѣснымъ отдѣленіемъ. Направо и налѣво отъ входа размѣщены разные виды и сорта лѣса, имѣющаго торговое значеніе и произростающаго въ предѣлахъ государства („Commercial Woods of the United States"): огромная коллекція желѣзнодорожныхъ шпалъ изъ разныхъ деревьевъ различно приготовленныхъ; степень ихъ сравнительной выносливости или долговѣчности; металлическіе скрѣпы шпалъ; самые образцы деревьевъ и ихъ рисунки; образцы питомниковъ и древесныхъ сѣмянъ; богатая коллекція лѣсныхъ картъ Соединенныхъ Штатовъ съ образцами деревьевъ; коллекція насѣкомыхъ, вредящихъ деревьямъ, и куски дерева, ими испорченнаго, борьба съ этими насѣкомыми и аппараты, при этомъ употребляемые.

Далѣе идутъ выставки отдѣленій орнитологіи и маммологіи, энтомологіи и ботаники. Значительная часть этой залы занята коллекціями животныхъ съ краткими ихъ описаніями, а сосѣдній залъ посвященъ спеціально домашнимъ животнымъ: болѣзни скота и образцы ихъ на моделяхъ и въ рисункахъ. Затѣмъ прекрасно исполненные, вѣроятно изъ воска, модели-образцы здороваго мяса разныхъ частей убойнаго скота. Выставка эта принадлежитъ мясной инспекціи, контролирующей вывозъ скота: здѣсь помѣщены цѣлыя туши съ указаніемъ сортовъ или номеровъ. которыми обозначаетъ инспекція мясо, — образцы удостовѣреній или сертификатовъ, выдаваемыхъ инспекторами, и различные инструменты, служащіе для контроля. Какъ видно изъ выставленныхъ тутъ же таблицъ, вывозъ скота и мясныхъ продуктовъ изъ Соединенныхъ Штатовъ далъ государству въ 1892 г. свыше 69 милліоновъ долларовъ и изъ нихъ одного свѣжаго мяса вывезено заграницу на 55 милліоновъ долларовъ.

Рядомъ съ животнымъ, идетъ выставка растительнаго царства. На первомъ планѣ богатая коллекція яблокъ, грушъ и другихъ фруктовъ со всей страны, и на противоположной сторонѣ залы не менѣе богатое собраніе грибовъ, произростающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, съ отмѣткой съѣдобныхъ и ядовитыхъ, причемъ нѣкоторые изъ нашихъ безвредныхъ грибовъ попали почему-то въ Америкѣ въ категорію ядовитыхъ (напр. „грузди“). Остальная часть залы занята чрезвычайно богатымъ гербаріемъ, причемъ сушеныя растенія расположены въ извѣстномъ порядкѣ, смотря по ихъ назначенію. Такъ, первоначально идетъ богатый отдѣлъ медицинскихъ растеній съ краткимъ обозначеніемъ надъ каждымъ растеніемъ его употребленія, а за медицинскимъ слѣдуетъ гербарій травъ со всего свѣта, употребляемыхъ въ пищу скотомъ. Здѣсь же отъ сѣмяннаго отдѣла департамента выставлено собраніе образцовъ наилучшихъ сѣмянъ разнообразныхъ растеній и любопытная коллекція земледѣльческихъ орудій, начиная съ очень старыхъ (плуги 1740 и 1783 года) и кончая наиболѣе усовершенствованными и распространенными нынѣ орудіями. Всевозможныя болѣзни растеній и борьба противъ нихъ выставлены главнымъ образомъ отдѣленіемъ департамента по растительной патологіи, и экспонаты поражаютъ своей разносторонностью и наглядностью; множество изобра-

женій опытовъ надъ больными растеніями, какъ фотографическихъ, такъ и рисованныхъ красками, указываютъ, какимъ средствомъ борьбы слѣдуетъ довѣрять и какимъ нѣтъ, свидѣтельствуя въ то же время о чрезвычайной дѣятельности въ этомъ отношеніи и заботливости американскаго министерства земледѣлія. Отъ того же отдѣленія растительной патологіи въ разныхъ частяхъ выставки разложены образцы печатныхъ циркуляровъ (безплатно раздаваемыхъ) съ вопросными пунктами хозяевамъ по поводу разныхъ болѣзней растеній и сдѣланныхъ ими опытовъ лѣченія или предупрежденія такихъ болѣзней.

Любопытно, что въ числѣ хозяйственныхъ бѣдствій, которыя озабочиваютъ въ настоящее время Соединенные Штаты, серьезную роль играетъ тотъ самый „опасный врагъ растительности“—ночная бабочка, извѣстная подъ именемъ „непарнаго шелкопряда“ (Ocneria dispar), появившаяся нынѣ въ большомъ количествѣ въ Московской губерніи и о которой писалъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* г. Кулагинъ (№ 181) и г. Шредеръ (№ 208) за 1893 года. Въ Америкѣ она особенно распространилась съ 1889 г. въ Массачузетсѣ, и „Земледѣльческое бюро Штата“ (State Board of Agriculture) ведетъ противъ этого насѣкомаго дѣятельную борьбу съ весьма раличнымъ притомъ успѣхомъ. Уничтожая яички или гусеницы зловреднаго насѣкомаго въ одномъ мѣстѣ, бюро не успѣваетъ, однако какъ пишетъ оно въ своемъ интересномъ отчетѣ, раздаваемомъ на Выставкѣ, задержать распространеніе бѣдствія въ другихъ частяхъ страны. Вообще, повидимому, въ Америкѣ считаютъ борьбу съ Ocneria dispar весьма трудной. Въ 1890 году одинъ штатъ Массачузетсъ отпустилъ 50,000 долларовъ спеціально для истребленія этого рода насѣкомыхъ въ 1891 году—75,000, а въ 1893 году бюро уже ходатайствуетъ объ отпускѣ для той же цѣли новыхъ 150,000 долл., и все это только для одного штата и для борьбы лишь съ однимъ насѣкомымъ *).

Насколько вообще такая борьба съ вредными насѣкомыми должна являться важной и серьезной задачей правительства, какъ это и понимается въ Америкѣ,—объ этомъ можно судить по

*) Report of the State Board of Agriculture on the work of Extermination of the Gypsy Moth, January, 1893. Boston: Wright & Potter Printing Co., State Printers.

размѣрамъ тѣхъ огромныхъ хозяйственныхъ потерь, которыя получаются отъ этихъ насѣкомыхъ въ разныхъ странахъ. Приведемъ немногіе примѣры изъ указаннаго массачузетскаго отчета. Потеря 9 штатахъ въ 1887 г., по вычисленію знаменитаго авторитета сельскохозяйственной статистики Доджа, составляла лишь отъ одного насѣкомаго (blissus leucopterus) 60,000,000 долл. и ту же огромную сумму потеряли только западные штаты отъ того же насѣкомаго въ 1874 г. — по разсчету проф. Рили, нынѣ начальника отдѣленія энтомологіи въ министерствѣ земледѣлія въ Вашингтонѣ. Потери для цѣлой страны, конечно, должны быть еще болѣе громадны. Такъ, въ 1874 г. саранча истребила въ Соединенныхъ Штатахъ разныхъ злаковъ на 200,000,000 долл., а въ 1884 г., по разсчету проф. Рили, Соединенные Штаты понесли ущербъ отъ разныхъ насѣкомыхъ примѣрно отъ 300 до 400 милл. доларовъ. Этотъ вредъ отъ насѣкомыхъ для главнѣйшихъ видовъ хлѣбовъ Джемсъ Флетчеръ, извѣстный энтомологъ въ Канадѣ, высчиталъ для 1891 г. въ 380,000,000 долл., что составляетъ одну десятую стоимости ежегоднаго сбора всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ Соединенныхъ Штатовъ. Такую же ежегодную потерю отъ насѣкомыхъ (т. е. $^1/_{10}$ всей жатвы) несетъ, по его словамъ, и Канада...

За энтомологіей на выставкѣ министерства земледѣлія слѣдуетъ отдѣленіе химіи и ея лабораторіи. „Цѣли и задачи ея,— какъ возвѣщалось объ этомъ публикѣ особенными анонсами, вывѣшенными тутъ же на стѣнахъ, „заключаются въ изученіи пищевыхъ продуктовъ и ихъ фальсификаціи, въ опытахъ, между прочимъ, съ цѣлью расширенія сахарной промышленности и изслѣдованіяхъ въ видахъ разрѣшенія иныхъ химическихъ проблемъ, важныхъ въ настоящее время для интересовъ земледѣльцевъ“.

Но воздѣйствіе правительства какъ федеральнаго, такъ и отдѣльныхъ штатовъ на земледѣліе настолько велико и разнообразно, что выставка его не умѣстилась въ одномъ Правительственномъ зданіи и часть попала въ общее зданіе земледѣлія. Такъ сзади русскаго отдѣла помѣщены лабораторіи многихъ опытныхъ станцій съ разнородными графическими таблицами, показывающими наглядно химическій составъ того или инаго тѣла, имѣющаго хозяйственное значеніе напр., сравненіе откор-

мленныхъ и не откормленныхъ животныхъ, или вліяніе разныхъ видовъ корма на составъ тѣла и т. п. Отъ нью-іоркской опытной станціи выставлены діаграммы, показывающія результаты различнаго питанія куръ, количество и качество яицъ и пр.; коллекція разныхъ растеній для питанія животныхъ; коллекція хлопчато-бумажныхъ сѣмянъ въ разныхъ видахъ съ различнымъ примѣненіемъ. Опытная станція при корнельскомъ университетѣ (Cornell university) знакомитъ публику съ результатами своихъ пятилѣтнихъ опытовъ подъ 150 различными животными, съ результатами 25 разныхъ опытовъ удобренія разной почвы и ихъ стоимостью, опытовъ надъ сахарнымъ тростникомъ и кукурузой, наблюденій надъ болѣзнями растеній, жизнью насѣкомыхъ и пр. Такимъ образомъ американскіе университеты, какъ видно отсюда, прямо непосредственно служатъ на пользу родному земледѣлію.

Въ заключеніе статистическое отдѣленіе министерства земледѣлія тоже осталось не безъ участія на выставкѣ и въ углу одной изъ залъ Правительственнаго зданія вывѣсила рядъ интереснѣйшихъ статистическихъ таблицъ о всемірныхъ урожаяхъ разныхъ хлѣбовъ; таблицы эти приготовлены спеціально для Выставки бывшимъ главой статистическаго отдѣленія мистеромъ Доджъ. Мы не можемъ, щадя мѣсто въ нашемъ письмѣ, приводить колонны этихъ любопытныхъ цифръ; но и не можемъ также упустить случая подѣлиться съ читателемъ, по крайней мѣрѣ, конечными выводами изъ нѣкоторыхъ данныхъ Доджа, нигдѣ, насколько на извѣстно, еще непубликованныхъ

Средній всемірный урожай, по его разсчету, за послѣдніе года составлялъ:

Для	пшеницы	2286	милл. бушелей
»	ржи	1338	» »
»	овса	2328	» »

Далѣе изъ этихъ таблицъ видно, что по пшеницѣ и овсу *первое* мѣсто въ производствѣ принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, при чемъ Россія въ міровомъ производствѣ пшеницы занимаетъ всего лишь *четвертое* мѣсто и доставляетъ лишь одну одиннадцатую общей суммы пшеницы, уступая даже такимъ странамъ, какъ Франція и Британская Индія; въ произ-

водствѣ же овса наше отечество непосредственно слѣдуетъ за Соединенными Штатами, превосходя всѣ остальныя государства, хотя участіе ея въ общей суммѣ производства составляетъ лишь немного болѣе одной пятой. Наконецъ въ производствѣ ржи Россія безусловно занимаетъ *первое* мѣсто, производя болѣе половины всего количества (712 милл. бушелей); но и въ этомъ продуктѣ, какъ видно изъ таблицы Доджа, она имѣетъ много конкуррентовъ: вслѣдъ за Россіей *второе* мѣсто относительно ржи занимаетъ Германія (228 милл.), которой однако не достаетъ, какъ извѣстно, этого количества и часть ржи, нужной для потребленія, выписывается изъ за-границы, преимущественно изъ Россіи; затѣмъ слѣдуютъ Австро-Венгрія (121 милл.), Франція (69 милл.), Соединенные Штаты (25 милл.) и прочія государства (other countries): послѣднія даютъ въ сложности лишь 181 милл. буш. ржи. Такимъ образомъ, если, во время послѣдней таможенной войны (1892), Германія и заперла сама для себя русскій рынокъ; тѣмъ не менѣе, за вычетомъ русскаго и германскаго производства ржи, имѣется еще на міровомъ рынкѣ на лицо почти 400 милл. ржи въ другихъ странахъ (1,338—[712+228]=398), избытками которыхъ Германія и могла воспользоваться для пополненія своей потребности въ данномъ продуктѣ.

Въ заключеніе, подводя общій итогъ нашему отчету объ отдѣлѣ земледѣлія Всемірной Колумбовой Выставки, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Во-первыхъ, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе интересною, богатою и поучительною частью Выставки является сельско-хозяйственный отдѣлъ самихъ Соединенныхъ Штатовъ. Во-вторыхъ, большинство другихъ культурныхъ государствъ и особенно европейскихъ, уклонились собственно отъ Выставки земледѣлія въ тѣсномъ смыслѣ, наполняя соотвѣтствующіе отдѣлы побочными отраслями сельскаго хозяйства или даже, благодаря терпимости американской классификаціи, чисто мануфактурными продуктами. Въ-третьихъ: изъ европейскихъ государствъ наиболѣе полной и разнообразной является земледѣльческая выставка Франціи, а за ней, пожалуй, Россія, такъ какъ остальныя по земледѣлію прислали очень мало.

Само собой разумѣется, что если смотрѣть на Всемірную Выставку, какъ на временной музей для всеобщаго поученія или экономическую картину жизни разныхъ государствъ, то объ упомянутомъ пробѣлѣ на земледѣльческомъ отдѣлѣ Чикагской Выставки нельзя не пожалѣть: посѣтители лишены возможности знакомиться и сравнивать, напр., англійское или бельгійское хозяйство съ тѣмъ же американскимъ и французскимъ. Съ другой стороны, если смотрѣть на эту Выставку съ торговой точки зрѣнія, какъ на „Всемірную Ярмарку“ (World's Fair), какъ ее обозвали сами американцы, то конечно отсутствіе земледѣльческихъ продуктовъ для многихъ странъ становится вполнѣ понятнымъ и находитъ себѣ оправданіе. Насколько мнѣ извѣстно, за исключеніемъ Россіи, участіе того или иного экспонента на Выставкѣ является дѣломъ его личной иниціативы, ибо большинство расходовъ, если не всѣ, начиная съ провоза, оплачиваются имъ самимъ. Поэтому только тотъ производитель послалъ свои продукты, который желалъ найти или расширить ихъ сбытъ, или рекламировать, хотя бы въ началѣ себѣ въ ущербъ. Отсюда становится понятно и выше описанное явленіе: кому же изъ европейскихъ земледѣльцевъ захочется посылать свои сельско-хозяйственныя произведенія въ страну, которая сама снабжаетъ ими большую часть Европы.?! Другое дѣло относительно различныхъ мануфактурныхъ произведеній: что бы ни дѣлала своими тарифами Америка, она еще долгое время будетъ въ этомъ отношеніи въ зависимости отъ Европы, и европейскій промышленникъ, при извѣстномъ знакомствѣ съ мѣстными вкусами и потребностями и при удачѣ, въ этой странѣ всегда найдетъ хорошій сбытъ своимъ издѣліямъ и сравнительно съ Европой легко заработаетъ деньги. Вотъ почему, нѣтъ сомнѣнія, нѣмцы такъ усердно рекламируютъ въ земледѣльческомъ отдѣлѣ свои цѣлебныя минеральныя воды, пиво, франкфуртскія колбасы, а голландцы—шоколадъ Блоокера и пряники.

Иначе, какъ всѣмъ извѣстно, относятся ко Всемірнымъ Выставкамъ наши русскіе промышленники: они не озабочены мыслью отыскивать покупателя своимъ товарамъ, гдѣ-то вдали отъ родины, довольствуясь въ значительной степени выгодами монопольности, созданной высокимъ тарифомъ. Поэтому пра-

вительству приходится почти убѣждать ихъ принять участіе въ той или иной всемірной выставкѣ, гарантируя имъ разныя льготы въ видѣ дарового перевоза экспонатовъ и т. п. Нѣкоторыя изъ нашихъ очень богатыхъ фирмъ постарались даже самыя витрины для своихъ товаровъ устроить на казенный счетъ! Въ виду такого равнодушія нашихъ промышленниковъ, несомнѣнно, и самый составъ всей русской выставки въ значительной степенъ отличается случайностью выбора и какъ бы отсутствіемъ плана. Многіе изъ лучшихъ нашихъ промышленниковъ ничего не прислали; точно также многіе наши продукты, которые могли бы имѣть въ Америкѣ постоянный сбытъ, совсѣмъ не представлены или только попали случайно въ ничтожномъ количествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какого рода и вида товары Россія могла бы сбывать въ Америку? Нѣтъ сомнѣнія, что отнюдь не предметы фабричнаго, машиннаго производства: въ этомъ отношеніи насъ всегда побьетъ Европа. Остаются, слѣдовательно, предметы спеціально ручной выдѣлки, имѣющіе преимущество чрезвычайной дешевизны, оригинальности и національнаго вкуса.

На первомъ мѣстѣ стоятъ многія наши *кустарныя* произведенія, несомнѣнно могущія, при извѣстной энергіи, найти сбытъ въ Америкѣ: крестьянскія кружева, ручныя вышивки, оренбургскіе платки, нѣкоторыя деревянныя издѣлія, издѣлія изъ папье-маше, плетенья, издѣлія изъ слюды, изъ камней и т. п. По словамъ одного изъ нашихъ завѣдующихъ земледѣльческимъ отдѣломъ, ему надоѣдаютъ все время американцы предложеніемъ продать имъ росписныя деревянныя чашки и тумбы, въ которыхъ помѣщается выставленный зерновой хлѣбъ. Предложеній такъ много, что если бы было тройное количество этихъ чашекъ, онѣ были бы распроданы въ короткое время! Такъ же великъ спросъ и на русскія кружева и др. издѣлія въ женскомъ отдѣлѣ, хотя, къ сожалѣнію, присланныя вещи почти исключительно очень дорогія, при высокомъ, конечно, достоинствѣ и, кромѣ того, по правиламъ Выставки, могутъ быть отданы только послѣ ея закрытія, что, конечно, уменьшаетъ число покупателей. Въ этомъ случаѣ поучительный для насъ образецъ предпріимчивости показали болгары; они привезли въ Чикаго большое количество своихъ національныхъ кружевъ и вышивокъ, провели ихъ черезъ таможню, т. е. оплатили пошлиной, и въ

особомъ домикѣ на Выставкѣ открыли прямо лавку своихъ кустарныхъ произведеній: лавка, какъ мы много разъ видѣли, постоянно набита публикой, преимущественно женской, и цѣлый день идетъ очень бойкая торговля, несмотря на то, что издѣлія—работы довольно грубой, ниже русскихъ и менѣе разнообразны.

Наконецъ, американцами высоко цѣнятся наши художественныя произведенія и художественно—промышленныя издѣлія, которыя даже постоянно продаются въ Нью-Іоркѣ, въ извѣстномъ магазинѣ Тиффани, рядомъ съ французской бронзой. Къ сожалѣнію, тѣхъ и другихъ на Выставкѣ сравнительно мало: многихъ извѣстнѣйшихъ именъ совсѣмъ не представлено; кромѣ того, строгія и придирчивыя правила таможенной администраціи на Чикагской Выставкѣ препятствуютъ продажѣ издѣлій даже въ видѣ дублетовъ, а это мѣшаетъ, въ свою очередь, и знакомству съ ними американской публики по всей странѣ. Такимъ образомъ едва ли я ошибусь, если выскажу мнѣніе что въ торгово-промышленномъ отношеніи Россія воспользовалась Чикагской Всемірной Выставкой гораздо меньше, чѣмъ могла бы это сдѣлать; но съ другой стороны очень вѣроятно, что американцы, которые на настоящей Выставкѣ, какъ мы уже говорили, въ числѣ своихъ произведеній помѣстили „русскую икру“, „русскій клей“, „русскій желатинъ„, „русскія яблоки“ и т. д., къ будущей выставкѣ приготовятъ свои собственныя серебряныя издѣлія à la russe, по образцамъ нашихъ извѣстныхъ мастеровъ, или машинныя кружева по рисункамъ ручныхъ, приготовленныхъ въ Рязанской губерніи и вызывающихъ восторгъ американокъ — посѣтительницъ „женскаго зданія Всемірной Выставки!!...

6. Современное поклоненіе деревьямъ.

Arbor-day въ Нью-Іоркѣ.

Существуетъ старинная русская поговорка: „былъ въ лѣсу, кланялся пнямъ!“ Современные американцы поклоняются не пнямъ, а молоденькимъ отпрыскамъ деревьевъ, заботу о которыхъ поручаютъ своему юному населенію, своимъ школьникамъ и школьницамъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ ужаснулось въ послѣднее время отъ прогрессирующаго обезлѣсенія страны (вслѣдствіе частыхъ пожаровъ и опустошительной порубки для торговыхъ цѣлей) и, въ числѣ другихъ мѣръ для сохраненія лѣса, рѣшило дѣйствовать на сознаніе народа черезъ посредство своихъ народныхъ школъ, для которыхъ установленъ былъ особый праздникъ въ честь деревьевъ и ихъ насажденія.

Піонеромъ въ этомъ движеніи явился штатъ Небраска, какъ разъ тотъ самый, который, благодаря быстрому уничтоженію лѣсовъ, давно уже прослылъ за „tree-less“ или безлѣсный. Когда-то у мексиканскихъ индійцевъ и у ацтековъ существовалъ обычай—рожденіе каждаго ребенка ознаменовывать посадкой дерева, которому давалось одно съ дитятей имя. Очевидно, воспользовавшись основной идеей этого языческаго обычая, нѣкто Мортонъ, нынѣ министръ земледѣлія въ федеральномъ правительствѣ, впервые ввелъ соблюденіе въ Небраскѣ такъ называемаго „Arbor-day“, т. е. „Дня деревьевъ“, который съ 1874 г. получилъ законодательную санкцію въ этомъ штатѣ, какъ обязательный весенній праздникъ, во время котораго всѣ

школы должны были заниматься разведеніемъ садовъ. Со временемъ введенія этого оригинальнаго обычая и до 1889 г., т. е. за 15 лѣтъ, было посажено такимъ путемъ, какъ сообщаютъ статистическія данныя лѣснаго вѣдомства, въ штатѣ Небраска ни мало—ни много 355,560,000 деревьевъ разнаго рода, и въ настоящее время, благодаря вліянію школъ, этотъ штатъ изъ безлѣснаго обращается въ мѣстность, густо населенную молодымъ лѣсомъ.

Въ виду такихъ очевидныхъ результатовъ, и другіе штаты Сѣверной Америки стали вводить у себя такой же обычай, и въ настоящее время громадное большинство ихъ (38 изъ 44) соблюдаетъ весенній праздникъ, предназначенный для культа лѣсовъ и растеній. Въ штатѣ Нью-Іоркъ Arbor-day установленъ съ 1888 г. особымъ законодательнымъ актомъ, называемымъ „Актъ для поощренія культуры деревьевъ (An Act to encourage Arboriculture)“, который гласитъ слѣдующее: „Граждане штата Нью-Іоркъ черезъ своихъ представителей въ сенатѣ и собраніи предписываютъ:

чтобы пятница вслѣдъ за первымъ днемъ мая каждаго года была отнынѣ извѣстна во всемъ штатѣ, какъ Arbor-day;

чтобы школьныя власти каждаго казеннаго народнаго училища въ штатѣ собирали своихъ учениковъ и учениць въ этотъ день для такого отпразднованія его, которое могло бы содѣйствовать насажденію и охранѣ деревьевъ и кустовъ и знакомству съ лучшими методами для достиженія послѣднихъ результатовъ“ и т. д. и т. д.

Согласно приведенному закону, вотъ уже пять лѣтъ, какъ этотъ любопытный праздникъ соблюдается въ штатѣ Нью-Іоркъ все съ большей и большей торжественностью, какъ это видно изъ собранныхъ мною за разные годы программъ.

5 мая нынѣшняго года мнѣ удалось самой присутствовать въ Нью-Іоркѣ при празднованіи такого Arbor-day. Въ данномъ торжествѣ, которое происходило въ одной изъ самыхъ крупныхъ залъ города, принимало участіе своими средствами нѣсколько частныхъ лицъ и учрежденій. Устроено оно было собственно Обществомъ, называемымъ „Общество дѣтскихъ садовъ и комнатныхъ растеній“ (Kindergarten and Potted Plant Association), президентомъ котораго состоитъ извѣстная милліо-

нерша мистрисъ Гульдъ, при содѣйствіи редакціи одной республиканской газеты (Mail and Express), содержащей на свой счетъ цѣлую школку для маленькихъ дѣтей и имѣющей особый отдѣлъ для юныхъ читателей. Отъ редакторши этого-то отдѣла я и получила приглашеніе на дѣтскій праздникъ Arbor-day, главными гостями котораго должны были быть ученики и ученицы Нью-Іоркскихъ частныхъ ремесленныхъ школъ.

Около двухъ тысячъ ребятишекъ, сопровождаемые учительницами, размѣщены были къ 2 час. дня въ громадномъ помѣщеніи Madison Square Garden, одного изъ самыхъ блестящихъ домовъ въ Нью-Іоркѣ, и праздникъ открылся всеобщимъ пѣніемъ патріотической пѣсни „Америка, святая страна свободы!..“, за которой послѣдовали другіе школьные и народные гимны. Пѣніе дѣтей чередовалось съ прекраснымъ исполненіемъ оркестра мальчиковъ изъ еврейскаго сиротскаго дома и декламаціей дѣвочки лѣтъ десяти, которая производила фуроръ между своими сверстницами какъ трогательными разсказами о цвѣтахъ, такъ и болѣе юмористическими эпизодами изъ школьной жизни, въ которыхъ дѣти легко узнавали самихъ себя.

Далѣе послѣдовала самая интересная часть программы. На каѳедру вошелъ, повидимому, садовникъ, со всѣми аттрибутами своего ремесла. Дѣло въ томъ, что вышеназванное Общество дѣтскихъ садовъ и комнатныхъ растеній, дѣйствуя въ одномъ же духѣ съ основателями Arbor-day, имѣетъ цѣлью развивать любовь къ растительности между городскими жителями и съ этою цѣлью ежегодно весною и осенью раздаетъ дѣтямъ изъ бѣднаго населенія отростки незатѣйливыхъ цвѣтовъ вмѣстѣ съ поученіемъ, какъ за ними ходить. Призванный на помощь садовникъ показалъ дѣтямъ, продѣлывая это на ихъ глазахъ, какъ изъ маленькихъ горшечковъ, которые будутъ имъ даны, надо пересадить дома въ большой горшокъ или ящикъ или даже жестянку маленькій отростокъ златоцвѣта (chrysanthemum), которой къ осени долженъ вырости и дать цвѣтъ. Онъ разсказалъ имъ, какъ поливать растенія, предварительно добавивъ къ имѣющейся уже землѣ просто уличной грязи (недостатка въ которой нѣтъ въ Нью-Іоркѣ), какъ улучшить въ случаѣ надобности эту землю мыльной водой отъ домашней стирки и т. п. практическіе пріемы, къ которымъ дѣти

жадно прислушивались, очевидно предвкушая удовольствіе ходить за хорошенькимъ растеньицемъ. Для бо́льшаго задора и для поощренія соревнованія между дѣтьми, имъ объявлено было отъ имени г-жи Гульдъ, что она назначила нѣсколько призовъ, (въ томъ числѣ одинъ въ цѣлыхъ 20 долларовъ или 40 рублей), для тѣхъ дѣтей, которыя представятъ осенью свое растеніе въ наилучшемъ видѣ. Затѣмъ организованнымъ маршемъ, школа за школой, дѣти перешли въ примыкающую цвѣточную выставку, гостепріимно открывшую имъ двери на этотъ день, чтобы они могли получить тамъ обѣщанные имъ отростки.

Выставка эта сама по себѣ представляла уже интересную картину. Великолѣпныя розы и другіе ранніе цвѣты, чередующіеся съ группами пальмъ, и комнатныя растенія помѣщались на днѣ огромной, освѣщенной сверху и устроенной въ видѣ цирка залы, съ ложами и амфитеатромъ, на которомъ въ данную минуту расположена была вся взрослая публика: фешенэбельные посѣтители выставки уступили доступъ къ розамъ разношерстной толпѣ дѣтей, дефилирующей подъ звуки того же оркестра мальчиковъ между клумбами и группами цвѣтовъ.

Все это празднество длилось нѣсколько часовъ, пока, наконецъ, каждый ребенокъ, насладившись вдоволь выставкою розъ, не получилъ въ полное владѣніе свое тотъ крохотный горшокъ, который долженъ былъ за лѣто пріучить его къ уходу за цвѣтами; осенью его такимъ же путемъ ожидала получка маленькаго отростка розана, который долженъ былъ расцвѣсть къ будущей весенней выставкѣ.

Въ связи съ вышеназваннымъ Обществомъ, устраивающимъ эти весенніе и осенніе праздники для бѣдныхъ дѣтей, основался въ послѣднее время, подъ эгидой редакторши дѣтскаго отдѣла газеты Mail and Express, уже изъ болѣе зажиточныхъ дѣтей, особый союзъ т. н. „солнечныхъ лучей“ (Sunbeams), задающихся цѣлью раздавать цвѣты больнымъ и бѣднымъ жителямъ Нью-Іорка. Члены этого Общества между прочимъ обязались за лѣто нынѣшняго года каждый вырастить растеніе для убогихъ квартиръ городской бѣдноты, которой, увы, и въ Нью-Іоркѣ очень много.

Одновременно съ этимъ частнымъ празднованіемъ Arbor-day, во всѣхъ народныхъ школахъ гор. Нью-Іорка происходили въ

этотъ день, уже на казенный счетъ, особыя торжества, кончавшіяся посадкой новаго деревца на дворѣ школы или же, за неимѣніемъ его, въ одномъ изъ городскихъ парковъ. Учителя казенныхъ школъ еще съ апрѣля мѣсяца, по предписанію начальства, должны были подготовить дѣтей къ должному отпразднованію Arbor-day, доставивши имъ случай для ближайшаго наблюденія надъ деревьями начиная съ періода образованія почекъ на нихъ, для того чтобы дѣти болѣе сознательно относились къ предстоящему торжеству и могли бы подготовить къ нему маленькія сочиненія о растеніяхъ, основанныя на личномъ ихъ изученіи. Чтеніе подобныхъ ученическихъ сочиненій, вмѣстѣ съ декламаціей стихотвореній, имѣющихъ отношеніе къ деревьямъ и цвѣтамъ, и составляютъ часть программы праздника Arbor-day. Изъ декламаціи дѣтей присутствующіе узнаютъ съ какою любовью относятся къ деревьямъ всѣ величайшіе національные поэты, въ числѣ коихъ неизмѣнно приводится изреченіе извѣстнаго Гольмса, утверждавшаго, что „лучшими его поэтическими произведеніями были деревья, посаженныя имъ въ его школьномъ возрастѣ“. Пѣсни, спеціально приготовленныя для этого дня, воспѣваются хоромъ дѣтей, и вся школа маршируетъ подъ звуки спеціальнаго Arbor-day March, новые образцы котораго ежегодно сочиняются къ этому дню.

Въ промежутки между эволюціями дѣтей, къ нимъ обращаются учителя и школьныя власти съ краткими объясненіями значенія лѣса въ общей экономіи страны, съ указаніями, какъ сажать и сберегать деревья и какъ составлять гербаріи и иныя ботаническія коллекціи, для которыхъ, между прочимъ, по общему американскому обычаю, назначаются особыя преміи. Матеріалъ для всѣхъ подобныхъ бесѣдъ, заимствованный изъ такого компетентнаго источника, какъ изданія лѣсного департамента, разсылается заранѣе во всѣ училища отъ центральнаго школьнаго управленія, вмѣстѣ съ примѣрной программой празднованія Arbor-day, для лучшаго составленія которой также устраивается ежегодное соисканіе на премію.

Въ связи съ этимъ праздникомъ вспоминаются прославившіяся разными историческими событіями старыя деревья и лѣса Америки, въ томъ числѣ такъ называемый „вашингтоновскій ясень“ около Бостона, подъ которымъ Вашингтонъ впервые принялъ на

себя командованіе національной арміей 3-го іюля 1775 г. Прежде чѣмъ приступить къ посадкѣ дерева, которымъ, какъ мы говорили, заканчивается празднованіе Arbor-day, дѣтямъ внушается, что это—одинъ изъ актовъ наиболѣе гуманныхъ и альтруистическихъ, такъ какъ, посадивъ юное деревцо, этимъ самымъ дѣлаешь услугу не столько себѣ, сколько будущимъ поколѣніямъ, которыя дождутся полнаго его разцвѣта и будутъ больше всего пользоваться его тѣнью и плодами. Наконецъ торжественно, подъ звуки музыки, всѣ присутствующіе выступаютъ къ мѣсту, приготовленному для принятія молодаго дерева, которое тутъ же окрещивается въ честь кого-нибудь изъ популярныхъ людей Америки (при чемъ, конечно, ни одна школа не обходится безъ дерева въ честь Вашингтона). Еще на нѣкоторое время учителя останавливаютъ вниманіе дѣтей на выбранной ими личности, и если это поэтъ, то читаютъ одно изъ его стихотвореній, а затѣмъ опытная рука вставляетъ приготовленное деревцо въ вырытую заранѣе яму, въ то время какъ дѣти, одинъ за другимъ, подсыпаютъ землю, въ которой долженъ укрѣпиться новый гражданинъ древеснаго царства. Къ стволу привязывается дощечка съ надписью лица, которому посвящено это дерево, и года его насажденія. Тамъ, гдѣ при школѣ нѣтъ мѣста для деревьевъ, они замѣняются цвѣтами или кустами.

Вообще же, какъ показали послѣдствія, обычай празднованія Arbor-day косвенно повліялъ на улучшеніе школьной обстановки, невольно обративши вниманіе властей на отсутствіе при многихъ училищахъ свободнаго мѣста для предписаннаго закономъ 1888 г. насажденія деревьевъ. Завѣдующій департаментомъ просвѣщенія въ штатѣ Нью-Іоркъ прямо заявляетъ, напр., что каждая школа для должнаго соблюденія закона объ Arbor-day должна имѣть никакъ не менѣе полъ-акра, а если можно и цѣлый акръ прилегающей къ ней земли: канадскій министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ послѣднемъ отчетѣ обѣщаетъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ всякая сельская школа въ провинціи Канада будетъ имѣть тѣнистый садикъ, разведенный собственными руками дѣтей, и наконецъ, штатъ Айова прямо предписываетъ минимальное количество деревьевъ (а именно 12), которое должно окружать всякую казенную школу.

Празднованіе Arbor-day, кромѣ того, имѣетъ распростране-

ніе и за предѣлы школы. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаютъ возникать особыя ассоціаціи для посадки тѣнистыхъ деревьевъ (Shade-tree planting associations), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяніе школьныхъ дѣтей пускается въ ходъ для убѣжденія фермеровъ и сельскихъ хозяевъ къ обсаживанію общественныхъ дорогъ и площадокъ, при чемъ по американскому обычаю представители дѣтскаго комитета ходятъ по фермамъ (что называется „canvassing“) и добиваются отъ ихъ хозяевъ обѣщанія въ ближайшій сезонъ обсадить свою ферму деревьями.

Во всякомъ случаѣ празднованіе Arbor-day, какъ въ этомъ увѣрены всѣ американскіе педагоги, отзывъ которыхъ мнѣ приходилось еще раньше читать по этому предмету, должно создать поколѣніе людей, исполненныхъ уваженія и любви къ деревьямъ, какъ къ созданіямъ усилій человѣка или природы. „Какое теплое должно быть чувство ребенка къ дереву, которое онъ зналъ еще крохотнымъ росткомъ, даже если оно ростетъ на чужой землѣ или въ сосѣднемъ саду“, говорится въ одной изъ брошюрокъ по этому вопросу. И дѣйствительно, стоитъ только развить интересъ дѣтей къ деревьямъ, кустамъ, и цвѣтамъ, чтобы успѣшнѣйшимъ образомъ побороть ихъ разрушительныя наклонности противъ всякой растительности. Ребенокъ, который посадилъ хоть одно деревцо, хоть одинъ цвѣтокъ, не будетъ уже, надо думать, безжалостно срывать вѣтку за вѣткой для того, чтобы вырѣзать палку, которую тотчасъ же броситъ, или сбивать хлыстомъ листву съ деревьевъ попадающихся на дорогѣ. Извѣстно, какъ страдаютъ фруктовые сады, напр., отъ дѣтскихъ нападеній, при которыхъ часто цѣлыя деревья—плоды долгаго ухода—ломаются изъ за горсти неспѣлыхъ яблокъ, Даже въ самыхъ стѣнахъ американскихъ школъ ученики имѣютъ на своемъ попеченіи цѣлые ящики посаженныхъ ими растеній, которыя они сами поливаютъ и за ростомъ которыхъ слѣдятъ, какъ мнѣ самой пришлось видѣть, напримѣръ, недавно въ училищѣ для дѣтей рабочихъ извѣстнаго Феликса Адлера, основателя этическаго Общества. По мысли его, школа имѣетъ даже нѣсколько образцовъ изъ животнаго царства, за которыми дѣти сами ухаживаютъ, пріучаясь къ болѣе гуманному и обдуманному обращенію съ животными.

Нью-Іоркъ 5 мая. 1893 г.

Американская ежедневная пресса, ея обычаи и нравы.

I.

Мнѣ припоминается одна шутка англійскаго юмориста, имя котораго я, къ сожалѣнію, забылъ:—представьте себѣ — онъ говоритъ — большое разношерстное общество, собранное въ гостиной; всѣ чинно сидятъ, обмѣниваясь обычными въ этомъ случаѣ фразами; сначала идетъ рѣчь о погодѣ,—всѣ одинаково согласны, что погода скверная, и достаточно взглянуть въ окно, чтобы каждому убѣдиться въ этой глубокой истинѣ... Затѣмъ упоминается вскользь о послѣдней рѣчи Гладстона въ парламентѣ; сообщается объ извѣстной всѣмъ поѣздкѣ королевы въ Бальморалъ, о новомъ цѣнномъ пріобрѣтеніи въ Національную Галерею и т. д. Однимъ словомъ, разговоръ не выходитъ изъ предѣловъ пережевыванія несомнѣнныхъ истинъ. Нѣкоторые говорятъ, другіе слушаютъ и всѣ скучаютъ. Но вотъ кто-то коснулся мимоходомъ лорда Х., имя котораго незадолго передъ тѣмъ надѣлало много шуму въ связи съ громкимъ бракоразводнымъ дѣломъ извѣстной герцогини У. *Общество встрепенулось*, всѣ насторожили уши. Нѣкто вызвался сообщить новую версію приключеній этого молодого лорда на континентѣ или послѣднюю судьбу герцогини, хотя оговорился, что онъ знаетъ обо всемъ лишь по слухамъ и за достовѣрность не ручается..... Пожилая лэди, какъ родственница лорда, сочла своимъ долгомъ вмѣшаться и привела пересказъ по тому же предмету еще болѣе удивительный, слухи еще менѣе правдоподобные... *Публика*

замѣтно оживилась, скука и равнодушіе исчезли съ лицъ, слышались многозначительные „о-го“ и „гм“, всѣ съ интересомъ прислушивались къ розсказнямъ и вставляли свои комментаріи и замѣчанія. Въ воздухѣ запахло сплетней, и тамъ, гдѣ безсильной оказалась несомнѣнная истина, чтобъ оживить общество, дѣйствительнымъ средствомъ явилась ложь.....

Эта шутка неоднократно приходила намъ въ голову при чтеніи американскихъ газетъ во время путешествія на Всемірную Чикагскую Выставку: громкіе, зазывающіе заголовки газетныхъ статей, преувеличенныя или явно сомнительныя новости, ими сообщаемыя, высокопарная шумиха трескучихъ фразъ, безцеремонное самовосхваленіе, руководящія статьи, написанныя, очевидно, для рекламы и, наоборотъ, рекламы, написанныя въ видѣ литературныхъ, а иногда даже политическихъ статей, совершенно непонятное для европейца гаерство мысли и въ то же время и на тѣхъ же страницахъ рѣзкая иногда отповѣдь правительственныхъ дѣйствій и безпощадная критика партійныхъ злоупотребленій—все это вмѣстѣ невольно смущаетъ и озадачиваетъ читателя. Таковы первыя впечатлѣнія при чтеніи американскихъ газетъ. Долго не знаешь, чему и насколько можно вѣрить, что считать за серьезное обращеніе газеты къ читателю и что за простую торговую выходку. Тѣмъ не менѣе это чтеніе васъ замѣтно завлекаетъ, вы невольно перебрасываете взглядъ съ одного заманчиваго заголовка газеты на другой и поглощаете одинъ столбецъ вслѣдъ за другимъ. Можно быть увѣреннымъ, что если вы не очень торопитесь и не дорожите особенно своимъ временемъ, американская газета сдѣлаетъ свое дѣло и заставитъ васъ, какъ бы вы сильно ни негодовали на ея содержаніе, просмотрѣть ее или прочесть до конца, несмотря на огромные размѣры ея простыни, передъ которой иногда лондонскій „Times“ покажется чуть не пигмеемъ...

Незавидная нравственная репутація американской прессы относится, впрочемъ, ко временамъ сравнительно ужъ отдаленнымъ, хотя упреки въ этомъ отношеніи сдѣлались частыми и особенно заслуженными преимущественно въ послѣднее время, Такъ еще въ 1813 г. Веніаминъ Рёшъ оставилъ по завѣщанію послѣ своей смерти крупную денежную сумму въ пользу филадельфійской библіотеки, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ни

одной копѣйки изъ его наслѣдства не тратилось на пріобрѣтеніе газетъ, ибо онъ убѣжденъ, что газеты являются „учителями безсвязнаго мышленія“. Когда 30 лѣтъ позднѣе знаменитый Чарльзъ Диккенсъ путешествовалъ по Америкѣ, то предложилъ, какъ подходящее имя для типической американской газеты, дать названіе: „The Daily Sewer“, т. е. „Ежедневная помойная яма“! Между тѣмъ, какъ оказывается по сознанію самихъ американцевъ, со временъ сороковыхъ годовъ, когда Диккенсъ высказалъ свой шутливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ суровый приговоръ американской прессѣ, ея моральный обликъ во многомъ измѣнился къ худшему, хотя газета, какъ торговое предпріятіе, и сдѣлала съ тѣхъ поръ огромный шагъ впередъ, Въ недавнемъ номерѣ „Forum“ г. Келлеръ, президентъ нью-іоркскаго клуба печати („New-York Press Club“) и старый газетный писатель высказался такъ: „фундаментальнымъ принципомъ современнаго журнализма въ Нью-Іоркѣ можетъ считаться пріобрѣтеніе бѣлой бумаги по 3 цента за фунтъ и продажа печатной по 10 центовъ съ фунта, и при этомъ во многихъ случаяхъ никого и ничто не озабочиваетъ, какъ бы дѣвственная бѣлизна этой бумаги не маралась или не пачкалась, лишь бы эта пачкотня продавалась“ [1]). Другой американскій писатель, многіе годы сотрудникъ и одинъ изъ редакторовъ одной изъ крупнѣйшихъ американскихъ газетъ, „World“—Джильмеръ Спидъ выражаетъ сужденіе о современной американской прессѣ еще болѣе рѣзкое: „существуетъ,—говоритъ онъ,—избитая фраза: „газета представляетъ собою исторію міра за одинъ день“, и нѣкоторые въ это болѣе или менѣе вѣрятъ; между тѣмъ въ сущности нѣтъ лживѣй утвержденія, чѣмъ настоящее. Наши газеты вовсе не сообщаютъ истинно серьезныхъ событій, но однѣ только сенсаціи, катастрофы исторіи“. Далѣе, Спидъ поясняетъ, ссылаясь на авторитетъ Джона Стюарта Милля, что внезапные эффекты въ исторіи вообще поверхностны; что причины, которыя являются корнями будущихъ событій производятъ самыя серьезныя дѣйствія лишь медленно, успѣвая слиться съ обычнымъ порядкомъ вещей гораздо раньше, нежели общее вниманіе будетъ привлечено къ перемѣнамъ, ими вызваннымъ.

---

[1]) Journalism as a Career, by I. W. K e l l e r. „The Forum“. August, 1893.

Когда, наконецъ, перемѣны становятся очевидными, поверхностный наблюдатель уже не видитъ связи явленій съ причинами. Что касается до нью-іорскихъ газетъ, то онѣ, по мнѣнію Спида, не помышляютъ вовсе ни объ исторической точности, ни о правильной оцѣнкѣ событій и во всякомъ случаѣ заботятся объ этомъ въ настоящее время гораздо меньше, чѣмъ когда-либо, прикрывая все до такой степени дымкой сенсаціонности, что развѣ мудрѣйшій изъ читателей можетъ открыть въ газетахъ истину“ [1]).

Особенно сильныя перемѣны произошли въ американскихъ газетахъ черезъ сорокъ примѣрно лѣтъ послѣ посѣщенія Америки Диккенсомъ, т. е. съ начала восьмидесятыхъ годовъ и по сіе время, или за послѣднія двѣнадцать лѣтъ, съ 1881 до 1893 года. За это время, благодаря разнымъ техническимъ улучшеніямъ, а также удешевленію писчей бумаги (выдѣлкѣ ея изъ древесной массы) и инымъ причинамъ, американскія газеты сильно увеличились въ объемѣ (отъ трехъ до пяти разъ), подешевѣли (нѣкоторыя спустили цѣны съ 3 на 2 цента за выпускъ) и главное усилили свое обращеніе или значительно распространились въ народѣ. Джильмеръ Спидъ вздумалъ статистическимъ путемъ провѣрить, насколько и въ какомъ направленіи за этотъ самый періодъ измѣнился и характеръ ежедневной прессы, а для этой цѣли прибѣгнулъ къ слѣдующему оригинальному и въ то же время простому пріему. Онъ взялъ для опыта по одному воскресному нумеру четырехъ крупнѣйшихъ нью-іоркскихъ газетъ за произвольное число — апрѣля 17-го 1881 года—и четыре нумера тѣхъ же самыхъ газетъ ровно черезъ 12 лѣтъ, т. е. 16 апрѣля 1893 г. и сравнилъ ихъ по содержанію (считая колоннами, или столбцами), размѣстивъ матеріалъ въ слѣдующей любопытной таблицѣ:

Содержаніе	Tribune.		World.		Times.		Sun.	
	1881.	1893.	1881.	1893.	1881.	1893.	1881.	1893.
Редакціонныя статьи. . .	5.00	5.00	4.75	4.00	6.00	5.00	4.00	4.00
Религіозныя	2.00	0.00	0.75	0.00	1.00	0.00	0.50	1.00
Научныя	1.00	0.75	0.00	2.00	1.00	0 00	0.00	2.50
Политическія	3.00	3.75	0.00	10.50	1.00	4.00	1 00	3.50

[1]) Do Newspapers now give News? by John Gilmer Speed. „The Forum“. August, 1893.

Содержаніе	Tribune.		World.		Times.		Sun.	
	1881.	1893.	1881.	1893.	1881.	1893.	1881.	1893.
Литературныя	15.00	5.00	1.00	2.00	18.00	12.00	5.75	6.00
Болтовня и сплетни . .	1.00	23 00	1.00	63.50	0.50	16.75	2.00	1.00
Скандалы	0.00	1.50	0 00	1.50	1.00	2 50	0.00	2.00
Спортъ	1.00	6.50	2 50	16 00	3.00	10.00	0.50	17.50
Беллетристика	0.00	7.00	1.50	6.50	1.00	1.50	0.00	11.50
Историческія статьи . .	2 50	2 50	2.75	4.00	2.50	1.50	4.25	14.00
Музыка и драма	2.50	4.00	1.50	11.00	4.00	7.00	0.00	3.50
Преступленія и преступн.	0.00	0.50	0.00	6.00	0.00	1.00	0.00	0.00
Искусство	1.00	1.00	3.00	3.00	2.00	0.00	0.25	1.25

Первый выводъ, который вытекаетъ изъ этой таблицы заключается въ томъ, что статьи редакціонныя, научнаго, религіознаго и даже политическаго содержанія играютъ въ американскихъ газетахъ довольно неважную роль, и первыя три за послѣднія 12 лѣтъ еще болѣе уменьшились въ объемѣ. Больше мѣста занимаетъ отдѣлъ литературный, но и онъ упалъ въ двухъ газетахъ. Зато, обратно съ предыдущимъ, во всѣхъ газетахъ чрезвычайно выросъ и увеличился тотъ отдѣлъ, который Спидъ назвалъ словомъ „болтовня“ или „сплетни“ (Gossip), а также и отдѣлъ „скандалы“. Такъ, въ газетѣ „Times“ „сплетни“, занимавшія прежде всего лишь $^1/_{10}$ процента цѣлаго нумера, въ настоящее время, черезъ 12 лѣтъ, занимаютъ уже 11,7 процента пространства. „Скандалы“, которые въ 1881 году въ этой газетѣ наполняли лишь одинъ столбецъ, нынѣ уже требуютъ для себя $2^1/_2$ столбца. Въ то же самое время научныя и религіозныя статьи равны теперь нулю. То же самое въ газетѣ „Sun“: „болтовня“ и „сплетни“ въ ней выросли съ 2-хъ до 13 столбцовъ, а „скандалы“—отъ нуля въ 1881 году—до 2-хъ столбцовъ въ 1893 г., или 1 процента всего пространства. Въ третьей газетѣ „Tribune“ „скандалы“ точно также изъ ничего выросли до $1^1/_2$ столбца, а „сплетни“—съ 1 столбца до 23-хъ, или наполняютъ собою 16 процентовъ всей газеты. Наконецъ, четвертая газета „World“, по примѣру своихъ сестеръ, въ 1881 году не занималась „скандалами“ и содержала только одну колонну „сплетенъ“, а 1893 году „скандалы“ наполнили собою уже $1^1/_2$ столбца, а сплетни—цѣлыхъ $63^1/_2$! Въ добавленіе къ этому слѣдуетъ присоединить 6 столбцовъ, посвященныхъ описанію преступленій и преступниковъ, что въ

нумерѣ 17 апрѣля 1881 г. совершенно отсутствуетъ... Еще сильнѣе выразится общій выводъ, если взять содержаніе и сложить всѣ четыре газеты вмѣстѣ: двѣнадцать лѣтъ назадъ у нихъ заключалось $4^1/_2$ колонны „сплетенъ“ и одна колонна „скандаловъ“; въ четырехъ же нумерахъ настоящаго года „сплетни“ занимаютъ $116^1/_4$ колоннъ или столбцовъ, а „скандалы“—цѣлыхъ $7^1/_2$! „Сплетни“ заступили въ нынѣшнемъ году въ значительной степени мѣсто „литературнаго“ отдѣла 1881 г., а „описаніе преступленій и преступниковъ“ заняло мѣсто, прежде посвященное статьямъ научнаго и религіознаго характера [1]).

Если американскія газеты сопоставить съ родственными имъ по языку англійскими, то окажется немедленно весьма сильное различіе: какъ ни велики объемы англійскихъ газетъ сравнительно, напримѣръ, съ русскими или нѣмецкими, но онѣ значительно уступаютъ по величинѣ американскимъ, гдѣ даже дешевыя, одноцентовыя газеты (т. е. 2 копѣйки цѣною) содержатъ въ себѣ обыкновенно не менѣе 10, 12 большихъ страницъ мелкой печати и вдобавокъ рисунки, каррикатуры и даже модныя картинки! Совсѣмъ иной зато характеръ американской газеты сказывается, помимо разнороднаго содержанія, въ сравнительной важности тѣхъ или иныхъ отдѣловъ, въ достоинствѣ общаго тона газеты и печати, въ серьезности, которая лежитъ почти на всѣхъ представителяхъ англійской прессы, отсутствуя большею частію въ Америкѣ. Мортонъ Фуллертонъ, писатель, весьма сильно ратующій въ одномъ англійскомъ журналѣ за американскія газеты, тѣмъ не менѣе *считаетъ долгомъ истины признать*, что газеты эти далеко не могутъ считаться удовлетворительными. „Исключая весьма небольшого количества примѣровъ,—говоритъ онъ,—онѣ никоимъ образомъ не могутъ выдержать сравненіе съ англійскими газетами по серьезному интересу, да во всякомъ случаѣ онѣ не служатъ представителями *лучшей Америки* въ томъ смыслѣ, какъ англійская пресса является представительницей *лучшей Англіи*. Это — непріятный фактъ, въ которомъ нужно сознаться“ [2]).

---

[1]) «The Forum». August, 1893.

[2]) The Significance of the Newspaper in the United States, by W. Morton Fullerton. „The New Review“. June, 1893.

Въ Соединенныхъ Штатахъ газета является въ истинномъ смыслѣ „публикаціей новостей“ (Newspaper) и существуетъ прежде всего *только для новостей*. Главная цѣль редактора заключается въ томъ, чтобы доставить читателямъ ежедневно какъ можно большее количество свѣжихъ новостей въ наиболѣе удобочитаемой формѣ. Поэтому, между прочимъ, при первомъ же взглядѣ на американскую газету, когда ее берешь въ руки, бросается прежде всего въ глаза, въ отличіе отъ англійской, множество завлекательныхъ, такъ называемыхъ „выставочныхъ заголовковъ“ (Display Heads), которые пестрятъ по всей газетѣ и предназначены, такъ сказать, заинтересовать читателя. Возьму для примѣра случайно сохранившійся у меня нумеръ чикагской газеты „Herald“ за воскресенье іюля 9-го 1893 года (36 страницъ большого формата, болѣе ½ фун. вѣсомъ 51 зол.—и цѣною въ пять центовъ). Вотъ на выдержку нѣсколько такихъ заголовковъ: „Вильгельмъ на Всемірной Ярмаркѣ“, „Германскій императоръ собирается насъ посѣтить“, „Наканунѣ революціи“, „Критическое положеніе общественнаго мнѣнія во Франціи“, „Сорокъ-одинъ день голодала въ болотѣ“, „Утонулъ, чтобъ выиграть пари въ 5 долларовъ“, „Мрачный день Помероя“, „Число жертвъ урагана ростетъ“, „Единственно пережившіе страшное несчастіе“ (при этомъ картинка, изображающая мальчика среди развалинъ, обнимающаго теленка), „Несерьезно боленъ“ (Кливелендъ поправляется), „Народъ долженъ добиться уменьшенія тарифа на Выставку отъ желѣзныхъ дорогъ“, „Славянскій конгрессъ въ Чикаго“, „Жатва въ Канзасѣ уничтожена жгучимъ вѣтромъ“, „Исповѣдь преступника“, и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ. Всѣ эти странные, шокирующіе глазъ и чувство европейца заголовки пользуются въ Америкѣ такимъ большимъ значеніемъ, что въ составѣ редакціи каждой большой газеты находится непремѣнно нѣсколько лицъ, *единственная обязанность которыхъ состоитъ въ сочиненіи подобныхъ заголовковъ*; ихъ дѣло, такъ сказать, по выраженію одного американскаго писателя, „выудить душу изъ всякой новости и выразить ее двумя или тремя строчками бьющей въ глаза фразы“; они же обязаны выбирать или назначать и шрифты для этихъ заголовковъ, соотвѣтственно важности сообщаемой новости.

Длинныя статьи безъ заглавій, нерѣдко встрѣчаемыя въ газетахъ европейскихъ, напр., у насъ, въ Америкѣ немыслимы и привели бы въ ужасъ любого редактора, Даже такъ называемыя передовыя или руководящія статьи редакціи встрѣчаются въ американскихъ газетахъ сравнительно рѣдко. Точно также новости, не имѣющія практическаго значенія, совсѣмъ не терпятся въ американской прессѣ: извѣстіе, хотя бы отъ самаго почтеннаго лица о томъ, напр . что въ такомъ то паркѣ появились первые подснѣжники или прилетѣли пѣвчія птички, не нашло бы себѣ мѣста ни въ одной американской газетѣ. „Газета,—по выраженію Фуллертона,—издается для того, чтобы быть продаваемой, а не служить посредникомъ или мѣстомъ для литературнаго или поэтическаго вдохновенія. Чтобы находить лучшій сбытъ, газета не должна уклоняться отъ своей главнѣйшей функціи собиранія новостей, для чего въ дѣловитой Америкѣ нѣтъ недостатка. Наконецъ, даже въ случаѣ дороговизны или отсутствія новостей на рынкѣ тамъ *отнюдь не считается аксіомой правило, что изъ ничего получится лишь ничто*“ [1]). „Good News is no News“ говоритъ любимая американская поговорка („хорошія новости—вовсе не новости“), и вотъ, слѣдовательно, гдѣ лежитъ причина того, что американскія газеты въ ихъ горячей погонѣ за свѣжими новостями непремѣнно должны придти къ сплетнямъ и болтовнѣ, влекущей за собою часто судебную отвѣтственность за клевету и пасквиль!

Нѣтъ сомнѣнія, какъ это ни покажется съ перваго взгляда страннымъ, тому же результату косвенно способствуетъ обособленность Америки отъ всѣхъ почти происшествій и событій европейской политики. Американское общественное мнѣніе никогда не занимается достаточно международными вопросами, столь важными и жгучими, напр., для англійскаго журналиста. Выгоды географическаго положенія Соединенныхъ Штатовъ состоятъ прежде всего именно въ томъ, что европейскія дѣла для нихъ въ большинствѣ маловажны, почему иностранная политика и играетъ, какъ мы видѣли, сравнительно такую ничтожную роль въ американской печати, занимая мало мѣста въ

[1]) Статья Фуллертона въ „New Review“, June, 1893, стр. 158.

газетахъ. Но если американцевъ такъ мало интересуетъ европейская „злоба дня“, то жажда новостей нигдѣ, можетъ быть, такъ не велика и неутолима, какъ именно въ Америкѣ, при чемъ наиглавнѣйшій интересъ сосредоточивается на своихъ мѣстныхъ американскихъ новостяхъ, а къ добыванію-то ихъ и направляются всѣ усилія сложнаго механизма американскаго издательскаго дѣла. Репортеръ, добыватель новостей—это первый персонажъ за кулисами американской печати; роль его въ будущемъ поднимется, нѣтъ сомнѣнія, еще больше въ своемъ значеніи—пропорціонально вѣроятному умаленію иностранныхъ новостей на столбцахъ американскихъ газетъ, что замѣчается годъ отъ году сильнѣе. Но мѣстный отдѣлъ и свои внутреннія новости представляютъ матеріалъ очень опасный и требующій большой осторожности. Трудно, почти невозможно провести нерѣдко должную границу между невиннымъ событіемъ мѣстной жизни, или простой сплетней, или даже клеветой. Отвѣтственный редакторъ газеты, гоняющійся за полнотой и свѣжестью новостей, всегда, такъ сказать, балансируетъ между рискомъ съ одной стороны упустить какую-нибудь интересную новость, а съ другой—попасть подъ судъ за клевету. Нечему удивляться поэтому, что при нѣкоторыхъ редакціяхъ большихъ газетъ въ Америкѣ, равно, впрочемъ, какъ и въ Англіи, состоятъ особыя лица, или „юрисконсульты по предупрежденію процессовъ о клеветѣ“ (Libel-Preventer). На обязанности ихъ лежитъ заблаговременно просмотрѣть въ корректурахъ весь обширный матеріалъ газеты по внутреннему и мѣстному вопросамъ и высказать свое сужденіе, какія статьи или извѣстія угрожаютъ отвѣтственностью за клевету и какія нѣтъ, и какія, наконецъ, слѣдуетъ сдѣлать измѣненія въ языкѣ или выраженіяхъ статьи, чтобы избѣжать отвѣтственности. Знаменитый редакторъ лондонскаго „Таймса“ m-r Delane былъ долгое время при газетѣ именно такимъ юрисконсультомъ, или „предупредителемъ процессовъ по клеветѣ“, прежде, нежели сдѣлался, по предложенію м-ра Вальтера, собственника „Таймса“ однимъ изъ его редакторовъ и, какъ показали послѣдствія, очень удачнымъ. Благодаря описанной причинѣ, довольно значительная часть полученныхъ американской газетою новостей пропадаетъ даромъ, т.-е. остается ненапечатанной: по разсчету

одного опытнаго лица отъ $^1/_{10}$ до $^1/_2$ всего собраннаго матеріала [1]). Тѣмъ не менѣе размѣры американскихъ газетъ вообще и спеціально по внутреннимъ извѣстіямъ такъ велики, а жадность къ новостямъ такъ сильна, что изъ части свѣдѣній, попавшихъ въ печать, очень многое, какъ мы видѣли на разсчетѣ Джильмера Спида, относится къ сплетнямъ и скандаламъ.

Вся суть американскаго журнализма, или условій, обезпечивающихъ успѣхъ газеты, покоится на такъ называемой „сенсаціонности“ (sensationalism)—произведеніи извѣстнаго впечатлѣнія или сенсаціи, которое заставляетъ, возбуждая любопытство и привлекая вниманіе публики, раскупать газету. Какъ извѣстно, въ Америкѣ еще больше, нежели въ Англіи и обратно съ Россіей (или повсюду—мѣсячными журналами), газетный доходъ покоится преимущественно на розничной продажѣ, а не на подписчикахъ, составляющихъ въ смыслѣ дохода уже второстепенный предметъ важности. По разсчету столь опытнаго лица, какъ бывшій управляющій редакціей наиболѣе распространенной изъ американскихъ газетъ (около 400 тысячъ нумеровъ ежедневной продажи и подписки) нью-іоркской газеты „World“, г. Чамберсъ, ежегодно изъ числа старыхъ читателей удерживается изданіемъ не болѣе 25 процентовъ и слѣдовательно для того только, чтобы сохранить прежнее распространеніе, не говоря о расширеніи подписки, газета обязана, по его выраженію, „заарканить (to lasso) 75 процентовъ новыхъ читателей каждый годъ!“ [2]) Вотъ для этой-то послѣдней цѣли главный завѣдующій редакціей „the Managing Editor“, лицо, на которомъ лежитъ высшая отвѣтственность въ редакціи за циркуляцію или распространеніе газеты, и обязанъ прибѣгать къ упомянутой сенсаціи или, какъ вѣжливо Чамберсъ называетъ это свойство газеты „эксцентричности“, чтобы добиться ей вящшаго успѣха. „The Managing Editor“ есть главная двигательная пружина каждой американской газеты: онъ съ ранняго

[1]) A. E. Watrous, The City Editor of the *New-York Press*. См. The Making of a Newspaper. Experiences of Certain Representative American Journalists Related by Themselves and Edited by Melville Philips. G. P. Putnam's Sons. 1893.

[2]) The Managing Editor by Julius Chambers. The Making of a Newspaper. 1899, стр. 36.

утра уже долженъ пересмотрѣть всѣ главнѣйшія утреннія газеты и, имѣя возможно точное представленіе о вѣроятныхъ событіяхъ за ближайшіе 24 часа, обязанъ составить предварительный планъ кампаніи на цѣлый день газетной работы и соотвѣтственно распредѣлить редакціонный трудъ и направить самую работу. Депеши летятъ во всѣ углы страны, указывая мѣстнымъ сотрудникамъ-корреспондентамъ то, что отъ нихъ ожидается по тѣмъ или инымъ имѣющимъ быть событіямъ; если обстоятельство требуетъ того, посылаются въ отдѣльные пункты спеціальные корреспонденты, или же находящимся на мѣстѣ телеграфируются спеціальныя распоряженія или инструкціи, и т. д., и т. д.

Но публика, — говоритъ Чамберсъ, — „ожидаетъ чуть не каждые 24 часа паденія Бастиліи, но, къ несчастію для душевнаго мира и спокойствія завѣдующаго редакціей, — добавляетъ онъ,—подобныя событія ежедневно не совершаются, и вотъ редактору приходится выдумывать оригинальные методы отношенія или трактованія самыхъ заурядныхъ событій“, т. е. изобрѣтать тѣ самыя „эксцентричности“ и дѣлать „сенсацію“, столь любимыя американскою публикою и столь нестерпимыя для чувства и понятій образованнаго европейца. Приведемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ выдумокъ или фортелей, употребляемыхъ въ этомъ случаѣ американскими редакторами. Въ 1889 году праздновался столѣтній юбилей въ воспоминаніе президента Вашингтона, и праздникъ продолжался цѣлыхъ три дня. Большинство газетъ ограничились лишь голымъ описаніемъ этихъ празднествъ и предварительной перепечаткой циркуляра и программы комитета, устроивавшаго это юбилейное торжество. Но вотъ редакторъ одной нью-іорской газеты придумалъ нѣчто особое: главная часть празднуемаго историческаго событія заключалась въ знаменитой поѣздкѣ генерала Вашингтона изъ его жилища въ Маунтъ-Вернонѣ въ Элизабетпортъ, въ Нью-Джерси. Газета (вѣроятно „World“) вздумала устроить пародію этой поѣздки, для чего командировала спеціальнаго корреспондента съ экипажемъ и четверкой лошадей въ Маунтъ-Вернонъ и приказала ему шагъ за шагомъ повторить знаменитую поѣздку, сдѣланную сто лѣтъ тому назадъ. Корреспондентъ обязанъ былъ часъ за часомъ продѣлать то же, что Вашингтонъ, т. е. ѣхать

по той же дорогѣ, завтракать и обѣдать, гдѣ дѣлалъ это Вашингтонъ, и останавливаться, гдѣ онъ останавливался. Все время пути корреспондентъ описывалъ свои впечатлѣнія, и письма эти производили чрезвычайную сенсацію, а газета распродавалась нарасхватъ. Тысячи людей, которые никогда не заинтересовались бы этимъ празднествомъ, внимательно слѣдили за каждымъ шагомъ передвиженій корреспондента и жадно набрасывались на газету. Однимъ словомъ, эта курьезная поѣздка сдѣлалась чуть не событіемъ дня.

Другой примѣръ: въ 8 часовъ вечера въ субботу 9-го ноября 1872 года въ Бостонѣ начался крупный пожаръ, уничтожившій наилучшую торговую часть этого цвѣтущаго города. Въ утреннихъ воскресныхъ газетахъ въ Нью-Іоркѣ помѣщено было, конечно, краткое описаніе начала этого бѣдствія; но пожаръ продолжался цѣлый день воскресенья, и масса торговаго люда въ Нью-Іоркѣ сгорала отъ нетерпѣнія знать точнѣе размѣры пожарныхъ убытковъ, или же, по крайней мѣрѣ, поименное названіе фирмъ, которыя пострадали. Всѣ газеты немедленно послали въ Бостонъ спеціальныхъ корреспондентовъ и съ нетерпѣніемъ ждали полученія новостей; но, какъ часто бываетъ при подобныхъ крупныхъ бѣдствіяхъ, нѣсколько телеграфныхъ станцій сгорѣло, а остальныя были завалены непосильно огромнымъ количествомъ депешъ, и газетамъ приходилось пользоваться на этотъ разъ телеграфомъ въ сравнительно недостаточной степени. Кромѣ того, собирать справки при господствовавшей сумятицѣ и паникѣ, передъ лицомъ разъяренной стихіи, объ именахъ пострадавшихъ фирмъ было болѣе, нежели затруднительно, почти невозможно. Между тѣмъ каждая изъ нью-іоркскихъ газетъ разсчитывала отличиться, представивши въ понедѣльникъ утромъ возможно полный отвѣтъ на эти жгучіе для публики запросы. Нью-іоркская газета „Tribune“ разрѣшила затрудненіе слѣдующей остроумной выходкой: еще въ ночь съ субботы на воскресенье редакція телеграфировала своему мѣстному корресподенту въ Бостонѣ купить за любую цѣну полный адресъ-календарь города и прислать его немедленно въ Нью-Іоркъ, телеграфируя о пожарѣ какъ можно чаще, сообщая лишь нумера сгорѣвшихъ домовъ или, по крайней мѣрѣ, улицу и сторону ея, гдѣ дома пострадали отъ пожара. Въ редакціи газеты

немедленно разрѣзали полученный адресъ-календарь, купленный корреспондентомъ за дорогую цѣну у ночного сторожа (!!), на части, и нѣсколько человѣкъ, слѣдя часъ за часомъ по телеграммамъ корреспондента за распространеніемъ пожара, отмѣчали синимъ карандашемъ имена владѣльцевъ пострадавшихъ домовъ и фирмы, въ нихъ помѣщенныя; наборщики тутъ же немедленно ихъ набирали, а третьи лица единовременно составляли алфавитный и спеціальный (т. е. по роду занятій) списокъ пострадавшихъ отъ огня фирмъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ утромъ въ понедѣльникъ читатели этой газеты получили о пожарѣ, который только лишь кончался, самыя подробныя и детальныя свѣдѣнія, важнаго въ практическомъ отношеніи характера. Какъ оказалось впослѣдствіи, увѣряетъ Чамберсъ, весь этотъ искусственно составленный списокъ, крайне существенный для интересовъ и соображеній торговыхъ людей, въ дѣйствительности заключалъ мало ошибокъ и во всякомъ случаѣ не больше, нежели оффиціальный, опубликованный лишь много дней спустя.

Если въ обоихъ приведенныхъ выше примѣрахъ сенсаціонныхъ выходокъ американскихъ газетъ ради завлеченія читателей или подписчиковъ нравственное чувство еще не страдаетъ, то единственно потому, разумѣется, что авторамъ выдумки не представлялось къ тому повода. Та же самая погоня за сенсаціонными новостями у менѣе разборчивыхъ людей среди американскихъ журналистовъ непремѣнно должна вызывать даже прямо случаи возмутительные. Занимаясь много описаніемъ преступленій и преступниковъ и различныхъ каждодневныхъ приключеній криминальнаго характера, сотрудникъ американской газеты или редакція становятся иногда въ слишкомъ близкое соприкосновеніе съ фактами преступности и едва сами не участвуютъ въ совершаемомъ преступленіи. Вотъ что, напримѣръ, сообщаетъ А. Э. Ватрозъ о приключеніяхъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ американскихъ газетъ при добываніи новостей, въ книгѣ нѣсколько разъ уже нами цитированной „The Making of a Newspaper“, предназначенной для того, чтобы познакомить всю читающую публику съ обиходомъ американскаго газетнаго дѣла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ очень ловкій и умный мошенникъ по профессіи познакомился на далекомъ западѣ с[illegible] однимъ весьма способнымъ и скромнымъ литераторомъ, въ у[illegible]

БИБЛІОТЕКА Т. О. С.

ніи котораго во время молчать онъ имѣлъ случай убѣдиться (!?) «Я обдѣлываю въ настоящее время,—сказалъ плутъ,—одного простака на золотомъ песочкѣ и разсчитываю заработать 17 тысячъ долларовъ; я охотно взялъ бы васъ въ долю, но если вы предпочитаете остаться бѣднымъ, но честнымъ, то хотите—я вамъ раскажу по крайней мѣрѣ всю операцію, какъ я оберу этого стараго попугая. Вы дадите мнѣ время убраться изъ города, а затѣмъ можете увѣдомить полицію и помѣстить всю эту смѣшную исторію въ вашей газетѣ, чѣмъ надѣлаете, конечно, шуму на весь городъ». Соображенія, что потерпѣвшимъ при извѣстной продѣлкѣ съ золотымъ пескомъ можетъ быть только вящшій плутъ, въ родѣ покупателя краденнаго добра, говоритъ Ватрозъ, примирили совѣсть репортера съ этимъ фактомъ: онъ далъ на время обѣтъ молчанія мошеннику, а затѣмъ публиковалъ всю исторію въ своемъ изданіи, чѣмъ произвелъ, разумѣется, большой фуроръ!.. [1])

Другой случай почти аналогиченъ, только съ нѣсколько инымъ окончаніемъ: репортеръ одной американской газеты познакомился случайно съ однимъ профессіональнымъ ночнымъ воромъ, занимающимся взломомъ квартиръ. Воръ такъ полюбилъ литератора, что въ видѣ особеннаго одолженія сдѣлалъ ему предложеніе: заблаговременно увѣдомлять его о каждомъ предполагаемомъ воровствѣ и обстоятельствахъ взлома, съ тѣмъ чтобы онъ находился недалеко отъ мѣста совершенія воровства и, такъ сказать, по свѣжимъ слѣдамъ описалъ это интересное приключеніе, съ полнымъ знаніемъ техники всего дѣла, въ своей газетѣ. На этотъ разъ, однако, оказался литераторъ болѣе совѣстливый и осторожный, и къ огорченію и удивленію вора,—сообщаетъ г. Ватрозъ,—онъ отказался отъ столь выгоднаго и любопытнаго для своей репортерской дѣятельности и газеты предложенія, заявивши даже, что онъ счелъ бы себя обязаннымъ, зная напередъ о подобномъ дѣяніи своего пріятеля, дать знать полиціи. Затѣмъ репортеръ долго успокоивалъ своего пріятеля и примирилъ его съ отказомъ тѣмъ лишь аргументомъ, что вѣдь взломъ производится обыкновенно въ очень поздніе часы ночи, когда печатаніе газеты уже приканчивается, и слѣ-

---

1) Непереводимое американское выраженіе: «to get a beat».

довательно, во всякомъ случаѣ извѣстіе о воровскомъ подвигѣ рискованно имъ полученное, оставалось бы до другого дня ненапечатаннымъ, а тогда уже узнаютъ въ полиціи, и интересъ де новизны все равно пройдетъ! [1])

Сдѣлавшись односторонними поставщицами новостей и игнорируя, большею частью, остальныя задачи европейской ежедневной прессы, американскія газеты, отыскивая во что бы то ни стало сенсаціоннаго матеріала, естественно, должны часто ставить своихъ сотрудниковъ въ неловкое положеніе, подобное описанному. Самое значеніе газеты поэтому должно было принизиться, и дѣйствительно, каждый почти большой городъ въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ свой «Times», но всѣ эти «Таймсы», вмѣстѣ взятые, не имѣютъ, безъ сомнѣнія, на общественное мнѣніе и десятой доли вліянія одного лондонскаго „Таймса“, хотя бы число ихъ читателей и считалось милліонами. Американцы не имѣютъ у себя центра, подобнаго Лондону или Парижу, хотя и часто называютъ Нью-Іоркъ „метрополіей“. Что касается до Вашингтона, то онъ пользуется, какъ извѣстно, только административнымъ значеніемъ, являясь резиденціей временной федеральной власти. Понятно, что уже поэтому Америка не можетъ имѣть въ числѣ своихъ газетъ такихъ могущественныхъ политическихъ органовъ, какими являются въ старой Европѣ нѣкоторыя столичныя газеты. Международная политика, какъ мы уже упомянули, отходитъ въ американской печати и общественномъ мнѣніи вообще на задній планъ: у каждаго штата, кромѣ того, своя внутренняя политика, свои собственые интересы.

Такимъ образомъ американской газетѣ, чтобы имѣть распространеніе, при крупныхъ расходахъ изданія, приходится, вопервыхъ, разсчитывать на большую массу читателей, что не можетъ не отражаться вредно на пониженіи ея уровня и достоинства тона, и, вовторыхъ, наполнять безконечные столбцы своихъ листовъ сомнительнаго качества новостями и болтовней, а также широковѣщательными рекламами, на которыя американцы такъ падки. Въ Европѣ, какъ правило, газеты представляютъ собою интересы того или иного, сравнительно ограни-

[1]) The Making of a Newspaper, Стр. 74, 75 и 76.

ченнаго, круга лицъ; масса народа, какъ правило, большихъ политическихъ газетъ не читаетъ, поэтому, за немногими исключеніями („Petit Journal“ въ Парижѣ имѣетъ болѣе 700,000 подписчиковъ), крупныя европейскія газеты считаютъ подписчиковъ или продажу обыкновенно только десятками тысячъ. Напротивъ въ Америкѣ очень многія переходятъ за сто тысячъ и, предназначаясь для обширнаго круга читателей малообразованныхъ, необходимо должны сдѣлаться такой публикѣ по плечу. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ Канадой насчитывается около 20 тысячъ періодическихъ изданій съ количествомъ выпусковъ болѣе 4 билліоновъ, что составитъ ежегодно 300 экземпляровъ какого-либо періодическаго изданія на каждую американскую семью въ 5 человѣкъ; однѣхъ ежедневныхъ газетъ въ этомъ числѣ насчитывается до 2 тысячъ со многими десятками милліоновъ читателей. Газета проникаетъ въ Америкѣ одинаково во всѣ слои народа, составляя насущную потребность для людей, занятыхъ самымъ грубымъ физическимъ трудомъ: De Young, редакторъ „San-Francisco Chronicle“ разсказываетъ, что недавно еще было время, когда калифорнійскій золотоискатель не жалѣлъ заплатить 5 долларовъ за нумеръ газеты изъ восточныхъ Штатовъ, случайно занесенный къ нему въ лагерь, или не жалѣлъ даже потратить нѣсколько дней на путешествіе въ сосѣдній городокъ, чтобы добыть новостей. Но и въ настоящее время, судя по словамъ этого компетентнаго лица, Калифорнія, нужно полагать, необыкновенно благодарная страна для интересовъ газетчиковъ. „Ни въ какомъ другомъ штатѣ,—говоритъ онъ,—вы не найдете, чтобы посылалось такъ много ежедневныхъ газетъ въ самые удаленные, глухіе уголки, какъ въ Калифорніи; рудокопы, дровосѣки, скотоводы и земледѣльцы чувствуютъ себя одинокими въ этой глуши и стараются вознаградить себя и поддерживать сношеніе съ міромъ посредствомъ газеты“. Не довольствуясь даже подпиской на однѣ мѣстныя газеты, они выписываютъ ихъ изъ большихъ городовъ, хотя часто по нѣскольку дней уходитъ только на ихъ доставку [1]).

---

[1]) California Journalism, dy M. H. De Young. „The Making of a Newspaper“ стр. 242.

Но распространеніе газетъ въ массѣ американскаго народа вызывало за собою, какъ утверждаютъ сами компетентные журналисты, косвенно и другое неблагопріятное послѣдствіе, на этотъ разъ болѣе для нравственнаго, чѣмъ умственнаго уровня прессы: изданіе газеты при сотняхъ тысячъ продажи сдѣлалось очень выгоднымъ торговымъ предпріятіемъ; лица, не имѣющія ничего общаго съ литературой и думающія только о гешефтѣ, обратились къ изданію газетъ и внесли въ это дѣло, разумѣется, торговые пріемы и расчеты. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ по этому поводу президентъ нью-іоркскаго клуба печати Келлеръ. Почти всѣ деньги, по его словамъ, всѣхъ возникшихъ въ Нью-Іоркѣ газетъ, одинаково, какъ преуспѣвающихъ такъ и неуспѣшныхъ, проистекаютъ изъ источниковъ совершенно чуждыхъ журнализму; лица, основывающія газету, какъ правило, не владѣя никакой подготовкой къ этому дѣлу, имѣютъ за то хорошую дѣловую или купеческую складку (a business-training), знаютъ, какъ купить и продать, будь это, все равно, бѣлая бумага, чернила или продуктъ человѣческихъ мозговъ. Не имѣя лично достаточно знаній и образованія для веденія газеты, издатель подыскиваетъ и нанимаетъ столько-то подходящихъ литературныхъ рабочихъ, по такой-то платѣ въ недѣлю, такъ же точно, какъ если бы онъ пріискивалъ и нанималъ искусныя руки для приготовленія машинъ, желѣзно дорожныхъ вагоновъ или ювелирнаго мастерства. Всякаго рода писатели, годные въ редакторы и репортеры, такъ многочисленны въ Америкѣ, что предприниматель газеты можетъ ихъ мѣнять хоть каждый день; въ нихъ недостатка не будетъ. Само собою разумѣется,—добавляетъ Келлеръ,—онъ внутренно презираетъ ихъ литературныя достоинства и самихъ этихъ лицъ по той уже причинѣ, что онъ привыкъ мѣрить всѣхъ людей исключительно по ихъ способности „дѣлать деньгу“. Для него „дѣловая цѣль или торговля“ (business-end) составляетъ самую суть изданія, сообразно съ этимъ и ведется, конечно, вся газета. Издатель готовъ, напримѣръ, заплатить гораздо дороже жалованья хорошему управляющему газетой (The Managing Editor), на отвѣтственности котораго лежитъ продажа или циркуляція газеты, нежели самому лучшему главному редактору (Editor in Chief), обязанности которыхъ въ американской прессѣ

обыкновенно строго раздѣлены и второе лицо обычно находится въ зависимости отъ перваго.

Какъ характерный примѣръ, Келлеръ приводитъ далѣе отношенія къ объявленіямъ и рекламамъ новѣйшей американской прессы и добраго стараго времени: прежде,—говоритъ онъ,—всякія объявленія появлялись лишь въ безошибочной формѣ объявленій и въ мѣстѣ, особо для того отведенномъ: „никакое судно не должно плавать подъ фальшивымъ флагомъ“. Нынѣшняя новая школа противъ такихъ ограниченій. „Если,—говорятъ ея представители,—дозволяется продавать одно мѣсто въ газетѣ для рекламы, то почему, за хорошую, конечно, цѣну, не продать его и во всякомъ другомъ?“ Въ результатѣ многія американскія газеты сплошь наполнены объявленіями самаго разнороднаго характера и содержанія, въ перемежку съ редакціонными статьями, и часто рекламы имѣютъ цѣликомъ наружность статей или литературныхъ произведеній, такъ что бываетъ затруднительно отличить, гдѣ дѣйствительныя свѣдѣнія или матеріалъ, печатаемый редакціей, и гдѣ просто безцеремонная вылазка противъ вашего кармана [1]). Извѣстенъ знаменитый случай съ лондонскимъ „Таймсомъ“ въ сороковыхъ годахъ во время желѣзно-дорожной спекуляціи: Джонъ Вальтеръ, издатель „Таймса“, загребавшій лопатой деньги отъ рекламъ и анонсовъ этихъ спекуляторовъ въ своей газетѣ, выступилъ тѣмъ не менѣе ихъ ярымъ противникомъ и, громя ихъ нечистыя стремленія и предостерегая публику противъ увлеченій дутыми компаніями и ихъ бумагами, потерялъ сотни тысячъ на доходѣ съ объявленій, но выигралъ на цѣлые милліоны въ довѣріи и уваженіи публики къ своей газетѣ. Подобный случай, при настоящей торгово-промышленной постановкѣ газетнаго дѣла, въ Америкѣ былъ бы, конечно, немыслимъ.

Точно также вопросъ о *направленіи*, столь существенный и жгучій, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для большинства европейскихъ газетъ, для американскихъ—почти не существуетъ. Правда, встрѣчаются и въ Америкѣ по временамъ органы, какъ „Boston Ardvertiser“, „Nation“ и другіе, предназна-

[1]) An Inside View of Daily Journalism — въ Forum. August, 1893 стр. 700.

ченные для защиты спеціальныхъ интересовъ, но такіе составляютъ сравнительно лишь немногія исключенія и притомъ имѣютъ малое распространеніе; огромное же большинство газетъ и въ томъ числѣ всѣ крупныя собственно никакого направленія въ европейскомъ смыслѣ не держатся и сплошь и рядомъ не только въ разныхъ выпускахъ, но даже въ одномъ нумерѣ большой газеты можно встрѣтить статьи съ совершенно противоположными тенденціями; напр., въ нашу бытность въ Америкѣ, въ обширномъ юбилейномъ нумерѣ нью-іоркской газеты „World“ (отъ 7-го мая 1893 г.) помѣщены были рядомъ двѣ статьи извѣстныхъ американскихъ экономистовъ о положеніи народнаго хозяйства въ странѣ за послѣднія десять лѣтъ. Изъ нихъ Schoenhof доказываетъ блестящій успѣхъ и экономическій прогрессъ Соединенныхъ Штатовъ: ихъ благосостояніе ростетъ и увеличивается; другой же, T. E. Wilson, наоборотъ,—что оно, т. е. благосостояніе и спеціально земледѣліе, главный его источникъ, идетъ быстро къ упадку и вообще положеніе ухудшается! Обыкновенно американская газета придерживается лишь до нѣкоторой степени и защищаетъ такъ называемую „программу“ (platform) одной изъ большихъ политическихъ партій, на которыя распадается американскій народъ („республиканская“, „демократическая“, „народная“), но газета удерживаетъ за собою и въ этомъ случаѣ весьма значительную свободу мнѣнія по отдѣльнымъ весьма важнымъ вопросамъ и мѣняетъ ихъ, какъ и представительство органа партіи, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, такъ же часто и просто, какъ того или иного редактора изъ своего состава или наружную внѣшность своего изданія! Въ бытность мою въ Нью-Іоркѣ я прочелъ однажды въ утреннихъ газетахъ извѣстіе о перемѣнѣ партіи „New-York Times“ вмѣстѣ съ новымъ главнымъ редакторомъ и о переходѣ изъ республиканскаго, кажется, лагеря въ демократическій, и при этомъ высказывалось любезное привѣтствіе своему обновленному собрату и пожеланіе всякаго успѣха!! Извѣстный „New-York Herald“, до нынѣшняго года принадлежавшій столь прославившейся разными оригинальными затѣями фамиліи Беннетъ, съ 1889 года издается единовременно въ Нью-Іоркѣ, Лондонѣ и Парижѣ, отличаясь тѣмъ не менѣе во всѣхъ трехъ изданіяхъ весьма значительной разни-

цей въ своихъ воззрѣніяхъ. „Herald“ въ Нью Іоркѣ, какъ истый американецъ, не любитъ англичанъ, расположенъ къ нѣмцамъ и готовъ, при случаѣ, заигрывать съ ирландцами. Лондонскій „Herald“, нынѣ уже прекратившійся, былъ истиннымъ защитникомъ британскихъ интересовъ и въ ирландской политикѣ строго держался statu quo. Наконецъ, третій „Herald“—парижскій, донынѣ благополучно существующій, дружественно расположенъ къ Франціи, болѣе нежели хладнокровенъ къ нѣмцамъ, зато очень любитъ русскихъ!

II.

Audiatur et altera pars! Какъ ни велики недостатки американской ежедневной прессы, нарисованные нами на предшествовавшихъ страницахъ, какъ ни значительны, наконецъ, тѣ измѣненія къ лучшему, которыя могутъ быть въ ней сдѣланы въ будущемъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно американская ежедневная печать несетъ и свою полезную службу для страны, оказывая ей разнообразныя и немаловажныя услуги. Прежде всего, средній американецъ читаетъ лишь газеты и ничего больше; книгъ въ Америкѣ, особенно со времени улучшеній законовъ о литературной собственности, уменьшившихъ тамъ случаи контрафакціи англійскихъ произведеній и слѣдовательно дешевыхъ книгъ, издается сравнительно съ Европой весьма немного; наконецъ, на книги на англійскомъ языкѣ существуетъ значительная ввозная пошлина (25% ad valorem). По утвержденію компетентнаго источника „Literary World“, собственно книгъ въ Соединенныхъ Штатахъ издается даже меньше, нежели въ Россіи (т. е. своихъ авторовъ). Чуть не всякій продуктъ мысли, слѣдовательно, выливается и принимаетъ форму газетной или журнальной статьи. Такимъ образомъ, для огромнаго большинства американскаго народа газета составляетъ почти единственную умственную пищу, изъ которой средній американецъ извлекаетъ всѣ свои свѣдѣнія и знанія, входитъ въ общеніе со своими выборными представителями власти, а отчасти и со всѣмъ міромъ, и во всякомъ случаѣ, читая ежедневно свои газеты, американецъ не рискуетъ, увы, подобно многимъ европейцамъ, впасть въ рецедивъ безграмотности и забыть все, чему учили его въ школѣ! Гласность

и публичность, наконецъ, цѣлой общественной жизни, сложной государственной машины и ея отправленій — эти необходимые спутники въ высшей степени развитой и распространенной прессы—не остаются опять-таки безъ самыхъ разнообразныхъ и благопріятныхъ послѣдствій для блага страны. Онѣ являются цѣлительной силой и предупредителемъ самаго разнообразнаго зла. Всякій общественный дѣятель въ Сеединенныхъ Штатахъ, по выраженію одного американца, какъ бы „живетъ въ стеклянномъ домѣ“, и каждый шагъ не только публичной, но и частной жизни его становится широко извѣстнымъ благодаря печати. Ни одинъ неблаговидный поступокъ такого дѣятеля, можно быть увѣреннымъ, въ Америкѣ не останется въ тайнѣ; а непремѣнно какой-либо досужій рспортеръ откопаетъ его исторію и разнесетъ по всему свѣту; и скорѣе въ послѣднемъ отношеніи американская печать грѣшитъ въ противную сторону, впадая въ сплетню или преувеличеніе, нежели умалчивая о томъ, что̀ заслуживаетъ сколько-нибудь извѣстности. Вообще, какъ ни велики описанные недостатки американскихъ газетъ, но они не уничтожаютъ всѣхъ полезныхъ плодовъ гласности: нельзя себѣ представить такого случая, чтобы всѣ газеты въ унисонъ искажали истину; сама конкурренція заставляетъ постоянно ту или иную газету въ каждомъ щекотливомъ или важномъ общественномъ вопросѣ поднимать знамя истинныхъ народныхъ интересовъ и, прн общемъ одобреніи, выступать на ихъ защиту, еще менѣе возможно вообразить въ Америкѣ случаи подкупа или застращиванія всѣхъ или даже большинства газетъ: онѣ для этого слишкомъ богаты, слишкомъ сильны и слишкомъ многочисленны.

Могущественныя корпораціи различнаго рода, синдикаты и рзнаго наименованія союзы капиталистовъ, которые растутъ въ Америкѣ какъ грибы, ииогда подчиняя, иногда даже ломая правительство, законы, а часто даже самую народную жизнь, тѣмъ не менѣе не всегда могутъ справиться съ силой ежедневной печати. Само собою разумѣется, они стараются склонить печать на свою сторону, но имъ удается это лишь отчасти относительно нѣкоторыхъ органовъ, черезъ что прочіе обрушиваются на нихъ съ еще бо̀льшею силою и, встрѣчая поддержку въ мнѣпіи публики, газеты иногда сокрушаютъ самыя, пови-

димому, несокрушимыя твердыни, колеблютъ силу и приводятъ къ компромиссамъ и уступкамъ самые богатые синдикаты или уничтожаютъ значеніе многолюдныхъ политическихъ кружковъ и клубовъ. Такъ, напримѣръ, обще признаны: заслуга „New-York Herald“ въ 1871 году въ побѣдѣ надъ такъ называемымъ туидскимъ синдикатомъ (Tweed Ring), побѣдоносная борьба газеты „Sun“ съ такъ-называемымъ вашингтонскимъ синдикатомъ (Washington Ring), дѣятельное вмѣшательство „Now-York Times“ въ ходъ состязанія въ 1876 году президентскихъ выборовъ Тильдена и Гейса, которые, благодаря главнымъ образомъ усиліямъ газеты, окончились побѣдой послѣдняго, и т. д.

Еще, можетъ быть, важнѣе полезная роль американской печати въ различныхъ мѣстныхъ и городскихъ вопросахъ. Всякій кандидатъ въ какую-нибудь, напримѣръ, муниципальную должность подвергается, разумѣется, отъ цѣлой кучи газетъ самому тщательному обсужденію и оцѣнкѣ; все, что о немъ можно сказать, навѣрняка будетъ сказано и въ хорошую, и въ дурную сторону, и никакой вопросъ не считается слишкомъ мелкимъ. Какое-либо несчастіе, преступленіе или катастрофа вызываетъ часто со стороны американскихъ газетъ какъ бы цѣлыя формальныя слѣдствія и иногда съ бо̀льшимъ успѣхомъ, нежели это исполняютъ для соблюденія интересовъ потерпѣвшей стороны и наказанія виновныхъ оффиціально назначенныя слѣдственныя коммиссіи. Преслѣдованіе частныхъ злоупотребленій въ газетахъ—всегда весьма сильно и отличается характеризующей всю англо-саксонскую расу настойчивостью и чисто американской чертой — рѣзкостью своихъ формъ. Мнѣ припоминается слѣдующее личное наблюденіе надъ чикагскими газетами по одному поводу. Городъ Чикаго, при его огромномъ протяженіи и быстромъ ростѣ, весь перерѣзанъ множествомъ желѣзнодорожныхъ линій, проходящихъ непосредственно по улицамъ, а еще чаще ихъ пересѣкающихъ; понятна отсюда страшная масса несчастныхъ случаевъ—убитыхъ и задавленныхъ почти каждодневно желѣзными дорогами: за одинъ 1892 годъ цифра однихъ убитыхъ въ Чикаго, не считая изувѣченныхъ и раненыхъ, доходила до 322, т. е. чуть не по человѣку въ день и въ одномъ лишь городѣ приносится въ жертву желѣзно-

дорожному Молоху! [1]) Мѣстная печать, нужно отдать ей справедливость, въ виду этого ужаснаго факта и несмотря на всемогущество желѣзныхъ дорогъ во всей Америкѣ, борется съ бѣдствіемъ, какъ только можетъ, предавая гласности каждое случившееся несчастіе и навѣрное, благодаря настойчивости, она добьется какихъ-нибудь цѣлесообразныхъ мѣръ; одна чикагская газета, кажется „Tribune“, завела у себя ежедневную рубрику подъ сенсаціоннымъ заголовкомъ: „Поднимите полотно желѣзно - дорожныхъ линій и прекратите человѣкоубійства!“ Подъ этимъ заголовкомъ и помѣщается тамъ описаніе всѣхъ несчастныхъ случаевъ даннаго рода. Другая газета, „Chicago Herald“, какъ бы подстрекаемая этимъ примѣромъ, открыла и у себя для такой же цѣли рубрику, періодически наполняемую, подъ общимъ заглавіемъ: «Убитые корыстолюбіемъ», и различными мелкими заголовками не менѣе сенсаціоннаго характера, въ родѣ: «Жертва желѣзныхъ дорогъ», „Нѣтъ уменьшенія человѣкоубійства!“ „Городскія власти въ сдѣлкѣ съ желѣзными дорогами“ и т. д. Общественное мнѣніе сильно волнуется по этому справедливому поводу, насколько можно было замѣтить за періодъ Выставки, и раньше или позже желѣзныя дороги, нѣтъ сомнѣнія, будутъ вынуждены уступить этому законному требованію, затративши, навѣрное, значительныя средства на передѣлку путей.

Еще выше, сравнительно съ европейскою печатью, и не подлежатъ спору внѣшнія достоинства американской прессы, о которыхъ мы упоминали вскользь раньше. Правда нѣкоторыя англійскія газеты печатаются на лучшей бумагѣ и тщательнѣе корректируются, но зато американскія газеты такихъ необычайно крупныхъ размѣровъ и, соотвѣтственно съ этимъ, дешевизны, что въ этомъ отношеніи превосходятъ всякихъ конкурентовъ. Обыкновенный размѣръ большой американской газеты—въ будни не менѣе шестнадцати страницъ большого формата, часто 24, а въ воскресенье отъ 24 страницъ даже до 44, а иногда и больше, мелкой печати. Добавьте къ этому множество рисунковъ въ текстѣ, иногда по нѣскольку десятковъ, а по временамъ и раскрашенныя приложенія. Въ нѣкоторыхъ га-

[1]) “Chicago Herald“, отъ 13-го іюня 1893 г.

зетахъ, напримѣръ нью-іоркской „The Mail and Express“ (вечерняя газета), отводятся даже цѣлыя страницы, спеціально для дѣтскаго чтенія съ соотвѣтствующимъ содержаніемъ, сказками, разсказами, шарадами, описаніемъ разнаго рода очень милыхъ игръ и даже раздачей дѣтямъ отъ редакціи призовъ за наилучшій уходъ за комнатными растеніями, за „добрыя дѣла“ (отъ имени оригинальнаго, такъ называемаго „общества солнечныхъ лучей“ (Sunbeam Society) и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, если бы обыкновенный нумеръ большой американской газеты перепечатать обычнымъ русскимъ шрифтомъ, то вышла бы довольно изрядная книжка среднихъ размѣровъ, а по вѣсу болѣе третьей части фунта. Вѣсъ воскреснаго нумера многихъ американскихъ газетъ превосходитъ $^1/_2$ фунта, а двойной юбилейный нумеръ газеты „World“ отъ 7-го мая 1893 года, заключая въ себѣ, кромѣ обертки, 98 страницъ мелкой печати, вѣсилъ, напримѣръ, одинъ русскій фунтъ и 60 зол., тогда какъ цѣлая книжка „Вѣстника Европы“ (ноябрь, 1893 г.) вѣситъ лишь 1 фунтъ 30 зол!.. Принимая во вниманіе такой размѣръ и общую американскую дороговизну, обычная плата за нумеръ газеты можетъ считаться очень дешевой—два, три цента за выпускъ, и лишь по воскресеньямъ платится 5, а указанный юбилейный нумеръ „World“, снабженный цѣлыми сотнями рисунковъ, стоилъ всего 10 центовъ, т. е. 20 коп. Такимъ образомъ, соотвѣтственно съ величиной, американскія газеты дешевле даже англійскихъ „penny papers“, гдѣ 8, много 10, 12 стр. газетнаго листа составляютъ обычный размѣръ.

Само собою разумѣется, такая относительная дешевизна газетъ въ дорогой Америкѣ можетъ быть обусловлена лишь огромной подпиской и продажей, о размѣрахъ которой мы уже упоминали, а затѣмъ превосходной организаціей въ техническомъ отношеніи всего газетнаго дѣла и возможностью затрачивать на него очень крупные капиталы. По разсчету извѣстнаго Мельвиля Филипса, ежегодное производство газетъ въ Соединенныхъ Штатахъ составляетъ матеріальную цѣнность въ въ 100 милліоновъ долларовъ, или 200 мил. руб. Изъ этой громадной суммы львиная доля предназначается собственно на типографскую работу и, такъ сказать, внѣшнюю сторону изданія. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ расходъ на

бумагу, который для большихъ газетъ указаннаго выше размѣра достигаетъ колоссальныхъ цифръ. Нѣкто Е. Кемпъ приводитъ такія цифры годового расхода наиболѣе распространенныхъ американскихъ газетъ на бумагу:

Philadelphia „Press“ . . .	245.000	долл.
Chicago „Herald“	265.000	„
Boston „Herald“	315.000	„
Chicago „News“	324.000	„
Boston „Globe“	326.000	„
New-York „World“ . . .	667.500	„

Прочіе расходы, хотя и болѣе скромные, но по разсчету того же автора составляютъ для важнѣйшихъ американскихъ газетъ весьма крупныя цифры: напримѣръ, за наборъ газеты платятъ отъ $1^1/_2$ тысячъ въ недѣлю до 6 тыс., т. е. отъ 78 тыс. до 312 тыс. за годъ. „Новости“, наполняющія американскія газеты, собираются со всего свѣта изъ самыхъ различныхъ источниковъ и самыми разнообразными средствами: наибольшая масса извѣстій поставляется столь развитыми въ Америкѣ, такъ называемыми, „бюро корреспонденцій“ (Press Associations), изъ которыхъ важнѣйшія суть: „Associated Press“, „United Press“, „United States Press Association“ и Dunlap Cable Company“. Кромѣ того, каждая газета тратитъ весьма крупныя суммы на такъ называемыя „спеціальныя“ корреспонденціи, получаемыя отъ собственныхъ корреспондентовъ, какъ мѣстныя, такъ и изъ другихъ городовъ и заграничныя. Этотъ расходъ, впрочемъ, нѣсколько уменьшился въ послѣднее время посредствомъ такъ называемаго „синдикатнаго“ способа единовременной разсылки, по телеграфу или почтѣ, однѣхъ и тѣхъ же корреспонденцій въ разныя редакціи. Тѣмъ же способомъ уменьшились въ послѣднее время и расходы на телеграфныя сообщенія по кабелю изъ Европы и другихъ странъ свѣта. Тѣмъ не менѣе, издатели газетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, по даннымъ Филипса, платятъ ежегодно за „новости“, имъ доставляемыя разными путями, 16.570.000 долларовъ, изъ которыхъ 1.820.000 дол. уходитъ на „новости“, получаемыя изъ „бюро корреспонденцій“, 2.250.000 — уплата за „спеціальныя новости“ и 12.500.000 — мѣстнымъ корреспондентамъ (репортерамъ). По разсчетамъ другихъ лицъ, этотъ расходъ для большихъ газетъ

еще значительнѣе. Такъ, по словамъ Вильяма-Генри Смитъ, большая газета должна тратить на однѣ только „спеціальныя“ депеши отъ 8 до 9 и болѣе тысячъ долларовъ въ мѣсяцъ, или до 100.000 дол. въ годъ. Наконецъ, остается еще большой расходъ на постоянный составъ редакціи, который обыкновенно слагается какъ увидимъ ниже, изъ довольно значительнаго числа лицъ. Этотъ расходъ, по чрезвычайному разнообразію размѣровъ получаемаго различными сотрудниками гонорара и жалованья, не поддается правильному разсчету, составляя во всякомъ случаѣ для крупныхъ газетъ многіе десятки и даже сотни тысячъ. Поэтому, не считая даже экстренныхъ единовременныхъ расходовъ, какъ, напримѣръ, посылку спеціальнаго корреспондента куда-либо за границу, на мѣсто военныхъ дѣйствій, когда однѣ его телеграммы могутъ за одинъ день вызывать расходъ въ нѣсколько тысячъ долларовъ, обыкновенный годовой расходъ каждой большой газеты въ Америкѣ компетентными лицами высчитывается *свыше милліона долларовъ*.

Соотвѣтственной величины, конечно, должны быть и доходы многихъ, по крайней мѣрѣ, преуспѣвающихъ, американскихъ газетъ, хотя эта часть газетнаго производства не поддается никакимъ разсчетамъ, и лишь косвенно по тѣмъ же расходамъ нѣкоторыхъ редакцій можно заключить, что доходъ ихъ измѣряется часто сотнями тысячъ и даже милліонами, при чемъ плата за объявленія составляетъ главную доходную статью, размѣръ же продажи и подписки газетъ въ сущности является лишь средствомъ привлеченія тѣхъ же объявленій. Внѣшнимъ образомъ прибыльность газетныхъ предпріятій въ Америкѣ съ торговой стороны выражается довольно оригинально воздвиганіемъ монументальныхъ собственныхъ зданій на лучшихъ улицахъ города, что служитъ, конечно, постоянной рекламой для газеты. Напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ, въ самомъ центрѣ торговой части города, около Главнаго Почтамта, красуются рядомъ дома нѣсколькихъ конкурирующихъ между собою крупныхъ газетъ метрополіи. Изъ нихъ первое мѣсто по распространенію газеты, а потому, вѣроятно, и по красотѣ зданія занимаетъ громадный десятиэтажный домъ-великанъ газеты „World“ съ огромной шапкой или куполомъ наверху, виднымъ почти отовсюду, и съ высоты котораго открывается одно изъ лучшихъ зрѣлищъ на об-

ширный городъ. Всѣмъ извѣстная старая газета „New-York Herald“ имѣла также свой огромный домъ, но владѣлецъ, молодой Беннетъ, недавно продалъ его на сломъ, чтобы выстроить зданіе, вѣроятно, еще болѣе достойное газеты. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобъ обширные доходы газетныхъ собственниковъ уходили только на подобную выставку тщеславія и рекламы, какъ эти зданія. Подобно всѣмъ американцамъ-богачамъ, редакціи газетъ (точнѣе собственники ихъ) жертвуютъ зачастую громадныя суммы, поражающія европейца, на всевозможныя благотворительныя и научныя предпріятія, никакой лично выгоды не доставляющія. Напомнимъ извѣстную всему міру посылку старымъ Беннетомъ сдѣлавшагося потомъ знаменитостью Станлея для отысканія Ливингстона, и затѣмъ имъ же снаряженную полярную экспедицію судна „Жанеттъ“, такъ несчастно погибшаго въ устьяхъ Лены. Мѣстныя пожертвованія газетъ, разумѣется, повторяются еще чаще, въ сложности поглощая у нихъ крупныя суммы денегъ. Уже помянутая выше газета „Mail and Express“, помимо различныхъ призовъ дѣтямъ въ связи съ дѣтскимъ отдѣломъ своего изданія, содержитъ на свой счетъ образцовый „Kindergarten“—дѣтскій садъ для народа. и ежегодно участвуетъ расходами въ трогательномъ школьномъ празднествѣ „Arbor day“ (см. страницу 324 этой книги) установленнаго почти повсюду въ Америкѣ оффиціально, съ цѣлью развить у дѣтей чувство любви къ растеніямъ и этимъ способомъ поощрять въ странѣ лѣсонасажденіе и сохраненіе лѣсовъ вообще. Точно также „New-York Tribune“ и „New-York Evening Post“ агитировали всегда за устройство для городскихъ бѣдныхъ дѣтей лѣтнихъ колоній, т.-е. такого рода деревенскихъ убѣжищъ, гдѣ они могли бы дышать чистымъ воздухомъ и поправляться здоровьемъ. Редакціи явились главными подписчиками для образованія такъ называемаго „фонда свѣжаго воздуха“ (Fresh Air Fund), на который посылаются такія дѣти въ деревню и тамъ содержатся въ теченіе двухъ недѣль. Съ 1877 по настоящій годъ на эту цѣль въ Нью-Іоркѣ уже издержано 278.000 долларовъ и болѣе сотни тысячъ дѣтей (109.317 д.) окрѣпли здоровьемъ на свѣжемъ воздухѣ, не говоря о многочисленныхъ дневныхъ экскурсіяхъ съ той же цѣлью и на тѣ же средства другихъ десятковъ тысячъ молодого

поколѣнія (81.650 д.) [1]). Богатѣйшая газета „World“ точно также почти ежегодно принимаетъ участіе, какъ и всѣ ея собратья, въ различныхъ благотворительныхъ предпріятіяхъ: то устраиваетъ школы, то весеннія пиршества для дѣтей городскихъ школъ (Strawberry festival), то поѣздку для швей и другихъ работницъ за городъ и т. п.

Къ немалымъ достоинствамъ, которыми гордятся американцы несомнѣнно слѣдуетъ отнести также хорошую организацію собиранія новостей и всего, такъ сказать, редакціоннаго механизма газеты. Все отличается чрезвычайной практичностью и цѣлесообразностью, работа раздѣлена между нѣсколькими самостоятельными отдѣлами, ведущими дѣло независимо подъ руководствомъ цѣлаго ряда самостоятельныхъ редакторовъ, о которыхъ во многихъ европейскихъ газетахъ и понятія не имѣютъ. Составъ редакціи большой американской газеты обыкновенно слагается изъ слѣдующихъ лицъ: 1) Editor in Chief—главный редакторъ; 2) The Managing Editor—управляющій или завѣдующій редакціей газеты; 3 The City Editor—городской редакторъ; 4) The Literary Editor — редакторъ литеретурнаго отдѣла; 5) The Sporting Editor—редакторъ отдѣла по спорту; 6) The Financial Editor—редакторъ финансоваго отдѣла, и 7) нѣсколько человѣкъ (иногда 5), такъ называемые Telegraph Editors—редакторы телеграммъ, т.-е, лица, могущія не только принять телеграмму съ аппарата, проведеннаго прямо въ редакцію, но прочесть и проредактировать ея содержаніе. Какъ правило, въ Америкѣ большинство корреспонденцій, даже весьма длинныхъ, присылается по телеграфу, но въ очень сокращенномъ видѣ или иногда на языкѣ условномъ. Къ этому списку еще прибавляется въ большихъ редакціяхъ, имѣющихъ нѣсколько выпусковъ въ день, такъ называемый The Night Editor—ночной редакторъ, и наконецъ, во всѣхъ редакціяхъ въ составъ газеты входятъ репортеры и такъ низываемые Interviewers, которыхъ насчитывается иногда 20 до 25 человѣкъ при каждой редакціи. Сюда не включаются, конечно, болѣе или менѣе многочисленные „спеціальные“ корреспонденты въ разныхъ мѣстахъ и за границей, но за то подразумѣваются

[1]) См. Demorest's Family Magazine. August. 1893, стр. 603.

такъ называемые The Travelling Correspondents—„путешествующіе корреспонденты“, которые временно командируются куда-либо съ спеціальной цѣлью и обыкновенно назначаются изъ состава редакціи, изъ лицъ, болѣе довѣренныхъ и опытныхъ.

Первое мѣсто по своей важности въ редакціи американскихъ газетъ занимаетъ, какъ было упомянуто, скорѣе „управляющій редакціей“, т. е. второе изъ приведенныхъ лицъ, нежели первое—„главный редакторъ“. Дѣло въ томъ, что на обязанности управляющаго лежитъ вся матеріальная сторона газеты, или онъ отвѣчаетъ за ея матеріальный успѣхъ, что, конечно, вслѣдствіе торговой постановки американскаго газетнаго дѣла, ставитъ его волю выше, нежели „главнаго редактора“, гдѣ ихъ взгляды почему-либо сталкиваются. Далѣе, „главный редакторъ“ состоитъ въ редакціи тѣмъ „козломъ отпущенія“, на голову котораго обрушиваются, иногда единолично, иногда купно съ „городскимъ редакторомъ“, всѣ процессы газеты по закону о клеветѣ и оскорбленіи чести. По сознанію Макклюра, главнаго редактора „Philadelphia Times“, ему пришлось въ теченіе времени исполненія своей обязанности быть подъ судомъ 29 разъ по обвиненію въ клеветѣ! Строгость въ этомъ случаѣ американскаго закона и беззащитность обвиняемаго, нужно полагать, весьма велика, особенно во всѣхъ штатахъ, въ которыхъ дѣйствуетъ до сихъ поръ англійскій обычный законъ (Common Law). Въ силу его въ Пенсильваніи, напримѣръ, обвиняемый въ клеветѣ, чтобы подтвердить имъ высказанное въ печати и сбросить съ себя обвиненіе, отнюдь не можетъ представлять доказательствъ бо̀льшаго преступленія; или положимъ, что извѣстное лицо, выставленное имъ въ газетѣ, въ дѣйствительности въ десять разъ чернѣе, нежели оно нарисовано, а все-таки онъ долженъ суду доказать *лишь тотъ самый позорящій* человѣка *фактъ*, ни на волосъ больше или меньше, который выставленъ въ газетѣ. Постановленіе, напримѣръ, обычнаго права таково, что если какая-либо женщина обозвана виновной въ дурномъ поведеніи, а обвиняемый въ клеветѣ доказалъ на судѣ, что она даже посредница женщинъ дурного поведенія или живетъ даже ихъ порокомъ, что, конечно, гораздо хуже, то, тѣмъ не менѣе, фактъ клеветы признается доказаннымъ и подсудимый подвергается карѣ закона. Г. Ватрозъ, «городской

редакторъ“ изъ „New-York Press“, вѣроятно, такъ много страдалъ отъ несовершенства и односторонности означеннаго закона, что не находитъ достаточно желчи при своемъ мрачномъ описаніи обязанностей „городского редактора“ и предлагаетъ, презирая всякіе компромиссы, одну изъ двухъ рѣшительныхъ мѣръ: или совсѣмъ уничтожить этотъ старинный законъ о клеветѣ, или (horribile dictu!) установить въ Соединенныхъ Штатахъ цензурный комитетъ (Press Censorship), которому и поручать на предварительный просмотръ всѣ сомнительныя новости! Онъ предполагаетъ, повидимому, что послѣ такого цензурнаго пересмотра редакторъ уже будетъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности по закону о клеветѣ [1]).

„Редакторъ литературнаго отдѣла“ газеты не имѣетъ въ Америкѣ большого значенія, и его обязанности, повидимому, заключаются не столько въ редактированіи беллетристики, мало встрѣчаемой въ американскихъ ежедневныхъ газетахъ, сколько въ писаніи и редактированіи литературной критики въ нѣкоторыхъ лучшихъ газетахъ и вообще веденіи библіографіи и отчетовъ о новыхъ книгахъ. Иногда эта обязанность соединяется также съ завѣдываніемъ музыкальными или драматическими новостями и даже соотвѣтствующими отдѣлами въ нѣкоторыхъ газетахъ, а по временамъ, что обычно, впрочемъ, въ немногихъ американскихъ газетахъ, и писаніе передовыхъ или редакціонныхъ руководящихъ статей. Вообще кругъ его обязанностей находится въ зависимости отъ характера органа, въ которомъ онъ участвуетъ.

Несравненно важнѣе въ американскихъ газетахъ обязанности „редактора спорта“, понятіе котораго весьма широко, а значеніе развилось и поднялось вмѣстѣ съ прогрессомъ въ американскомъ обществѣ уваженія къ физической культурѣ человѣка и распространенія во всемъ народѣ вкусовъ къ гимнастическимъ упражненіямъ и, главное, разнымъ играмъ на воздухѣ. Соотвѣтственно этому, 25 лѣтъ тому назадъ, кромѣ „New-York Herald“, въ газетахъ почти ничего не сообщалось о спортѣ, кромѣ мелкихъ извѣстій; между тѣмъ нынѣ каждый день можно ви-

---

[1]) The City Editor, by A. E. Watrous. „The Making of a Newspaper“, стр. 64 и дальше.

дѣть въ газетахъ по цѣлой иногда страницѣ, наполненной извѣстіями, посвященными спорту, и явилась потребность въ спеціальномъ редакторѣ по этому предмету. Любовь въ Америкѣ къ спорту всякаго рода въ смыслѣ разнообразныхъ физическихъ упражненій, распространилась лишь со средины шестидесятыхъ годовъ, т. е. послѣ междоусобной войны изъ-за уничтоженія рабства. Тысячи людей изнѣженнаго городского воспитанія сдѣлались въ то время солдатами, и лишенія и физическое напряженіе, которыя пришлось имъ переносить въ теченіе ея, остались у всѣхъ нихъ въ памяти, и первымъ хорошимъ результатомъ этой братоубійственной войны оказалась именно забота о физическомъ укрѣпленіи тѣла, или уваженіе къ гимнастикѣ. разнаго рода атлетическимъ упражненіямъ, а также играмъ на воздухѣ. Люди среднихъ лѣтъ и пожилые, сверстники этой войны, передали свои склонности и вкусы молодежи, и Америка быстро превратилась, подобно Англіи, въ страну спорта съ самыми благопріятными послѣдствіями для здоровья ея обитателей. Не говоря о лошадиныхъ бѣгахъ и скачкѣ и гребной гонкѣ, распространенной особенно между студентами, на первомъ мѣстѣ въ спискѣ спорта по своей популярности стоятъ въ Америкѣ цѣлыхъ 9 шаровыхъ игръ различнаго рода, изъ которыхъ первый нумеръ занимаетъ (т. е. наиболѣе любима) игра, т. н. „base-ball“ (нѣчто въ родѣ лапты). Она сдѣлалась настоящей американской національной игрою, въ которую играютъ одинаково всѣ возрасты отъ малаго и до стараго, укрѣпляя свое здоровье, а отчасти и пріучаясь къ извѣстной выдержкѣ и дисциплинѣ характера. Городскіе парки, городскія площади считаютъ своимъ долгомъ отводить вездѣ мѣсто для подобныхъ игръ; частныя лица, редакціи газетъ (напримѣръ, „World“) жертвуютъ средства, необходимыя для пріобрѣтенія такихъ участковъ земли. Для этихъ игръ и особенно „base ball“ назначаются большіе денежные почетные призы, такъ же, какъ для скачекъ или гонокъ; состязаются лучшіе игроки изъ отдаленныхъ на тысячи верстъ городовъ; вчерашняя дѣтская забава становится дѣломъ національнымъ. Для подобной игры пріѣзжаютъ любители изъ Англіи въ Америку, или, наоборотъ, американцы отправляются въ Англію и Австралію, и цѣлые столбцы телеграфныхъ извѣстій о

результатахъ такихъ международныхъ состязаній проходятъ черезъ руки „редактора по спорту“ и печатаются въ американскихъ газетахъ. Нѣкоторымъ изъ подобныхъ корреспондентовъ приходится совершать кругосвѣтное путешествіе, переѣзжая изъ одной страны въ другую и отдавая отчеты объ одномъ лишь „base-ball“

Результаты для физическаго здоровья жителей Соединенныхъ Штатовъ—этого распространенія наклонности къ спорту подобнаго рода, по всѣмъ свидѣтельствамъ, оказались блестящими. Замѣтно общее несомнѣнное улучшеніе здоровья въ американскомъ народѣ и даже измѣненіе тѣлосложенія, одинаково какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Согласно утвержденію извѣстнаго спортсмэна Маккормика, средній американецъ или американка 40 лѣтъ тому назадъ представляли несравненно худшій образчикъ физической красоты и здоровья, нежели въ настоящее время; „если они учились въ высшемъ учебномъ заведеніи, то, какъ правило, прежде, дѣлали это всегда на счетъ крѣпости своего тѣла, и люди „съ здоровымъ духомъ въ здоровомъ тѣлѣ“ составляли между ними исключенія. Достаточно добавить, что старый каррикатурный типъ американца „брата Іонаѳана“—длиннаго, сухого, со впалыми щеками, со впалой грудью и длинными руками—типъ этотъ можно считать нынѣ уже вымершимъ“ [1]). И дѣйствительно, посѣтители Чикагской Выставки 1893 года въ отдѣлѣ воспитанія (въ верхнемъ этажѣ зданія „Мануфактуръ“) могли любоваться множествомъ фотографій студентовъ и студентокъ различныхъ американскихъ университетовъ, снятыхъ большею частью въ греческихъ или гимнастическихъ костюмахъ и поражающихъ одинаково своимъ, здоровьемъ, правильностью формъ, красотой пластики и даже граціей, не уступая нисколько во всѣхъ отношеніяхъ античнымъ грекамъ.

Но главную суть американской прессы, какъ было нѣсколько разъ упомянуто, составляютъ „новости“, а потому лица, ихъ добывающія,—„репортеры“, „интервьюэры“ и „корреспонденты“—являются той солью газеты, отъ качества которой за-

---

[1]) The Sporting Editor, by J. B. Mc Cormick („Macon“), см. „The Making of a Newspaper“, стр. 207.

виситъ ея успѣхъ или неуспѣхъ. Поэтому хорошія качества репортера высоко цѣнятся въ Америкѣ, и онъ предпочитается десятку литературныхъ сотрудниковъ или писателей передовицъ. „Одно извѣстіе исключительной важности, —говоритъ старый и опытный газетный писатель, — стоитъ описанія цѣлаго мѣсяца событій во всемірной исторіи!“ [1]) Качества, которыя дѣлаютъ въ Америкѣ хорошаго репортера, это— особый нюхъ къ новостямъ, пріобрѣтаемый отъ природы и обусловливаемый, вѣроятно, даромъ наблюдательности, находчивость, сообразительность, быстрота дѣйствій и физическая выносливость. Приведемъ одинъ образчикъ этихъ качествъ по разсказамъ самихъ американскихъ журналистовъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ Кливелендъ вступалъ въ бракъ. Желая справить свою свадьбу какъ можно скромнѣе и избѣжать глазъ надоѣдливыхъ репортеровъ и назойливой публики, онъ рѣшилъ отпраздновать свою свадьбу тайно, вѣнчаясь въ церкви, извѣстной только самымъ близкимъ своимъ друзьямъ, и затѣмъ провести медовой мѣсяцъ съ молодой женой въ мѣстѣ, опять-таки никому неизвѣстномъ, кромѣ родныхъ. Едва объ этомъ извѣстіе дошло до газетъ, какъ цѣлая армія репортеровъ была немедленно командирована всѣми большими газетами, чтобы выслѣдить, описать и иллюстрировать во что бы то ни стало свадебное торжество и поѣздку Кливеленда. Всѣ предосторожности президента и даже заступничество полиціи оказались тщетными предъ назойливостью и ловкостью этихъ ищеекъ. Они выслѣдили и открыли, гдѣ онъ вѣнчался, и затѣмъ слѣдовали за нимъ по пятамъ, когда президентъ съ молодой супругой отправился въ Deer park, нѣсколько разъ, чтобы сбить съ толку преслѣдователей, мѣняя поѣзда и направленіе пути. Ватрозъ, нынѣ „городской редакторъ“ „New-York-Press“, а тогда репортеръ, весьма картинно описываетъ эту погоню за президентомъ, въ которой онъ участвовалъ. Въ постоянномъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто по слѣдамъ Кливеленда ему пришлось тогда въ теченіе двухъ сутокъ ровно ничего не ѣсть и спать за все время только пять часовъ. Одинъ изъ репортеровъ на его глазахъ при этомъ впалъ въ глубокій

[1]) „The Making of a Newspaper“ стр. 45.

обморокъ отъ нервнаго истощенія или продолжительнаго голоданія!.... [1])

Наиболѣе способные и ловкіе изъ репортеровъ принимаютъ обязанность „путешествующихъ корреспондентовъ“ (The Travelling Correspondents) и отправляются куда-либо на болѣе или менѣе продолжительное время съ спеціальной миссіей. Мужество, смѣлость и въ то же время джентльменство многихъ изъ такихъ корреспондентовъ пользуются широкой извѣстностью по всему міру. Достаточно привести для доказательства имена Макъ-Гахана и Арчибальда Форбса, спеціальныхъ корреспондентовъ въ нашихъ войскахъ во время послѣдней турецкой войны,—а первый прославился еще раньше во время нашего хивинскаго похода; оба выносили всѣ трудности военнаго времени и заслужили общее уваженіе за свое мужество и энергію, доставляя пославшимъ ихъ газетамъ превосходныя корреспонденціи. Подобные корреспонденты подвергаютъ свою жизнь опасности самымъ различнымъ способомъ, рискуя ею постоянно. Съ своей стороны, редакціи американскихъ газетъ отличаются почти необычайною въ Европѣ щедростью, открывая своимъ корреспондентамъ неограниченный кредитъ, и лишь при этихъ условіяхъ послѣдніе получаютъ, конечно, возможность успѣшно работать при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Извѣстный анекдотъ, сообщаемый Жюлемъ Верномъ въ его „Michel Strogoff“ объ американскомъ корреспондентѣ, диктовавшемъ по телеграфу библію, оказывается, имѣетъ реальное основаніе и, по утвержденію Мигена, сотрудника „New-York Herald“ (W. I. C. Meighan), этотъ фактъ случился въ дѣйствительности еще при жизни стараго Беннета съ корреспондентомъ, посланнымъ отъ „Herald'a“ въ Канаду для описанія тамъ приключеній и путешествія принца Уэльскаго, много лѣтъ тому назадъ. Желая захватить въ одномъ городкѣ, гдѣ ожидался пріѣздъ принца и встрѣча его, телеграфную станцію въ свое исключительное распоряженіе и тѣмъ лишить корреспондентовъ прочихъ газетъ возможности сдѣлать первыми сообщеніе, онъ положилъ передъ телеграфистомъ библію и, указывая на первую страницу, сказалъ: „начинайте здѣсь“. На запросъ его старому Беннету,

---

[1]) Тоже, Стр. 81.

можетъ ли онъ такъ поступать, онъ получилъ лишь лаконическій приказъ: „телеграфируйте хоть цѣлую библію, если понадобится!“ Въ дѣйствительности чиновникъ успѣлъ протелеграфировать книгу „Бытія“ на 600 долларовъ, прежде нежели корреспондентъ составилъ и послалъ свою депешу, и такимъ образомъ опередилъ всѣхъ прочихъ корреспондентовъ ... Какія лично приходится иногда дѣлать траты подобнымъ корреспондентамъ насчетъ, конечно, редакціи, можно судить по тому, что для наилучшаго выполненія принятыхъ обязанностей они жертвуютъ прямо тысячами рублей въ день, въ надеждѣ наверстать все новизной и качествомъ полученныхъ свѣдѣній. Тотъ же Мигенъ, напримѣръ, посланный газетой „Herald“ въ Чикаго во время огромнаго пожара въ 1871 году, истребившаго городъ совершенно, вынужденъ былъ имѣть у своихъ дверей день и ночь для себя осѣдланную лошадь и двухъ всадниковъ—отвозить его депеши, а когда телеграфъ въ Чикаго сдѣлался недоступенъ, то нанималъ экстренный поѣздъ (локомотивъ съ тендеромъ) и отсылалъ депеши въ ближайшій городъ Кливелендъ, откуда онѣ уже и отправлялись по мѣсту назначенія. Другому корреспонденту „New-York Tribune“ — Генди (Handy) пришлось, напримѣръ, исполняя порученіе газеты въ 1873 году по поводу одного столкновенія Соединенныхъ Штатовъ съ испанцами, нанять собственное судно, чтобы слѣдить за дѣйствіями флота, платя его владѣльцу 800 долларовъ въ день, угощать обѣдами адмирала и превратить свою богатую квартиру, нанятую въ лучшей гостиницѣ города, въ клубъ или штабъ-квартиру для всѣхъ офицеровъ американскаго флота на время ихъ пребыванія на берегу! [1])

Въ результатѣ такихъ значительныхъ затратъ американскія газеты получаютъ возможность имѣть новости быстро и по такимъ часто вопросамъ, которые съ умысломъ держатся въ возможной тайнѣ. Всякое лицо, отъ котораго, по мнѣнію репортера, можно узнать что-либо важное въ смыслѣ новости, подвергается интервью самымъ назойливымъ и настойчивымъ образомъ; если данное лицо уклоняется отъ свиданія съ репорте-

---

1) См. «A Magnificent Beat», by Moses P. Handy, стр. 151 и дальше, а также «The Travelling Correspondent», by W. I. C. Meigan, стр. 131.

ромъ, тотъ ожидаетъ его у выхода, старается встрѣтить въ какомъ нибудь общественномъ мѣстѣ и не прочь даже подкупить прислугу. Вообще, репортеръ-интервьюэръ—это большею частью самый безпокойный и непріятный человѣкъ для каждаго лица въ Соединенныхъ Штатахъ, почему-либо имѣвшаго несчастіе привлечь его вниманіе. Зато газеты получаютъ извѣстія, печатаютъ, иллюстрируютъ ихъ съ такой чрезвычайной быстротой, къ которой Европа не привыкла. Не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ ввелъ обычай украшать газету рисунками Пулицеръ, нынѣшній владѣлецъ „New-York World“. Первымъ газетнымъ иллюстраторомъ, какъ я слышалъ, въ Америкѣ былъ нашъ художникъ Грибоѣдовъ, донынѣ проживающій тамъ. Нынѣ же всѣ рѣшительно газеты въ Америкѣ чаще или рѣже прибѣгаютъ къ иллюстраціи, сообщая изображенія всѣхъ выдающихся событій дня, начиная съ казни извѣстнаго преступника или какого-либо желѣзно-дорожнаго крушенія, или иной катастрофы. и кончая портретами всѣхъ сколько-либо извѣстныхъ лицъ, занимающихъ публику. Въ одной нью-іорской нѣмецкой газетѣ я видѣлъ однажды даже портретъ извѣстной въ городѣ гадалки, а рядомъ съ нимъ адресы другихъ гадалокъ и предсказательницъ будущаго въ Нью-Іоркѣ всевозможнаго рода, начиная съ гаданія на картахъ и кофейной гущѣ и кончая яко бы съ помощью кабалистики!!

Для характеристики быстроты печатанія новостей въ Америкѣ сообщимъ со словъ Самуэля Мерриля подлинную исторію одной депеши, напечатанную въ цитированной книгѣ Мельвиля Филипса съ сохраненіемъ всѣхъ необходимыхъ документовъ и цифръ. „Въ городѣ Ворчестерѣ, въ штатѣ Массачузетсъ, въ одну зимнюю и очень вѣтреную ночь случилось слѣдующее происшествіе. На одной изъ улицъ города въ началѣ второго часа стояла лошадь, запряженная въ городскую телѣгу, для собиранія золы, которую въ Америкѣ обыкновенно выставляютъ для этой цѣли у дверей домовъ. Въ это время шли по улицѣ два китайца, часто встрѣчаемые въ Америкѣ. Сильный вѣтеръ сдулъ большую круглую шляпу съ головы одного изъ сыновъ Небесной Имперіи, и онъ съ крикомъ пустился за ней въ погоню. Лошадь, до тѣхъ поръ мирно дремавшая, пока ея хозяинъ ходилъ за золой, испугалась шляпы, а можетъ быть

необычайной фигуры самого китайца съ его длинной косой и широкими развѣвающимися рукавами рубашки, и бросилась скакать во всю прыть, возможную для клячи; единовременно за ней бѣжали испуганный кучеръ и китаецъ, сознавшій свою невольную вину. На крутомъ поворотѣ съ улицы Мэнъ въ улицу Перри, благодаря ли темнотѣ или большому испугу лошади, вмѣсто того, чтобы повернуть направо, она бросилась прямо: внезапно раздался трескъ выбитой оглоблей рамы, затѣмъ звонъ огромнаго зеркальнаго стекла—и лошадь очутилась вмѣстѣ съ телѣжкой въ обширномъ помѣщеніи булочной (она же и кондидитерская) нѣкоего Китса (Keith). Когда кучеръ прибѣжалъ вмѣстѣ съ китайцемъ, дѣло уже было сдѣлано, лошадь уже находилась внутри булочной, преспокойно жевала сухари, близко находившіеся отъ ея морды, и не показывала ни малѣйшаго желанія удалиться изъ этого помѣщенія. Въ эту же ночь м-ръ Джонсъ, сотрудникъ газеты „Boston Daily Press“, возвращался съ поздняго и бурнаго засѣданія городской управы домой, когда знакомый полицейскій сообщилъ ему объ означенномъ происшествіи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста ихъ встрѣчи. Джонсъ немедленно поспѣшилъ въ означенный пунктъ и засталъ лошадь еще на мѣстѣ преступленія, т.-е. въ булочной, а кучера, китайцевъ и еще нѣсколькихъ людей у дверей — въ жаркомъ спорѣ, кто будетъ отвѣчать за происшествіе и какъ вытянуть изъ окна лошадь. Въ нѣсколько минутъ Джонсъ разспросилъ о происшествіи участниковъ, осмотрѣлъ булочную и въ 1 ч. 35 м. ночи онъ уже бѣжалъ на ближайшую телеграфную станцію; въ 1 ч. 58 м., т.-е. безъ двухъ минутъ 2 часа, онъ написалъ и сдалъ свою депешу телеграфисту; въ 2 ч. 8 м. бостонскій телеграфъ принялъ депешу, въ 2 ч. 12 м. она уже была послана, въ 2 ч. 28 м. доставлена въ бюро газеты, когда вся работа была уже въ разгарѣ, и первыя страницы печатались окончательно. Редакторъ ее исправилъ, а въ 2 ч. 32 м. она была отдана для набора, въ 2 ч. 44 м. наборъ былъ готовъ и вновь исправленъ, а къ 3 ч., когда метранпажъ затребовалъ прибавки матеріала, депеша поступила уже на восьмую страницу. Въ 3 ч. 11 м. былъ уже готовъ стереотипъ и началось печатаніе послѣднихъ страницъ газеты, а къ 4 ч. ночи еще влажная газета запаковывалась въ связки для отправки на почту и

станціи желѣзныхъ дорогъ". Такимъ образомъ, прошло лишь $2^1/_2$ часа послѣ происшествія, какъ извѣстіе о томъ уже было отпечатанои отослано на почту!

„Между тѣмъ за все это время, пока происходило описанное событіе, давшее пищу для этой депеши, и она печаталась, м-ръ Китсъ, владѣлецъ потерпѣвшей булочной, провелъ безпокойную ночь, страдая инфлюэнціей, но рѣшительно ничего не зная о происшествіи въ своей булочной: квартира его помѣщалась совсѣмъ въ другомъ домѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ булочной, домашніе же и приказчики, не желая безпокоить больного, скрыли отъ него непріятную исторію и пригласили немедленно стекольщика и другихъ рабочихъ привести все въ порядокъ. Проснувшись въ 7-мъ часу и чувствуя себя лучше, Китсъ приказалъ подать себѣ кофе и свою обычную газету „Boston Daily Press", которую домашніе ему и подали, ничего не подозрѣвая (она была доставлена въ Ворчестеръ желѣзною дорогой въ $6^1/_2$ ч. утра). Во время просмотра газеты глаза почтеннаго булочника и кондитера невольно остановились на сенсаціонномъ заголовкѣ: „Распродажа поврежденныхъ пирожковъ по дешевой цѣнѣ", и подъ нимъ онъ прочелъ, къ своему изумленію, слѣдующее: Ворчестеръ, февраля 10. „Сегодня рано утромъ лошадь, запряженная въ городскую телѣгу для сбора золы, испугалась китайца и бросилась скакать изъ Мэнъ-стритъ въ Перри-стритъ. На углу Перри и Спрюсъ-стритъ лошадь проломила зеркальное стекло булочной и кондитерской Китса и въѣхала въ лавку. Когда кучеръ догналъ наконецъ лошадь, то оказалось, что она уже успѣла истребить 6 дюжинъ сухарей и 5 фунтовъ шоколадной карамели, большой столъ съ пирожками былъ опрокинутъ и погребенъ подъ 8 баррилями золы, которая высыпалась изъ опрокинутой телѣги. Лошади угрожаетъ несвареніе желудка, а впрочемъ никто больше не пострадалъ". Можете вообразить—при чтеніи этого извѣстія, столь быстро опубликованнаго — чувства бѣднаго м-ра Китса и неудовольствіе его домашнихъ на репортеровъ и столь исправную газету"!.... [1]).

По времени, въ теченіе котораго описанное приключеніе

---

1) The History of a News Despatch, by Samuel Merrill. «The Making of a Newspaper», стр. 91 и другія.

было напечатано и дошло въ руки читателя, было бы также достаточно, при бо̀льшемъ интересѣ и важности сообщаемаго факта, и для того, чтобъ та же исторія появилась на страницахъ газеты предъ удивленными глазами г. Китса въ иллюстрированномъ видѣ, въ формѣ нѣсколькихъ рисунковъ. Въ настоящее время во многихъ редакціяхъ американскихъ газетъ для ускоренія быстроты всего дѣла заведены наборныя, такъ называемыя линотипныя машины, которыя набираютъ текстъ механически со скоростью хорошаго письма; здѣсь же имѣется всегда фотографія, цинкографія и нѣсколько телефоновъ. Корреспондентъ сообщаетъ извѣстія съ мѣста происшествія въ телефонъ, при чемъ рабочій по слуху набираетъ его на машинѣ съ быстротой письма, а художникъ, тоже часто по слуху, набрасываетъ рисунокъ, который сначала поступаетъ въ фотографію, затѣмъ быстро проходитъ всѣ остальныя стадіи производства, и въ два часа рисунокъ уже готовъ и поступаетъ въ руки метранпажа для печатанія. Въ случаѣ надобности, даже этотъ срокъ работы можетъ быть сокращенъ, и черезъ пять часовъ послѣ происшествія извѣстное событіе появляется въ газетахъ не только записанное, но и нарисованное.

Въ этой горячечной быстротѣ, съ которой въ Америкѣ производятся ловля и сообщеніе новостей въ газетахъ, вполнѣ естественно, силы всего рабочаго персонала, конечно, должны быть скоро истощены: истинный газетный работникъ не знаетъ ни праздниковъ, ни устали; онъ долженъ работать всегда, когда этого требуетъ интересъ газеты; воскресный отдыхъ даже въ пуританскихъ штатахъ новой Англіи соблюдается для газетъ очень плохо, уже по особенному свойству ихъ ежедневнаго выпуска. Послѣ этого слѣдовало бы ждать, что профессія журналиста, газетчика въ Америкѣ должна оплачиваться, при тамошней большой заработной платѣ, особенно высоко и вообще являться привлекательной и почетной. Всѣ данныя, однако, которыя имѣются въ нашихъ рукахъ, говорятъ сильно противъ этого предположенія. Газетный трудъ въ Америкѣ, правда, вознаграждается недурно, но во-первыхъ, далеко ниже, чѣмъ многія иныя такъ называемыя либеральныя профессіи, а жизнь газетнаго работника связана съ столь значительными и разнообразными невыгодами, что въ концѣ концовъ профессія аме-

риканскаго журналиста является крайне незавидной. Занятіе это представляется заманчивымъ лишь на первыхъ шагахъ, такъ какъ при извѣстной ловкости даетъ возможность зарабатывать молодому человѣку сразу въ первый же годъ отъ 500 до 700 долларовъ: при нѣкоторомъ умѣніи и усердіи на второй годъ эта цифра можетъ удвоится, а на третій дойти до своего апогея для большинства американскихъ журналистовѣ—3000 дол., что для Америки очень немного. По словамъ столь опытнаго наблюдателя, какъ прозидентъ нью-іоркскаго клуба печати Келлеръ, журнализмъ является существенно занятіемъ для молодыхъ людей; они бросаются въ него сотнями, остаются же въ немъ лишь десятками; 90 процентовъ изъ этихъ лицъ покидаютъ журнализмъ раньше, къ счастью, чѣмъ сдѣлались стары, такъ что въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности, по словамъ Келлера, онъ встрѣтилъ лишь одного газетнаго писателя старше 50 лѣтъ, большинство же ихъ моложе 35 лѣтъ. Благодаря напряженной дѣятельности и неправильной въ гигіеническомъ отношеніи постановкѣ всей жизни, смертность между газетными рабочими весьма сильная и многіе изъ нихъ умираютъ сравнительно юными. Что же ожидаетъ журналиста подъ старость? спрашиваетъ Келлеръ. При особенномъ счастьѣ газетный работникъ можетъ сдѣлаться редакторомъ и получать отъ 3 до 5 тысячъ долларовъ; еще отдаленнѣе возможность сдѣлаться завѣдующимъ редакціей и получать большую цифру жалованія. Въ Нью-Іоркѣ насчитывается, по словамъ Келлера, на 10 большихъ ежедневныхъ газетъ 5.000 газетныхъ литераторовъ; изъ нихъ только двое получаютъ по 15 дол. и четверо—10 тыс. дол. Такимъ образомъ, огромное большинство литераторовъ, за этими немногими исключеніями, въ своемъ невѣрномъ и необезпеченномъ трудѣ перебиваются,—утверждаетъ Келлеръ,—со дня на день, и если не успѣли кое-что сберечь или застраховать себя своевременно, или еще лучше—совсѣмъ уйти изъ журналистики, то ихъ ждетъ подъ старость одно попрошайничество, нищенство, подачки благотворительнаго литературнаго общества и, наконецъ, похороны въ могилѣ для бѣдныхъ на общественный счетъ! [1])

[1]) Journalism as a Career, by J. W: „The Forum“. August, 1893, стр. 692 и 693.

Но кромѣ того газетная работа сопряжена и съ другими большими невыгодами. Прежде всего работа эта безлична, такъ какъ статьи постоянныхъ сотрудниковъ какъ правило не подписываются, ихъ рѣшительно никто не знаетъ, кромѣ состава редакціи. Бывали случаи, — говоритъ Келлеръ,—когда статьи извѣстнаго сотрудника доставляли газетѣ распространеніе, а между тѣмъ даже владѣлецъ газеты не знаетъ его имени, если только самъ лично не участвуетъ въ ней. Онъ можетъ даже всю жизнь трудиться въ газетѣ, а его работа утонетъ въ морѣ газетнаго матеріала, и никакой извѣстности дальше редакціи его имя не получитъ. Между тѣмъ его участь въ высшей степени необезпечена и находится вполнѣ въ зависимости отъ хозяина газеты; онъ всегда можетъ быть разсчитанъ и выброшенъ вонъ изъ редакціи. Журнализмъ есть одинъ изъ немногихъ видовъ труда въ Америкѣ, который до сихъ поръ не сложился въ рабочій союзъ или Trades Union для защиты себя отъ произвола капитала. Поэтому журналистъ въ Америкѣ терпитъ часто самое унизительное положеніе, исполняетъ самыя неблаговидныя порученія, чтобъ не потерять только кусокъ хлѣба. Ему нерѣдко, напримѣръ по словамъ Келлера, приходится соблазнять и подкупать прислугу, чтобы отъ нея выпытать секреты господъ или добиться свиданія съ ними, или принимать роль, какъ мы приводили раньше, прямо сыщика. Съ другой стороны, вращаясь часто между людьми выше себя по общественному положенію, газетный репортеръ въ то же время долженъ тянуться часто за ними въ тратахъ, не имѣя соотвѣтственныхъ средствъ и не пользуясь ихъ уваженіемъ.

Насколько въ Америкѣ въ дѣйствительности даже презираютъ репортеровъ и въ какомъ иногда унизительномъ положеніи приходится быть образованному человѣку этой профессіи, доказательствомъ можетъ служить истинное происшествіе, передаваемое тѣмъ же писателемъ. Личный другъ главнаго редакторъ одной газеты, вѣроятно, крупный капиталистъ, давалъ парадный обѣдъ и, желая, чтобы пиршество съ его рѣчами было описано въ газетѣ, просилъ редактора прислать къ нему репортера. Репортеръ явился передъ обѣдомъ, но хозяинъ не нашелъ возможнымъ посадить его не только за своимъ столомъ, но даже оставить въ одной комнатѣ съ обѣдающими, а помѣ-

стилъ въ небольшой чуланъ, прилегающій къ столовой, гдѣ хранилось серебро и откуда репортеръ могъ все слышать и частью даже видѣть. Хозяйка дома, которая пришла въ столовую позже, увидавши въ чуланѣ незнакомаго человѣка, начала рѣшительно протестовать противъ его тамъ присутствія. Мужъ объяснилъ ей, что этотъ журналистъ присланъ по его личной просьбѣ и для какой цѣли. Весь обмѣнъ мыслей, конечно, происходилъ въ присутствіи репортера. Затѣмъ хозяйка, повидимому, не удовлетворенная объясненіемъ, вошла сама въ чуланъ и, подозрительно оглядывая несчастнаго журналиста, тщательно собрала серебряныя ложки и все цѣнное въ чуланѣ унесла съ собой, увѣрившись, очевидно, что украсть больше нечего!.. [1]) Понятенъ изъ этого разсказа смыслъ мнѣнія другого американскаго журналиста—Чамберса. „Если,—говоритъ, онъ,—журнализмъ является въ Америкѣ привлекательнымъ занятіемъ для молодого человѣка, то онъ оказываетхя въ то же время и наименѣе удовлетворительнымъ по своимъ конечнымъ результататамъ“ [2]). Нравственному достоинству человѣка здѣсь предстоитъ большое испытаніе, почему такое значительное число, какъ было указано выше, журнальныхъ работниковъ въ Америкѣ (90%) и старается покинуть заблаговременно газетный трудъ при первой возможности, чтобы промѣнять его на болѣе спокойное и уважаемое въ обществѣ занятіе.

Мы кончили нашъ очеркъ положенія американской ежедневной прессы, для котораго пользовались какъ мнѣніями самихъ американскихъ журналистовъ, такъ отчасти и личными наблюденіями во время нашего трехмѣсячнаго пребыванія въ Америкѣ. Мы старались съ возможной объективностью указать всѣ хорошія какъ и слабыя стороны американскихъ газетъ, насколько онѣ намъ извѣстны, и въ настоящее время, подводя заключительный итогъ всему до сихъ поръ сказанному или общему на-

---

1) Journaiism as a Career, by J. W. Keller. „The Forum“. Agnust, 1893, стр. 697.

2) The Managing Editor, by Julius Chambers. „The Making of a Newspaper“, стр. 54.

шему впечатлѣнію, желаемъ высказать его нѣсколько иносказательно, путемъ нижеслѣдующей аналогіи.

Намъ пришлось въ теченіе жизни не одинъ разъ наслаждаться живописными видами à vol d'oiseau различныхъ большихъ городовъ въ Европѣ: мы видѣли, не говоря о Москвѣ съ Ивана Великаго, Вѣну—со Стефана и Каленберга, Римъ — съ Monte Pincio, Парижъ—съ Nôtre-Dame и Эйфелевой башни, Лондонъ—съ вершины Павла и съ холмовъ Гринвича, но ни одинъ изъ этихъ видовъ не можетъ сравниться по красотѣ и привлекательности съ дивной панорамой, которая разстилается передъ глазами съ высоты знаменитаго Бруклинскаго моста въ Нью-Іоркѣ. Какъ извѣстно, этотъ мостъ соединяетъ Нью-Іоркъ съ Бруклиномъ и лежитъ на высотѣ 135 фут. надъ поверхностью Истъ-Риверъ, при ея соединеніи съ обширной нью-іоркской гаванью. Онъ весь держится, безъ всякихъ быковъ по срединѣ, на стальныхъ канатахъ, прикрѣпленныхъ къ башнямъ на берегу и кажется издали сдѣланнымъ какъ бы изъ паутины или кружева. Съ середины его, вслѣдствіе такой системы постройки, открывается совершенно свободный кругозоръ на всѣ четыре стороны. Впереди—огромная нью-іоркская гавань съ тысячами двигающихся судовъ во всевозможныхъ направленіяхъ и всякаго рода и цвѣта; въ отдаленіи виднѣются скалы и холмы ея противоположнаго берега; налѣво выдается на островкѣ грандіозная статуя Свободы съ высоко поднятой рукой; а далѣе лежитъ узкій входъ изъ океана въ гавань (The Narrows), нѣсколько красивыхъ островковъ и Бруклинъ съ цѣлымъ моремъ красныхъ крышъ, а сзади него зеленѣетъ на пригоркѣ обширное и необыкновенно изящно расположенное Гринвудское кладбище. На правой сторонѣ взгляду представляются крайне разнобразныя и величавыя зданія самого Нью-Іорка; обратно съ казарменнымъ типомъ большинства лондонскихъ и парижскихъ построекъ, портящихъ впечатлѣніе своимъ однообразіемъ, въ Нью-Іоркѣ каждое зданіе имѣетъ свою физіономію и, какъ кажется съ Бруклинскаго моста, старается перегнать своего сосѣда высотой и превзойти особенностью своихъ очертаній. Башни, церковныя колокольни, необычные въ Европѣ цвѣтные куполы нѣкоторыхъ домовъ составляютъ вмѣстѣ пеструю и крайне оригинальную картину.

Вы любуетесь пейзажемъ всего лишь нѣсколько минутъ, какъ вашъ взглядъ уже останавливается невольно на надписи, сдѣланной колосальными буквами на крышѣ какого-то десятиэтажнаго великана: „Castoria, castoria, children cry for it!“ Вы непріятно поражены этой рекламой и переводите взглядъ на другое мѣсто, но и тамъ почти немедленно встрѣчаетесь съ той же самой дикой надписью, повторенной на стѣнѣ огромнаго дома. Вы переносите вашъ взглядъ на нѣсколько сотъ саженъ по горизонту дальше и опять читаете: „Castoria, children cry for it!“ Тогда вы уже съ досадой отворачиваетесь отъ Нью-Іорка лицомъ къ Бруклину, но и тутъ первыми, вмѣсто пейзажа, видите высоко надъ крышей одного дома тѣ же знакомыя слова! Вы становитесь спиной къ нью-іоркской гавани по направленію къ Истъ-Риверъ, но это не помогаетъ, и та же реклама рѣжетъ вамъ глазъ! Однимъ словомъ, куда бы вы ни обратились, „Castoria“ васъ преслѣдуетъ повсюду; наслажденіе чуднымъ зрѣлищемъ для васъ уже пропадаетъ, а все вниманіе привлекается, противъ воли, этой пошлой надписью. Сначала вы, быть можетъ, улыбаетесь ея безмысленности, но позднѣе вы уже негодуете на безстыдство этой рекламы, увѣряющей, будто дѣти могутъ просить или молить о такомъ отвратительномъ на вкусъ лекарствѣ! Въ концѣ концовъ ваша живописная прогулка по мосту и прелестный пейзажъ совсѣмъ испорчены, и вы съ самымъ непріятнымъ воспоминаніемъ объ американско-аптекарскомъ остроуміи покидаете Бруклинскій мостъ, чтобы не возвращаться на него никогда болѣе!

Однородное впечатлѣніе испытываетъ иностранецъ и отъ знакомства съ американскими газетами. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ имѣютъ многія свои хорошія стороны, но ложь рекламы и сенсаціи, играющей въ нихъ столь видную роль, одинаково съ приключеніемъ на Бруклинскомъ мосту, ослабляетъ значеніе этихъ достоинствъ, невольно оставляя въ памяти лишь непріятное воспоминаніе....

Конецъ.

NIVER
GREE
.IFORI
) 723
e reca
ATE D